ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ЮРИДИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ВЫПУСКЪ VIII,

изданный подъ редакціей и. д. орд. проф. А. П. Доброклонскаго.

ОДЕССА.
Типографія „Техникъ", Екатерининская, 58.
1912.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ЮРИДИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ВЫПУСКЪ VIII,

изданный подъ редакціей и. д. орд. проф. А. П. Доброклонскаго.

ОДЕССА.
Типографія „Техникъ", Екатерининская, 58.
1912.

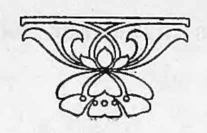

Печатать разрѣшается и. об. Ректора Императорскаго Новороссійскаго Университета *С. Пападимитріу.*

Проф. А. С. МУЛЮКИНЪ.

ОЧЕРКИ

по исторіи юридическаго положенія иностранныхъ купцовъ въ Московскомъ государствѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Торговыя сдѣлки иностранныхъ купцовъ.

I.

СУБЪЕКТЫ.

Обозрѣвая все разнообразіе правъ иностранныхъ купцовъ въ данномъ государствѣ, мы можемъ изъ всей массы правъ извлечь такія, которыя ярче всего охарактеризуютъ иностранцевъ съ точки зрѣнія ихъ положенія людей торгующихъ.

Самымъ существеннымъ моментомъ жизни торговаго класса является заключеніе торговыхъ сдѣлокъ.

Опредѣленіе объема правъ на заключеніе такихъ сдѣлокъ составляетъ самый важный вопросъ для торговаго класса.

Иностранное купечество въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ интересовали въ этомъ отношеніи разные вопросы. Было время, когда купечество больше всего интересовали вопросы о томъ, можетъ ли оно заключать сдѣлки со всѣми, безъ исключенія, всѣ ли товары подлежатъ, въ качествѣ объектовъ сдѣлокъ, пользованію контрагентовъ и, наконецъ, какъ далеко идетъ свобода совершенія сдѣлокъ среди опредѣленныхъ субъектовъ и объектовъ.

Нашему разсмотрѣнію подлежатъ права иностранныхъ купцовъ въ Московскомъ государствѣ, и, обращаясь къ выясненію отношенія этихъ именно лицъ къ только что перечисленнымъ вопросамъ, мы должны замѣтить, что въ Мо-

сковскомъ государствѣ иностранное купечество интересовалось ими живѣйшимъ образомъ потому, что торговая политика правительства вносила въ торговыя сдѣлки по всѣмъ этимъ пунктамъ цѣлый рядъ ограниченій.

Прежде всего, иностранцы не пользовались полной свободой въ выборѣ себѣ контрагентовъ сдѣлокъ.

Далѣе, иностранные купцы, при заключеніи сдѣлокъ, были ограничены въ отношеніи объектовъ опредѣленіемъ мѣры, ниже которой они не могли продавать и покупать данные товары.

Кромѣ того, по отношенію къ объектамъ же сдѣлокъ иностранцы были ограничены опредѣленными родами и видами товаровъ, которые не должны были входить въ оборотъ съ иностранцами.

Наконецъ, и въ отношеніи момента совершенія сдѣлокъ иностранные купцы не всегда пользовались торговой свободой.

Разсмотримъ всѣ эти явленія по порядку и прежде всего остановимся на ограниченіи иностранцевъ въ выборѣ себѣ контрагентовъ сдѣлокъ.

Въ Московскомъ государствѣ въ XVII вѣкѣ мы встрѣчаемся съ запрещеніемъ иностранцамъ торговать съ иностранцами же.

Было ли въ древней Руси что нибудь подобное мы не знаемъ. Скорѣе можно предполагать, что такого запрещенія не было, такъ какъ въ самомъ началѣ XIV вѣка запрещеніе торговли иностранцевъ съ иностранцами, напр. въ Витебскѣ, считается нововведеніемъ. Рижскій ратъ въ своей жалобѣ около 1301 г. къ князю Витебскому Михаилу Константиновичу говоритъ, что князь „ныне новую правду ставишь, както есме не чювали отъ отчовъ, ни отъ дѣдовъ, ни отъ прадѣдовъ нашихъ. Аше ты велишь кликати сквозѣ торгъ: гость со гостемь не торгуи! Княжо, у томь еси неправду дѣялъ“ [1]).

---

[1]) Русско-Ливонскіе Акты, собранные К. Е. Напьерскимъ. 1868 г., № XLIX, стр. 25—27. М. Бережковъ. О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка. 1879 г., стр. 108.

Въ самомъ началѣ XV вѣка та же мѣра въ Полоцкѣ и въ Новгородѣ была уже прочно установившимся правиломъ. Въ договорѣ 1405 г. Полоцка съ Ригою значится: „А с Новьгородци Немецькому купьцю торговати, а промежи има ходити нашему Полочанину: занеже насъ Новьгородци не пустять у Немечькии дворъ торговати безъ своего Новьгородца. А съ-с Москвичи торговати вашимъ Немьцемъ; такжe нашему Полочанину межи ими ходити, торговати, занеже на насъ Москвичи тамьгу емлютъ" [1]). Видно, что въ Москвѣ этого явленія не было; но въ Новгородѣ никого изъ пріѣзжихъ изъ другой земли не пускали на нѣмецкій дворъ торговать безъ новгородцевъ. А. И. Никитскій думаетъ, что такой порядокъ былъ въ Новгородѣ и въ XIII вѣкѣ и что Новгородцы этого правила держались такъ строго, что не дѣлали исключенія даже для своихъ князей, которые въ торговлѣ съ нѣмцами должны были дѣйствовать черезъ новгородцевъ. Начиная съ договора 1270 г., говоритъ А. И. Никитскій, запрещеніе непосредственныхъ сношеній съ нѣмцами составляетъ одно изъ важнѣйшихъ положеній ихъ трактатовъ съ великими князьями вплоть до паденія независимости. И въ дальнѣйшемъ, послѣ 1405 года, когда въ 1424 г. два нѣмца купили у литвина мѣхъ, то новгородцы, узнавъ объ этомъ, повлекли иностранцевъ на судъ къ св. Іоанну, и тамъ иностранцы были присуждены къ заключенію. Когда нѣмцы потребовали отъ тысячскаго объясненій въ арестѣ ихъ соотечественниковъ, то тысячскій сослался на недавнее взаимное подтвержденіе руководствоваться во всемъ стариною, а изъ старины нельзя нѣмцамъ торговать съ литовцами [2]).

Мы не будемъ разбирать заключенія А. И. Никитскаго о существованіи данной мѣры въ Новгородѣ еще въ XIII

[1]) Русско-Ливонскіе Акты, собранные К. Е. Напьерскимъ. 1868 г., № CLIV.

[2]) Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода. 1893 г., стр. 150 и слѣд. См. также М. Славянскій. Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новагорода съ Готландомъ и Любекомъ. 1847 г., стр. 46. Г. Гильдебрандъ. Отчетъ о розысканіяхъ, произведенныхъ въ Рижскихъ и Ревельскомъ архивахъ по части русской исторіи. Прилож. къ XXIX тому Зап. Имп. Акад. Наукъ. № 3. 1877 г., стр. 33, № 31.

вѣкѣ. Но о существованіи ея въ XIV вѣкѣ мы можемъ утверждать совершенно спокойно. На это указываетъ не только сообщеніе Рижскаго рата Витебскому князю, но и договоръ между Полоцкомъ и Ригою. Для того, чтобы быть формулированной въ 1405 году въ договорѣ между Полоцкомъ и Ригою, упомянутая мѣра должна была быть хорошо извѣстной этимъ контрагентамъ и дѣйствовать въ Новгородѣ до XV вѣка.

Изъ того же документа видно, что на Москвѣ такого правила не существовало. Рижанамъ запретили торговать въ Полоцкѣ и съ Москвичами, но не по тому же основанію, какъ и съ Новгородцами, а по другому. Въ Москвѣ облагали полочанъ тамгой и, въ качествѣ репрессалій, за это, къ Москвичамъ примѣняли въ Полоцкѣ Новгородскій законъ.

Въ Москвѣ не только въ началѣ XV вѣка, но и въ концѣ его, нѣтъ такого ограниченія торговли иностранцевъ, какъ въ Новгородѣ. Въ договорѣ 1494 года великаго князя литовскаго Александра съ Иваномъ Васильевичемъ о торговлѣ взаимныхъ подданныхъ говорится буквально слѣдующее: „а гостемъ нашымъ по нашымъ землямъ на обѣ стороны гостити безъ рубежа и безъ всякіе пакости" [1]. Никакихъ ограниченій нѣтъ, и это надо считать общимъ правиломъ торговли литовцевъ на Руси, потому что затѣмъ идутъ исключенія, или вѣрнѣе, случаи, которые литовское и русское правительства признали нужнымъ оговорить особенно. Это касается Новгорода, Пскова и Твери. Для Литвы очень важно было знать, какое право ожидаетъ ее въ этихъ мѣстностяхъ. Великій князь Иванъ Васильевичъ, политикъ въ высшей степени осторожный, оставляетъ въ перечисленныхъ областяхъ ихъ правила торговли съ иностранцами неприкосновенными. Поэтому, по договору 1494 г., въ Новгородѣ идетъ иностранная торговля съ новгородцами, въ Псковѣ со всякимъ гостемъ „по старой пошлинѣ", въ Твери торговля такая же, какъ и въ Москвѣ, „безъ пакости".

---

[1]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества т. XXXV, стр. 128. Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, ч. V, № 29.

Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ больше торжествуютъ Московскіе порядки. Упоминаніе о правѣ Новгорода и Твери, сдѣланное въ 1494 году, признается совершенно ненужнымъ въ 1503 г., въ договорѣ между Литвой и Москвой. Въ этомъ договорѣ еще говорятъ о Псковѣ и объ его свободной торговлѣ „по старой пошлинѣ“ [1]. Но въ договорѣ 1526 года тѣхъ же субъектовъ нѣтъ и Пскова [2]. Существуетъ только одинъ государь на Москвѣ, и одно право Московское.

Московское право, какъ въ XV, такъ и въ XVI вѣкѣ, въ разбираемомъ вопросѣ стоитъ на одной и той же точкѣ зрѣнія и не вноситъ Новгородскихъ ограниченій. Въ договорахъ съ польско-литовскимъ государствомъ, начиная съ 1503 г. [3]) о торговлѣ взаимныхъ подданныхъ значится только слѣдующее: „а твоимъ купцомъ изо всѣхъ твоихъ земль во всѣ наши земли пріѣхати со всякимъ товаромъ и торговати на всякой товаръ, а пріѣхати имъ и отъѣхати добровольно, безо всякихъ зацѣпокъ“ [4]. Это повторяется и въ послѣдующихъ договорахъ XVI вѣка: объ ограниченіяхъ нѣтъ ни слова [5].

Такъ торговали въ Москвѣ поляки и литва. Извѣстная англійская компанія, торговля которой въ Россіи началась при Иванѣ Грозномъ, до самаго конца XVI вѣка могла торговать какъ съ русскими подданными, такъ и съ иностранцами [6]. Не слышно объ ограниченіяхъ въ этомъ смыслѣ

---

[1] Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 401.

[2] ib., стр. 746.

[3] Въ этомъ договорѣ есть еще упоминаніе о Псковѣ.

[4] Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 401.

[5] Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 746; т. LIX, стр. 128, 192, 305, 409, 513; т. LXXI, стр. 483, 728.

[6] Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. V, № 141. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXVIII, стр. 141, 178. I. Гамель. Приложеніе II къ статьѣ Англичане въ Россіи. Прилож. къ XV тому Запис. Имп. Академіи Наукъ. № 2, 1869 г., стр. 253 и слѣд. Д. В. Цвѣтаевъ. Вѣроиспов. положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Русскій Вѣстникъ 1885 г., т. 177, стр. 807. Его же. Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. 1890 г., стр. 26 и слѣд.

и другихъ купцовъ. Проходитъ XVI вѣкъ, и въ XVII вѣкѣ являются ограниченія.

Совершенно для насъ ясно и опредѣленно они выливаются въ Новоторговомъ Уставѣ 1667 года. Статья 63 Устава повелѣваетъ „учинить заказъ крѣпкой, чтобъ иноземецъ съ иноземцемъ никакими товары не торговали и не продавали и не мѣняли, понеже великому государю въ таможняхъ въ сборѣхъ его великого государя казнѣ чинятся большіе недоборы, а русскимъ людемъ въ торгахъ ихъ помѣшка и изнищеніе чинится; и будетъ иноземцы межъ себя учнутъ торговать, а сыщется про то допряма: и тѣ товары взять на великого государя“ [1]). Здѣсь полное запрещеніе торговли иностранцевъ съ иностранцами.

Если бы мы въ разбираемомъ вопросѣ о субъектахъ торговыхъ сдѣлокъ ограничились приведеніемъ постановленія Новоторговаго Устава, то должны были бы признать Новоторговый Уставъ законодательнымъ памятникомъ, вводившимъ большую реформу въ торговлю иностранцевъ на Руси.

Литература такъ и смотритъ на этотъ памятникъ, и не только по отношенію къ данному вопросу, но и по отношенію къ цѣлому ряду другихъ, касавшихся иностранной торговли. Видные представители литературы считаютъ большую часть постановленій Новоторговаго Устава 1667 года вносящими новости въ правовую жизнь иностранныхъ купцовъ[2]).

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, т. I, № 408.

[2]) См. С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ т. XIII, 1863 г., стр. 124—126. В. Лешковъ. Очеркъ древнихъ русскихъ законовъ о ремесленной и заводской промышленности и о торговлѣ. 1852 г., стр. 33—35. Его же. Русскій народъ и государство. 1858 г., стр. 386 и слѣд. К. Лодыженскій. Исторія русскаго таможеннаго тарифа. 1886 г., стр. 27. П. П. Мельгуновъ. Очерки по исторіи русской торговли IX—XVIII вв. 1905 г., стр. 234, говоря объ Ординѣ-Нащокинѣ, замѣчаетъ: „для насъ особенно важны его реформы въ торговомъ отношеніи: большею частью ему обязанъ своимъ появленіемъ торговый уставъ 1667 г. Этотъ уставъ старался поднять дѣятельность русскихъ купцовъ и сколько нибудь ослабить монополистическое преобладающее вліяніе иностранцевъ; съ этой цѣлью онъ запрещалъ иностранцамъ мелочную торговлю внутри Россіи, дозволяя имъ торговать только въ Архангель-

Но мы уже въ сочиненіи о пріѣздѣ иностранцевъ въ Московское государство отмѣчали, что Новоторговый Уставъ далеко не вносилъ тѣхъ измѣненій въ русское законодательство, какъ это кажется. Намъ удалось доказать, что знаменитое правило Новоторговаго Устава (ст. ст. 85 и 86), сводившее торговлю иностранцевъ къ однимъ пограничнымъ городамъ и выражавшееся въ томъ, что внутрь Россіи пропускались съ товарами лишь иностранцы, имѣвшіе жалованныя грамоты за красною печатью,—не есть нововведеніе

скѣ, и въ то же время пытался придать извѣстную корпоративную организацію русскимъ заграничнымъ торговцамъ для торговаго суда и сбора пошлинъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что уставъ 1667 г. былъ плодомъ системы протекціонизма, которая господствовала во всей Европѣ. Нащокинъ является у насъ первымъ представителемъ этой новой системы".

Можно думать, что тѣхъ же взглядовъ придерживается и проф. А. Ф. Федоровъ. Торговое право. 1911 г., стр. 59—61, когда онъ говоритъ, что положеніе иностранныхъ купцовъ, „начиная съ XVII столѣтія, стало существенно измѣняться въ смыслѣ лишенія преимуществъ, раньше предоставлявшихся имъ въ Россіи. Правительство начало заподозрѣвать иностранцевъ въ нечестности и въ томъ, что они лучшихъ своихъ товаровъ не показываютъ и ихъ по цѣнѣ «заморской» не продаютъ; русскіе же купцы стали жаловаться на стѣсненіе ихъ торговой дѣятельности, а также на убытки, проистекавшіе отъ иноземнаго купечества, и, въ 1646 г., подали по этому предмету жалобу царю отъ имени всѣхъ торговцевъ всѣхъ русскихъ городовъ. Въ связи съ симъ, въ 1656 г. (повидимому опечатка и надо читать въ 1667 г.) изданъ былъ Новоторговый Уставъ, содержавшій въ себѣ ограниченія для торговли иноземцевъ въ интересахъ обезпеченія свободы торговли русскаго купечества". Далѣе проф. А. Ф. Федоровъ излагаетъ постановленія Устава объ ограниченіи иностранной торговли пограничными городами, о разрѣшеніи совершать сдѣлки только съ русскими купцами, о запрещеніи розничной торговли, о платежѣ пошлинъ и за покупаемые товары золотомъ. „Въ изложенныхъ ограниченіяхъ, продолжаетъ проф. А. Ф. Федоровъ проглядываетъ желаніе съузить торговлю иноземцевъ въ интересахъ расширенія заграничной торговли русскихъ купцовъ, которые пользовались уже исключительнымъ правомъ внутренней торговли. Подобныя ограниченія для иностранцевъ издавались и впослѣдствіи".

Въ этой выпискѣ все вплоть до заключительной фразы намекаетъ на то, что Новоторговый Уставъ 1667 г. былъ однимъ изъ первыхъ актовъ, установившихъ перечисленныя ограниченія иностранной торговли.

1667 года, а наблюдавшаяся еще въ XVI вѣкѣ практика [1]).

Точно также и теперь мы должны указать, что ограниченія торговли иностранцевъ извѣстнымъ кругомъ лицъ, формулированныя въ 1667 году, хотя и не идутъ отъ XVI вѣка, но родились задолго до 1667 года.

Въ 1627 г. донесъ Посольскому Приказу переводчикъ его Иванъ Ѳоминъ, что „в нынешнемъ де во 135 году продалъ агличанинъ Томасъ Фовелъ кизылбашскимъ купчинамъ тритцать пудъ олова а что взялъ того не вѣдает, а продавалъ де Томасово олово агличанинъ же Филипъ Кали, а по государеву указу агличаномъ и инымъ иноземцомъ торговымъ нѣмцомъ с кизылбашскими купчины заморскими никакими товарами и оловомъ торговать не велено. И диаки думной Ефимъ Телепневъ да Максимъ Матюшкинъ велѣли сыскать агличанина Томаса Фовеля и его роспрашивали: в нынешнемъ во 135 году кизылбашскимъ купчинамъ он тритцать пудъ олова продалъ ли или хто ему то олово кизылбашскимъ купчинамъ продавать велѣлъ и самъ ли онъ то олово купчинамъ продалъ или товарыщу своему продавать велѣлъ и будетъ товарыщу и кому именемъ, а по государеву указу имъ агличаномъ с кизылбашскими купчины никакими товары и оловомъ торговати не велено. И агличанинъ Томасъ Фовелъ сказался аглинского гостя Джана Бланта приказщикъ и какъ де были на Москвѣ кизылбашские купчины и пришедъ къ нему на гостинъ дворъ купили у него в полате, гдѣ онъ съ товаромъ своимъ сидитъ олова прутового тритцать пудъ а взялъ де онъ у кизылбашанъ за олово деньгами за пудъ по четыре рубли съ полтиною, а Государева де онъ указу о томъ, что кизылбашаномъ олова продавати иноземцомъ не велено ни укого не слыхалъ“. Дьяки велѣли спросить „хто по немъ порука есть ли в Государеве пени? и в государеве пене ручался по Томасу аглинские земли гость Фабіанъ Ульяновъ“ [2]).

[1]) А. С. Мулюкинъ. Пріѣздъ иностранцевъ въ Московское государство, 1909 г., стр. 31—38.

[2]) Подлинныя дѣла Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Приказныя дѣла. 13 іюля 1627 г., св. 57, № 25.

Англичанинъ былъ наказанъ пенею, и дѣло о торговлѣ его съ персіянами кончилось.

Для насъ это дѣло интересно во-первыхъ тѣмъ, что англичанинъ отговаривался незнаніемъ закона. Не слѣдуетъ ли отсюда, что этотъ законъ очень недавняго происхожденія, настолько недавняго, что всѣ еще не успѣли съ нимъ познакомиться.

Во-вторыхъ, изъ приведеннаго случая съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что уже въ 1627 году существовало запрещеніе торговать англійскимъ купцамъ съ персидскими. Можетъ быть, здѣсь все дѣло въ оловѣ и въ персидскихъ купцахъ, которыхъ правительство старалось изолировать отъ сношеній съ западно-европейцами и не разрѣшало, какъ увидимъ ниже, продавать не только персидскимъ, но и вообще восточнымъ купцамъ, нѣкоторыхъ товаровъ и, между прочимъ, олова?

Если бы дѣло обстояло такимъ образомъ, то это было бы очень просто. Совершенно естественно Москвѣ точно также не допускать къ цивилизаціи востокъ, какъ самую Москву не допускалъ Западъ. Но дѣло было сложнѣе.

Изъ одного документа видно, что центръ тяжести подобныхъ распоряженій лежалъ не только въ этой политикѣ изолированія Востока отъ Европы, но и въ другихъ причинахъ, и даже главнымъ образомъ—въ этихъ послѣднихъ.

Въ 1672 г. были призваны въ Посольскій Приказъ русскіе гости и купцы и отъ нихъ потребовано объясненіе, не дѣлаетъ ли какого подрыва русскому купечеству торговый договоръ съ армянами, заключенный въ 1667 г. Гости и купцы отвѣтили, что разрѣшеніе, въ силу этого договора, армянамъ вести торговлю съ нѣмцами непосредственно лишаетъ русскихъ возможности принимать какое либо участіе въ ней. Отъ этого и казна также много терпитъ въ пошлинныхъ сборахъ, а главное, что все серебро нѣмецкое поступаетъ къ армянамъ, тогда какъ при торговлѣ армянъ съ нѣмцами черезъ посредство русскихъ, это серебро осталось бы въ Россіи. Къ этому гости прибавили, что до 1667 г. „Шаховы Персидскія области купецкіе люди кизылбаши и армяне и кумычане и индѣйцы пріѣзжали съ шелкомъ сырцомъ и со всякими персидскими товары царскаго ве-

личества въ Московское государство, и торговали тѣми товары на Москвѣ и въ Астарахани и по инымъ городамъ всегда съ русскими купецкими людьми, а съ нѣмцами и съ гречаны и ни съ которыми иноземцы тѣ кизылбаши никакими персидскими товары, по указу великаго государя, нигдѣ не торговали и въ нѣмецкія земли черезъ Московское государство съ товары персидскими никогда никуды не ѣзживали“ [1]).

По нашему мнѣнію, послѣ такого отвѣта уже нельзя утверждать, что англичанамъ запрещали въ 1627 г. торговать съ персидскими купцами изъ однихъ политическихъ соображеній, направленныхъ къ изолированію персіянъ, какъ всѣхъ восточныхъ народовъ, отъ западныхъ. Изъ только что приведеннаго документа 1672 г. видно, что торговля иностранныхъ восточныхъ купцовъ нежелательна съ иностранными же купцами западными и южными, потому что въ такомъ случаѣ исключается участіе въ торговлѣ русскаго купечества, и вся прибыль на обмѣнѣ товаровъ уходитъ изъ страны, и казна теряетъ въ пошлинахъ.

Поэтому можно думать, что и въ 1627 г. англичанинъ былъ наказанъ не только за то, что продалъ персіянамъ олово, но и за то, что вообще совершилъ сдѣлку по торговлѣ съ персіянами. Дѣло было не только въ оловѣ, а въ торговлѣ иностранцевъ другъ съ другомъ. Самъ Посольскій Приказъ, когда разбиралъ это дѣло, то констатировалъ, что англичанамъ вообще нельзя торговать съ персіянами никакимъ товаромъ, а не только оловомъ. „По государеву указу, говорилъ Приказъ, имъ агличаномъ с кизылбашскими купчины никакими товары и оловомъ торговати не велено“.

Этотъ запретительный государевъ указъ, который былъ извѣстенъ въ 1627 году Посольскому Приказу, но не былъ извѣстенъ провинившемуся англичанину, существовалъ вплоть до Новоторговаго Устава 1667 года. Это видно изъ категорическаго заявленія русскихъ гостей и купцовъ 1672 года о томъ, что до 1667 г. восточные купцы торговали „всегда“ только „съ русскими купецкими людьми, а съ нѣм-

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. IV, № 81.

цами и съ гречаны и ни съ которыми иноземцы" не торговали.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ заявленіемъ находится донесеніе шведскаго резидента въ Москвѣ Поммеренинга королевѣ Христинѣ отъ 2 марта 1650 г. „Нѣсколько дней тому назадъ, пишетъ резидентъ, знатные (fornehme) голландскіе купцы задержаны (anhollne) были въ Приказѣ, такъ какъ они обвинялись въ томъ, что торговали съ персіянами [1]).

Итакъ, мы установили, что до Новоторговаго Устава западнымъ иностранцамъ запрещалось торговать съ восточными. Остается констатировать, что и внутри этихъ группъ ихъ членамъ запрещалось торговать другъ съ другомъ. Тогда получится полная картина постановленій Новоторговаго Устава, существовавшая задолго до его изданія. На это наводитъ заявленіе англійскаго посла въ Россіи графа Карлейля въ 1664 году о томъ, что пока англичане не торговали ни съ голландцами, ни съ гамбургцами, и что русскіе бояре и приказные едва ли могутъ указать, хотя на одинъ случай, такой торговли [2]).

Конечно, такое заявленіе графа надо считать не болѣе какъ дипломатическимъ отпарированіемъ обвиненій, поставленныхъ ему русскими приказными. Въ этихъ послѣднихъ обвиненіяхъ заключается весь интересъ для насъ и они то и показываютъ какой тогда былъ порядокъ иностранной торговли.

Но такія обвиненія предъявляли иностранцамъ не только въ 1664 году. Въ 1649 году стольники, стряпчіе, дворяне, дѣти боярскія, гости и торговые люди перечисляли передъ государемъ въ особой челобитной неправды иностран-

---

[1]) Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII вѣка. Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Шведскаго Государственнаго Архива К. И. Якубовымъ. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1898 г., кн. I, стр. 466.

[2]) Посольство въ Россію графа Карлейля. Библіографич. отрывки. IV. Отечественныя Записки. 1855 г., стр. 20 и слѣд.

ныхъ купцовъ и объясняли, между прочимъ, среди другихъ правонарушеній англичанъ, что „аглинскіе де нѣмцы всякіе товары продаютъ иныхъ земель нѣмцомъ“ [1]).

Все это даетъ намъ возможность утверждать, что западнымъ иностранцамъ запрещалось торговать не только съ восточными, но и другъ съ другомъ.

Для того, чтобы мы имѣли право заявить, что такое запрещеніе было общимъ закономъ Московскаго государства, касавшимся всѣхъ иностранцевъ безъ исключенія, намъ надо указать на отсутствіе случаевъ торговли восточныхъ иностранцевъ съ восточными или на соотвѣтствующее квалифицированіе случаевъ такой торговли.

Мы можемъ указать на примѣръ перваго рода.

Въ 1616 году въ Астрахани былъ розыскъ по поводу злоупотребленій мѣстныхъ приказныхъ по иностранной торговлѣ и пріему иностранныхъ пословъ. Въ распросныхъ рѣчахъ астраханскихъ тезиковъ бухарскаго двора, которые давали свои показанія „по своей вѣре по шерти“, между прочимъ, значится: „товаровъ они у пріѣзшихъ тезиковъ не покупаютъ“ [2]).

Оказывается, что въ такомъ документѣ, какъ распросныя рѣчи, заявляютъ о томъ, что торговли восточныхъ купцовъ съ восточными же не производится.

Это заявленіе интересно для насъ въ томъ отношеніи, что оно датируется 1616 годомъ. Оказывается, что начало мѣропріятій Московскаго правительства въ духѣ Новоторговаго Устава 1667 года можно относить къ самому началу XVII вѣка и думать, что именно въ это время послѣ смуты, подъ вліяніемъ реакціи ко всему иноземному, было издано соотвѣтствующее распоряженіе. Участіе населенія въ законодательной дѣятельности, проявившееся послѣ смуты, могло повести именно къ изданію желаемыхъ населенію актовъ. Если правительство, какъ мы видѣли, напр., въ дѣлѣ

---

[1]) Сборникъ князя Хилкова. 1879 г., № 82, стр. 250.

[2]) Труды Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. XXII. Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей, т. III, стр. 84 и 122.

армянской компаніи и какъ увидимъ ниже въ другихъ случаяхъ, допускало исключенія изъ общаго правила, то населеніе, въ лицѣ торговаго класса, стояло противъ исключенія, за правило.

Доказывая существованіе этого правила до 1667 года, мы должны были опереться на факты и разсмотрѣть цѣлый рядъ документовъ. Между тѣмъ, уже изъ заявленія торговыхъ людей 1672 года можно было догадываться, что не иначе, какъ въ качествѣ общаго закона должно было существовать запрещеніе торговли иностранцевъ съ иностранцами. Цѣлью этого запрещенія было содѣйствіе торговлѣ русскихъ подданныхъ, въ смыслѣ предоставленія русскимъ купцамъ возможно большаго участія въ торговыхъ оборотахъ. Поэтому, противополагая иностранцевъ русскимъ подданнымъ, запрещеніе принципіально должно было проводиться по отношенію ко всѣмъ иностранцамъ безразлично.

Другое подобное же ограниченіе иностранной торговли, къ разсмотрѣнію котораго мы вслѣдъ за симъ обращаемся, также по самому своему существу должно было носить общій характеръ и только въ этомъ смыслѣ и имѣть значеніе. Мы говоримъ о томъ ограниченіи иностранцевъ, которое такъ же, какъ и разсмотрѣнное, касалось ихъ права заключенія торговыхъ сдѣлокъ, но относилось къ объектамъ этихъ сдѣлокъ.

II.

ОБЪЕКТЫ.

1. Оптовая торговля.

Ограниченія иностранцевъ въ дѣлѣ заключенія торговыхъ сдѣлокъ опредѣленнымъ кругомъ контрагентовъ, а именно русскихъ подданныхъ, было только одной изъ мѣръ регулированія иностранной торговли и мѣрой, какъ видно, принятой только въ XVII вѣкѣ.

Другимъ подобнымъ же дѣйствіемъ правительственной власти въ Москвѣ надо считать постоянныя предписанія иностранцамъ торговать оптомъ, а не въ розницу.

Трудно допустить, чтобы въ древней Руси уже существовало такое правило. Наоборотъ, извѣстно, что нѣмцы въ Новгородѣ и Смоленскѣ продавали товары не только оптомъ, но и въ розницу [1]). Но въ самомъ началѣ XV вѣка мы находимъ, напр. въ Полоцкѣ, прямое запрещеніе нѣмцамъ вести розничную торговлю [2]).

Когда берутъ въ Москвѣ свое начало такія предписанія мы не можемъ установить. Можно думать, что къ половинѣ XVI вѣка они уже дѣйствовали. Въ это время была дана царемъ Иваномъ Васильевичемъ извѣстной англійской ком-

---

[1]) См. напр. А. И. Никитскій. Исторія экономическаго быта В. Новгорода, стр. 151, 247. М. Бережковъ. О торговлѣ Руси съ Ганзой, стр. 168. П. В. Голубовскій. Исторія Смоленской земли до начала XV ст. 1895 г., стр. 142 и слѣд.

[2]) Рус. Лив. Акт., № CLIV.

паніи жалованная грамота на особенно льготную торговлю. Среди правъ, предоставленныхъ грамотой компаніи, имѣется и право производить не только оптовую, но и розничную торговлю. Если считать права, предоставленныя компаніи, особыми привилегіями, на что можетъ указывать не только общая исторія ея, но и такое напр., право, какъ привозъ и продажа компаніей товаровъ безъ осмотра таможенными чиновниками и безъ пошлинъ, то придется и право торговать оптомъ и въ розницу признать исключительнымъ правомъ и вывести, что остальные иностранцы его не имѣли [1]).

Принять такое мнѣніе склоняетъ насъ и дальнѣйшая судьба привилегій англійской компаніи. Дѣло въ томъ, что въ 1570 г. Иванъ Васильевичъ разгнѣвался на англійскую королеву Елисавету за ея уклоненія отъ заключенія съ нимъ формальнаго союзнаго договора и лишилъ упомянутую торговую компанію, пользовавшуюся непосредственнымъ покровительствомъ Елисаветы, всѣхъ привилегій. Царь доводилъ объ этомъ до свѣдѣнія Елисаветы въ такихъ выраженіяхъ: „всѣ наши грамоты, которые есмя давали о торговыхъ дѣлехъ по сей день не въ грамоты" [2]). Когда въ 1572 г. была вновь разрѣшена торговля компаніи въ Россіи, то далеко не на прежнихъ основаніяхъ. Между прочимъ, грамота 1572 г., извѣстная намъ въ краткомъ изложеніи, обязывала англичанъ платить пошлины, хотя и въ половинномъ размѣрѣ [3]). Не тогда ли была отнята и привилегія компаніи производить розничную торговлю? На это намекаетъ слѣдующая грамота, данная компаніи въ 1584 г., по случаю вступленія на престолъ Ѳеодора Ивановича, и

---

[1]) См. I. Гамель. Прилож. II къ ст. Англичане въ Россіи. Прилож. къ XV т. Зап. Имп. Акад. Наукъ, стр. 253 и слѣд. Н. И. Костомаровъ. Очеркъ торговли Московскаго государства. 1905 г., стр. 242.

[2]) Ю. Толстой. Россія и Англія, стр. 22—25 и стр. 110, № 28. Е. Е. Замысловскій. Очеркъ сношеній Россіи съ Англіей въ царствованіе Іоанна Грознаго. Древняя и Новая Россія. 1876 г., т. II, стр. 171 и слѣд.

[3]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXVIII, стр. 95. Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи съ державами иностранными, ч. I, стр. 93.

извѣстная намъ полностью[1]). Эта грамота 1584 года, какъ сообщаетъ самъ Ѳеодоръ Ивановичъ Елисаветѣ, по правамъ компаніи въ торговлѣ соотвѣтствуетъ „прежней жалованой грамоте, какова дана последнея отца нашего жалованная грамота“ [2]). Дѣйствительно, эта грамота такъ же устанавливаетъ, какъ и грамота 1572 г., половинныя пошлины. Но она, кромѣ того, говоритъ еще слѣдующее: „и дали есмя имъ волю которые гости и купцы Аглинскіе земли похотятъ торговати товаръ свой снашими гостьми и купцы мѣстнымъ дѣломъ товаръ на товаръ и тѣ товары свои продаютъ мѣстнымъ дѣломъ, а нарозно своихъ товаровъ и врозвѣсъ и варшинъ на своемъ дворѣ не продаютъ ни мѣняютъ, а продаютъ и мѣняютъ свои товары мѣстнымъ дѣломъ сукна кипами и поставы, а камки и бархаты поставцы а не варшинъ, а всякой весчей товаръ врозвѣсъ, взолотники не продаютъ, а продаютъ мѣстнымъ дѣломъ а вино фряское продаютъ куфами, а ввѣдра и встопы и въ чарки врознь не продаютъ“ [3]).

Видно, что грамота 1584 года разрѣшаетъ англійской компаніи только оптовую торговлю. Такъ какъ эта грамота, по свидѣтельству Ѳеодора Ивановича, соотвѣтствуетъ прежней грамотѣ 1572 года, то мы предполагаемъ, что уже въ 1572 году у англичанъ была отнята привилегія розничной торговли, и они были сравнены съ остальными иностранцами въ этомъ отношеніи. Выходитъ, что остальные иностранцы могли торговать только оптомъ.

Остается добавить, что эта привилегія англійской компаніи никогда впослѣдствіи не возстановлялась, и жалованныя грамоты XVI и XVII вѣковъ повторяютъ постановленіе объ исключительно оптовой торговлѣ [4]).

---

[1]) Сборн. Имп. рус. Ист. Общ., т. XXXVIII, стр. 142 и слѣд. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. V, № 141.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. V, № 139.

[3]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXVIII, стр. 143. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. V, № 141.

[4]) Н. И. Костомаровъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи грамоты отъ 1584 года и ссылаясь лишь на слѣдующую грамоту, данную той же компаніи черезъ два года, ошибочно пріурочиваетъ начало опто-

Въ настоящее время подъ оптовой торговлей понимаютъ производство такихъ оборотовъ, когда торговецъ покупаетъ товаръ непосредственно у производителя, продаетъ его исключительно другимъ торговцамъ и оперируетъ при продажѣ большими партіями товара. Что же касается розничнаго торговца, то онъ товаръ обыкновенно пріобрѣтаетъ отъ торговцевъ же, продаетъ его непосредственно потребителю и оперируетъ такими долями товара, какія опредѣляются ежедневными потребностями потребителя [1]).

Выходитъ, что ни оптовые торговцы, ни розничные не имѣютъ обязанности вращаться исключительно въ торговой сферѣ. Оптовые торговцы имѣютъ непосредственныя сношенія съ производителемъ, розничные—съ потребителемъ. Если розничные торговцы совершаютъ розничную продажу потребителямъ, то оптовые торговцы совершаютъ не обязательно оптовую, но и розничную покупку у производителей. Если оптовые торговцы совершаютъ оптовую продажу розничнымъ торговцамъ, то розничные торговцы совершаютъ оптовую покупку у оптовыхъ торговцевъ

Названія торговцевъ: оптовыхъ и розничныхъ, повидимому, должны быть приняты условно.

Такъ въ настоящее время.

Далеко не такъ разрѣшался этотъ вопросъ въ Московскомъ государствѣ.

Тамъ исключительно оптовая торговля иностранцевъ означала, что ихъ не допускали не только къ розничной продажѣ, но и къ покупкѣ. Ихъ не допускали не только къ

вой исключительно торговли англичанъ къ 1587 году. Очеркъ торговли Московскаго государства, стр. 245 и слѣд.

Грамоты не только XVI вѣка, какъ напр. грамота 1587 года, но и XVII вѣка, какъ напр. грамоты 1614 и 1628 года, повторяютъ постановленіе объ оптовой торговлѣ англичанъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ грамота 1584 года. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXVIII стр. 176 и слѣд. А. С. Мулюкинъ. Пріѣздъ иностранцевъ. Приложеніе № 6. Приложеніе № 1 къ настоящему труду.

[1]) См. проф. Г. Ф. Шершеневичъ. Курсъ торговаго права, т. I, 1908 г., стр. 6 и слѣд. Проф. А. Ф. Федоровъ. Торговое право, 1911 г., стр. 6.

непосредственнымъ отношеніямъ съ потребителемъ, но и съ производителемъ. Они могли имѣть дѣло только съ одними торговцами. Такъ какъ мы передъ этимъ доказали, что иностранцы не могли торговать другъ съ другомъ, то теперь должны замѣтить, что иностранцы могли вступать въ торговыя сдѣлки только съ одними русскими торговцами. Поле дѣятельности иностранныхъ купцовъ было заключено въ совершенно точныя рамки. Всѣ ихъ сдѣлки были исключительно оптовыя и только съ русскими торговцами. Этимъ послѣднимъ отводилась роль современныхъ оптовыхъ торговцевъ, причемъ такое точное разграниченіе сферъ иностранныхъ и русскихъ купцовъ ясно сознавалось въ Московскомъ государствѣ.

Это видно изъ дѣла, имѣвшаго мѣсто въ 1652 году по жалобѣ вологодскихъ купцовъ на розничную торговлю голландцевъ.

Въ 1652 г. били челомъ государю вологжане посадскіе люди, во главѣ съ земскимъ старостой Носковымъ, на голландскихъ гостей, ихъ товарищей и приказчиковъ въ томъ, что голландцы отняли у челобитчиковъ „всякие торговые промыслы покупаютъ сами на площади у пріѣзжих людей и у крестьян с возовъ розными мѣлкими мѣсты которые им товары за море въ их земли годны мяса свиные и окорока и щетины и мяса говяжьи и языки и сало сырец и пенку и рогожи и кулье и мягкую рухлядь и иные всякие товары.... а напередъ сего тѣ нѣмцы сами на площади с возовъ у приѣзжих людей и у крестьян мелкими мѣсты и болшими статьями тѣхъ товаровъ не покупали и тѣми торговыми промыслы не промышляли, а покупали тѣ товары мѣстными статьями у насъ сиротъ твоихъ“. Поэтому челобитчики просили, чтобы государь не велѣлъ нѣмцамъ и ихъ приказчикамъ „самимъ на площади у пріѣзжихъ крестьянъ с возовъ розными мелкими статьями всяких товаров покупати“.

Изъ приведенныхъ словъ челобитной видно, что челобитчики не признавали за иностранцами права не только на розничную продажу, но и покупку, указывали на нарушеніе иностранцами стараго порядка и просили возстановить его.

Челобитчики не были такъ просты, чтобы только этимъ и ограничиваться въ своей аргументаціи. Они говорили, что при новомъ порядкѣ торговли иностранцевъ у казны пропадаетъ цѣлая отрасль дохода, а именно перекупная пошлина, „твоя государева вѣщая перекупная пошлина от той ихъ розничной покупки тебѣ государю не збираетца“. Кромѣ того, челобитчики говорили, что они служатъ государю всякія службы и платятъ всякіе пошлины и сборы; между тѣмъ, какъ „иноземцы градских государевых никакихъ податей не платятъ и тяглых служеб не служат“. Наконецъ, челобитчики излагали такъ, какъ они понимали, уже извѣстное намъ постановленіе государевой жалованной грамоты англійской компаніи отъ 1584 г., повторенной не разъ при Михаилѣ Өеодоровичѣ. Они говорили: „а по указу отца твоего государева блаженные памяти великого государя царя і великого князя Михаила Өедоровича всеа Русіи а по грамоте какова дана ваша государева грамота аглинскимъ иноземцомъ в Московскомъ государстве будучи велено имъ своі товары продавать сукна кипами а бархаты и отласы косяками, а не в аршины, а вѣсшихъ товаровъ пудами, а өунтами и золотниками тожъ продавать не велено, й руские всякие товары покупать имъ иноземцомъ болшими статьями, а не розницею, і вели, государь, имъ иноземцомъ покупать всякие товары мѣстными статьями, по прежнему, у насъ сиротъ твоихъ мяса соляные и сало топленое и окорока копченые и щетины чищенные и пряжу пенковую вьюхами, какъ наперед сего покупали.... чтобъ от ихъ немецкие розничные покупки твоей государеве казнѣ таможенного збору порухи не было в перекупныхъ пошлинахъ, а намъ бы сиротамъ твоимъ промыслишковъ своих не отстать и твоих бы государевыхъ служеб и податей впред не отбыть и в конецъ не погибнуть“.

Несомнѣнно, что розничная продажа была запрещена иностранцамъ еще въ XVI вѣкѣ. Въ этой части своей челобитной жалобщики приводили не пожеланіе, а законъ. Что же касается до оптовой покупки, какъ ее квалифицировали жалобщики въ отношеніи иностранцевъ, то только путемъ распространительнаго толкованія можно ее вывести изъ стараго правила объ оптовой торговлѣ иностранцевъ. Этотъ по-

слѣдній пунктъ мы можемъ на всякій случай приравнять къ пожеланіямъ вологодскихъ купцовъ и только по отношенію къ нему ожидать съ нѣкоторой тревогой резолюціи правительства.

Посольскій Приказъ, получивъ челобитную вологодскихъ купцовъ, докладывалъ ее государю съ подходящими примѣрами.

Оказывается, что не одни вологжане толкуютъ постановленіе объ исключительно оптовой торговлѣ иностранцевъ въ приведенномъ выше смыслѣ. Съ вологжанами солидарны новгородскій гость Василій Стояновъ, да новгородецъ выборный посадскій человѣкъ Никита Тетеринъ и всѣ новгородцы торговые люди. Они раньше еще вологжанъ просили государя, чтобы государь ихъ пожаловалъ „велѣлъ имъ дать свою государеву грамоту, чтобъ неметцкимъ свѣйскимъ и любскимъ и иныхъ земель иноземцомъ торговымъ людемъ въ великомъ Новѣгороде и в пригородехъ і въ уѣздехъ по селамъ и по погостамъ и по деревнямъ и по всякимъ уѣзднымъ ярманкамъ врознь товаровъ своихъ русскимъ людемъ продавати и у рускихъ людей товаровъ всякихъ врознь покупать не велѣть, а велѣть бы имъ всякие товары продавать и покупать въ Великомъ Новгороде у посадцкихъ торговыхъ людей сваломъ, а не врознь“.

Государь тогда же пожаловалъ новгородцевъ и послалъ въ Новгородъ воеводѣ соотвѣтствующее распоряженіе.

Интересно, что новгородцы въ подкрѣпленіе своего ходатайства приводили то обстоятельство, что иностранцы и преимущественно шведы, производя въ Новгородской области розничную торговлю, тѣхъ же новгородцевъ въ Швеціи къ розничной торговлѣ не допускали.

Посольскій Приказъ по челобитной вологжанъ ограничился однимъ новгородскимъ примѣромъ и доложилъ его государю. Дѣло, повидимому, было ясное, и государь велѣлъ послать вологодскимъ воеводамъ грамоту, чтобы они „на Вологде і в Вологодцкомъ уѣзде велѣли учинить заказъ крепкой, чтобъ галанские гости и галанские жъ торговые и иныхъ земель приѣзжие иноземцы и ихъ прикащики товаровъ своихъ рускимъ людемъ врознь не продавали также и у рускихъ людей всякихъ товаровъ врознь не покупали,

а продавали бъ тѣ иноземцы всякие свои товары вѣсчие и не вѣсчие на Вологде посадцкимъ людемъ и у нихъ покупали мѣстнымъ дѣломъ, а не врознь“ [1]).

Наши опасенія, что правительство не послѣдуетъ за населеніемъ въ этомъ дѣлѣ, оказались напрасными.

Въ настоящее время для насъ странно, что московскій государь издаетъ распоряженія, подобныя приведеннымъ, не въ порядкѣ правительственнаго надзора за торговлею, а по жалобамъ частныхъ заинтересованныхъ лицъ. Далѣе, вмѣсто того, чтобы издать общій законъ или общее разъясненіе по поводу оптовой торговли иностранцевъ, государь занимается разрѣшеніемъ только поданныхъ ему жалобъ, т. е. частными случаями.

Объясненіе этого можно найти только въ томъ обстоятельствѣ, что право было одно, хорошо извѣстно и населенію, и государю и не нуждалось ни въ распространительномъ, ни въ ограничительномъ толкованіи, ни въ какихъ бы то ни было разъясненіяхъ. Но это право нарушали иностранцы. Подъ вліяніемъ иностранцевъ и воеводы, и вообще приказные люди склонны были забывать одинъ порядокъ и направляться къ другому. Здѣсь могла быть только жалоба на нарушителей порядка. Государь могъ только возстановить порядокъ и напомнить воеводамъ о своей волѣ—о законѣ.

Но что дѣлать населенію, когда воеводы, подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ, опять позабудутъ о правѣ. Воеводы могутъ мѣняться на своихъ мѣстахъ, и новые воеводы не знать государевой воли, по крайней мѣрѣ, могутъ отговариваться незнаніемъ. Государь все это предусматриваетъ. Въ самомъ концѣ своей грамоты на Вологду по извѣстной намъ челобитной вологодскихъ купцовъ государь пишетъ воеводамъ: „а прочет сю нашу грамоту и списавъ с неѣ списокъ оставили у себя въ съѣзжей избѣ, а сю бъ нашу подлинную грамоту отдали имъ Вологжаномъ посадцкимъ людемъ впредь для иныхъ нашихъ воеводъ и приказныхъ людей“.

---

[1]) Приложеніе, № 2.

Интересный союзъ государя съ населеніемъ для отстаиванія существующаго порядка противъ иностранцевъ и приказныхъ.

Вообще правительство не затруднялось объявлять, что въ томъ случаѣ, когда иностранцы производятъ розничную торговлю, то „тѣмъ русскимъ людемъ многую помѣшку чинятъ"; поэтому правительство заказывало накрѣпко, чтобъ иностранцы врознь не торговали и „тѣмъ бы русскимъ людемъ въ торгѣхъ помѣшки отнюдь не чинили" [1]).

Итакъ, мы указали въ чемъ состоялъ порядокъ оптовой торговли иностранцевъ въ Московскомъ государствѣ.

Мы указали и на нарушеніе иностранцами этого порядка въ пятидесятыхъ годахъ XVII вѣка.

Сказать, что нарушенія тѣмъ только и ограничились, а правительство только на тѣхъ мѣрахъ и остановилось, о которыхъ мы выше указали, было бы недостаточно.

Иностранцевъ тяготили правила оптовой торговли. Ниже мы увидимъ, какъ они всюду старались разсылать скупщиковъ, чтобы получить товаръ изъ первыхъ рукъ. Поэтому Московскій порядокъ предусматривалъ и эти случаи и, допуская иностранцевъ только къ оптовымъ сдѣлкамъ съ торговцами, послѣдовательно запрещалъ иностранцамъ всякую связь съ производителями, хотя бы черезъ скупщиковъ-комиссіонеровъ. Ниже мы подробно остановимся на этомъ, а теперь замѣтимъ, что уже въ XVI вѣкѣ англійская королева Елисавета, въ письмѣ къ Ѳеодору Ивановичу отъ 23 марта 1586 года, вынуждена была оправдывать своихъ подданныхъ отъ обвиненій въ розничной продажѣ. Она писала: „намъ остается на то, что въ письмѣ вашемъ ставится въ упрекъ нашимъ купцамъ, отвѣтствовать вкратцѣ такъ, какъ они изложили дѣло. Они обвиняются въ томъ, что, въ противность привилегіямъ раздробляли и продавали свои товары по мелочамъ и по локтямъ..... Они говорятъ, что часто запрещали продажу товаровъ въ розницу черезъ своихъ агентовъ, и что Робертъ Пикокъ..... былъ посланъ въ

---

[1]) Дополненія къ Актамъ Историческимъ, т. V, № 40.

Россію, чтобы прекратить это злоупотребленіе, которое такъ неугодно вашему народу“ [1]).

Оказывается, что еще въ XVI вѣкѣ констатируютъ недовольство русскихъ купцовъ розничнымъ торгомъ иностранцевъ, въ данномъ случаѣ—англичанъ. О такихъ же жалобахъ времени половины XVII вѣка новгородцевъ и вологжанъ на голландцевъ и шведовъ мы уже говорили. Теперь упомянемъ, что на несоблюденіе иностранцами правилъ оптовой торговли жаловались государю въ 1627 г. купцы разныхъ русскихъ городовъ. Указъ государя по этой жалобѣ на Двину, къ воеводѣ говорилъ, что „били намъ челомъ Московскіе и казанские и ярославские и нижегородцы и костромичи и вологжане и всякихъ городовъ гости и торговые люди на галанцовъ и на амбурцовъ и на барабанцовъ и на иныхъ торговыхъ нѣмецъ“ въ томъ, что они „камки и отласы продаютъ врознь въ портища и въ аршины, а вѣсчие товары продаютъ врознь же в полпуда и в гривенки, а не мѣстнымъ дѣломъ“ [2]). Въ 1649 г. стольники, стряпчіе, дворяне, дѣти боярскіе, гости и торговые люди, перечисляя государю неправды торговыхъ иностранцевъ, между прочимъ, указывали на ихъ розничную торговлю [3]).

И помимо представленій населенія правительство старалось напомнить иностранцамъ при всякомъ удобномъ случаѣ о томъ, что они должны вести только оптовую торговлю.

Такъ, 1635 году правительство напоминало объ этомъ англичанамъ вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ правилъ торговли въ Россіи, которыя англійская компанія склонна была постоянно забывать [4]). Мы видѣли, что въ жалованныхъ грамотахъ этой компаніи постоянно прописывалось правило объ оптовой торговлѣ. Точно также это правило помѣщалось въ жалованныхъ грамотахъ на льготную торговлю, выдаваемыхъ и другимъ иностранцамъ [5]).

---

[1]) Ю. Толстой. Россія и Англія, № 58, стр. 281.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла 13 іюля 1627 года, св. 57, № 25.

[3]) Сборникъ кн. Хилкова. № 82, стр. 252.

[4]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Англійскія дѣла 1635 г., № 1.

[5]) См. напр. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. Ш, № 109.

Особенно въ Москвѣ боялись, какъ бы иностранцы не производили розничной продажи вина. Торговля русскимъ виномъ, какъ увидимъ ниже, была совсѣмъ запрещена иностранцамъ. Но торговля иностранными винами, конечно, допускалась, но, какъ вообще вся торговля иностранцевъ, только оптомъ, т. е. бочками и куфами. И вотъ мы наблюдаемъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство не прописывало полностью, какъ въ грамотѣ англійской компаніи, запрещенія оптовой торговли, оно не забывало упомянуть о запрещеніи розничной торговли иностраннымъ виномъ

Такъ, въ 1603 году въ Москвѣ составляя для ганзейскихъ купцовъ жалованную грамоту, включили въ нее постановленіе о томъ, что ганзейцы могутъ на дому держать русское вино, пиво и медъ для собственнаго употребленія, но не для продажи, а продавать могутъ единственно чужеземныя вина въ куфахъ или въ бочкахъ, но не ведрами или въ стопы [1]).

Въ 1613 году былъ пожалованъ грамотой иностранецъ Иванъ Юрьевъ, который могъ торговать „на всякой товаръ повольною торговлею", но и тому „питье заморское велѣли продавати мѣстнымъ дѣломъ бочками, а врознь ему питья въ вѣдра и въ стопы не продавати и корчмы не держати, а про себя и про гость питье поволили ему держати" [2]).

Тоже самое мы видимъ и въ другихъ подобныхъ грамотахъ, напр. 1614 году Симону Бусу или компаніи Фоглера и Кленка и т. д. [3]).

Послѣ сказаннаго нельзя уже оставить безъ поправки мнѣнія Н. И. Костомарова о томъ, что „съ 1614 года запрещено иностранцамъ продавать привозныя вина галенками, а позволено единственно бочками и куфами". Въ доказатель

---

[1]) Supplementum ad Historica Russiae Monumenta. XCIX. Н. М. Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго, изд. Эйнерлинга, т. XI, гл. I, стр. 47—49, прим. 108.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 17.

[3]) Рус. Ист. Биб., т. VIII, № 10, VIII. Акты Археографической Экспедиціи, т. III, № 17.

ство своего утвержденія историкъ сослался на жалованную грамоту голландской компаніи Фоглера и Кленка, содержащую такое же постановленіе о винѣ, какъ и грамота Ивану Юрьеву, о которой мы выше говорили. Грамота голландской компаніи дѣйствительно отъ 1614 года [1]). Но грамота Ивану Юрьеву отъ 1613 года; грамота ганзейскому союзу отъ 1603 г., но еще раньше—грамоты англійской компаніи.

Если въ Московскомъ государствѣ не уставали напоминать объ исключительно оптовой торговлѣ, предоставленной въ распоряженіе иностранцевъ, въ частныхъ актахъ правительства, то, само собою разумѣется, указывали на тоже и въ актахъ, имѣвшихъ общій характеръ. Такъ, въ наказахъ таможеннымъ людямъ отъ 1649 г., 1654 г. и 1667 г. мы находимъ запрещеніе розничной торговли иностранцевъ и указаніе на мѣры продажи ими тѣхъ или иныхъ товаровъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ это мы видѣли въ грамотѣ англійской компаніи 1584 года [2]).

Наконецъ, правила иностранной торговли, и въ томъ числѣ правило объ исключительной оптовой торговлѣ иностранцевъ, собираются въ Новоторговомъ Уставѣ 1667 года. „На Москвѣ и въ городѣхъ, говоритъ уставъ въ ст. ст. 42 и 83, всѣмъ иноземцомъ никакихъ товаровъ врознь не продавать; а будетъ учнутъ врознь продавать, и тѣ товары имать на великого государя" [3]).

Какъ мы выше замѣтили относительно правила о разрѣшеніи торговли иностранцевъ только съ русскими людьми, что оно не впервые появилось въ Новоторговомъ Уставѣ 1667 года, такъ точно и сейчасъ должны сказать, что, вопреки распространенному мнѣнію, Уставъ 1667 года и по отношенію къ розничной торговлѣ иностранцевъ не содержитъ никакихъ нововведеній. Если первое правило шло отъ

---

1) Акт. Арх. Эксп., т. III, № 17. Н. И. Костомаровъ. Очеркъ торговли, стр. 379.

2) Доп. Акт. Ист., т. III, № 55, № 116; т. V, № 40. См. также Доп. Акт. Ист., т. III, № 121. I. де Родесъ. Размышленія о русской торговлѣ. Магазинъ Землевѣдѣнія, т. V, стр. 255.

3) Полн. Собр. Зак., т. I, № 408.

начала XVII вѣка, то только что разсмотрѣнное должно быть отнесено еще къ XVI вѣку.

Сверхъ указанныхъ ограниченій своихъ сдѣлокъ только по оптовой торговлѣ, иностранцы терпѣли въ тоже время еще одно ограниченіе. Они могли торговать далеко не всѣми товарами.

2. Заповѣдные товары.

Въ концѣ XV в. и въ началѣ XVI в. въ Новгородѣ и Псковѣ уже наблюдаются запрещенія нѣкоторыхъ видовъ торговли съ иностранцами.

По договору Новгорода и Пскова съ Дерптскимъ епископомъ и орденомъ отъ 1474 г., нѣмцы могли торговать въ Новгородѣ всѣми товарами, но во Псковѣ не могли торговать „корчмою и пивомъ". Въ 1481 г. Новгородъ спохватился и по договору съ Ливонскимъ магистромъ также и у себя запретилъ нѣмцамъ торговлю „корчмою и пивомъ" [1]). По договору Новгородскихъ и Псковскихъ намѣстниковъ съ Лифляндіей (Ливонскій магистръ, архіепископъ Рижскій и епископы: Дерптскій, Эзельскій, Курляндскій и Ревельскій) отъ 1509 г., продолжаются запрещенія торговли нѣмцевъ корчмою, а, кромѣ того, указываютъ нѣмцамъ, что и „соли имъ въ новгородскую землю не возить и не торговать" [2]). Въ слѣдующихъ договорахъ между тѣми же субъектами отъ 1521 и 1531 г.г. запрещается торговля только одной корчмою [3]).

Одновременно съ приведенными постановленіями существовали и другія, имъ противоположныя, предоставлявшія полную свободу торговли всякими товарами.

---

[1]) Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи. т. I, №№ 69 и 75, стр. 85 и 97. Ср. Н. М. Карамзинъ. Исторія, т. VI, прим. 114.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. V, № 57.

[3]) Собр. Гос Гр. и Дог., ч. V, №№ 95, 105, 106. Рус. Лив. Акт. №№ CCCLXIX и CCCLXXVII, стр. 334 и 361. Гильдебрандъ. Отчетъ о розысканіяхъ, произведенныхъ въ рижскихъ и ревельскомъ архивахъ по части русской исторіи. Приложеніе къ XXIX т. Записокъ Императорской Академіи Наукъ. № 3. 1874 г. № 573, стр. 79.

Такъ, по договору 1514 г. Новгородскихъ намѣстниковъ съ Ганзой, заключенному по повелѣнію Василія Ивановича, нѣмцы могли торговать въ Новгородѣ „всякимъ товаромъ, безъ вывѣта, и солью, также и серебромъ, и оловомъ, и медью, и свинцомъ, и сѣрою; а заповѣди ни которому товару не чинити“ [1]). Не смотря на договоръ, ганзейцы не торопились ѣхать къ намъ. Поэтому въ 1516 году изъ Новгорода извѣщали Ганзейскій союзъ, что Ганзейскіе купцы могутъ безпрепятственно ѣхать въ Новгородъ, да и не только въ Новгородъ, но и въ Ивангородъ и въ другіе города Московскаго государства. Имъ писали: „нынѣ вашимъ купцомъ во государя нашего отчину в Великий Новгородъ и на Иваньгород и в ыные государя нашего государства приѣхати и от—ѣхати доброволно безо всякие зацѣпки и торговати доброволно всякимъ товаромъ без вывета, и солью. А похотятъ ваши купци со государя нашего отчины купци торговати на Иванегородѣ, да туто и пошлину платятъ, а не похотятъ торговати на Иванегороде, и они ѣдутъ во государя нашего государства безо всякие зацѣпки и торгуютъ всякимъ товаромъ безъ вывета и солью“ [2]). Видно, что въ этомъ приглашеніи, хотя и несмѣло, но чувствуется ширь Московскаго государства, а не однихъ только Новгородскихъ владѣній.

Точно также, когда, послѣ договора 1516 г. съ Даніей [3]), была дана на имя датскихъ купцовъ жалованная грамота въ 1517 году, то ею разрѣшалось торговать датчанамъ всякимъ товаромъ и, хотя на первомъ мѣстѣ въ ней упоминались Новгородъ и Ивангородъ, но затѣмъ прибавляли: „и въ иныхъ нашихъ государствѣхъ“ [4]). Разрѣшеніе торговли дат-

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. V, № 65. А. И. Никитскій. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода, стр. 288 и слѣд.

[2]) Рус. Лив. Акт., № CCCLVI, стр. 320.

[3]) Русскіе Акты Копенгагенскаго Государственнаго Архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевымъ. Русская Историческая Библіотека, т. XVI, № 8.

[4]) Рус. Акт. Копенгаг. Госуд. Арх., № 9. Рус. Ист. Библ., т. XVI, стр. 23. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. V, № 79.

чанъ всякимъ товаромъ находимъ и въ договорѣ Даніи съ Россіей отъ 1562 года [1]).

Нарвскій воевода въ 1565 году писалъ въ Ревель, что въ Ругодивѣ по наказу царя Ивана Васильевича Колыванскимъ нѣмцамъ торговымъ людямъ дается торгъ повольный всякими товарами [2]).

Въ 1585 г. по договорной записи о перемиріи на 4 года, учиненной намѣстниками ржевскимъ и муромскимъ съ думчими королевства Свейскаго, постановлено „торговати на обѣ стороны всякими товары торговымъ людемъ въ тѣ перемирные лѣта“ [3]).

Наконецъ, въ договорахъ Россіи съ Польшей въ теченіе всего XVI вѣка, начиная съ 1503 года, всегда обусловливалась торговля всѣми товарами безъ исключенія, а по мѣсту торговли не встрѣчалось даже такихъ ограничительныхъ указаній, какъ въ договорѣ Ганзы отъ 1514 года или въ грамотѣ датскимъ купцамъ отъ 1516 года. По договорамъ съ Польшей, гости могли пріѣзжать во всѣ русскія земли со всякимъ товаромъ и торговать на всякій товаръ [4]).

Изъ всѣхъ этихъ документовъ можно заключить, что московское правительство, позабывъ объ ограничительныхъ постановленіяхъ новгородскихъ и псковскихъ договоровъ, какъ будто-бы стоитъ за широкую свободу иностранной торговли, по крайней мѣрѣ въ XVI вѣкѣ.

Подождемъ дѣлать такое заключеніе, не попробовавъ поискать еще какихъ нибудь актовъ, касающихся того же вопроса.

Въ первой половинѣ XVI вѣка мы не можемъ найти явленій, противорѣчающихъ только что описаннымъ; но во второй половинѣ XVI вѣка такія явленія имѣются. Составить по нимъ полную картину ограниченій иностранной тор-

---

[1]) Рус. Акт. Копенгаг. Госуд. Арх., № 20, стр. 73.

[2]) Рус Лив. Акт., № CCCXCIV, стр. 395.

[3]) Сборн. кн. Хилкова, стр. 7. Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. CXXIX, стр. 468, 471, 486.

[4]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 401, 746; т. LIX, стр. 128, 192, 305, 409, 513; т. LXXI, стр. 729. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. V, №№ 59, 97, 102.

говли по ея объектамъ для XVI вѣка очень трудно. Свѣдѣнія объ ограниченіяхъ слишкомъ отрывочны и малочисленны. Но когда мы разсмотримъ XVII вѣкъ, то изъ его документовъ многое станетъ для насъ понятнымъ и въ XVI вѣкѣ.

Итакъ, продолжимъ пока разсмотрѣніе XVI вѣка.

Въ 1555 году царь Иванъ Васильевичъ отпускалъ за рубежъ, въ Ругодивъ гостя Патрикіева и по этому случаю писалъ въ Новгородъ къ дьякамъ, чтобы они пропустили безъ задержанія Патрикіева черезъ границу, если „не будетъ у него заповѣдного товару воску и сала“ [1]).

Въ томъ же году Иванъ Васильевичъ разрѣшилъ нѣмцамъ изъ Юрьева пріѣзжать въ Новгородъ и Псковъ для торговли всякими товарами, кромѣ воску и сала [2]).

Новгородской таможенной грамотой 1571 года запрещено вывозить изъ Россіи золото и серебро въ деньгахъ или въ издѣліяхъ [3]).

Къ этому же времени относится разсказъ Маскѣвича въ его Дневникѣ о томъ, что „въ правленіе извѣстнаго тирана (Иванъ IV), одинъ изъ нашихъ купцовъ, пользовавшихся правомъ пріѣзжать въ Россію съ товарами, привезъ съ собою въ Москву кипу календарей; царь узнавъ о томъ, велѣлъ часть этихъ книгъ принесть къ себѣ. Русскимъ онѣ казались очень мудреными; самъ царь не понималъ въ нихъ ни слова; посему опасаясь, чтобы народъ, не научился такой премудрости, приказалъ всѣ календари забрать во дворецъ, купцу заплатить, сколько потребовалъ, а книги сжечь“ [4]). Въ подобныхъ же случаяхъ потомъ, какъ увидимъ ниже, научились поступать проще.

---

[1]) Доп. Акт. Ист., т. I, № 61. Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. CXXIX, стр. 98.

[2]) Доп. Акт. Ист., т. I, № 79. С. М. Соловьевъ, Русская промышленность и торговля въ XVI в. Современникъ, 1857 г., № 1, стр. 11.

[3]) Акты Археографической Экспедиціи, т. I, № 282.

[4]) Устряловъ. Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ; ч. V. Дневникъ Самуила Маскѣвича, 1594—1621 г. Переводъ съ польской рукописи, стр. 67.

Черезъ полтораста лѣтъ послѣ этого Петръ Великій даетъ даже жалованную грамоту голландскому купцу Ивану Тесингу на привозъ

Изъ трехъ приведенныхъ нами фактовъ особенно интересенъ фактъ запрещенія вывоза изъ Россіи золота и серебра Новгородской таможенной грамотой 1571 года. Запрещеніе этой грамоты идетъ въ разрѣзъ съ постановленіями приведенныхъ выше международныхъ договоровъ о торговлѣ всякими товарами. Съ своимъ характеромъ общеобязательности оно пробиваетъ серьезную брешь въ законѣ свободы торговли, открывая путь къ дальнѣйшимъ ограниченіямъ.

Не меньшее значеніе въ разсматриваемомъ отношеніи имѣютъ и нѣкоторые случаи изъ практики торговли англійской компаніи. Начинаясь исключительно по отношенію къ ней, они имѣютъ всѣ данныя распространиться и на другихъ иностранцевъ.

Обширныя привилегіи, предоставленныя компаніи Иваномъ Грознымъ, а особенно безпошлинная торговля, вызывали массу злоупотребленій. Между ними не послѣднее мѣсто занимали сдѣлки англичанъ съ такъ называемыми „чужими товарами". Русскіе торговые люди картинно описывали государю въ 1646 году всѣ комбинаціи англичанъ въ этомъ отношеніи. Англичане, говорили русскіе купцы, скупивъ русскіе товары черезъ маломочныхъ русскихъ людей продаютъ ихъ другимъ иностранцамъ, вѣсятъ у себя на дворѣ и возятъ „на галанскіе и на бараборскіе и на анбурскіе корабли тайно, и твою государеву пошлину крадутъ... Да они же стали торговать не своими товарами, вновь, золотомъ пряденымъ, и бархатами, и камками, и тафтами, и сядьми, и иными всякими товары; а тѣхъ товаровъ у нихъ въ Аглипской земли не дѣлаютъ; иныхъ нѣмецъ товары, назвавъ своими товары, для пошлинъ, привозятъ къ Москвѣ безъ пошлинъ. И въ Ярославлѣ юфти закупаютъ агличане на бараборцовъ своимъ именемъ безпошлинно же, и привезчи къ городу Архангелскому, отпускаютъ на кораблѣхъ, за море, къ бараборскимъ нѣмцамъ; и въ томъ, государь,

---

въ Россію печатанныхъ въ Голландіи морскихъ картъ и математическихъ книгъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла, 1698 г. мая 14 и іюля 18, № 4, св. 27.

твоей государевѣ казнѣ многая истеря". Жалобщики указывали, что еще при Ѳедорѣ Ивановичѣ англичанамъ было велѣно торговать только „своими товары, которые ведутся въ ихъ государствѣ" [1]).

Дѣйствительно, когда при Ѳеодорѣ Ивановичѣ, въ 1584 году писали для компаніи жалованную грамоту, то включили въ нее постановленіе: „и чюжихъ товаровъ имъ внаше государство ссобою не имати и не продавати и не меняти... а пожаловали ихъ ослободили имъ торговати... всякими своими товары" [2]). Черезъ 2 года царь жаловался королевѣ Елисаветѣ, что англичане „чюжіе товары провозятъ съ собою за свои товары, и людей чюжихъ иныхъ государствъ въ наше государство провозятъ за свои, за аглинскіе люди" [3]). Въ жалованной грамотѣ 1586 г. опять значится запрещеніе 1584 г. [4]). Оно переходитъ и въ XVII вѣкъ. Его помѣщаютъ въ жалованныхъ грамотахъ компаніи, напр. 1614 года [5]), 1628 года [6]) и въ отдѣльныхъ разрѣшеніяхъ правительства на то или другое дѣйствіе компаніи. Напр., въ 1619 году дали одному изъ членовъ компаніи проѣзжую грамоту въ Псковъ для безпошлинной торговли льномъ и при этомъ не забыли приказать, чтобы таможенные головы въ Псковѣ смотрѣли, чтобы у англичанъ „чужихъ товаровъ съ собою не было и во Псковѣ ихъ не продавали и на ленъ не мѣняли" [7]). Въ 1635 году государь напоминалъ англичанамъ, чтобы они чужихъ товаровъ какъ иностранцевъ, такъ и русскихъ „за свои товары не имали і не продавали" [8]). Но это не мѣшало постояннымъ злоупотребленіямъ [9]).

---

[1]) Акт. Арх. Эксп., т. IV, № 13. См. также Сборникъ кн. Хилкова. № 82, стр. 251 и слѣд.

[2]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXVIII, стр. 142 и слѣд. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. V, № 141.

[3]) ib., стр. 165. См. также отвѣтное письмо Елисаветы. Ю. Толстой. Россія и Англія. № 58, стр. 281.

[4]) ib., стр. 176.

[5]) А. С. Мулюкинъ. Пріѣздъ иностранцевъ. Прилож., № 6.

[6]) Приложеніе, № 1.

[7]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 49.

[8]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Англійскія Дѣла. 1635 г., № 1.

[9]) Акт. Арх. Эксп., т. IV, № 13. Посольство въ Россію графа Кар-

Это стремленіе русскихъ видѣть у себя торговлю каждаго изъ иностранцевъ товарами своей страны находило себѣ выраженіе не только по отношенію къ англійской компаніи.

Изъ переговоровъ русскихъ пословъ съ шведскими по поводу заключенія Столбовскаго договора видно, что русскіе предлагали шведамъ „торговати своимй товары, а иныхъ земель чужими товары не торговати и чужихъ товаровъ своими не называти“ [1]).

Въ Столбовскомъ договорѣ такого постановленія нѣтъ [2]). Хотя изъ переговоровъ не видно, чтобы шведы категорически отказались отъ него. Наоборотъ, можно думать, что шведы согласились на него, а потомъ, всетаки, въ договоръ оно не попало [3]).

Въ данномъ случаѣ для насъ важно отмѣтить опредѣленную тенденцію московскаго правительства, осуществлявшуюся имъ, гдѣ возможно.

Кромѣ этого ограниченія, также съ XVI вѣка, мы замѣчаемъ и другое ограниченіе торговли англійской компаніи. Московское правительство, надѣляя компанію привилегіями, требовало и отъ нея извѣстныхъ компенсацій и между прочимъ привоза къ намъ боевыхъ припасовъ. Въ 1589 году Ѳеодоръ Ивановичъ писалъ объ этомъ Елисаветѣ англійской: „по нашему приказу наши приказные люди приказывали твоимъ людемъ, чтобъ возили въ наше государство ямчюгу и зелье и селитру и свинецъ, а мы потомужъ всякие товары изъ своего государства выпущали безъ вывету“ [4]). Но оказывается, что англичане не только сами не привозили этихъ предметовъ, но и другимъ иностранцамъ мѣшали привозить. „Твои гости, писалъ Ѳеодоръ Ивано-

---

лейля. Отечественныя записки. 1855 г. Библіографическіе отрывки. IV, стр. 20 и слѣд.

[1]) Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII в. Чтенія. 1897 г., кн. III, стр. 10.

[2]) Полн. Собр. Зак., т. I, № 19, стр. 177.

[3]) Россія и Швеція. Чтенія. 1897 г., кн. III, стр. II.

[4]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXVIII, стр. 203.

вичъ въ томъ же письмѣ далѣе, торговые люди къ намъ ямчуги и зелье и свинцу не вывозятъ, да и стороннимъ мешаютъ вывозить и заказываютъ вывозити“.

Эти дѣйствія англичанъ станутъ намъ совершенно понятны, когда мы припомнимъ, что въ то время во всей Западной Европѣ усиленно пропагандировалась необходимость изолированія Россіи отъ Европы. Всякое усиленіе Россіи и, между прочимъ, снабженіе ее оружіемъ, боевыми припасами, даже такими товарами какъ мѣдь, олово, выставлялось угрозой общему миру и свободѣ, такъ какъ „москаль былъ, по словамъ польскаго короля Сигизмунда королевѣ англійской Елисаветѣ, врагъ всякой свободы подъ небесами“ [1]).

Въ Москвѣ противъ этого принимали свои мѣры и прежде всего старались обезпечить безпрепятственную доставку нужныхъ предметовъ. Такъ, по проекту договора Россіи съ Швеціей 1567 г., послѣдняя обязывалась „Любскимъ и датскимъ купцамъ, ѣдущимъ въ Россію съ мѣдью, оловомъ и протчими товарами свободной давать пропускъ“[2]). Въ 1580 г. былъ отправленъ въ Вѣну гонцомъ Истома Шевригинъ, который долженъ былъ просить цесаря не запрещать любскимъ кораблямъ привозить въ Россію всякіе товары, особенно же свинецъ, олово, мѣдь [3]).

По проекту договора между Швеціей и Россіей 1585 г., „которые люди пойдутъ къ намъ въ наше государство изъ заморскихъ государствъ откуды ни буди съ товаромъ мимо и черезъ твое королевство Свѣйское и которые городы за тобою въ Лифляндской землѣ съ мѣдью и съ оловомъ и съ свинцомъ, и съ сѣрою горячею, и со всякимъ товаромъ, которое пригожаетца къ воинскому оружью.... и тебѣ Ягану королю тѣхъ гостей и торговыхъ людей со всѣми ихъ товары.... къ нашему государству пропущати безо всякіе зацѣпки и безъ задержанья“ [4]).

---

1) Ю. Толстой. Россія и Англія. № 9 а, б, в.

2) Бантышъ Каменскій. Обзоръ, ч. IV, стр. 122.

3) ib., ч. I, стр. 11.

4) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. CXXIX, стр. 430—432.

Такія мѣры не всегда помогали. Если въ 1570 году любекскимъ уполномоченнымъ на штеттинскомъ съѣздѣ приходилось отвергать передъ европейскими коммиссарами возводимыя на жителей Любека обвиненія въ томъ, будто бы они снабжаютъ Россію „запрещенными“ товарами [1]), то англичане, можетъ быть, по приказанію своей королевы, напуганной Сигизмундомъ польскимъ, попросту не привозили къ намъ такихъ товаровъ. Тогда правительству приходилось изворачиваться иначе. Дѣло въ томъ, что Европа нуждалась въ воскѣ, который въ изобиліи еще издревле шелъ къ ней изъ Россіи. И вотъ, чтобы сломить упорство англичанъ и другихъ иностранцевъ съ Запада, отказывавшихся привозить къ намъ боевые припасы, правительство Ѳеодора Ивановича рѣшило допускать торговлю съ иностранцами воскомъ лишь въ обмѣнъ на нужные ему припасы. Указъ объ этомъ вышелъ около 1589 года. До насъ онъ не дошелъ. Но о немъ мы можемъ судить по тому же письму Ѳеодора Ивановича къ Елисаветѣ отъ 1589 года, въ которомъ царь пишетъ, что „мы ныне учинили впередъ въ своемъ государстве указъ свой твоимъ торговымъ людемъ и всякимъ иноземцомъ розныхъ государствъ: хто вывезетъ зелье и ямчюгу и сѣру и свинецъ, и тотъ бы товаръ меняли по договору съ нашими торговыми людми на нашъ товаръ, на воскъ, а хто не вывезетъ товару того зелья и ямчюги и свинцу, тѣмъ гостемъ воску изъ нашего государства не выпустятъ, а опрочѣ того товару зелья и ямчюги и сѣры и свинцу і воску всякой товаръ по старинѣ съ обе стороны торговати по старинѣ“ [2]).

Ѳеодоръ Ивановичъ писалъ, что онъ учинилъ указъ не только англійской компаніи, но и „всякимъ иноземцомъ розныхъ государствъ“.

---

[1]) Датскій Архивъ. № 256. Чтенія. 1893 г. кн. I, стр. 74.

[2]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXVIII, стр. 203. Статейный списокъ посольства Флетчера. Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, кн. VIII, стр. 24. Н. М. Карамзинъ. Ист. Гос. Рос., т. X, гл. III, стр. 116—118, прим. 335 и 338.

Выходитъ, что указъ 1589 года касался всѣхъ иностранцевъ.

Этотъ указъ очень не понравился англичанамъ. Уже въ 1590 году Елисавета жаловалась Θеодору, что ея гости терпятъ большіе убытки съ торговлей воскомъ: приказные его навязываютъ англичанамъ по высокой цѣнѣ, а за него берутъ селитру по низкой цѣнѣ [1]). Изъ Россіи отвѣчали, что насильно воску не навязываютъ. а если англичане не хотятъ его покупать по соотвѣтствующей цѣнѣ, то это ихъ воля; воскъ останется въ Россіи [2]).

На этомъ мы кончаемъ исторію XVI вѣка и видимъ, что въ Московскомъ государствѣ къ XVII вѣку уже имѣется цѣлый рядъ ограниченій относительно объектовъ торговыхъ сдѣлокъ, заключаемыхъ иностранцами.

Посмотримъ, что говоритъ XVII вѣкъ.

Въ 1601 г. царь Борисъ Федоровичъ и сынъ его Федоръ Борисовичъ „всеа Русіи, города Риги, буимистровъ и ратмановъ и полатниковъ пожаловали, велѣли имъ приезжати въ наши в великіе государства, в великій Новгородъ и во Псковъ и въ Иваньгородъ и въ царствующій нашъ градъ Москву со всякими товары, и торговати с нашими госми и с торговыми людми на всякой товаръ поволною торговлею, опричь заповедныхъ товаровъ; а какъ, исторговався, похотятъ ѣхати изъ нашихъ государствъ к себѣ в Ригу, и имъ изъ нашихъ государствъ ѣхати къ себѣ волно со всѣми своими животы и с товары, безо всякого задержанья и зацѣпки, по сей нашей царской жаловалной грамоте“ [3]). Эта грамота предоставляетъ нѣмцамъ полную свободу въ торговлѣ всякими товарами, кромѣ заповѣдныхъ. Какіе это заповѣдные товары—грамота не перечисляетъ. Повидимому, они всѣ извѣстны и государю Борису Θеодоровичу, и сыну его Θеодору Борисовичу, и нѣмцамъ.

Въ 1600 году, т. е. почти наканунѣ жалованной грамоты рижскимъ нѣмцамъ была запрещена царемъ вывозная

---

[1]) Ю. Толстой. Россія и Англія. № 73, стр. 388.

[2]) ib. № 75, стр. 405.

[3]) Рус. Лив. Акты, № CCCXCIX, стр. 402.

торговля хлѣбомъ, и указъ о запрещеніи примѣнялся настолько сурово, что иностранцы не могли достать хлѣба на прокормленіе. По крайней мѣрѣ, Холмогорскіе приказные люди въ томъ же году доносили царю о челобитьѣ „Аглинскихъ и Галанскихъ Барабанскихъ торговыхъ Нѣмецъ“, чтобъ ихъ государь пожаловалъ—„велѣлъ имъ ѣздити на Колмогоры купити хлѣбного запасу—муки, крупъ и солоду, чтобъ имъ, живучи у корабленой пристани и моремъ идучи до своей земли, прокормитца“ [1]).

Этотъ указъ интересенъ не только тѣмъ, что онъ запрещаетъ продавать иностранцамъ хлѣбные запасы, но и тѣмъ, что онъ такъ же, какъ и грамота въ Ригу 1601 года, упоминаетъ о заповѣдныхъ товарахъ. Но онъ почему то отдѣляетъ хлѣбъ отъ заповѣдныхъ товаровъ. Онъ приказываетъ: „беречи накрепко, чтобъ руские люди у корабленой пристани нѣмцамъ на карабли хлѣбныхъ запасовъ и заповедныхъ товаровъ тайно не продавали“. Приказные, получивъ указъ, доносятъ государю, что они „рускимъ людемъ заказали и головамъ таможенымъ памяти дали и велѣли того беречи накрепко, чтобъ руские люди хлѣбныхъ запасовъ и заповедныхъ товаровъ нѣмцамъ на корабли тайно не продавали“ [2]).

Если считать, что указъ 1600 года впервые устанавливаетъ запрещеніе вывоза хлѣба, то становится совершенно понятнымъ отдѣленіе хлѣба отъ остальныхъ заповѣдныхъ товаровъ: онъ еще не успѣлъ войти въ ихъ число. Въ 1601 году, въ грамотѣ Ригѣ его уже не выдѣляютъ.

Этотъ указъ 1600 года дѣйствовалъ не только въ 1601 г., когда выдавалась упомянутая грамота, но и въ 1602 году, когда бергенцы жаловались, что русскія власти запрещаютъ имъ покупать въ Лапландіи рожь, медъ, свиное сало и другіе припасы [3]). Онъ дѣйствовалъ и въ 1627 году. Это можно заключить изъ того, что не иначе, какъ по разрѣшенію государя, въ 1627 г. былъ купленъ датскимъ купцомъ Давидомъ Рутцомъ хлѣбъ и отпущенъ въ Данію. Объ этомъ увѣ-

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXVIII, стр. 381.

[2]) Ibid.

[3]) Датскій Архивъ, № 570, стр. 157. Чтенія. 1893 г., кн. I.

домлялся датскій король [1]). Въ слѣдующемъ году опять разрѣшили, по просьбѣ короля, купить въ Россіи недокупленное въ 1627 году количество хлѣба [2]). Въ слѣдующемъ году повторяется тоже самое, при чемъ государь, особой грамотой увѣдомляя короля датскаго, что онъ разрѣшилъ бергенцамъ Нильсу Матцену и Крину Кринсену Гофту съ товарищами закупить въ текущемъ году въ Россіи для Даніи по 1500 ластовъ хлѣба каждому, несмотря на недородъ хлѣба въ Россіи и значительный вывозъ хлѣбныхъ запасовъ изъ Россіи въ Швецію, Голландію и другія государства, по случаю постигшаго эти государства неурожая, предупреждаетъ, что это разрѣшеніе дано единственно вслѣдствіе прошенія короля, а не для наживы помянутыхъ купцовъ, и только на этотъ одинъ годъ [3]).

Несмотря на это въ 1630 г. опять было разрѣшено покупать для Даніи хлѣбъ Матцену и Кринсену въ теченіе трехъ лѣтъ [4]). Въ 1633 г. разрѣшеніе дали только на этотъ годъ и т. д. [5]).

Въ 1624 г. пріѣхалъ въ Россію голландскій посланникъ Масса съ прошеніемъ о дозволеніи голландцамъ покупать въ Россіи и вывозить ежегодно по два корабля хлѣба [6]).

Такого разрѣшенія не могли дать, такъ какъ хлѣбъ отпускали въ зависимости отъ урожая. Поэтому въ 1630 г. голландскій гонецъ Кузортъ просилъ о разрѣшеніи одному амстердамскому купцу нѣкоему фонъ Бейерланту купить 2000 ластовъ хлѣба [7]) Въ 1634 г. изъ Голландіи пріѣхалъ въ Россію гость и просилъ отъ имени Голландскихъ Шта-

---

1) Рус. Акт. Копенг. Госуд. Арх., № 118. Рус. Ист. Библ., т. XVI.

2) Ib. № 120.

3) Ib. №№ 121 и 122.

4) ib. № 124.

5) ib. № 128.

6) Москов. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла. 1624 г. августа 6 — дек. № 2.

7) ib. Голландскія дѣла, въ книгахъ. 7138 — 1630 апрѣля 15—17 марта 1631, № 1.

товъ вывести въ Голландію пять или шесть тысячъ ластовъ ржи[1]) Въ 1637 г. прибылъ другой гость съ грамотами голландскаго правительства и просилъ объ отпускѣ въ Голландію до 100000 четвертей ржи[2]). Въ 1649 г. опять просили о продажѣ и отпускѣ въ Голландію 15 или 20 кораблей всякаго хлѣба[3]).

Въ 1631 году французскій гонецъ съ грамотой французскаго короля просилъ государя о разрѣшеніи купить въ Россіи на пропитаніе подданныхъ французскаго короля 6000 ластовъ хлѣба[4]).

А передъ этимъ пріѣзжалъ англійскій гонецъ съ прошеніемъ короля купить въ Россіи 30000 четвертей хлѣба[5]).

Съ 1628 по 1634 г. было отпущено изъ Россіи для Швеціи 335805 четвертей хлѣба[6]).

Въ 1633 г. грамотой отъ 9 мая Шведское правительство просило Михаила Θеодоровича объ установленіи вольной покупки хлѣба въ Россіи, но ходатайство успѣха не имѣло и впослѣдствіи шведамъ такъ же, какъ и другимъ, приходилось каждый разъ ходатайствовать особенно[7]).

Въ 1648 году шведскій посолъ Ирикъ Гульденштернъ говорилъ съ боярами о хлѣбной покупкѣ, „чтобъ царскому величеству по прошенью свѣйскіе королевы поволити еѣ подданнымъ Свѣяномъ в его царскаго величества государствѣ, в Новгородцкомъ и во Псковскомъ уѣздехъ, хлѣба купить“ [8]).

---

1) ib. Голландскія дѣла. 1634 ноября 29—августа, № 3.

2) ib. Голландскія дѣла. 1637 г. марта 2 и 11 мая, № 3.

3) ib. Голландскія дѣла. 1649 г. декабря 25, № 2.

4) Бантышъ-Каменскій. Обзоръ. ч. IV, стр. 80.

5) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Англійскія дѣла. 1630 г. февраля 17, № 2.

6) Бантышъ-Каменскій. Обзоръ., ч. IV, стр. 170.

7) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла. 1633 г. маія 9

8) Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII вѣка. Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Шведскаго Государственнаго Архива, К. И. Якубовымъ, ч. V. Русскіе Акты, стр. 404, ч. VI. Донесеніе швед-

Въ пятидесятыхъ годахъ XVII вѣка опять идетъ переписка между датскимъ королемъ и нашимъ государемъ о разрѣшеніи вывести изъ Россіи извѣстное количество хлѣба[1]). О томъ же просятъ въ 1652, 1675 г.г. Голландскіе Штаты[2]).

Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ, кромѣ случая 1600 г., имѣвшаго мѣсто на Холмогорахъ, хлѣбъ покупался иностранцами большими партіями. Можетъ быть, въ виду этого послѣдняго обстоятельства, требовалось разрѣшеніе самого государя на продажу хлѣба?

Но случай 1600 г., когда иностранцы были вынуждены испрашивать особое разрѣшеніе на покупку хлѣба для своего прокормленія, заставляетъ обратить вниманіе не только на количество проектируемой покупки, а вообще на право иностранцевъ покупать хлѣбъ въ какомъ бы то ни было количествѣ.

Случай 1600 г. былъ не единственнымъ въ своемъ родѣ. Въ 1635 году въ Посольскомъ Приказѣ производилось особое дѣло о разрѣшеніи англійской компаніи купить въ Вологдѣ хлѣбныхъ запасовъ для своихъ надобностей. Въ этомъ году англичане просили государя разрѣшить имъ купить „солоду и муки пшеничной и ржаной и пшеницы"; при этомъ они объясняли, что „по твоей государской милости преже сего повольно было намъ на Вологдѣ и у Архангелского города купити солодъ и муки ржаные и пшеничной и пшеницы про свою нужу".

Въ этой просьбѣ все характерно: и указаніе на прежнюю практику покупки хлѣбныхъ запасовъ съ разрѣшенія государя и указаніе на цѣль покупки.

Какъ и слѣдуетъ, по этому прошенію англичанъ По-

скаго резидента Карла Поммеренинга королевѣ Христинѣ, стр. 434 и слѣд. Чтенія. 1898 г., кн. 1.

[1]) Датскій Архивъ. №№ 868, 870, 872 - 874. Чтенія, 1893 г., кн. I, стр. 234 и слѣд. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ, ч. 1, стр. 227.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла. 1652 г. генваря 29, № 3. Голландскія дѣла, въ книгахъ. 7183—1675 іюня 5—6 декабря 1676 г. № 9.

сольскій Приказъ составилъ справку о прецедентахъ. Оказывается, что англичане каждый годъ нуждаются въ хлѣбныхъ запасахъ, просятъ о покупкѣ ихъ у государя и государь разрѣшаетъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было имъ разрѣшено купить въ 1634 году 300 четвертей солоду и 150 четвертей муки ржаной и пшеничной или пшеницы. Въ 1633 году имъ разрѣшили купить 400 четвертей солоду, а муки столько же. Въ 1632 году опять то же количество. Когда государь писалъ указъ о разрѣшеніи покупки такого то количества припасовъ, то ссылался на прежніе указы и говорилъ что онъ разрѣшаетъ „по прежнему". Точно также и англичане въ своихъ челобитныхъ, приведенныхъ въ справкѣ Посольскаго Приказа, напр. въ челобитной 1633 г., писали, что они просятъ государя, чтобы онъ разрѣшилъ имъ покупку „по прежнему своему государеву указу" [1]).

Для насъ совершенно ясно, что хлѣбъ не могъ быть продаваемъ иностранцамъ въ общемъ порядкѣ, продавался не иначе, какъ по особымъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшеніямъ государя и былъ такимъ образомъ однимъ изъ заповѣдныхъ товаровъ.

Онъ такъ и называется въ наказѣ Вяземскимъ воеводамъ отъ 1621 года, когда государь приказываетъ воеводамъ, „Вяземскимъ всякимъ людямъ заказати жъ накрѣпко, чтобъ они литовскимъ купцомъ заповѣдныхъ товаровъ: меду, воску, мяса, и рыбы и хлѣба не продавали" [2]) Въ наказѣ тѣмъ же воеводамъ отъ 1622 г. къ перечисленнымъ товаромъ прибавлены: вино, соль и золото [3]).

Тоже мы видимъ и въ наказѣ Торопецкому воеводѣ 1628 года, который долженъ былъ смотрѣть, чтобы въ Торопцѣ „литовскимъ купцамъ заповѣдныхъ товаровъ, меду, и воску, и вина, и хлѣба, и рыбы и соли не продавали и денегъ бы и золотыхъ еѳимковъ за рубежъ не пропускали одноличпо никакими мѣрами" [4]).

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Англійскія дѣла 1635 г. генваря—іюня 7, № 3; ib. 1634 г. іюня—сентября, № 2.

[2]) Акты Московскаго государства, т. I, № 135.

[3]) Акт. Ист., т. III, № 116.

[4]) Акт. Московск. Госуд., т. I, № 202.

Въ отпискѣ сѣвскаго воеводы на имя государя отъ 1638 года, когда воевода перечисляетъ какими товарами повольно торговать „литовскимъ торговымъ людем с государевы с торговыми людьми“, то говоритъ: „всякими товары опричь заповедных товаровъ крестов, меду, воску, вина, хлѣба золотых еѳимков“ [1]).

Припомнимъ, что когда мы заговорили объ указѣ 1600 г., впервые запретившемъ вольную продажу хлѣба иностранцамъ, то тогда же установили, что этотъ указъ не вводилъ новаго понятія заповѣдныхъ товаровъ. Этимъ указомъ къ нимъ впервые былъ причисленъ хлѣбъ. До этого указа заповѣдные товары существовали и не въ единственномъ числѣ, а во множественномъ, такъ какъ говорилось о товарахъ, а не о товарѣ.

Дѣйствительно, мы уже знаемъ, что въ 1571 г. въ Новгородѣ запретили вывозить золото и серебро. Но относилось ли это запрещеніе только къ Новгороду? Изъ того, что до насъ дошла грамота только Новгородская еще не слѣдуетъ, что и данная мѣра относилась только къ Новгороду.

Изъ приведенныхъ нами выше государевыхъ наказовъ воеводамъ: Вяземскимъ отъ 1622 года и Торопецкому отъ 1628 г., а также отписки сѣвскаго воеводы отъ 1638 г., видно, что и въ торговлѣ съ поляками, въ совершенно другихъ областяхъ, золото было заповѣднымъ товаромъ.

Правда, эти послѣдніе три документа сильно разнятся во времени съ Новгородской грамотой. Поэтому наше предположеніе объ общеобязательности запрещенія еще въ XVI вѣкѣ вывозить изъ Россіи благородные металлы должно быть подкрѣплено еще чѣмъ нибудь, болѣе солиднымъ.

Мы имѣемъ наказъ Астраханскимъ воеводамъ отъ 1625 года, запрещающій торговать въ Астрахани съ иностранцами заповѣдными товарами, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ: золото и серебро [2]).

Мы не только не можемъ утверждать, что этотъ наказъ впервые вводитъ для Астрахани разбираемую мѣру, но

---

1) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Польскія дѣла. 1638 г. № 2.

2) Акт. Ист., т. III, № 134.

должны категорически заявить, что онъ не вводитъ этого. Еще въ 1617 г. золото и серебро считалось въ Астрахани заповѣднымъ товаромъ и не подлежало вывозу заграницу. Когда персидскій подданный Сеитъ „повезъ изъ Асторахани на себѣ тайно, зашивъ въ рубашкѣ заповѣдныхъ денегъ сто рублевъ", то астраханскіе воеводы, по доносу нѣкоего Лачинка, „посылали за тѣмъ тезикомъ обыскивать ево, на бусу, и нашли у того человѣка зашито въ рубашкѣ сто тринадцать рублевъ старыхъ московскихъ денегъ, и тѣ деньги.... взяли въ государеву казну" [1]).

Здѣсь характерно не только то обстоятельство, что у Сеита конфисковали вывозимыя имъ изъ Россіи деньги, но и то, что самъ Сеитъ зналъ, что ему нельзя было этого дѣлать; поэтому онъ и вывозилъ деньги тайно. Слѣдовательно, еще ранѣе 1617 года, на другомъ концѣ Московскаго государства, а именно въ Астрахани, было запрещено вывозить заграницу золото и серебро.

Если это запрещеніе въ началѣ XVII вѣка уже дѣйствовало и, какъ мы видѣли, въ разныхъ частяхъ государства, то ничего нѣтъ удивительно въ томъ, что оно могло быть издано въ концѣ XVI вѣка, въ качествѣ общеобязательнаго.

Оно сохраняло свою силу не только при Михаилѣ Θеодоровичѣ, но и при Алексѣѣ Михаиловичѣ и Θеодорѣ Алексѣевичѣ.

Въ наказѣ Астраханскаго воеводы стрѣлецкому головѣ отъ 1673 года говорится, чтобы „заповѣдныхъ никакихъ товаровъ, золота и серебра.... изъ Астарахани за море не вывозили никоторыми дѣлы" [2]). Указомъ 1677 года подтверждается запрещеніе русскимъ купцамъ, съ которыми только и могли торговать Кизылбашскіе купцы въ Москвѣ, продавать этимъ послѣднимъ золото и серебро въ издѣліяхъ [3]).

Итакъ, мы имѣемъ два рода заповѣдныхъ товаровъ:

---

[1]) Труды Восточн. Отдѣл. Импер. Рус. Археол. Общ., т. XXII, стр. 299 и 344.

[2]) Доп. Акт. Ист., т. VI, № 92.

[3]) Акт. Арх. Эксп., т. IV, № 218.

хлѣбъ и благородные металлы. Если считать, что хлѣбъ былъ запрещенъ въ 1600 году, то эти послѣдніе гораздо его старше.

Мы видѣли ихъ запрещеніе въ 1571 году. Но ранѣе этого времени другихъ запрещеній не знаемъ. Наоборотъ, у насъ есть свѣдѣнія, что при великихъ князьяхъ Василіи Ивановичѣ и Иванѣ Васильевичѣ такихъ запрещеній не было. Это видно изъ переговоровъ литовскихъ пословъ съ русскими боярами въ 1537 году. Послы говорили боярамъ, что „гость вилневской былъ на Москвѣ при великомъ князѣ Васильѣ, да купилъ дей серебро, и въ томъ его пограбили, товару у него много поимали". Послы требовали объясненій и возвращенія товара. На это бояре отвѣчали: „такъ и есть; было то при великомъ государѣ Васильѣ: покупалъ тотъ гость серебро, съсуды всякіе, да лилъ его въ воскъ; а во государя нашего государствѣхъ купити серебро явно, и сказати приказнымъ людемъ; а онъ купилъ и не сказалъ, да еще лилъ въ воскъ, и въ томъ его уличили и товаръ его взяли; а показалъ надъ нимъ государь милость, что его казнити не велѣлъ, а дошелъ былъ казни" [1]).

По этому отвѣту можно судить, что не только при Василіи Ивановичѣ, но и при Иванѣ Васильевичѣ серебро можно было покупать и вывозить заграницу, но надо было дѣлать это явно [2]).

Такъ или иначе, но запрещеніе благородныхъ металловъ старше запрещенія хлѣба. Но есть и ихъ старше. Это вино.

---

[1]) Сборн. Импер. Рус. Ист. Общ., т. LIX, стр. 108.

[2]) При описаніи времени Ивана III и Василія Ивановича говорятъ, что хотя государь и хотѣлъ, чтобы русскіе только мѣнялись товарами съ иностранцами, а не покупали ихъ на деньги, однако не запрещалъ вывозить монету изъ Россіи. См. Н. М. Карамзинъ, Ист. госуд. Рос., т. VII, стр. 125. Ф. Аделунгъ, Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи до 1700 года и ихъ сочиненій. Перев. Клеванова, 1864 г., ч. I, стр. 152, 210. Капитанъ Маржеретъ, Состояніе Россійской Державы и Великаго Княжества Московскаго, съ присовокупленіемъ извѣстій о достопамятныхъ событіяхъ, случившихся въ правленіе четырехъ государей, съ 1590 года по сентябрь 1606 г. Перев. съ французскаго, 1830 г., стр. 42.

Постановленіе о винѣ мы видѣли еще въ XV и въ XVI вѣкахъ, въ договорахъ Новгорода и Пскова.

Это совершенно понятно потому, что продажа вина издревле была, въ видѣ общаго правила, регаліею казны.

Когда Иванъ Грозный поселилъ ливонскихъ плѣнныхъ въ Яузской слободѣ, близъ Москвы, то надѣлилъ ихъ, въ видѣ особаго исключенія, правомъ продажи вина, меда и другихъ напитковъ. Эта привилегія плѣнныхъ сослужила для нихъ плохую службу. Разбогатѣвъ отъ нея, ливонцы навлекли на себя гнѣвъ царя, и онъ въ одну ночь съ опричниками разграбилъ слободу.

Не считаясь съ исключеніями, мы должны сказать, что въ XVI вѣкѣ не было свободной продажи питей, и, если кто имѣлъ право держать ихъ у себя въ домѣ, то только для собственныхъ надобностей. Служилые люди пользовались такимъ правомъ, но и тѣмъ приходилось иногда туго отъ приказныхъ, наблюдавшихъ за исполненіемъ закона. Государю другой разъ случалось защищать однихъ отъ другихъ. Такъ, въ 1589 году въ Новгородѣ служили въ нѣмецкихъ толмачахъ Семенъ Карклинъ и сынъ его Петръ. Однажды они устроили у себя пиръ и пригласили гостей. Мѣстный дьякъ Семенъ Емельяновъ, усердствуя въ исполненіи своихъ обязанностей по надзору за недержаніемъ незаконнаго вина, явился на пиръ, потребовалъ къ отвѣту какъ хозяевъ, такъ и гостей ихъ, за слишкомъ, повидимому, обильную наличность винъ „и лаял ихъ матерны і всякими не подобными лаями и називал ихъ воры и всякое насилство чинил и питья про себя держати не велѣлъ и заповед на нихъ правил". Толмачи жаловались государю. Тогда на имя Новгородскихъ воеводъ вышелъ 28 октября 1589 г. указъ царя, въ которомъ описывалось учиненное Семеномъ Емельяновымъ насиліе, указывалось, что кромѣ одного погребца съ виномъ, которымъ пользовались у Карклина на пиру, „иного деи питья втѣ поры никоторого у него небыло" и строжайше предлагалось воеводамъ беречь Карклиныхъ какъ отъ дьяка Емельянова, такъ и отъ другихъ всякихъ людей, никакихъ насильствъ, обидъ и продажъ имъ не чинить и чтобъ „не вѣдалъ бы ихъ Семенко ни в чом, а вѣдали ихъ во всем вы воеводы наши". Кромѣ того, подтверждалось пра-

во держать толмачамъ питье на себя, но не на продажу [1]).

Мы видѣли, что въ Лапландіи въ 1602 году бергенцы никакъ не могли достать себѣ отъ русскихъ меду.

Когда въ 1603 г. Борисъ Годуновъ надѣлялъ Ганзейскій Союзъ жалованной грамотой на привилегированную торговлю въ Россіи, то писалъ въ грамотѣ, что ганзейскіе купцы могутъ держать русское вино, пиво и медъ на дому лишь для своего собственнаго употребленія, а никакъ не на продажу, продавать же единственно могли иностранныя вина и только оптомъ, бочками или куфами, но не меньшей мѣрой [2]).

Тѣ изъ иностранцевъ, которые вопреки закону, всетаки, пробовали вести торговлю русскимъ виномъ, платились за это.

Флетчеръ въ своемъ сочиненіи „О Государствѣ Русскомъ" пишетъ: „Изъ англичанъ, съ тѣхъ поръ, какъ они начали пріѣзжать сюда, не было ни одного, который бы до того забылъ Бога, свою вѣру и отечество, чтобы рѣшился перекреститься въ Русскую вѣру, по страху ли, предпочтенію, или по какимъ либо другимъ причинамъ, кромѣ одного Ричарда Рельфа, который, занимаясь прежде безбожною торговлею, какъ содержатель кабака (вопреки тамошнимъ постановленіямъ), и будучи лишенъ права торговать, между тѣмъ какъ царскіе чиновники отняли у него все имущество, самъ перешелъ въ прошедшемъ году въ русскую вѣру" [3]).

Въ XVII вѣкѣ законодательство о торговлѣ виномъ продолжается въ томъ же духѣ.

Въ XVII вѣкѣ иностранцамъ запрещается какъ привозить въ Россію вино горячее, такъ точно и держать корчемное питье.

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ, 7097—1589, № 22, св. 2.

[2]) Supplementum ad Historica Russiae Monumenta, XCIX, CV, Н. М. Карамзинъ. Ист. гос. рос., т. XI, гл. I, стр. 47—49, прим. 108. Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ, ч. II, стр. 192.

[3]) Флетчеръ. О государствѣ русскомъ. Изд. 2, 1905 г., стр. 106.

Наказомъ Вяземскимъ воеводамъ 1621 года предписывается: „приказати головамъ, которые будутъ у воротъ и на гостинномъ дворѣ приставлены, будетъ литовскіе купцы учнутъ въ Вязьму привозити вино горячее, и тѣхъ купцовъ съ виномъ въ городъ пускать не велѣть, и велѣть ихъ отсылать назадъ за рубежъ“ [1]). Тоже значится и въ наказѣ Торопецкому воеводѣ 1628 года [2]). И тотъ и другой наказы, а также и отписка Сѣвскаго воеводы отъ 1638 года, говорятъ о винѣ и о медѣ, какъ о заповѣдныхъ товарахъ.

Въ наказахъ Архангельскимъ таможеннымъ головамъ отъ 1649, 1654 и 1667 г.г. постоянно встрѣчается предписаніе, чтобы иностранцы „корчемного питья и табаку отнюдь не держали“ [3]).

Половина статей главы XXV Уложенія 1649 года посвящена мѣрамъ пресѣченія корчемнаго питья и продажи. Но, повидимому, мѣры Уложенія плохо достигали цѣли.

Въ 1681 г. указъ отъ 18 іюля грозилъ иностранцамъ разныхъ государствъ и земель, служилымъ и торговымъ, и мастеровымъ и инымъ всякихъ чиновъ людямъ, если они начнутъ вино и пиво и медъ продавать или въ цѣну за что нибудь кому отдавать, отписаніемъ у нихъ дворовъ и животовъ, и всякихъ промысловъ, и заводовъ на великаго государя и ссылкой ихъ, куда государь укажетъ [4]).

Въ 1688 году опять грозятъ карами ослушникамъ указовъ о винѣ. „А буде кто, говоритъ указъ отъ 8 февраля, русскіе люди и иноземцы сами учнутъ, или людем своим и крестьяномъ велятъ вино и иное корчемное питье продавать, а по извѣту и по розыску про то сыщется допряма: и у тѣхъ людей имать на великихъ государей, у помѣстныхъ и у вотчиныхъ помѣстья ихъ и вотчины и дворы и животы ихъ, а у безпомѣстныхъ и у торговыхъ людей по томужъ

1) Акт. Московск. госуд., т. I, № 135.

2) Ib., № 202.

3) Доп. Акт. Ист., т. III, №№ 55 и 116; т. V, № 40.

4) Полн. Собр. Зак., т. II, № 879, ст. 24.

дворы и животы и лавки и всякіе торговые промыслы и заводы, все, что у кого ни есть, безповоротно [1]).

Параллельно этимъ общимъ узаконеніямъ правительство и въ отдѣльныхъ частныхъ указахъ и распоряженіяхъ, касавшихся иностранцевъ тѣхъ или иныхъ національностей или опредѣленныхъ мѣстностей, старалось указать на вино, какъ на товаръ заповѣдный. Объ этомъ говоритъ цѣлый рядъ документовъ, касающихся польскихъ купцовъ, напр. отъ 1638, 1646, 1647, 1672, 1686 годовъ, шведскихъ купцовъ, напр. отъ 1661 года, касающихся пріѣзда иностранныхъ купцовъ въ Старорусскій уѣздъ, напр. въ 1649 г., или торговли иностранцевъ въ Новоиноземской Слободѣ отъ 1659 и 1663 гг. [2]).

Слѣдующимъ предметомъ, торговля которымъ безусловно не признавалась въ Московскомъ государствѣ, былъ табакъ.

Указомъ 1634 г. была установлена смертная казнь съ конфискаціей имущества за употребленіе, продажу и держаніе у себя табаку. Хотя Уложеніе и подтверждаетъ этотъ указъ, но наказанія устанавливаются имъ другія; по Уложенію, за употребленіе и продажу табаку велѣно рѣзать носы, рвать ноздри, ссылать на поселеніе и конфисковать имущество виновныхъ, о смертной же казни, не говорится. Но еще ранѣе Уложенія смертная казнь, какъ наказаніе „за табачные приводы", стала замѣняться тѣлеснымъ наказаніемъ. Такъ, въ наказѣ 1644 года Якутскимъ воеводамъ велѣно людей, имѣющихъ табакъ, наказывать кнутомъ, а табакъ отбирать [3]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 1276, ст. 5.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Польскія дѣла 1638 г., № 2. Описаніе документовъ и бумагъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, кн. XI, № 206, V. Акт. Московск. госуд., т. II, № 292. Полн. Собр. Зак., т. I, № 536; т. II, № 1186, п. 27. Акт. Ист., т. IV, № 162. Доп. Акт. Ист., т. Ш, № 65. М. Чулковъ, Исторія законодательства о табачной промышленности въ Россіи до Екатерины II. Юридическій Сборникъ, изд. Д. Мейеромъ, 1855 г., стр. 514.

[3]) Уложеніе 1649 г., гл. XXV, ст. ст. 11—16. Чулковъ. Исторія законодательства о табачной промышленности. Юрид. Сборн. Мейера, стр. 497—502.

Запрещеніе торговли табакомъ часто содержится въ томъ же документѣ, какъ и запрещеніе торговли корчмою. Въ Уложеніи глава XXV озаглавлена: указъ о корчмахъ. Между тѣмъ, изъ 21 статьи этого указа половина говоритъ про табакъ. Въ приведенныхъ выше наказахъ Архангельскимъ таможеннымъ головамъ отъ 1649, 1654 и 1667 г.г. подлѣ корчмы упоминается и табакъ. Точно такъ же въ наказахъ стольникамъ, вѣдавшимъ Новоиноземскую слободу, въ указахъ относительно торговли шведовъ 1661 года и поляковъ 1647 и 1672 гг. и др. [1]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 536. Акт. Московск. госуд., т. II, № 292. Акт. Ист., т. IV, № 162. Доп. Акт. Ист., т. III, №№ 55, 65 и 116; т. V, № 40. Олеарій. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію. Пер. П. Барсова. 1870 г., стр. 293. Новое изданіе 1906 г. пер. А. М. Ловягина. Чулковъ. Исторія законодательства о табачной промышленности, стр. 506, 508—511. Д. В. Цвѣтаевъ. Протестантство, стр. 762.

Интересенъ поворотъ по отношенію къ табаку нашего правительства наканунѣ XVIII вѣка. Въ 1698 году Россійскіе полномочные послы Лефортъ съ товарищами и англійскій адмиралъ лордъ Декармартеръ заключили договоръ о вывозѣ изъ Англіи табаку и о продажѣ его во всемъ Россійскомъ государствѣ. Въ слѣдующемъ году пошли еще дальше. Петръ I послалъ англійскому королю грамоту о нечиненіи препятствія англійской компаніи, торгующей въ Россіи табакомъ. Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Дѣла англійскія. 1698 г. марта 4 и апрѣля 16, № 1, ib. 1699 г. марта 7, № 1.

Надо отмѣтить, что суровость постановленій о куреніи табака всецѣло имѣла примѣненіе только по отношенію къ русскимъ людямъ и вообще православнымъ. Поэтому греки, пріѣзжавшіе въ Россію, подвергались суровымъ наказаніямъ за куреніе табака. Что же касается иностранцевъ-нѣмцевъ, то уже Адамъ Олеарій отмѣчаетъ, что нѣмцы могли курить табакъ. Насколько это разрѣшалось или преслѣдовалось— другой вопросъ, но фактъ открытаго куренія остается. Въ 1667 г. само правительство санкціонируетъ куреніе табака иностранцами. Въ жалованной грамотѣ Армянской компаніи отъ 1667 г. позволяется иностранцамъ имѣть „про себя, а не на продажу" по 20 фунтовъ табака на каждаго. Полн. Собр. Зак., № 409. А. Олеарій. Описаніе, стр. 293. Л. П. Рущинскій. Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII в. Чтенія. 1871 г., кн. III, стр. 99. Н. Каптеревъ. Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 1885 г., стр. 158.

Мы должны отмѣтить, что начало запрещеній торговли корчмою и табакомъ неодновременно. Если торговля корчмою, какъ мы видѣли, запрещалась издавна, то по отношенію къ торговлѣ табакомъ этого не могло быть. Въ Западной Европѣ табакъ сталъ извѣстенъ не ранѣе половины XVI вѣка, а у насъ и того позже.

Далѣе, воскъ, несомнѣнно, былъ заповѣднымъ товаромъ. Мы уже видѣли указы Ивана Грознаго относительно воска, касавшіеся Новгорода и Пскова. Видѣли указъ Θеодора Ивановича объ обмѣнѣ воска только на сѣру, свинецъ, ямчугу и зелье. Наконецъ, видѣли наказы Вяземскимъ и Торопецкому воеводѣ и отписку Сѣвскаго воеводы, гдѣ воскъ значится въ числѣ заповѣдныхъ товаровъ.

То запрещалась, то разрѣшалась торговля съ иностранцами солью. Такъ, мы видѣли, что, по договору Новгорода и Пскова съ Лифляндіей отъ 1509 г., нѣмцы не могли торговать солью, а въ договорѣ отъ 1521 года тѣхъ же контрагентовъ такого запрещенія уже не было. Въ наказахъ Вяземскимъ воеводамъ и Торопецкому соль значится въ числѣ заповѣдныхъ товаровъ, которые нельзя отпускать за границу. Точно также запретили вывозить соль изъ Пскова въ 1623 году, заказали подъ смертною казнью, чтобы псковичи „торговые люди, никаковъ человѣкъ, за рубежъ соли и иныхъ никакихъ заповѣдныхъ товаровъ никому не продавали и на товары не мѣняли“ [1]). Эти правительственные акты, касавшіеся Вязьмы, Торопца и Пскова, всѣ относятся ко времени отъ 1621 г. до 1628 г. Въ послѣдующее время о соли ничего не говорится.

Для полноты картины можемъ еще напомнить о салѣ, которое значится въ указахъ Ивана Грознаго въ 1555 году и которое въ 1602 г. не давали покупать бергенцамъ, а также о мясѣ и рыбѣ, которые значатся въ наказахъ Вяземскихъ и Торопецкомъ въ числѣ заповѣдныхъ товаровъ.

Кромѣ перечисленныхъ нами товаровъ, называвшихся въ документахъ заповѣдными, мы можемъ привести еще

---

[1]) Акт. Арх. Эксп., т. Ш, № 136.

нѣсколько товаровъ, которые заповѣдными не назывались, но по существу были таковыми.

Такъ, въ началѣ XVII вѣка голландецъ Карлъ Демулинъ имѣлъ на Холмогорахъ канатный заводъ. Для выдѣлки канатовъ требовалась смола. И вотъ въ 1623 году Демулинъ пишетъ государю, что мѣстные воевода и дьякъ не даютъ ему покупать смолы; между тѣмъ, заводъ безъ смолы быть не можетъ, и потому Демулинъ проситъ государя, чтобы онъ разрѣшилъ ему покупать смолу спеціально для его завода.

Уже изъ этого видно, что къ 1623 году иностранцамъ было запрещено продавать смолу. По крайней мѣрѣ, правительство не хотѣло, чтобы смола свободно уходила за границу.

Холмогорскія власти, не вникая въ суть дѣла Демулина, запрещали покупать ему смолу только потому, что онъ иностранецъ. Государь, разсмотрѣвъ его челобитную, вошелъ въ его положеніе канатнаго заводчика и разрѣшилъ ему покупать смолу, но въ видѣ исключенія; въ качествѣ же общаго правила подтвердилъ прежнее запрещеніе о продажѣ смолы иностранцамъ. Буквально государь приказалъ слѣдующее: „дати грамота: велѣти имъ смолу продавать на тутушне канатное дѣло и на карабелную подѣлку, что подѣлать у Архангилского города, на чемъ назадъ ити, для того, которые конаты и корабли морскимъ ходомъ испортятца, и за море не подѣлавъ, ити нелзѣ. А за море смолы не давать, и конаты дѣлать на продажу и въ отвозъ не давать“ [1]).

Изъ этого разъясненія государя слѣдовало, что не только Демулинъ имѣлъ право пріобрѣтать смолу для своего завода, но что и другіе иностранцы могли покупать смолу, если нуждались въ ней для почипки и поправки своихъ кораблей.

Несмотря на ясный смыслъ этого указа, мѣстныя власти поняли его только въ отношеніи Демулина. Поэтому, когда другимъ иностранцамъ приходилось чинить свои корабли, они

---

[1]) Рус. Ист., Библ., т. VIII, № 10, XIX.

должны были просить государя разрѣшить имъ покупку смолы. Такъ, въ 1625, 1627, 1628 г.г. англичане просили государя разрѣшить имъ покупку смолы „про ихъ обиходъ для конатнаго дѣла и для корабелной починки“ [1]). Въ 1632 г. шведскій агентъ Меллсръ просилъ государя о позволеніи купить у Архангельска 360 бочекъ смолы для починки кораблей [2]).

Въ нашей смолѣ нуждались настолько, что въ 1637 году англійскій король прислалъ въ Москву дворянина Петра Валтерсона для покупки въ Россіи трехъ или четырехъ тысячъ бочекъ смолы [3]).

Изъ приведенныхъ фактовъ явствуетъ, что исторія смолы шла тѣмъ же путемъ, какъ и исторія хлѣба.

Кромѣ смолы, во второй половинѣ XVII вѣка, хотя также не были объявлены заповѣдными товарами, но по существу были таковыми ревень и соболи. Указомъ 1657 года былъ воспрещенъ ввозъ въ Россію ревеня и запрещена всякая торговля имъ подъ угрозою смертной казни [4]). Въ 1681 г. запрещено продавать „безъ государева имяннаго указу иноземцомъ и гречаномъ соболиной мяхкой рухляди“ [5]).

---

1) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Англійскія дѣла. 1625 г. марта 16, № 4; ib. 1627 г. мая 27, № 1 св. 7; ib. 1628 г. мая 9, № 1, св. 8.

2) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла. 7140—1632 іюнь-августъ.

3) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Англійскія дѣла. 1637 іюля 27—11 генваря, № 2.

4) Полн. Собр. Зак., т. I, № 215. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. IV, № 10. Ревень привозили бухарцы въ Тюмень, Тару, Тобольскъ съ давнихъ поръ, еще въ XVI вѣкѣ. А. Корсакъ, Историко-статистическое обозрѣніе торговыхъ сношеній съ Китаемъ. Ученыя Записки Импер. Казанскаго Университета, 1856 г., кн. I, стр. 137.

Въ XVII вѣкѣ торговлю ревенемъ вела отъ своего имени казна. Въ 1655 г. государь отправилъ Якова Веста въ Голландіи и въ другія государства для продажи, между прочимъ, и ревеню. Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла, 1655 г. мая 6, № 2.

Въ концѣ XVII вѣка торговля ревенемъ опять велось отъ имени казны послѣ перерыва, сдѣланнаго указомъ 1657 года. Н. Костомаровъ, Очеркъ торговли, стр. 383 и слѣд.

5) Полн. Собр. Зак., т. II, № 873.

Всѣ эти ограниченія относились безразлично ко всѣмъ иностранцамъ, а потому носили общій характеръ.

Кромѣ общихъ еще спеціальныя ограниченія, по объекту торговыхъ сдѣлокъ, существовали для иностранцевъ съ Востока.

Свѣдѣнія объ этомъ до насъ дошли только отъ XVII вѣка, но уже изъ первыхъ извѣстій видно, что ограниченія этого рода для восточныхъ купцовъ дѣйствуютъ давно, всѣмъ извѣстны и не нуждаются въ точныхъ и подробныхъ указаніяхъ.

Такъ, въ 1617 году государь по одному частному случаю пишетъ Астраханскимъ воеводамъ, чтобы они „заповѣдныхъ бы всякихъ товаровъ по прежнимъ нашимъ указомъ, сыскавъ въ Асторохани, за море одноличнő безъ нашего имянново указу ни съ кѣмъ не пропускали“ [1]).

Этотъ указъ имѣлъ право не перечислять заповѣдныхъ товаровъ, такъ какъ онъ говорилъ о нихъ между прочимъ; главнымъ же образомъ онъ имѣлъ въ виду вопросъ о пошлинахъ съ персидскихъ купчинъ.

Но не только это распоряженіе спеціальнаго характера, но даже и такое общее, какъ наказъ Астраханскимъ воеводамъ 1625 года, въ части, касающейся разбираемаго вопроса, дѣлаетъ впечатлѣніе простого напоминанія о заповѣдныхъ товарахъ съ примѣрнымъ ихъ перечисленіемъ. Въ немъ говорится, чтобы иностранцы, подразумѣваются персіяне, бухарцы и т. п., „заповѣдными товары, золотомъ, и серебромъ, и мѣдью, и желѣзомъ, и оловомъ и стрѣлною стружью, и стрѣлами, и желѣзцы стрѣлными, и гвоздьми, и топоры, и всякими заповѣдными товары не торговали, никоторыми дѣлы“ [2]). Это повторяется и въ 1628 году [3]).

Изъ этого наказа видно, что, кромѣ заповѣдныхъ товаровъ: золота, серебра, мѣди, олова, желѣза и издѣлій изъ нихъ, есть еще другіе „всякіе заповѣдные товары“, которыми также нельзя производить торговлю.

---

[1]) Труды Восточн. Отдѣл. Имп. Рус. Арх. Общ., т. XXII, стр. 270.

[2]) Акт. Ист., т. III, № 134.

[3]) Ib., № 154.

Если въ этихъ первыхъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи извѣстіяхъ не заключается полнаго перечня заповѣдныхъ товаровъ, то можно предполагать, что въ позднѣйшихъ правительственныхъ актахъ его также не будетъ. Во всякомъ случаѣ они не будутъ нуждаться въ немъ больше, чѣмъ этотъ важный наказъ 1625 г., дословно повторяемый въ 1628 году. Отсюда можно заключить, что послѣдующіе акты или будутъ вводить новости, или копировать идею наказа 1625 года.

Слѣдующій документъ у насъ отъ 1673 г. Въ немъ Астраханскій воевода предписываетъ стрѣлецкому головѣ смотрѣть за тѣмъ, чтобы „заповѣдныхъ никакихъ товаровъ, золота и серебра, и желѣза, и олова, и стрѣлной стружи и стрѣлъ и желѣза стрѣлного, и пищалей и гвоздей, и топоровъ, и ясырю Нагайского и Татарского, и Татарченковъ мужеска полу и женска и птицъ соколовъ и кречетовъ и челиковъ кречетнихъ, и соболей живыхъ, торговые рускіе люди и иноземцы изъ Астарахани за море не вывозили.... никоторыми дѣлы“ [1]).

Если бы у насъ не было презумпціи о всѣхъ такихъ наказахъ, что они только напоминаютъ уже извѣстное, то мы должны были бы по отношенію къ послѣднему наказу замѣтить, что онъ вводитъ новыя запрещенія, напр., продажи птицъ.

Но оказывается, что запрещеніе вывоза извѣстныхъ птицъ было и до этого наказа. Наказъ датируется сентябремъ 1673 г., а нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе государь, отпуская изъ Москвы представителя армянской торговой компаніи Григорія Лусикова черезъ Астраханъ въ Персію съ однимъ подареннымъ имъ кречетомъ, писалъ Астраханскому воеводѣ объ этомъ кречетѣ, чтобы онъ пропустилъ его, а „кромѣ того одного кречета“ другихъ не пропускалъ и по дорогѣ покупать не давалъ ни самому Лусикову, который въ грамотѣ неправильно называется персидскимъ посланникомъ [2]), ни его людямъ, ни кому другому [3]).

---

[1]) Доп. Акт. Ист., т. VI, № 92.

[2]) Въ другой грамотѣ царя Лусиковъ точнѣе называется „посланникомъ армянской компаніи“. Доп. Акт. Ист., т. VI, № 80, I.

[3]) Доп. Акт. Ист., т. VI, № 80, II.

Но еще раньше этого случая, а именно въ 1620 году персидскій шахъ жаловался нашимъ посламъ на запрещеніе вывозить изъ Россіи ястребовъ. Онъ говорилъ: „а всего де мнѣ досаднѣе на государя вашего: пульное де дѣло птица, купили было мнѣ въ Астарахани мои люди ястребъ, и астраханскіе де воеводы тотъ ястребъ у людей моихъ велѣли отняти, а того татарина, которой продалъ ястребъ, посадили въ тюрьму. А говорили воеводы: то заповѣдное, купить того не велѣно“ [1]).

Эта жалоба шаха интересна для насъ не только потому, что она доказываетъ, что въ 1673 г. не вводили относительно торговли птицъ ничего новаго, но и потому, что она подтверждаетъ нашу мысль, высказанную по поводу наказовъ 1625 и 1628 г.г. Эти наказы ничего не говорили о птицахъ и не помѣщали ихъ въ число заповѣдныхъ товаровъ, а между тѣмъ птицы были такимъ товаромъ уже въ 1620 году. Теперь несомнѣнно, что наказы 1625 и 1628 г.г. не заключали въ себѣ полнаго перечня заповѣдныхъ товаровъ.

Далѣе, мы имѣемъ еще одинъ указъ, изданный по частному случаю въ 1677 г. Онъ приказываетъ смотрѣть на Москвѣ, чтобы персидскимъ купцамъ не продавали золота и серебра въ какомъ бы то ни было видѣ, кречетовъ и бѣлыхъ ястребовъ, мѣди и олова свыше 20 пудовъ и соболей дороже ста рублей за сорокъ [2]).

Здѣсь опять мы видимъ только примѣрное напоминаніе, но никакъ не исчерпывающее перечисленіе. Здѣсь, напр., ничего не сказано о желѣзѣ и объ издѣліяхъ изъ него, а въ то же время опредѣляется такая подробность какъ запрещеніе продажи олова и мѣди свыше 20 пудовъ. Можно ду-

---

[1]) Труды Вост. Отд. Имп. Рус. Арх. Общ., т. XXII, стр. 450.
См. полное перечисленіе родовъ и видовъ птицъ и звѣрей, запрещенныхъ къ вывозу изъ Астрахани въ Труд. Вост. Отд., т. XXII, стр. 655.

Здѣсь приводится и причина запрещенія: „потому, что тѣ звѣри и птицы посылаютца отъ насъ къ шаху въ дарѣхъ и ихъ бы не одешевити, и кромѣ бъ нашіе посылки тѣ звѣри и птицы изъ нашего государства къ шаху не ходили“.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 678. Акт. Арх. Эксп., т. IV, № 218.

мать, что количество дозволеннаго къ продажѣ мѣди и олова опредѣлено только недавно, если не впервые въ 1677 году. Но оказывается, что еще въ 1627 году пострадалъ англичанинъ Өовелъ за продажу персидскимъ купчинамъ 30 пудовъ олова[1]).

Изъ случайно приведенныхъ нами указовъ, касающихся торговли восточныхъ купцовъ, видно, что эти указы имѣютъ своею цѣлью, между прочимъ, предупредить снабженіе Востока такими матеріалами, какъ мѣдь, желѣзо, олово, полученія которыхъ съ трудомъ мы сами добивались изъ заграницы. Кромѣ такихъ матеріаловъ государственные акты пробуютъ перечислять и оружіе, запрещенное къ вывозу на Востокъ, но дѣлаютъ это очень неудачно. Запрещается вывозить стрѣлы, стрѣльную стружь, стрѣльное желѣзо, пищали. Нельзя предположить, что, запрещая вывозъ стрѣлъ, правительство разрѣшало вывозъ сабель, или, запрещая продажу желѣза, разрѣшало продажу пороха. Очевидно, что всякая торговля оружіемъ и боевыми припасами воспрещалась съ восточными народами. Такъ это и было.

На это указываютъ запрещенія продажи такихъ предметовъ даже инородцамъ. Напр., въ 1633 году государь запрещалъ продавать татарамъ изъ Казани и изъ другихъ городовъ и черемисамъ мѣдь, олово, желѣзо, свинецъ, порохъ, сѣру горячую и иные заповѣдные товары[2]).

Если запрещеніе продавать подобные товары касалось инородцевъ, то тѣмъ болѣе должно было относиться, въ виду политическихъ и хозяйственно-экономическихъ условій Московскаго государства, къ вывозу такихъ товаровъ на Востокъ, заграницу. На это указываютъ акты, дошедшіе до насъ отъ 1675 года. Хотя распоряженіе, дѣйствительно, довольно позднее, но оно само говоритъ, что оно не первое въ этомъ родѣ.

Рѣчь идетъ о распоряженіяхъ правительства, касающихся Сибири. Въ 1675 году государь, „по прежнему“ своему указу, велѣлъ учинить заказъ крѣпкой тайной, чтобъ

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла, 1627 г., № 25.

[2]) Акт. Арх. Эксп., т. III, № 241.

рускіе всякихъ чиновъ люди и служилые и ясашные и всякіе иноземцы пороху, и свинцу, пищалей, сабель, копей, бердышевъ, ножей, топоровъ, пансырей, латъ, шишаковъ, наручей, и никакого ружья и ратные сбруи калмыкомъ, и мугаломъ, и китайскимъ людемъ, и бухарцомъ, и башкирцомъ, и всякимъ иноземцомъ нигдѣ не продавали и ни на что не промѣнивали". Государь объясняетъ и причину изданія такого указа именно въ 1675 г. Онъ говоритъ, что несмотря на запрещенія торговать оружіемъ и военными припасами, иностранцы, всетаки, въ изобиліи получаютъ изъ Россіи оружіе, и многіе изъ нихъ „пищалной стрѣлбѣ изучились, а лучную стрѣлбу покинули". Этотъ переходъ къ огнестрѣльному оружію признается нежелательнымъ [1].

Выходитъ, что на Востокѣ мы продѣлывали то же самое что на Западѣ продѣлывали съ нами. Если на Западѣ, XVI вѣкъ—самый разгаръ такой политики [2], то нельзя думать, что и наша политика къ Востоку датируется лишь съ XVII вѣка. Можно предполагать, что, познакомившись съ политикой просвѣщенныхъ европейцевъ къ половинѣ XVI вѣка, Московское правительство поторопилось примѣнить всю ея полезность къ Востоку и тогда-то именно и перечисляло точно, что можно, а чего нельзя вывозить заграницу, а потомъ только напоминало объ этомъ.

---

1) См. Акт. Ист., т. IV, № 252 и Доп. Акт. Ист., т. VI, № 126.

2) Изъ этого не слѣдуетъ, что и начало ея надо относить къ XVI в. Вообще по отношенію къ Руси мы замѣчаемъ подобныя мѣры Западной Европы еще въ XIII в.

Въ этомъ отношеніи очень характерна грамота шведскаго короля Биргера отъ 4 марта 1295 г. гражданамъ Любека и другихъ нѣмецкихъ городовъ, посѣщающимъ Балтійское море. Король, объявляя въ грамотѣ о завоеваніи имъ Кареліи и о постройкѣ крѣпости Выборга, объясняетъ, что, по просьбѣ германскаго императора, онъ далъ приказъ своимъ войскамъ, стоящимъ въ Выборгѣ, не тревожить нѣмецкихъ купцовъ, ѣдущихъ въ Новгородъ съ товарами. Это приказаніе дано только въ угожденіе императору, такъ какъ для шведовъ крайне невыгодно все, что способствуетъ торговлѣ съ русскими и служитъ причиною ихъ усиленія. Въ силу этой грамоты, купцы могутъ свободно проѣзжать въ Новгородъ, начиная съ 4 марта 1295 г. до 24 іюня того же года и съ этого послѣдняго числа въ теченіе цѣлаго года, но при

Въ заключеніе мы должны отмѣтить, что иногда запрещеніе торговли тѣми или иными иностранными товарами носило исключительный характеръ. Напр., при Иванѣ Грозномъ было предупреждено распространеніе въ Россіи календарей, вывезенныхъ изъ за границы какимъ то польскимъ купцомъ. Мы видѣли, что среди заповѣдныхъ товаровъ, не подлежавшихъ ввозу къ намъ изъ Польши, значились кресты. Причины этой мѣры Ивана Грознаго по отношенію къ календарямъ и запрещенія ввоза изъ Польши крестовъ болѣе чѣмъ понятны, въ виду существовавшихъ отношеній между Польшею и Москвою, между католичествомъ и православіемъ.

Въ этомъ отношеніи интересно, по полнотѣ изложенія данныхъ, распоряженіе нашего правительства отъ 1628 года.

Въ 1628 г. были посланы воеводамъ царскіе указы о томъ, что государю вѣдомо учинилось „что за рубежемъ Черниговскій архимандритъ Кириллъ присталъ къ латинской вѣрѣ и впалъ во многія латинскія ереси, и въ литовскія въ печатныя книги и въ учительныя евангелія и въ иныя книги литовскія печати многія латинскія ереси вводитъ тайно; и тѣ книги изъ Кіева и изъ иныхъ литовскихъ городовъ торговые люди привозятъ въ Путивль и въ иные городы и продаютъ для смуты всякимъ людемъ“; поэтому государь, запрещая покупать въ Литвѣ всякія книги русскимъ людямъ, въ томъ случаѣ, если литовцы пріѣдутъ въ Россію съ книгами, приказываетъ „тѣхъ литовскихъ людей съ книгами ворочать за рубежъ и имъ приказывать накрѣп-

---

условіи, чтобы нѣмцы не привозили русскимъ на продажу оружія, желѣза, стали и пр. и чтобы ни дѣломъ, ни совѣтомъ не предпринимали ничего вреднаго для шведовъ. И. А. Андреевскій. О договорѣ Новагорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1270 году. 1855 г. Приложеніе II, IX.

Въ концѣ XIII вѣка сами Прибалтійскіе города запрещали ввозъ желѣза въ Новгородъ. Поэтому нѣмцы должны были прибѣгать къ разнымъ уловкамъ, чтобы доставить желѣзо въ Новгородъ. Такъ они нагружали желѣзомъ бочки изъ подъ сельдей и подъ видомъ сельдей привозили въ Русь желѣзо. А. И. Никитскій. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода, стр. 157, 163.

ко, чтобъ они и впередъ ни въ которые городы съ продажными книгами не пріѣзжали, для того что въ Московскомъ государствѣ всякихъ книгъ много московскія печати" [1]).

Иногда запрещеніе ввоза къ намъ тѣхъ или иныхъ товаровъ обусловливалось временными внѣшними обстоятельствами. Напр., въ 1631 году въ Москвѣ узнали, что въ Литовскихъ городахъ баба вѣдунья наговариваетъ на хмѣль, чтобы навести этимъ хмѣлемъ на Русь моровое повѣтріе. Тогда 8 января 1632 г. велѣли Псковскимъ воеводамъ запретить русскимъ ѣздить въ Литву для покупки хмѣля и привозить его во Псковъ и его уѣздъ; если же кто изъ Литовцевъ привезетъ хмѣль, то чтобы русскіе его не покупали, а если кто купитъ у Литовскихъ людей, то тому быть казненнымъ смертью. У кого изъ русскихъ вымутъ Литовскій хмѣль—тѣхъ метать въ тюрьмы, а хмѣль жечь на мѣстѣ отобранія [2]).

3. Указные товары.

Если мы обратимъ вниманіе на нѣкоторые изъ перечисленныхъ выше заповѣдныхъ товаровъ, то замѣтимъ, что изъятые изъ сферы свободнаго торговаго оборота съ иностранцами, эти товары, съ разрѣшенія государя становились объектами торговыхъ сдѣлокъ. Напр., такъ было съ хлѣбомъ. Мы видѣли, что государь то и дѣло разрѣшалъ пускать хлѣбъ въ торговый оборотъ съ иностранцами.

Кромѣ того, наблюдая постоянныя требованія изъ за границы нѣкоторыхъ русскихъ товаровъ правительство не могло не видѣть всѣхъ выгодъ торговли ими, соблазнялось выгодами и, съ цѣлью получить ихъ въ казну, объявляло торговлю такими товарами своей монополіей [3]).

---

[1]) Акт. Москов. госуд., т. I, № 201.

[2]) Акт. Арх. Эксп., т. III, № 197.

[3]) Пользуясь монополіей, государь не обязательно дожидался, чтобы за данными товарами пріѣзжали въ Россію или иностранные государи черезъ гонцовъ просили, какъ мы видѣли выше по отношенію къ хлѣбу, продать имъ и разрѣшить вывести изъ Россіи извѣстное количество хлѣба. Государь иногда самъ посылалъ заграницу довѣрен-

Такъ было съ хлѣбомъ и съ нѣкоторыми другими товарами, которые мы выше перечислили, въ качествѣ заповѣдныхъ. Торговлю то тѣмъ, то другимъ изъ нихъ, смотря по обстоятельствамъ, правительство брало исключительно въ свои руки.

Въ такомъ случаѣ названіе заповѣдныхъ товаровъ, въ смыслѣ исключенія ихъ изъ торговаго оборота съ иностранцами въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ, не совсѣмъ можно было прилагать къ подобнымъ предметамъ. Тѣмъ болѣе, что для товаровъ, составлявшихъ монополію казны, въ то время существовало особое названіе. Ихъ называли указными.

Такими товарами въ Московскомъ государствѣ офиціально признавались, напр., юфть, пенька, ленъ, корабельный лѣсъ, икра, шелкъ, поташъ, мѣха извѣстнаго достоинства и извѣстныхъ звѣрей въ разное время разныхъ и др. [1]).

Правительство, объявляя извѣстный товаръ монополіею казны, отбирало его отъ всѣхъ производителей. Напр., въ 1675 г. государь приказалъ „голубыхъ и черныхъ песцовъ отъ всѣхъ людей имать въ государеву казну“ за соотвѣтствующее вознагражденіе, конечно. Если бы кто въ такихъ случаяхъ вздумалъ скрывать товаръ, то его отбирали на го-

---

ныхъ людей, чтобы отыскать тамъ покупателей на русскій хлѣбъ. Такъ, въ 1655 году изъ Москвы отправили нѣкоего Якова Веста въ Голландію и другія окрестныя государства для продажи казеннаго хлѣба. Тоже было и съ другими товарами. Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла, 1655 г. мая 6. № 2.

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Англійскія дѣла. 1636 года января—іюня 1643 г. № 1. Голландскія дѣла. 1637 г. іюня 6, № 6; ib. 1637 г. марта 2—11 мая, № 3. Полн. Собр. Зак., № 409. Акт. Арх. Эксп., т. IV, №№ 130, 139. Доп. Акт. Ист., т. III, № 55; т. V, № 40; т. VI, № 80, I. де Родесъ. Размышленія о русской торговлѣ. Магазинъ Землевѣдѣнія, т. V, стр. 235 и слѣд. стр. 255. Н. Н. Баптышъ—Каменскій. Обзоръ, ч. I, стр. 220, 179; ч. IV стр. 162. Огородниковъ. Очеркъ исторіи г. Архангельска. Морской Сборникъ 1889 г. № 10, стр. 115, 138. И. Я. Гурляндъ, Иванъ Гебдонъ, коммиссаріусъ и резидентъ, стр. 6. Костомаровъ, Очеркъ торговли Московскаго государства, стр. 371—421. Мельгуновъ, Очерки по исторіи русской торговли IX—XVIII в. в. 1905, стр. 179. Яковъ Рейтенфельсъ. Сказанія о Московіи. Падуя. 1680 г. Пер. съ латинскаго А. Станкевича. Чтенія, 1906 г., кн. III, стр. 133.

сударя безденежно [1]). Иногда цѣлыя отрасли хозяйства объявлялись обязательными поставщиками казны. Такъ, всѣ занимавшіеся на Терекѣ культурою марены, по наказу Астраханскимъ воеводамъ 1650 г., могли продавать марену лишь въ казну [2]).

Сосредоточивая торговлю указнымъ товаромъ въ своихъ рукахъ, казна продавала его иностранцамъ, чаще всего черезъ гостей. Въ такихъ случаяхъ продавцы являлись, по преимуществу, приказчиками съ данныхъ предпріятіяхъ и, меньше всего, носителями публичныхъ правъ. Но они не могли отрѣшиться отъ сознанія своего правительственнаго положенія, и это непосредственно отзывалось на пріемахъ ихъ торговли. Облеченные властью—съ одной стороны, а съ другой — видя передъ собой обязанность во что бы то ни стало учинить прибыль государю, они не могли не злоупотреблять своимъ офиціальнымъ положеніемъ.

Мы видѣли, что Елисавета англійская жаловалась на приказныхъ, насильно навязывавшихъ англичанамъ царскій воскъ. Кромѣ этого представленія Московское правительство вообще неоднократно слышало жалобы на то, что англійскимъ гостямъ по пріѣздѣ въ Россію запрещаютъ торговать тѣми товарами, какими они хотятъ, а велятъ имъ покупать государевы товары по указной цѣнѣ, а не по той, какъ они стоятъ; если англичане не хотятъ покупать по такой высокой цѣнѣ, то ихъ задерживаютъ на долгое время въ Двинскомъ устьѣ до бурь и морозовъ, которыхъ они должны опасаться [3]).

Не только въ темномъ XVI вѣкѣ, но и во второй половинѣ XVII вѣка пріемы государевыхъ продавцовъ были одни и тѣже. Въ 1659 году голландскіе, гамбургскіе и бременскіе купцы жаловались государю на архангельскаго таможеннаго гостя Василія Шорина, что этотъ послѣдній не допускаетъ ихъ торговать съ русскими купцами. Въ такой краткой формулировкѣ жалоба кажется невозможной даже

---

[1]) Акт. Ист., т. IV, № 40.

[2]) Акт. Ист., т. IV, № 249. Доп. Акт. Ист., т. IV, № 12.

[3]) С. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VII, 1857 г., стр. 341.

и для того времени. Какъ могъ гость, приставленный къ сбору пошлинъ по иностранной торговлѣ, препятствовать этой торговлѣ? Оказывается, что гость не допускалъ иностранцевъ торговать съ русскими прежде, чѣмъ иностранцы не раскупятъ его товаровъ, и что жалобу на недопущеніе иностранцевъ къ торговлѣ съ русскими людьми надо понимать именно въ этомъ смыслѣ.

Иностранцы, явившись съ товарами въ Архангельскъ, желали вступить въ сдѣлки по обмѣну товаровъ съ русскими купцами по своему выбору. Такъ и сдѣлали.

Но когда они явились въ таможню записывать свои сдѣлки, то Шоринъ этому воспротивился. „Надѣясь на государскую премногую къ себѣ милость, писали жалобщики, пріѣхали къ Архангельскому городу со многими жъ товары... и съ которыми и съ рускими людми заморские товары меняли на руские товары и привозили для записки въ таможню и онъ Василей тѣхъ ихъ товаровъ записывать въ таможне не велѣлъ и рускимъ торговымъ людемъ уграживалъ протоможьемъ и правежемъ и батоги... и по той ево Васильевой угрозке рускіе торговые люди поволною торговлею торговать съ ними не смѣли“. Когда жалобщики явились къ Шорину въ таможенную избу и говорили ему, чтобы онъ по государевымъ грамотамъ велѣлъ имъ торговать повольною торговлею, то онъ называлъ ихъ пьяными и изъ таможенной избы велѣлъ стрѣльцамъ выбить вонъ Въ заключеніе жалобщики просили государя „чтобы великій Государь пожаловалъ ихъ велѣлъ въ той ево Васильевой неправде и во утѣсненье свой царской указъ учинить и впредь бы великій Государь поволилъ у архангельского города с рускими людми торговать имъ повольною торговлею по прежнему“.

Изложенная нами въ такомъ видѣ, почти полностью, жалоба иностранцевъ не даетъ, всетаки, ключа къ разумѣнію того, въ чемъ же, собственно, заключалось все дѣло.

Не могъ же царскій гость сознательно, безъ серьезныхъ основаній, совершать открытое насиліе какъ надъ иностранцами, такъ и надъ русскими купцами? Иностранцы противились и возражали ему, но русскіе купцы, повидимому, покорялись своей участи и „торговать съ иностранцами не

смѣли". Для человѣка не посвященнаго здѣсь скрывалась какая-то загадка. Точно также знаменательно, что Шоринъ угрожалъ русскимъ, въ случаѣ неисполненія его распоряженій, мѣрами чисто правительственнаго воздѣйствія: протаможьемъ, батогами. Единственно, что можно предполагать по отношенію къ русскимъ купцамъ, что они чувствовали какую-то офиціальную подкладку подъ дѣйствіями Шорина и сознательно уступали; иностранцы же не хотѣли признавать ничего. Въ своей жалобѣ они вскользь указывали государю на причину дѣйствій Шорина, но никоимъ образомъ не выставляли ее оправданіемъ его насилій. Они говорили, что Шоринъ не далъ имъ торговать „поволною торговлею... для своихъ многихъ товаровъ... для того, чтобъ ему и ево прикащикомъ прежъ всѣхъ торговати съ ними[1]) своими товары пенкою и юѳтями болшою ценою"[2]).

Если бы мы не знали, что за товары пенька и юфть, то мы никакъ не могли бы объяснить ни дѣйствій Шорина, ни пассивности русскихъ купцовъ. Но такъ какъ юфть и пенька были указными товарами[3]), то понятны и излишнее рвеніе царскаго гостя, старавшагося поскорѣе и выгоднѣе продать эти товары, хотя бы и съ нѣкоторымъ воздѣйствіемъ на обывателя, и молчаливая покорность этого послѣдняго, знавшаго, что дѣло идетъ о государевой прибыли.

Жалоба иностранцевъ не совсѣмъ точно излагала все дѣло. Иностранцы сознательно умалчивали о косвенномъ участіи въ немъ государя. Царскій гость не могъ запрещать иностранцамъ торговать съ русскими людьми, но онъ добивался, чтобы иностранцы сперва пріобрѣли порученную ему юфть и пеньку, а потомъ уже, съ кѣмъ хотѣли бы, съ тѣмъ и торговали.

Подобныя жалобы мало достигали цѣли. Обыкновенно государь въ такихъ случаяхъ посылалъ своимъ людямъ

---

[1]) Иностранцами.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла. 1659—7167 № 144.

[3]) См. напр. докладъ Шорина 29 мая 1658 г. Доп. Акт. Ист. т. IV, № 52.

указъ беречь иностранцевъ „тѣсноты имъ не чинить“, чтобы ихъ „жесточью“ отъ торговли въ Московскомъ государствѣ не отогнать, но выгоду государеву и приказные, и гости должны были при этомъ блюсти всемѣрно.

Торговля указными товарами производилась не только черезъ приказныхъ или черезъ гостей. Иногда казна считала для себя выгоднымъ отдавать торговлю такими товарами на откупъ.

Среди лицъ, занимавшихся откупами, были и иностранцы [1]).

Коль скоро данный откупъ имѣлся на лицо, откупщикъ иностранецъ становился на мѣсто казны и совершалъ сдѣлки не только съ русскими, но и съ иностранцами. Желавшіе пріобрѣсти этотъ товаръ вмѣсто того, чтобы обращаться къ казнѣ, обращались уже къ откупщику; и несмотря на то, что откупщикъ иностранецъ, именно потому, что онъ откупщикъ, онъ совершалъ сдѣлки не только съ русскими, но и съ иностранцами.

Такъ, въ 1649 году отдали на откупъ торговлю смолой голландскому гостю Андрею Виніусу, и, что для насъ интересно, указали кому онъ могъ продавать эту смолу. Виніусъ могъ „у Архангелского города смолу купить и задатчить и на мѣстѣ жечь и продавать торговымъ и всякимъ людемъ и иноземцомъ, а агличаномъ смолу покупать для ихъ шемного дѣла у него Ондрѣя, явя въ таможнѣ“ [2]) Здѣсь характерно упоминаніе о продажѣ Виніусомъ смолы всякимъ людямъ, даже и иностранцамъ. Если бы этого не было, приказные могли и не дать Виніусу продавать смолу иностран-

---

[1]) Н. Ѳирсовъ, Правительство Московской Россіи и Петръ Великій въ ихъ отношеніяхъ къ торгово-промышленному классу. Ученыя Записки Импер. Казанскаго Университета, кн. VI, 1891 г., стр. 4 и слѣд., говоритъ, что Московское правительство „само являлось усерднымъ дѣятелемъ на рынкѣ и даже прибѣгало къ такому посредничеству иностранцевъ, которое дѣлало невозможной конкуренцію съ ними для русскихъ торговцевъ. Вслѣдствіе этого едва-ли будетъ смѣлостью настаивать на томъ положеніи, что отношеніе московскихъ государей къ народному хозяйству было частно-владѣльческимъ“.

[2]) Доп. Акт. Ист., т. III, № 55. См. ib., № 116.

цамъ. Еще лучше фраза объ англичанахъ. Имъ вмѣняется даже въ обязанность покупать смолу у Виніуса. Конечно, этимъ хотѣли сказать, чтобы англійская компанія не безпокоила государя своими просьбами, примѣры которыхъ мы видѣли въ 1625, 1627, 1628 г.г., а обращалась прямо къ Виніусу.

Когда мы выше говорили о заповѣдныхъ товарахъ, то упомянули и о смолѣ, о томъ, что она была запрещена къ вывозу заграницу еще до 1623 года и что иностранцамъ, нуждавшимся въ смолѣ для ремонта своихъ судовъ, приходилось испрашивать на покупку смолы особое разрѣшеніе.

Неизвѣстно, до какого времени продолжался этотъ порядокъ, и смола считалась заповѣднымъ товаромъ. Во всякомъ случаѣ, когда смола была отдана на откупъ Андрею Виніусу, то она уже переставала быть заповѣднымъ товаромъ и дѣлалась указнымъ.

Н. И. Костомаровъ относитъ время установленія смолы указнымъ товаромъ къ 1647 году, т. е. незадолго до откупа Виніуса и, ничего не говоря объ откупѣ Виніуса, называетъ откупъ Гебдона, имѣвшій мѣсто съ 1659 года.

Н. И. Костомаровъ говоритъ, что „смола въ 1647 г. сдѣлалось исключительнымъ достояніемъ царской казны. Ее покупали головы и цѣловальники у жителей, а казна перепродавала иностранцамъ. Съ 1659 по 1664 годъ вывозная торговля смолою отдана на откупъ англичанину Гебдону, такъ что всѣ производители должны были сбывать ее непремѣнно этому откупщику“ [1]).

Здѣсь двѣ даты. Одна относится къ 1647 г., когда, по мнѣнію Н. И. Костомарова, смола вошла въ число указныхъ товаровъ; а другая дата—1659 г., которую можно понимать какъ время перваго учрежденія смоляного откупа.

Дѣйствительно, съ 1659 г. по 1664 г. откупъ держитъ англичанинъ Иванъ Гебдонъ и платитъ казнѣ за это триста рублей въ годъ [2]).

Но это не первый откупъ. Еще въ 1649 г. откупщи-

---

[1]) Очеркъ торговли Московскаго государства, стр. 375.

[2]) Доп. Акт. Ист., т. V, № 40.

комъ сдѣлался Виніусъ. Но и Виніусъ не первый откупщикъ.

Въ 1636 году продажа смолы была отдана на откупъ голландскому купцу Елисѣю Ульянову, и велено ему „смолою промышляти смола купить и задатчить и самому на мѣсте жечь безовсякихъ пошлинъ, а въ Государеву казну за тотъ смоляной промыслъ указано на немъ имать откупъ по уговору, а инымъ никому опричь ево тою смолою промышляти и за море отпускать не велено и Государева грамота ему о томъ смоляномъ промыслу ис посолского приказу дана“ [1]). Ясно, что до 1636 г. или въ этомъ именно году торговля смолой сдѣлалось исключительнымъ достояніемъ царской казны, а не въ 1647 г., какъ говоритъ Н. И. Костомаровъ. На какой срокъ былъ данъ смоляной откупъ Елисѣю Ульянову неизвѣстно. Но въ 1648 году торговлю смолою вела казна непосредственно; „таможенные головы и цѣловальники покупали смолу у торговыхъ и у всякихъ людей, и продавали иноземцомъ, пріѣзжимъ гостемъ и торговымъ всякимъ людемъ изъ прибыли“. [2]) Откупа, значитъ, не было. Но въ 1649 г.—откупъ Виніуса.

Откупа для иностранцевъ были настолько выгодны, что въ дѣло заключенія договоровъ иностранныхъ купцовъ съ русской казной по поводу даннаго откупа вмѣшивались иностранныя правительства.

Такъ, въ 1666 году пріѣхалъ въ Москву англійскій торговый человѣкъ Рихартъ Гунтъ съ королевскою къ государю грамотою просительною объ отдачѣ на откупъ смоляного промыслу на 5 лѣтъ англичанину Ивану Гебдону [3]). Въ 1658—1660 г.г. хлопоталъ объ откупѣ на продажу икры для своихъ подданныхъ флорентійскій князь Фердинандъ. Изъ переговоровъ нашихъ посланниковъ съ княземъ въ 1658—1660 г. видно, что Фердинандъ изъявлялъ желаніе

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла, 7145—1637 г. съ 22 марта по 9 іюня. № 11, св. 97.

[2]) Доп. Акт. Ист., т. III, № 55.

[3]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Англійскія дѣла. 1666 г. марта 21 ноября 15, № 1.

„чтобъ великій государь подданныхъ его торговыхъ людей, икряныхъ промышлениковъ пожаловалъ, изволилъ имъ послѣ нынѣшнихъ пяти лѣтъ тотъ икряной промыслъ дати имъ же еще на новые пять лѣтъ". Посланники объясняли Фердинанду, что „какъ нынѣшніе откупные пять лѣтъ отойдутъ, и тыбъ Фердинандусъ князь прислалъ къ Царскому Величеству къ Москвѣ изъ тѣхъ икряныхъ промышленниковъ для отпуску, одного или дву человѣкъ; и по Его Царскаго Величества указу въ томъ икряномъ промыслѣ, съ иноземцы иныхъ государствъ съ торговыми людми, дадутъ имъ торгъ, и что иныхъ государствъ торговые люди учнутъ давать, Великій Государь, для твоево княжова прошенья, подданныхъ твоихъ икряныхъ промышлениковъ пожалуетъ, тотъ икряной промыслъ впредь велитъ отдать имъ же на тотъ откупъ, и что иныхъ государствъ торговые люди учнутъ давать, а мимо ихъ иному никому того икряного промыслу отдать не велитъ" [1]).

Въ 1670 г. икряная торговля была отдана на откупъ гамбургскимъ купцамъ, на 8 лѣтъ; причемъ „въ тѣ урочные годы" русскимъ и иностранцамъ запрещалось подъ страхомъ конфискаціи товара, торговать икрою и вывозить ее черезъ Архангельскъ или черезъ другіе пограничные города заграницу [2]).

Въ томъ же году было дано „в откупъ из Новгороцкого Приказу галанские земли торговому иноземцу Вахрамѣю Петрову сыну Меллеру карабелное деревье на 10 лѣтъ бес перекупки". Меллеръ могъ скупать деревья повольною цѣною и вывозить заграницу на корабляхъ „бес таможенныхъ проѣзжихъ пошлинъ". Откупу онъ платилъ въ Нов-

---

[1]) Памятн. дипломат. сношеній, т. X, стр. 578 и слѣд.

Въ виду изложеннаго, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности утвержденіе С. Ѳ. Огородникова, Очеркъ исторіи г. Архангельска. Морской Сборн. 1889 г. № 10, стр. 138, что икра поступила на откупъ къ концу XVII вѣка. Надо сказать, по крайней мѣрѣ, къ половинѣ XVII вѣка.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 596.

городскій Приказъ по 10 ефимковъ любскихъ „со всякого дерева на годъ“ [1]).

Оглядываясь на пройденный нами путь, мы находимъ, что въ дѣлѣ заключенія торговыхъ сдѣлокъ иностранные купцы по отношенію къ объектамъ сдѣлокъ были сильно ограничены.

Если ограниченія ихъ торговли только сферою оптоваго оборота знаменовало собою торжество интересовъ русскаго купечества, то ограниченія иностранной торговли извѣстнымъ кругомъ заповѣдныхъ товаровъ знаменовало скорѣе торжество соображеній тогдашняго правительства. Ничѣмъ неприкрытыми являются соображенія правительства въ дѣлѣ установленія указныхъ товаровъ; причемъ въ отдачѣ на откупъ торговли этими товарами иностранцамъ открывается картина предпочтенія иностранцевъ русскимъ подданнымъ или точнѣе — полное игнорированіе интересовъ этихъ послѣднихъ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ въ вопросѣ объ объектахъ торговыхъ сдѣлокъ трудно установить одинъ какой нибудь принципъ, который насквозь проникалъ бы отношенія Московскаго государства къ иностранцамъ и сумму правъ иностранцевъ.

Позже, на другихъ вопросахъ мы увидимъ результатомъ какихъ сложныхъ комбинацій являлось то или другое право иностранцевъ.

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Дѣла Голландскія, 1670 г. іюня 21, № 1. св. 19.

III.

СОВЕРШЕНІЕ СДѢЛОКЪ.

Мы видѣли, что иностранную торговлю въ дѣлѣ заключенія товарныхъ сдѣлокъ постигали ограниченія и въ отношеніи субъектовъ, и въ отношеніи объектовъ сдѣлокъ. Теперь остается разрѣшить вопросъ, были ли ограниченія и въ моментѣ совершенія сдѣлокъ,—и отвѣтить на него утвердительно.

Въ Московскомъ государствѣ для иностранцевъ не было свободы въ отношеніи совершенія тѣхъ сдѣлокъ, которыя заключались продавцами съ первыми покупателями. Торговый починъ, вмѣсто свободы, характеризовался принужденіемъ. Иностранные купцы, явившись въ Россію, прежде всего предоставляли свои товары въ распоряженіе казны, которая и отбирала для себя нѣкоторые изъ нихъ черезъ своихъ агентовъ. Пока не проходилъ этотъ періодъ сдѣлокъ съ казною, всякая другая продажа этихъ товаровъ для даннаго иностранца исключалась.

Осмотръ привезенныхъ иностранцами товаровъ русскими приказными, со спеціальной цѣлью выбора извѣстныхъ изъ нихъ въ царскую казну, наблюдался уже при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, и тогда уже купецъ, пока не оканчивался выборъ для государевой казны, не имѣлъ права начать торговлю [1]).

Дошедшія до насъ правительственные акты XVI и XVII вѣковъ, касающіеся этого вопроса, говорятъ о томъ, что ино-

---

[1]) Баронъ Герберштейнъ. Записки о Московіи. Пер. И. Анонимова, 1866 г., стр. 89. Н. М. Карамзинъ. Ист. Гос. Рос., т. VII, стр. 124.

странцамъ запрещалась всякая торговля тѣми товарами, которые выбирала для себя казна, до тѣхъ поръ, пока „не искупали“ на государя нужныхъ товаровъ [1]). Для насъ важно опредѣлить, не было ли какихъ нибудь, точно извѣстныхъ товаровъ, которыми интересовался государь, и не была ли только по отношенію къ нимъ эта принудительная торговля, или же эта принудительная торговля распространялась безразлично на всѣ иностранные товары?

Въ 1569 году писали государю изъ Смоленска, что ѣдетъ къ государю литовскій гонецъ Андрей Халетцкій. Обыкновенно, въ такихъ случаяхъ, пользуясь охраной посланника, ѣхало вмѣстѣ съ нимъ много купцовъ съ товарами; много ихъ было и съ Халетцкимъ. Государь интересовался тѣмъ, что везутъ съ собою купцы и „встрѣчю литовскаго гонца Андрея Халетцкаго послати велѣлъ сына боярскаго добра и велѣлъ у гостей и у купцовъ литовскихъ, которые идутъ съ гонцомъ, всякіе рухляди продажные, бархатовъ золотныхъ, и жемчюгу, и каменья, которая ко государевѣ казнѣ пригодится, и аргумаки, и коней, жеребцы и мерины, и иноходцы, которые будетъ ко государеву сѣдлу пригодятца, пересмотрити и на списокъ переписати и ѣхати съ ними до Москвы вмѣстѣ, чтобъ товаровъ и лошадей не продавали нигдѣ и не мѣняли ни съ кѣмъ“ [2]). Уже изъ этого распоряженія можно судить, что государя интересуютъ не всѣ иностранные товары, а только нѣкоторые, а именно: дорогія матеріи, драгоцѣнные камни и лошади.

Опредѣленіе товаровъ, отбираемыхъ въ казну, буквально такими словами мы находимъ въ Новгородской таможенной грамотѣ 1571 г., которая не вдается въ такія подробности, какъ указъ 1569 г., а лишь намекаетъ, какіе товары

---

[1]) Акт. Арх. Эксп., т. I, № 282 Акт. Ист. т. III, № 181; т. IV, № 11, Доп. Акт. Ист, т. III, № 116; т. IV, № 52 и т. V, № 40. Н. И Костомаровъ. Очеркъ торговли, стр. 252 и слѣд., стр. 258, 261.

Въ приходо-расходныхъ книгахъ Казеннаго Приказа имѣются многочисленныя указанія на покупку товаровъ у иностранцевъ въ казну. Рус. Ист. Библ., т. IX, стр. 82 и слѣд., 85 и слѣд., стр. 114.

[2]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LXXI, стр. 610 и слѣд.

должны отбираться на государя. Грамота перечисляетъ: „бархаты, камки, всякое узорочье и лошади" [1]).

Въ 1613 году велѣно покупать на государя „узорочные товары, каменье, алмазы, и яханты, и лалы, и изумруды, и тумпазы, и бирюзы, и зерна бурминскіе, и жемчюгъ болшой и середней, и суды золотые и серебряные, и бархаты и камки золотные и беззолотные, и сукна скорлаты и шарлаты, и лундыши, и багрецы, и золото, и серебро пряденое и всякіе узорочные товары, которые къ государевѣ казнѣ пригодятца" [2]).

Въ указѣ 1613 года мы находимъ и общее опредѣленіе такихъ товаровъ. Они называются узорочными товарами.

Въ 1623 году въ Псковѣ приказнымъ, вѣдавшимъ нѣмецкій дворъ, было предписано, чтобы они „узорочные лутчіе товары, которые будутъ въ привозѣ у иноземцовъ, велѣли приносить къ себѣ въ съѣзжую избу: да которые будетъ отликіе товары, суды золотые и серебреные отликіе лутчего дѣла, или камки и бархаты и отласы Виницейскіе, Италіянскіе, двоеморжіе иларевскіе, и отласы гладкіе толстые чистые, и сукна дорогіе, которые пригодятся къ нашей казнѣ, а къ Москвѣ будетъ тѣ товары отъ Архангелского города не приходятъ, или зерна гурмыцкіе отликіе, и вы бъ тѣ товары велѣли головамъ имати на насъ въ таможенные пошлины, а иные и цѣною покупати, какъ бы нашей казнѣ было прибылнѣе, да тѣ отликіе товары прислали къ намъ, къ Москвѣ, съ нарочными гонцы; а середнихъ бы есте и мѣлкихъ никакихъ товаровъ въ пошлинахъ имати и покупати на насъ не велѣли, чтобъ въ томъ пріѣзжимъ людемъ отгони и Псковичемъ нужи, а нашей казнѣ убытковъ лишнихъ не было" [3]).

Въ половинѣ XVII вѣка, кромѣ перечисленныхъ товаровъ, государь интересуется фрясскими винами и пряными зельями [4]).

---

1) Акт. Арх. Эксп., т. I, № 282.

2) Сборникъ кн. Хилкова, № 65.

3) Акт. Арх. Эксп., т. III, № 143.

4) Акт. Ист., т. IV, № 11, Доп. Акт. Ист., т. IV, № 52.

Итакъ, не всѣми товарами, привозимыми иностранцами въ Россію, интересовались наши государи, а лишь опредѣленнымъ ихъ кругомъ. Но зато въ очерченныхъ границахъ, къ сдѣлкамъ на эти товары иностранцы принуждались.

Невольно напрашивается сравненіе положенія иностранцевъ при сдѣлкахъ съ казною въ отношеніи узорочныхъ товаровъ съ положеніемъ иностранцевъ при сдѣлкахъ съ казною на указные товары.

Припомнимъ, что когда мы говорили о послѣднихъ сдѣлкахъ, то тогда же замѣчали, что при сдѣлкахъ на указные товары иностранцы принуждались иногда во чтобы то ни стало покупать то царскій воскъ, то пеньку, то юфть. Можно думать, что принужденіе сопровождало одинаково и тѣ, и другія сдѣлки и что въ этомъ пунктѣ можно ихъ смѣшивать. Но это кажется только на первый взглядъ. Дѣйствительно, мы приводили случаи, когда въ сдѣлкахъ на указные товары эти послѣдніе насильно навязывались иностранцамъ. Но тогда же мы объясняли, что это правительствомъ не считалось нормальнымъ порядкомъ. Когда ему приходилось давать разъясненія по этому поводу, то оно заявляло, что къ покупкѣ указныхъ товаровъ иностранцы не принуждаются: ихъ добрая воля пріобрѣсти ихъ или отказаться отъ пріобрѣтенія. Въ такихъ выраженіяхъ еще Борисъ Годуновъ писалъ англійскому правительству. Слѣдовательно еще тогда въ Москвѣ по отношенію къ сдѣлкамъ на указные товары стояли на почвѣ свободы. Между тѣмъ, при покупкѣ иностранныхъ узорочныхъ товаровъ на государя принципіально признавалось, что иностранцы должны предоставлять такіе товары въ распоряженіе казны волей неволей. Казна выбирала нужное, а остальное возвращала продавцамъ. При сдѣлкахъ на указные товары былъ торгъ между казной и покупщиками. Если послѣднимъ цѣна казалась неподходящей, они не покупали товара. При сдѣлкахъ на узорочные товары, сколько бы ни хотѣлъ за нихъ продавецъ, онъ получалъ только то, что назначала ему казна. Если бы онъ не захотѣлъ получить назначенное, онъ товаръ, всетаки, терялъ, потому что товаръ поступалъ въ казну не въ силу соглашенія ея съ иностранцемъ, а въ виду того, что онъ отбирался отъ иностранца на государя. Отсюда мож-

но предполагать, какія были вопіющія злоупотребленія въ темное время.

Дѣйствительно, они были и разнообразны, и многочисленны. Интересно, что они тогда не казались такими страшными, чтобы внушать къ себѣ отвращеніе. Они считались даже нормальными въ сравненіи съ другими явленіями, вызывавшимися той же государственной властью. Это можно вывести изъ того, что иногда ими прикрывали репрессаліи въ публично-правовой сферѣ международныхъ отношеній. Не хотѣли сознаться въ послѣднихъ и объясняли ихъ первыми.

Такъ, въ 1570 году литовскіе послы жаловались нашимъ боярамъ: „государя нашего Жигимонта-Августа былъ у государя вашего посланникъ Юрьи Быковской, а съ нимъ были гости и купцы многіе, и до государя вашего казны государя вашего казначеи многіе товары у нихъ имали и цѣну имъ за ихъ товары дали не сполна, и государь бы вашъ велѣлъ то доплатити“ [1]). На основаніи заявленій русскаго правительства такъ былъ квалифицированъ захватъ въ казну этихъ товаровъ. Но оказывается, что въ Москвѣ лишь прикрывались гражданскими сдѣлками купли-продажи узорочныхъ товаровъ казной у литовскихъ купцовъ, а на самомъ дѣлѣ, какъ въ этомъ созналось впослѣдствіи наше правительство, купцы попросту были ограблены имъ за задержаніе нашихъ пословъ въ Литвѣ и за учиненіе посламъ „напрасной истомы“ [2]).

Въ томъ же году между Литвой и Москвой была большая переписка по поводу другихъ уже купцовъ, отъ которыхъ такъ же взяли товаръ въ государеву казну, но однимъ изъ нихъ совсѣмъ не заплатили ничего, другимъ не доплатили, третьимъ вернули товаръ, какъ не пригодившійся для государя, но не весь, и т. д. Московское правительство, какъ умѣло, отписывалось передъ Литовскимъ. По поводу однихъ случаевъ оно заявляло, что все заплачено, что, хотя товаръ и взятъ въ казну, но торгъ былъ полюбовный, что объ этомъ

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LXXI, стр. 744 и слѣд.

[2]) Ibid., стр. 788 и слѣд.

заявляють казначеи и дьяки государевы. Ничего не оставалось, какъ вѣрить казначеямъ и дьякамъ государевымъ. По поводу другихъ случаевъ правительство заявляло, что не приказные оставили у себя тѣ или иныя вещи, а сами купцы „запамятовали взяти", и что нынѣ такія вещи и отсылаются въ Литву. Это было совершенно послѣдовательно. Наконецъ, по поводу нѣкоторыхъ случаевъ, когда покупатель слишкомъ откровенно поступилъ со своими продавцами, ничего не заплативъ имъ, то тогда Литвѣ объясняли дѣйствія покупателя высшими государственными соображеніями. „А что писали есте,—сообщаетъ русское правительство литовскому,—у которыхъ товары иманы до казны царьского величества и кони иманы до конюшни: у слуги пана и воеводы иновлоцловского Хриштофа Лазарева взято до конюшни царьского величества черезъ пристава Ондрея Клобукова два коня, а мѣлъ за нихъ дати полтретьяста рублевъ, а не заплачено, а коней не вернено; у Бориса Ондреева взято до казны ц. в. сукна шарлату поставъ и розные зелья; у Богдана у Курманчикова, у татарина, взято до казны ц. в. сукна и отласы и всякіе зелья; у Алея у Адамова взято до казны ц. в. суконъ розныхъ барвъ поставовъ тридцать четыре, и за то не заплачено; у Савы у Өедорова взято до казны ц. в. товары и зелья; у Юрья Иванова да у Өедора Юрьева взято до казны ц. в. тафты, и шолки, и иные розные товары, а за тѣ имъ товары не плачено; у Тараса у Одамовича у арменина взято до казны ц. в. аксамиты и перстни золотые и адамашки; у Мурата у Михайлова, слуги пана Радивилова, взято до казны ц. в. ковровъ великихъ и мухояровъ, а того всего ему не вернено ему и не заплачено; и мы о тѣхъ о всѣхъ статьяхъ справливались съ казначеи и зъ дьяки царьского величества, и они намъ сказывали, что тѣ кони и товары иманы въ пенѣ царьского величества у арменьи и у грековъ, а въ прежнихъ обычаяхъ того не бывало, чтобъ съ литовскими послы арменья—греки приходили... и тѣ люди съ вами были для лазученья и искали надъ государя нашего землею лихово дѣла; и то ещо царьского величества милость, что ихъ самихъ не казнилъ, а они были довелись сами казни такіе злодѣи. А что писали есте о Савѣ жъ о Өедоровѣ, что особливе приставъ Андрей Кло-

буковъ съ стрѣлцами пришедши выбралъ розныхъ товаровъ на сто на дватцать шесть рублевъ, и мы о томъ пристава Ондрея роспрашивали, и Андрей намъ сказалъ, что онъ съ стрѣлцы хъ тому Савѣ не прихаживалъ и товаровъ у него не имывалъ; а хотя бъ Андрей у того Савы и поималъ товары, и онъ бы въ томъ невиненъ былъ, потому что онъ грабилъ въ государя нашего царьского величества царствѣ измѣнника, а не литовскихъ купцовъ" [1]).

Изъ приведеннаго отвѣта Московскаго правительства, особенно по поводу послѣднихъ случаевъ, видно, что въ Москвѣ смѣшивали нормы гражданскаго права съ фактами публичнаго порядка, какъ однородныя величины.

Но когда государь и не руководствовался соображеніями публичнаго порядка, всетаки, отношенія его, какъ одного изъ контрагентовъ сдѣлокъ, къ купцамъ заставляли желать лучшаго. Царю Ивану Васильевичу понравился одинъ меринъ литовскаго купца. Мерина взяли къ государю, а купцу „цѣну подобную за него платили". Но купецъ не соглашался на такую цѣну и просилъ бо́льшую; тогда государь велѣлъ мерина „у пословъ на дворѣ подсѣчи, потому что не токмо у царьского величества и у всякихъ людей на Москвѣ и мимо литовскихъ лошадей много, а литовскіе лошади приводятъ зарочны, а иные хромы, а просятъ за нихъ денегъ, кабы у кого лошадей нѣтъ, или хто не видалъ лошадей, ино потому такъ и ссталось; а просилъ бы подобнѣе того, ино бъ того и не было" [2]).

Въ данномъ случаѣ съ совершенной ясностью выступаетъ передъ нами взглядъ Московскаго правительства на характеръ разбираемыхъ сдѣлокъ. Сперва товаръ отбирается на государя, а потомъ платятъ собственнику ту сумму, которую находитъ нужнымъ заплатить покупщикъ, по своему мнѣнію. Здѣсь и принужденіе, и отсутствіе соглашенія о цѣнѣ.

Реакція противъ принужденія иностранныхъ купцовъ къ вступленію въ сдѣлки съ казною во что бы то ни стало

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LXXI, стр. 748—762.

[2]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LXXI, стр. 786.

выражалась не только въ частныхъ представленіяхъ иностранныхъ правительствъ, примѣры каковыхъ мы уже видѣли. Соотвѣтствующія правила о свободѣ торговли желали включить въ международные договоры. Изъ проекта несостоявшагося между царемъ Иваномъ Васильевичемъ и англійской королевой Елисаветой договора видно, что ст. 7 проекта постановляла, между прочимъ, слѣдующее: „чтобы ни тотъ, ни другой государь не бралъ никакой части товаровъ какого бы то ни было купца безъ его согласія, развѣ въ случаѣ, если бы которому либо изъ государей была очевидная необходимость купить этотъ товаръ для собственнаго своего или своихъ домашнихъ употребленія; въ таковыхъ случаяхъ купцу или владѣльцу товара должны быть уплачены деньги по справедливой цѣнѣ“ [1]).

Это было въ 1569 году, а въ 1589 году Флетчеру, послу королевы англійской, приходилось просить наше правительство обезпечить членовъ англійской компаніи отъ насильственнаго отнятія товаровъ казною, чтобы „его государевы приказные люди у нихъ товару не отнимали не по ихъ волѣ... а будетъ что изъ ихъ товаровъ его государскому величеству, или его приказнымъ людемъ, понадобитца, ино бъ у нихъ товаръ имали по цѣнѣ“. Флетчеръ просилъ, чтобы это прописали въ самой жалованной грамотѣ, которая будетъ дана компаніи. Флетчеру отвѣчали, что никому насильствъ не чинили, а англійскихъ гостей особенно берегли во всемъ, если и брали какой товаръ на государя на Казенный Дворъ, „или впередъ что возмутъ, и что къ государской казнѣ пригодитца, и за то тотчасъ денги платятъ, и впередъ потому и будетъ; а чего къ царской казнѣ не возмутъ, и тотчасъ товаръ назадъ отдадутъ“ [2]).

Не смотря на такія завѣренія, и послѣ, какъ напр. въ 1592 году, англичанамъ приходилось жаловаться на способы покупки государемъ нужныхъ ему товаровъ. Въ 1592 г. лордъ Берлей писалъ Борису Годунову: „въ

---

[1]) Ю. Толстой, Россія и Англія, № 81.

[2]) Статейный списокъ посольства Флетчера. Временникъ, кн. VIII, стр. 8 и 22.

послѣдній пріѣздъ нашихъ купцовъ къ пристани Святаго Михаила Архангела, гдѣ ведется торгъ, ихъ товары были взяты царскими приказными людьми для казны его высочества по такимъ цѣнамъ, какія тѣмъ приказнымъ заблагоразсудилось за нихъ положить, на столько ниже ихъ стоимости, что купцы не могли согласиться на полученіе (денегъ) по такимъ цѣнамъ: послѣ этого отказа, сказанные приказные въ теченіи трехъ недѣль не допускали ихъ ни до какого торга; такъ что они были принуждены уступить ихъ требованію, какъ сіе не было противно ихъ желанію" [1]).

Это описаніе способа покупки узорочныхъ товаровъ на государя очень похоже на сдѣланное нами ранѣе описаніе продажи государевыхъ указныхъ товаровъ. Поэтому, повторяемъ, очень легко смѣшать тѣ и другія сдѣлки въ ихъ квалификаціи. Тѣмъ болѣе, что съ теченіемъ времени смягчается первоначальная суровость принужденія и оно становится менѣе уловимымъ. Уже изъ приведеннаго заявленія 1592 года видно, насколько измѣнились, въ сравненіи съ прошлымъ, способы воздѣйствія на продавцовъ и сама внѣшняя картина сдѣлокъ. Теперь стараются придать видъ свободной гражданской сдѣлки отобранію товаровъ на государя, между прочимъ, тѣмъ, что дожидаются согласія продавцовъ на опредѣленную покупщикомъ цѣну. Не столь существенно, что выбиваютъ это согласіе силой.

Далѣе, и въ XVII вѣкѣ въ этихъ дѣлахъ было много недоразумѣній. Но прежняго широкаго размаха, который былъ при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, уже не наблюдалось. Тогда бывало представлялись въ Москву цѣлые списки ограбленныхъ купцовъ. Теперь же самъ государь отстранился отъ этого дѣла, а приказные интересовались больше взятками.

Такъ, въ 1616 году было цѣлое дѣло о взяткахъ приказныхъ людей въ Астрахани, которыя взимались именно съ иностранныхъ купцовъ. Правительство нарядило слѣдствіе, и бухарцы въ распросныхъ рѣчахъ показывали, между прочимъ, и о томъ, какимъ порядкомъ производилась при-

---

[1]) Ю. Толстой, Россія и Англія, № 78, стр. 426.

казными эта торговля на государя. „Лѣтось во 124-мъ году, говорили бухарцы, вскоре после Семеня дни, пріѣхало ихъ бухарцовъ человѣкъ съ шестьдесятъ, и съ пріѣзду взяли у нихъ воеводы, выбравъ лутчихъ, четыреста киндяковъ и зенденей, а заплатили имъ за киндякъ по десяти алтынъ, а за зендень по двѣ гривны; а въ ряду продавали и хуже тѣхъ киндяки по полтине, а зендень по десяти алтынъ, а красную по двѣнадцети алтынъ; а того не вѣдаютъ: на государя-ль у нихъ взяли, или воеводы себѣ“ [1]).

Въ этомъ дѣлѣ мы находимъ уже не принудительное отчужденіе иностранныхъ товаровъ, а прямыя злоупотребленія воеводъ, которыя и преслѣдуются.

Но тѣмъ не менѣе принципъ принудительнаго отчужденія узорочныхъ товаровъ иностранцевъ пробивался еще и во вторую половину XVII вѣка. Такъ, въ 1658 г. объявлялось, что „по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича... указу таможеннымъ головамъ велѣно покупать у Архангельскаго города на него великого государя узорочные всякіе нѣмецкіе товары... и для того у нихъ нѣмецъ товары всѣ осматривать на лицо... и о томъ заказъ учинить крѣпкой, чтобъ узорочные товары и фряскіе вина и пряные зелья до тѣхъ мѣстъ, покамѣста на великого государя, на его царское величество, искупятъ, и на сторону русскимъ никакимъ людемъ продавать бы никому не велѣть же“ [2]).

---

[1]) Труды Восточн. Отдѣленія Импер. Рус. Археолог. Общ., т. XXII, стр. 84 и 122.

[2]) Доп. Акт. Ист., т. IV, № 52.

Торговые представители и другіе служащіе иностранныхъ купцовъ.

I.

ТОРГОВОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО.

До сихъ поръ мы говорили о главнѣйшихъ моментахъ юридической жизни иностранныхъ купцовъ въ Московскомъ государствѣ, выражавшихся въ заключеніи ими торговыхъ сдѣлокъ.

Какими бы ограниченіями ни было обставлено пребываніе иностранцевъ въ Россіи въ этомъ отношеніи, мы, все-таки, наблюдаемъ пышный расцвѣтъ иностранной торговли въ то время. Иностранцы умѣли обходить непріятныя для нихъ постановленія русскаго права, а кромѣ того, за чертой ограниченій оставалась еще достаточная область, въ которой проявлялись предпріимчивость и умѣнье иностранцевъ въ торговлѣ.

Въ виду большого развитія торговыхъ оборотовъ иностранцевъ въ Московскомъ государствѣ, въ то время такъ же, какъ и теперь, иностранные купцы не только не могли выполнять лично всѣхъ дѣйствій, связанныхъ съ операціями по торговлѣ, но даже не были въ состояніи заключать лично всѣхъ торговыхъ сдѣлокъ. Припомнимъ, что иностранцамъ была предоставлена исключительно оптовая торговля, которая еще болѣе осложняла торговый аппаратъ каждаго

иностранца, желавшаго самостоятельно торговать въ Россіи. Такой купецъ нуждался въ цѣломъ рядѣ вспомогательныхъ дѣятелей, работа которыхъ на него могла имѣть чисто фактическій характеръ или и юридическое значеніе. Иначе, онъ нуждался не только въ простыхъ слугахъ, но и въ довѣренныхъ лицахъ.

Нельзя упускать изъ виду, что въ Московскомъ государствѣ иностранные купцы могли стоять и въ дѣйствительности стояли во главѣ промышленныхъ предпріятій—фабрикъ и заводовъ. Выше мы упоминали объ одномъ такомъ купцѣ голландцѣ Карпѣ Демулинѣ, имѣвшемъ канатный заводъ. Такія лица нуждались во всѣхъ тѣхъ агентахъ, какъ и обыкновенные купцы, но кромѣ того, еще въ услугахъ мастеровъ и рабочихъ.

И вотъ, мы видимъ, что въ Московскомъ государствѣ иностранные купцы пользовались въ своихъ дѣлахъ услугами цѣлаго ряда лицъ какъ изъ иностранцевъ, такъ и изъ русскихъ подданныхъ. Это были торговые представители, начиная съ довѣренныхъ и кончая простыми приказчиками, мастера промышленныхъ предпріятій иностранцевъ, простые рабочіе этихъ учрежденій, наконецъ, дворники и сторожа при имуществѣ иностранцевъ, ихъ личная прислуга и цѣлый рядъ людей, услугами которыхъ иностранцы пользовались мимоходомъ; таковы, напр., были лоцманы, перевозчики и др.

Въ Москвѣ неодинаково относились къ правамъ иностранныхъ купцовъ на услуги этихъ лицъ. Во первыхъ, отличали услуги русскихъ людей отъ всякихъ другихъ, а во вторыхъ—проводили различіе и между свойствомъ услугъ.

Главнымъ образомъ и правительство, и населеніе реагировало на факты эксплуатированія иностранцами русскихъ людей. Наибольшій интересъ для насъ лежитъ къ этимъ отношеніямъ. Но въ Московскомъ государствѣ иногда подвергались испытанію и права иностранныхъ купцовъ на услуги и не русскихъ людей. Ставился вопросъ о самой возможности признанія отношеній такого рода. Поэтому не будетъ излишнимъ, съ нашей стороны, разсмотрѣть это дѣло во всей его полнотѣ и начать съ самаго важнаго для ино-

странцевъ института въ этой области, а именно съ торговаго представительства.

Московское правосознаніе совершенно ясно допускало торговое представительство. Въ 1517 году была дана жалованная грамота пруссаку Дитриху Шонбергу на свободную торговлю въ Московскомъ государствѣ черезъ своего человѣка, котораго онъ пошлетъ, говоритъ грамота великаго князя „въ наши государства съ товаромъ и безъ товару, и тому его человѣку купити и продати въ нашихъ государствѣхъ". Важной привилегіей торговли Шонберга въ Москвѣ было освобожденіе отъ всѣхъ пошлинъ. Грамота говорила: „и никоторыхъ пошлинъ съ того его человѣка не емлютъ" [1]).

Штетинскій посадникъ Григорій Мундинусъ торговалъ въ Россіи черезъ своего приказчика Кашпира Баингарта. Этотъ Баингартъ, будучи въ Архангельскѣ съ товаромъ „многое воровство и смуту чинилъ и говорилъ непригожія рѣчи про Великаго Государя". За это „воровство" товаръ Григорія Мундинуса, „что у прикащика его у Кашпирка" былъ взятъ на государя. По ходатайству Любекскихъ Бургомистровъ, Ратмановъ и Палатниковъ въ 1618 г., товаръ былъ возвращенъ Мундинусу, но съ тѣмъ, чтобы Баингартъ въ Любской землѣ былъ наказанъ [2]). Этотъ болѣе, чѣмъ ши-

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LIII, стр. 55 и слѣд.

Въ оглавленіи этого тома грамота Шонбергу двусмысленно озаглавлена: „Грамота великаго князя Шонбергу, по его челобитью, на свободную торговлю лично ему въ московскихъ владѣніяхъ".

Мы нарочно привели самые тексты грамоты, указывающіе, что торговалъ не лично Шонбергъ, а его довѣренный.

Можно думать, что составитель оглавленія и не предполагалъ указывать, что Шонбергъ долженъ былъ торговать въ Москвѣ лично, такъ какъ и при бѣгломъ чтеніи грамоты долженъ былъ видѣть, что Шонбергъ торговалъ „черезъ своего человѣка", а не лично. Но можно думать, что составитель хотѣлъ подчеркнуть въ оглавленіи, что грамота дается не всѣмъ подданнымъ государства, представителемъ котораго являлся въ Москвѣ Шонбергъ, а только одному этому Шонбергу. На основаніи этой грамоты, какъ-бы говорилъ составитель оглавленія, можетъ торговать только лично Шонбергъ, а не вообще пруссаки.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 38.

рокій, объемъ отвѣтственности Мундинуса за его приказчика какъ бы показывалъ, что въ Москвѣ сливали представителя съ представляемымъ даже болѣе, чѣмъ слѣдовало, и во всякомъ случаѣ признавали полномочія представителя. Понятно, что такой объемъ отвѣтственности довѣрителя за довѣренное лицо объяснялся крайне недостаточнымъ дифференцированіемъ публичнаго и частнаго моментовъ въ юридическихъ отношеніяхъ. Но съ теченіемъ времени это должно было придти въ соотвѣтствующія рамки.

Однако, правильному развитію этого института въ Москвѣ чуть было не помѣшали англичане. Такая попытка съ ихъ стороны была сдѣлана при Ѳедорѣ Ивановичѣ знаменитымъ посломъ Елисаветы англійской Флетчеромъ. Презирая правосознаніе русскихъ варваровъ, англичане во многихъ вопросахъ, затронутыхъ посольствомъ Флетчера, смѣялись надъ русскимъ правомъ. Требовали такихъ вещей отъ Россіи, которыя,—если бы не знать англичанъ,—свидѣтельствовали о крайне низкомъ уровнѣ ихъ правосознанія. На самомъ же дѣлѣ изъ этого слѣдовало, что англичане третировали русскихъ. Наша цѣль далека отъ того, чтобы разбираться въ этомъ послѣднемъ вопросѣ. Сейчасъ мы должны остановиться лишь на требованіяхъ Флетчера, касающихся представительства.

Дѣло въ томъ, что англичане желали, чтобы члены компаніи пользовались услугами довѣренныхъ лицъ и получали бы, въ случаѣ ихъ дѣйствій, клонящихся къ выгодѣ, всю прибыль, какъ это и полагается довѣрителямъ. Но въ тоже время англичане желали, чтобы за всѣ сдѣлки, невыгодныя для членовъ компаніи и совершенныя приказчиками, а не самими членами, отвѣтственность падала на этихъ приказчиковъ. Получая прибыль, члены компаніи не хотѣли расплачиваться за убытки.

По этому случаю Флетчеръ, въ двусмысленныхъ выраженіяхъ, предлагалъ привлекать къ судебной отвѣтственности за дѣйствія приказчиковъ и вообще лицъ, служащихъ у членовъ англійской компаніи, лишь самихъ приказчиковъ и служащихъ, а не ихъ довѣрителей и хозяевъ. Онъ говорилъ довольно туманно слѣдующее: „А которые у тѣхъ гостей слуги, въ какомъ дѣлѣ нибуди, повинны будутъ, и на

тѣхъ бы на самихъ на одпихъ и на ихъ животъ пеня была, за то пхъ бездѣлье, а гостемъ бы въ томъ на нихъ убытка не было ни въ чемъ“ [1]. Изъ этихъ выраженій можно было заключить, что, за всякія предосудительныя и убыточныя для англійской компаніи дѣйствія довѣренныхъ и вообще слугъ, ея компанія не отвѣчаетъ, а отвѣчаютъ сами слуги. Флетчеръ не доканчивалъ: а въ случаѣ дѣйствій слугъ, выгодныхъ для компаніи, прибыль получаетъ послѣдняя.

Въ Москвѣ поняли тайный смыслъ этихъ выраженій и вожделѣнія англичанъ. Сперва Флетчеру отвѣтили, что его предложеніе не пріемлемо: „тому такъ быть непригоже“, а затѣмъ разъяснили, какъ русское право трактуетъ вопросъ о торговомъ представительствѣ.

Имена самихъ англійскихъ гостей, разъясняли Флетчеру, и ихъ приказчиковъ, „гостиныхъ людей“ извѣстны въ Москвѣ. Объ этомъ говоритъ и уставъ компаніи, объ этомъ же говорилъ и Флетчеръ. Поэтому „которые гостиные люди (т. е. слуги гостей) почнутъ жить съ гостми на Москвѣ, на дворѣ, и по городомъ, и тѣмъ людемъ гостинымъ Государевы люди вѣрятъ и съ ними торгуютъ также, какъ и съ гостми, а гости, пріѣзжая, имъ вѣрити велятъ во всякой торговлѣ“. Здѣсь совершенно ясно устанавливаютъ въ глазахъ Флетчера тотъ фактъ, что право на непосредственное производство въ Москвѣ торговыхъ сдѣлокъ имѣютъ какъ гости—англичане, такъ и ихъ приказчики. Разница между сдѣлками тѣхъ и другихъ только въ томъ, что приказчики производили обороты за счетъ хозяевъ. Хозяева получали прибыль; хозяева должны были расплачиваться и за убытки. Поэтому далѣе Флетчеру разъясняли: „и кто, гостинъ человѣкъ, что своруетъ, или что у кого возметъ въ торгъ да заплатить не похочетъ и въ томъ Государской судъ, какъ изначала ведетца у Государя у нашего въ его государствѣ“. Значитъ, судъ устанавливаетъ, отвѣчаетъ ли

---

[1] Статейный списокъ англійскаго посла Елизара Флетчера, бывшаго въ Москвѣ въ 7097 г. Временникъ Имп. Москов. Общ. Ист. и Древн. Росс., кн. 8, стр. 12.

и въ какой суммѣ англичанинъ передъ русскимъ. Затѣмъ, съ проигравшимъ процессъ поступаютъ такъ, какъ всегда сами англичане просили, чтобы поступали съ ними въ такихъ случаяхъ. „А по суду виноватаго гостемъ отдаютъ (здѣсь, конечно, гражданская, а не уголовная неправда, что сейчасъ же и раскрывается), а заемное и даное емлютъ на гостѣхъ, а гости ихъ себѣ учать своихъ людей и ихъ берегуть во всемъ и наказанье имъ чинять и нынѣ, потомужъ и впередъ быти“ [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что столь неправильное пониманіе отвѣтственности представляемаго за дѣйствія представителя, какъ это мы видѣли въ дѣлѣ Мундинуса, также могло побудить иностранцевъ къ дѣйствіямъ и требованіямъ, подобнымъ дѣйствіямъ и требованіямъ Флетчера. Но тогда рѣчь пойдетъ не о разграниченіи частнаго и публичнаго правъ, что само собою совершалось безпрерывнымъ развитіемъ гражданской области отношеній, а о насильственномъ или искусственномъ съуженіи понятія частнаго представительства.

Если мы видѣли попытки въ этомъ родѣ со стороны иностранцевъ, напр. англичанъ, то не было недостатка въ нихъ и со стороны туземцевъ. Но, конечно, основанія и побудительныя причины тѣхъ и другихъ попытокъ были совершенно разныя. Иностранцы хотѣли съузить свою отвѣтственность за убытки. Туземцы хотѣли совсѣмъ лишить иностранцевъ представительства для того, чтобы иностранцы не получали такъ много прибыли. Безъ довѣренныхъ и приказчиковъ иностранные купцы получали бы прибыль только со своихъ личныхъ дѣйствій; съ приказчиками же къ одному купцу стекалась прибыль за дѣйствія нѣсколькихъ лицъ.

О желаніяхъ въ этомъ родѣ туземцевъ свидѣтельствуютъ жалобы русскихъ людей правительству на злоупотребленія иностранцевъ въ торговлѣ. Изъ этихъ жалобъ видно, что населеніе не было склонно признавать института представительства для иностранныхъ купцовъ. Въ челобитной 1646 года русскіе купцы излагали, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ далъ жалованную грамоту на безпошлинную тор

1) Статейный списокъ посольства Флетчера, стр. 28.

говлю англійскимъ гостямъ „Сerждану Мерику Книхту съ товарыщи, двадцати тремъ человѣкомъ, имянно, которые въ жаловалной грамотѣ имяны написаны, тѣмъ и велѣно ѣздить къ Москвѣ; а опроче, государь, того инымъ агличаномъ въ Московскомъ государьствѣ безпошлинно торговать не велѣно". Но теперь, продолжаютъ жалобщики, изъ тѣхъ англичанъ, которымъ была дана грамота, живы человѣка три, четыре, но и они въ Россію не ѣздятъ, а которые ѣздятъ и пользуются грамотой, то тѣ „нѣмцы иные, которые вашимъ государевымъ жалованьемъ не пожалованы..... а здѣся, государь, называются мертвыхъ нѣмецъ братьями, и племянниками, и приказщиками. И того, государь, въ жаловалной грамотѣ не написано, что пріѣзжати въ Московское государьство аглинскихъ гостей Сержадана Мерика Книхта съ товарыщи людемъ и приказщикомъ или сродникомъ; а по вашему государеву жалованью велѣно, государь, ѣздить самимъ съ своими товары" [1]).

Это послѣднее утвержденіе жалобщиковъ, самое главное для насъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Правда, въ жалованной грамотѣ англійской компаніи отъ 1614 года говорится: „торговати им, т. е. англичанамъ компаніи, своими товары и меняти самим, а рускимъ торговым людем от них не торговати и не меняти" [2]). Но это указаніе: „торговати имъ самимъ" сдѣлано для того, чтобы оттѣнить запрещеніе торговли посредствомъ русскихъ людей. Торговать же съ помощью своихъ иностранцевъ-приказчиковъ англичане имѣли право. Объ этомъ говорила грамота 1614 г. въ нѣсколькихъ мѣстахъ, указывая, напр., что приказные люди по всѣмъ городамъ пропускаютъ англійскихъ гостей „и приказщиковъ ихъ" безпошлинно, или что „судят их аглинских гостей и ихъ приказщиков и людей" въ Посольскомъ

---

[1]) Акт. Арх. Эксп., т. IV, № 13.

Въ тѣхъ же выраженіяхъ говорятъ жалобщики и про голландскую компанію де Фоглера и Кленка.

Тѣ же жалобы и въ челобитной 1649 г. Сборникъ кн. Хилкова, стр. 239 и 247.

[2]) А. С. Мулюкинъ, Пріѣздъ иностранцевъ въ Московское государство. Приложеніе, № 6.

Приказѣ[1]). Тоже говорила и грамота 1628 года. На эту грамоту и ссылались жалобщики[2]).

Въ виду совершенно ясныхъ выраженій жалованныхъ грамотъ, нельзя предполагать, чтобы устами русскаго купечества, подписывавшаго челобитную 1646 года, говорило дѣйствовавшее тогда русское право. Повидимому, русское купечество намѣренно закрывало глаза на нѣкоторые факты, добиваясь отъ правительства опредѣленныхъ результатовъ.

Если бы взглядъ на этотъ вопросъ о приказчикахъ иностранныхъ купцовъ находилъ себѣ пріютъ только въ умахъ жалобщиковъ, то тогда онъ имѣлъ бы очень ограниченное значеніе, и историкамъ приходилось бы констатировать его, въ качествѣ желаній опредѣленныхъ лицъ или даже цѣлаго класса, неосуществившихся на практикѣ. Намъ не было бы надобности даже говорить объ этомъ такъ много. Но мы начали говорить по этому поводу, такъ какъ иногда взгляды русскихъ купцовъ находили себѣ откликъ среди правительства и хотя мимолетно, но проводились въ жизнь послѣднимъ. Когда это случалось, тогда иностранное купечество оказывалось какъ бы лишеннымъ правъ на представительство въ гражданскомъ оборотѣ.

Такъ, около того же времени, когда русскіе купцы излагали правительству свой взглядъ на то, кто можетъ пользоваться правами и привилегіями, пожалованными данной грамотой, правительство лишило голландскую компанію Фоглера и Кленка привилегіи уплаты половинныхъ пошлинъ, пожалованной еще грамотой отъ 1614 года. Голландцамъ объясняли отнятіе привилегіи тѣмъ, „что тѣ галанские гости, Марко Марковъ де Ѳогеляръ да Юрьи Клинкъ с товарыщемъ сами в Московское государство не приезжають многие лѣта, а по государеве жаловальной грамоте, какова имъ дана, приезжали в Московское государство по многие годы и назывались приказщиками ихъ, пролыгаясь, Галанцы торговые многие люди ежелѣть переменяясь, а госуда-

[1]) А. С. Мулюкинъ. Пріѣздъ иностранцевъ въ Московское государство. Приложеніе, № 6.

[2]) Приложеніе, № 1.

ревыхъ пошлинъ платили половину, і в томъ государеве казнѣ чинили напрасные великие убытки" [1]).

Смыслъ всей этой тирады можетъ быть тотъ, что привилегія отнята потому, что Фоглеръ и Кленкъ сами не ѣздятъ въ Москву, а другіе, хотя бы и называли себя ихъ довѣренными, уже не имѣютъ права на пользованіе привилегіею.

Это послѣднее утвержденіе надо съ большею осторожностью выводить изъ приведеннаго текста. Изъ него съ несомнѣнностью слѣдуетъ только то, что если бы голландцы назывались приказчиками Фоглера и Кленка, „не пролыгаясь", то ихъ бы и признавали за приказчиковъ.

Но какія же доказательства полномочій приказчиковъ были необходимы для Московскаго правительства, чтобы оно признавало данныхъ лицъ за приказчиковъ торговаго дома Фоглера и Кленка? Напр., приказчикъ этой фирмы голландецъ же Иванъ Кематъ и „государеву жаловальную грамоту государевымъ приказнымъ людемъ объявлялъ", и совершалъ всѣ сдѣлки, и платилъ пошлины и всякія пени отъ имени своихъ довѣрителей; когда правительство заключило съ этой фирмой договоръ поставки оружія и когда заказъ былъ исполненъ, то правительство расчитывалось за оружіе съ приказчикомъ этой фирмы [2]). Несмотря на это, Московское правительство объясняло, что отнимаетъ привилегію потому, что сами Фоглеръ и Кленкъ въ Россію не пріѣзжаютъ, а пріѣзжаютъ другіе голландцы, называясь приказчиками этой фирмы, „а въ прошломъ во 148 г. назывался приказщикомъ ихъ галанецъ Іванъ Ивановъ Кематъ",— и говорилъ „будто онъ торгуетъ отъ нихъ, Марка и отъ Юрья, и по государеве жаловальной грамоте, какова имъ дана... и ту государеву жаловальную грамоту государевымъ приказнымъ людемъ объявлялъ" [3]).

---

[1]) И. Я. Гурляндъ. Иванъ Гебдонъ, коммиссаріусъ и резидентъ. Приложеніе № 11, стр. 80 и слѣд.

[2]) И. Я. Гурляндъ. Назв. соч., стр. 19.

[3]) Назв. соч., Приложеніе, № 11.

Не хотѣли ли въ Москвѣ сказать, что непонятно, какъ можетъ кто нибудь другой, а не сами Фоглеръ и Кленкъ осуществлять ихъ права, въ области пользованія льготами и привилегіями по жалованнымъ грамотамъ?

Выше мы успѣли болѣе или менѣе намѣтить, что иностранные купцы пользовались правомъ представительства себя приказчиками. Поэтому утвержденіе правительства по поводу Ивана Кемата, въ смыслѣ полнаго отрицанія представительства за иностранными купцами, каковой смыслъ мы хотѣли придать въ самомъ началѣ этому утвержденію, стоитъ въ противорѣчіи съ другими фактами и дѣйствіями правительства въ такихъ же случаяхъ и по отношенію къ той же фирмѣ.

Кромѣ сдѣлокъ, совершавшихся приказчиками Фоглера и Кленка, о которыхъ мы уже упоминали, мы можемъ сказать, что еще въ 1635 г. Фоглеръ и Кленкъ жаловались на то, что ихъ корабль съ товарами, разбитый бурею у Пудожемскаго устья, былъ ограбленъ цѣлой компаніей лицъ, во главѣ съ архангельскимъ стрѣльцомъ, явившейся къ кораблю на баркасахъ; съ корабля не только были взяты всѣ товары, но и снасти, и вооруженіе. Государь велѣлъ по сыску все возвратить собственникамъ „голландским гостем Марку Маркову да Юрью Клинку или ихъ приказщикомъ" и взять „у нихъ в том писмо за их галанскихъ гостей или ихъ приказщиков за руками—впередъ для спору" [1]).

Точно также изъ отписки изъ Посольскій Приказъ гостя Григорія Никитникова видно, что въ 1643 году на Москвѣ, въ Большой Таможнѣ, являли товары преимущественно приказчики иностранцевъ, а не сами хозяева [2]).

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла $\frac{7143}{1635}$ № 22.

[2]) Никитниковъ подробно перечисляетъ кто именно изъ иностранцевъ являлъ товары въ 1643 году. „Аглинского гостя Женса Какса прикащикъ Томасъ Андреевъ, аглинского гостя Роборта Ботмана прикащикъ Ульянъ Юрьевъ, аглиского гостя Бенже Декра прикащикъ Юрья Романовъ, аглинской гость Алдемеръ Амерзли, аглинского гостя Аврама Юрьева прикащикъ Иванъ Ульяновъ, аглинского гостя у Жена Бедли прикащики Спиридонъ Герасимовъ да Иванъ Ульяновъ, аглиц-

Несомнѣнно, что институтъ представительства признавался и что нельзя придавать столь опредѣленный смыслъ приведеннымъ выше изъясненіямъ правительства. Оно, не хотѣло сказать, что Кематъ не приказчикъ Кленка и Фоглера; изъ всего дѣла видно, что его въ Россіи считали именно ихъ приказчикомъ; но правительство хотѣло высказать между строкъ, что сами Кленкъ и Фоглеръ должны пріѣзжать въ Россію, если хотятъ пользоваться привилегіями. Все дѣло было въ привилегіяхъ. Скоро жалованная грамота была возстановлена, и все пошло по старому [1]).

Если бы не было этого эпизода съ Фоглеромъ и Кленкомъ и жалобъ русскихъ людей съ ясно выраженнымъ желаніемъ ограничить иностранцевъ въ правѣ пользованія привилегіями, вплоть до отрицанія представительства иностранцевъ, то намъ и не пришлось бы такъ много гово-

---

ского гостя Томаса Сафрамонта прикащикъ Ульянъ Ульяновъ, аглинского гостя Рыцаря Свиета прикащикъ Томасъ Ивановъ, аглинского гостя Томаса Симонта прикащики Андрей Рыцаревъ да Ульянъ Христофоровъ, аглинского гостя Томаса Сома прикащикъ Ульянъ Миколаевъ, аглинского гостя Калиѳерта Русена прикащикъ Романъ Даниловъ, аглинского гостя Ѳрянца Сафлоета прикащикъ Марко Марковъ, аглинского гостя Рулента Хелина прикащикъ Томасъ Рыцаревъ, аглинского гостя Джана Харби прикащикъ Степанъ Юрьевъ, аглинского гостя князь Ульяна Руселя прикащикъ Андрей Ивановъ, аглинской гость Томасъ Войцъ Имена Галанские земли нѣмцомъ Галанские земли немчинъ Иванъ Ивановъ Галанские земли гостей Марка Маркова да Юрья Клинкина товарыщъ ихъ Петръ Петровъ Галанские земли немчинъ Ондрей Петровъ, Галанские земли немчинъ Ѳилимонъ Ѳилимоновъ, Галанские земли немчинъ Ондрей Даниловъ Галанские земли немчинъ Захарей Захарьевъ Галанские земли гость Петръ Гавриловъ сынъ Марселесъ да Еримѣй Андрѣевъ, Галанские земли немчина Логина Андреева прикащикъ Вахромѣй Вахромѣевъ, Галанские земли немчинъ Иванъ Симановъ, Голстенские земли немчинъ Мартинъ Ивановъ Голанские земли Давыда Миколаева братъ Исакъ Миколаевъ, Галанские земли немчинъ Тимоѳѣй Ондрѣевъ, Галанские земли немчинъ Иванъ Даниловъ, Галанские земли немчинъ Григорей Раксъ, Галанские земли немчинъ Ананья Радіоновъ, Анбурецъ Иванъ Тимоѳеевъ Галанские земли немчинъ Томасъ Романовъ". Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла. 1644—7152 іюня съ 11 по мартъ 1645—7153, № 43, св. 168.

[1]) П. Я. Гурляндъ. Назв. соч., стр. 25.

рить о торговомъ представительствѣ иностранцевъ вообще и о приказчикахъ ихъ въ частности. Въ Московскомъ государствѣ этотъ институтъ находилъ себѣ примѣненіе точно такъ же, какъ цѣлый рядъ другихъ и подобныхъ отношеній иностранцевъ къ иностранцамъ же.

Не только жалованныя грамоты XVII вѣка, но и всякіе другіе исходившіе въ это время отъ правительства акты, совершенно опредѣленно говорили, что правами, какъ перечисленными въ грамотахъ, такъ и вообще по торговлѣ, пользуются не только хозяева—иностранные купцы, но и ихъ довѣренные. Въ 1619 году государь писалъ въ Псковъ къ воеводамъ, что онъ пожаловалъ англичанина Фабіана Ульянова безпошлинно покупать во Псковѣ ленъ, „и какъ къ вамъ ся наша грамота придеть, писалъ государь, а аглинскія земли гость Фабинъ Ульяновъ самъ, или товарищи или прикащики его, кого онъ отъ себя пошлетъ, во Псковъ, для льняныя покупки пріѣдутъ, и выбъ имъ во Псковѣ ленъ у всякихъ людей покупати и на всякіе товары, какіе у нихъ аглинскихъ гостей будутъ, мѣняти велѣли повольно, а нашихъ пошлинъ съ товаровъ ихъ, что они во Псковъ съ собою привезутъ, и что во Псковѣ на деньги льну у всякихъ людей купятъ или на товары вымѣняютъ имати не велѣли“ [1]).

Въ концѣ XVII вѣка, въ 1670 г. была дана на откупъ торговля корабельнымъ лѣсомъ иностранцу Меллеру. Онъ могъ скупать деревья повольною цѣною и вывозить заграницу безпошлинно. Грамота на такую торговлю даетъ тѣ же права и приказчикамъ Меллера. Она говоритъ, что какъ самъ Меллеръ „учнетъ лѣсъ покупать или кого приказчиковъ присылать“ [2]).

Право безпошлинной покупки предоставлено Ульянову и Меллеру, но осуществлять это право они могли не только сами лично, но и черезъ своихъ товарищей или приказчиковъ. Что дѣйствительно это такъ и бывало, говоритъ,

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 49.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Дѣла Голландскія. 1670 г. іюня 21, № 1.

напр., жалованная грамота 1638 года, данная Петру Марселису. „Отецъ его Гаврило Марселисъ, разсказываетъ грамота, и прикащики его въ нашемъ въ Россійскомъ государствѣ торговали больше тридцати лѣтъ“ [1]).

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 109. См. также Доп. Акт. Ист. т. III, № 55 и № 116; т. V, № 40.

II.

СЛУЖАЩІЕ ВЪ ПРОМЫШЛЕННЫХЪ ПРЕДПРІЯТІЯХЪ И ПРИСЛУГА ИНОСТРАННЫХЪ КУПЦОВЪ.

Выше мы сказали, что въ Московскомъ государствѣ иностранные купцы не только торговали, но и стояли во главѣ промышленныхъ предпріятій. Цѣлый рядъ лицъ, начиная съ главныхъ техниковъ и управляющихъ этихъ предпріятій и кончая простыми рабочими, долженъ былъ быть въ распоряженіи иностранцевъ хозяевъ. Подобныя предпріятія заводились впервые на русской территоріи и потому участіе иностранцевъ въ нихъ было совершенно естественно и необходимо. Права иностранцевъ въ этомъ дѣлѣ не отрицались совершенно Московскимъ правительствомъ, но сильно ограничивались.

Во первыхъ, право имѣть иностранныхъ мастеровъ не подразумѣвалось для каждаго изъ фабрикантовъ и заводчиковъ само собою, а особенно выговаривалось въ грамотахъ на разрѣшеніе завести то или иное дѣло. Если въ этихъ грамотахъ такого права не обусловливалось, то заводчики просили дать имъ особую грамоту на это именно разрѣшеніе выписывать изъ-за моря мастеровъ [1]).

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, №№ 94, 102. Н. Н. Бантышъ—Каменскій. Обзоръ, ч. I, стр. 179. С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XI, стр. 422 и слѣд.

Во вторыхъ, самое осуществленіе уже дарованнаго права происходило не иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія правительства, подъ его контролемъ, и заводчики, нуждаясь, хотя бы въ одномъ работникѣ изъ заграницы, должны были просить государя о разрѣшеніи нанять нужнаго иностранца. Въ 1637 г. голландецъ Андрей Фанрингенъ просилъ о разрѣшеніи нанять въ Голландіи селитренныхъ мастеровъ для его завода въ Новгородѣ [1]).

Въ 1639 г. шведъ Антонъ Коэтъ билъ челомъ государю: „по твоему государеву указу и по жаловалной грамотѣ, заведено у меня иноземца всякое скляничное дѣло. И въ прошломъ, государь, во 146 году ѣздилъ я иноземецъ за море въ нѣмецкую землю, для скляничныхъ мастеровъ къ тому заводу; и вывезъ я иноземецъ изъ-заморья, на своихъ проторехъ, къ тому скляничному дѣлу 5 человѣкъ мастеровъ скляничныхъ; и нынѣ государь, по грѣхомъ, что ни лутчего скляничнаго мастера въ животѣ не стало, и то, государь, дѣло нынѣ за тѣмъ стало. А заводъ, государь, весь сполна заведенъ. Милосердный государь, царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи, пожалуй меня иноземца, вели, государь, меня отпустить въ нѣмецкую землю за море, для мастера скляничного дѣла, и вели, государь, мнѣ дать свою государеву проѣзжую грамоту“. Государь пожаловалъ. Въ 1640 году пріѣхалъ Коэтъ съ мастеромъ Рейдромъ [2]).

Въ 1642 г. голландскій купецъ Андрей Виніусъ просилъ государя о позволеніи пропустить въ Россію выписываемыхъ имъ изъ за моря на Тульскіе желѣзные заводы изъ Голландіи мастеровъ и другихъ работниковъ [3]).

Наконецъ, въ третьихъ, правительство старалось ограничить самое число подлежащихъ вызову изъ за границы мастеровъ. Когда купцу Демулину позволили заняться золянымъ промысломъ, то обязали его къ этому дѣлу нанимать

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла. 1637 г. іюня 4, № 5, св. 5.

[2]) Рус. Ист. Биб., т. VIII, № 10, XLIII, 1 и 2.

[3]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла. 1642. февраля 9, № 2, св. 5.

русскихъ работниковъ и только трехъ или четырехъ мастеровъ онъ могъ имѣть изъ своей Голландіи. На такихъ же условіяхъ, въ отношеніи работниковъ и мастеровъ, былъ данъ на 10 лѣтъ въ 1643 г. золяной промыселъ англичанину Дигби [1]). Въ жалованной грамотѣ 1644 года, данной Марселису и Акемѣ на устройство заводовъ, выговаривалось обязательство заводчиковъ „лишнихъ иноземцевъ у желѣзнаго завода не держать, а держать мастеровъ и работныхъ людей тѣхъ, безъ которыхъ у желѣзнаго дѣла быть нельзѣ" [2]).

Это послѣднее ограниченіе въ числѣ нанимаемыхъ заводчиками иностранцевъ обусловливалось двумя обстоятельствами. Подозрительно относясь къ каждому иностранцу, не иначе какъ съ разрѣшенія государя пропуская изъ за границы иностранныхъ мастеровъ и рабочихъ, въ Москвѣ стремились имѣть, какъ можно, меньше такихъ лицъ. А кромѣ того, заводчики, вынуждаемые ограничивать число иностранныхъ мастеровъ и рабочихъ, давали работу русскимъ людямъ и поневолѣ научали ихъ тому или другому производству. Эта послѣдняя цѣль преслѣдовалась правительствомъ настолько ясно, что въ договоры службы иностранныхъ мастеровъ въ Россіи, нанимавшихся на государево дѣло, постоянно включали условія: иностранцамъ своихъ знаній отъ русскихъ людей не только не скрывать, а наоборотъ научить русскихъ своему мастерству. Тѣ, которые могли удостовѣрить успѣхи своихъ учениковъ, получали повышенія окладовъ содержанія. Эту цѣль преслѣдовали не только въ казенныхъ, но и въ частныхъ предпріятіяхъ и съ такой же энергіей. Въ томъ случаѣ, когда частные предприниматели не исполняли этого правила, тогда правительство круто расправлялось съ ними. Желѣзные заводы одного иностраннаго купца были отняты отъ него, между прочимъ, за то, что на этихъ заводахъ скрывали отъ русскихъ мастеровъ способы производства.

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Англійскія дѣла. 1642 г. апр. 17, № 1.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 118.

Въ настоящее время для насъ важенъ вопросъ о правѣ иностранныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ имѣть иностранныхъ мастеровъ и рабочихъ и о той тенденціи, которой держалось русское правительство, чтобы такихъ рабочихъ, по возможности, замѣнять русскими людьми.

Въ этомъ отношеніи интересно дѣло голландскаго гостя Карпа Демулина, которому было разрѣшено въ 1630 г. жечь золу въ Тотемскомъ и Устюжскомъ уѣздахъ въ дикомъ глухомъ лѣсу. Для этого дѣла онъ могъ нанимать какъ иностранцевъ, такъ и русскихъ подданныхъ „волных охочих людей", сколько ему было нужно. Съ золою за море онъ могъ ѣздить самъ и посылать своихъ людей иностранцевъ, но не русскихъ работниковъ. Въ слѣдующемъ году Демулинъ просилъ разрѣшить ему жечь золу въ другомъ мѣстѣ. Ему разрѣшили „вниз по волге рекѣ до Самары і на вятке да в новгородцомъ уѣзде" на тѣхъ же условіяхъ, за исключеніемъ пункта о работникахъ. Теперь ему было велѣно работниковъ „наймоват руских людей", сколько понадобится, „а из своей Галанской земли ему работныхъ людей к тому дѣлу неимат опричь мастеров і приказщиковъ человѣкъ 3 или 4" [1]).

Правительство предполагало, что иностранцы успѣли выучить русскихъ людей своему искусству, и предприниматель не нуждался въ большомъ количествѣ иностранцевъ. Главная администрація могла состоять изъ иностранцевъ, а остальные должны были быть русскими.

И хозяева промышленныхъ предпріятій, и простые купцы нуждались не только въ спеціалистахъ по производству ихъ дѣлъ. Имъ надо было и такихъ людей, безъ услугъ, которыхъ не обходится ни одно сложное хозяйство. Имъ надо было, напр. дворниковъ, домашнюю прислугу и проч.

Сомнѣваться въ правѣ иностранныхъ купцовъ на наемъ такихъ лицъ нѣтъ достаточныхъ основаній. Иновѣрцевъ и инославныхъ людей иностранцы могли держать не только

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Дѣла англійскія, 1642 года апр. 17, № 1.

по вольному найму, но и по крѣпостямъ. О послѣднихъ отношеніяхъ мы будемъ говорить подробнѣе нѣсколько ниже, а теперь замѣтимъ, что въ тѣхъ же указахъ, въ которыхъ запрещается держать неправославнымъ православныхъ людей, разрѣшается держать неправославныхъ.

Такъ, въ 1593 г., согласно государеву указу, воеводы объявляли въ Казани, чтобы русскіе люди у татаръ и у нѣмцевъ не жили, чтобы татары и нѣмцы, отпустивъ отъ себя русскихъ людей, впредь ихъ не принимали, „а принимали бъ себѣ и купили литву, и латышей, и татаръ, и мордву[1]). И въ дальнѣйшемъ мы замѣчаемъ, что иностранцы держатъ у себя на дворѣ и въ домѣ иностранцевъ же или русскихъ подданныхъ, но иновѣрцевъ, въ качествѣ прислуги. Такъ, въ 1638 году пасторъ Мартинъ Мюнстенбергъ имѣлъ два человѣка прислуги съ пищалями: Ивашку татарина и Фильку нѣмчина[2]). Въ 1647 г. голландскій пасторъ Яганъ Беліусъ просилъ дать проѣзжую грамоту на выѣздъ изъ Россіи его работницы, которая „урошныя лѣта у него отжила“[3]). Въ 1658 г. Московскій торговый иноземецъ Янъ Вестовъ билъ челомъ государю на касимовскаго татарина Василія, котораго онъ нанялъ въ 1657 году „жить у себя во дворѣ“ и который ушелъ, не выживши срока[4]). Въ 1670 г. генералъ Бауманъ, уѣзжая послѣ службы изъ Россіи, просилъ отпустить съ нимъ на родину до шести человѣкъ прислуги и объяснялъ, что всѣ они лютеране, въ православную вѣру не крещены, на государевой службѣ не были, а служили ему, Бауману, добровольно лѣтъ по 5 и больше. Просьбу удовлетворили[5]).

Это право иностранцевъ было формулировано въ та-

---

1) Акт. Арх. Эксп., т. I, № 358.

2) Д. В. Цвѣтаевъ. Протестантство, стр. 59, прим.

3) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Выѣзды въ Россію. 1647 г. іюня 26—іюля 27, № 25.

4) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла $\frac{7166}{1658}$ № 211, св. 297.

5) Д. В. Цвѣтаевъ, Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи, стр. 172. Его-же. Протестантство, стр. 321.

комъ памятникѣ, какъ Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича 1649 года. Ст. 70 гл. XX Уложенія говорила, что иностранцы могутъ держать у себя на дворѣ, въ работѣ иностранцевъ „всякихъ разныхъ вѣръ“.

Итакъ, мы видѣли, что въ Московскомъ государствѣ допускали между иностранцами отношенія по довѣренности и по личному найму. Свобода осуществленія правъ въ этой области иногда затруднялась и обставлялась ограниченіями. Но принципіально всегда признавали права иностранцевъ-хозяевъ, права ихъ довѣренныхъ и служащихъ и юридическія отношенія между тѣми и другими лицами.

III.

РУССКІЕ ПРИКАЗЧИКИ ИНОСТРАННЫХЪ КУПЦОВЪ.

Въ предыдущемъ изложеніи мы старались указать не только положительное право, трактовавшее въ Московскомъ государствѣ отношенія иностранцевъ къ иностранцамъ въ дѣлѣ пользованія услугами однихъ другими, но и цѣли, преслѣдовавшіяся въ Москвѣ той или иной мѣрой ограниченія этихъ отношеній. Это все были отношенія иностранцевъ къ иностранцамъ. Теперь перейдемъ къ такимъ же отношеніямъ иностранцевъ къ русскимъ людямъ.

Въ первомъ случаѣ мы наблюдали принципіальное допущеніе правъ иностранцевъ на услуги данныхъ лицъ. При этомъ мы видѣли, что при трактовкѣ отношеній иностранцевъ къ иностранцамъ, въ общемъ, не обращали вниманія на различія въ свойствѣ услугъ. Допускали и отношенія по довѣренности въ спеціальной торговой сферѣ, и отношенія по договорамъ личнаго найма въ сферѣ удовлетворенія общехозяйственныхъ потребностей, далекихъ отъ производства торговаго оборота.

Во второмъ случаѣ — отношеній иностранцевъ къ русскимъ людямъ,—къ разсмотрѣнію которыхъ мы только что переходимъ, мы замѣчаемъ неодинаковое рѣшеніе вопроса о допущеніи услугъ русскихъ людей въ пользу иностранцевъ именно въ зависимости отъ свойства услугъ.

Отношенія найма между иностранными предпринимателями-заводчиками и фабрикантами—и рускими людьми не только не запрещались, но всячески поощрялись.

Надо замѣтить, что когда дѣло касалось русскихъ мастеровъ и рабочихъ, служившихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ иностранцевъ, то въ этихъ случаяхъ вопросъ шелъ столько же объ эксплуатированіи силъ русскихъ людей, сколько и объ ученіи ихъ данному дѣлу. Желаніе правительства, чтобы народъ усвоилъ себѣ полезныя знанія, которыми обладали въ совершенствѣ иностранцы, заставляло нарочно опредѣлять русскихъ на выучку къ иностранцамъ. Мы это уже видѣли. Теперь припомнимъ, что иностранцы были инструкторами и въ русскомъ войскѣ. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, а наоборотъ—вполнѣ согласно съ общей политикой московскаго правительства въ подобномъ дѣлѣ, что русскіе люди могли служить, въ силу договоровъ личнаго найма, у иностранныхъ владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій. На основаніи приведенныхъ выше примѣровъ, мы можемъ даже утверждать, что служба русскихъ людей навязывалась правительствомъ иностраннымъ предпринимателямъ.

Но кромѣ этой спеціальной области, услуги русскихъ людей могли требоваться иностраннымъ купцамъ ближайшимъ образомъ, во первыхъ, въ дѣлѣ производства торговыхъ оборотовъ, а, во вторыхъ, и при всякихъ другихъ дѣйствіяхъ, связанныхъ съ пребываніемъ иностраннаго купца въ Россіи.

Въ первой сферѣ торговыхъ оборотовъ иностранцы нуждались въ торговыхъ представителяхъ и приказчикахъ. Во второй сферѣ общехозяйственныхъ нуждъ иностранцы нуждались въ простыхъ слугахъ.

Вся область первыхъ отношеній иностранцевъ къ русскимъ людямъ безусловно отрицалась Московскимъ правомъ въ теченіе всей жизни Московскаго государства въ XVI и XVII вѣкахъ. Что же касается до второй области отношеній между господами и слугами, то въ разное время исторіи Московскаго государства были разныя разрѣшенія этого вопроса, причемъ можно замѣтить, что, за исключеніемъ небольшого періода времени, такія отношенія принципіально не отрицались.

Разсмотримъ сперва первую группу отношеній, завя-

зывавшихся между иностранцами и русскими спеціально въ торговыхъ дѣлахъ иностранцевъ.

Иностраннымъ купцамъ очень важно было получать русскіе товары изъ первыхъ рукъ, прямо отъ производителей. Хотя это было и запрещено, хотя иностранцы, какъ мы это выше подробно доказывали, могли покупать товары лишь оптомъ и исключительно у русскихъ купцовъ, а не у производителей, но, всетаки, иностранцы находили возможнымъ, игнорируя указанныя ограниченія, получать нужные товары изъ первыхъ рукъ. Для этого иностранные купцы законтрактовывали русскихъ маломочныхъ людей, и они скупали имъ то, что было надо.

Сами иностранцы не могли бы производить этого съ тѣмъ успѣхомъ, какъ это дѣлали для нихъ русскіе. Сами иностранцы не могли пробраться въ тѣ мѣста, куда имѣли доступъ русскіе, а, кромѣ того, русскіе, хорошо знакомые съ мѣстными условіями, пріобрѣтали товаръ дешевле. Такіе русскіе скупщики могли занимать постоянныя должности у иностранцевъ, состоять у послѣднихъ приказчиками, могли выполнять и отдѣльныя порученія.

Разъ иностранцы додумались держать русскихъ приказчиками для закупокъ, они могли черезъ нихъ производить и продажу своихъ иностранныхъ товаровъ. Это тоже представляло свои особыя выгоды. Русскіе мелкіе купцы въ такихъ случаяхъ служили для иностранцевъ орудіемъ ихъ безпошлиной торговли. Иностранцы, явившись въ Архангельскъ, нанимали русскихъ купцовъ себѣ приказчиками и, избѣгая таможенъ, отправляли свои товары въ Холмогоры, гдѣ продавали безпошлинно, дѣлая видъ, что эти товары были уже куплены русскими въ Архангельскѣ [1]).

Итакъ, иностранцамъ было особенно выгодно держать русскихъ приказчиковъ. Они ихъ и держали. Объ этомъ свидѣтельствуютъ акты какъ XVI, такъ и XVII вѣковъ.

Въ 1629 году новгородцы жаловались на одного голландца, что онъ держитъ приказчиками русскихъ людей и

---

[1]) Н. И. Костомаровъ. Очеркъ торговли, стр. 85.

посылаетъ ихъ въ заонежскіе погосты для скупки хлѣба и рыбы [1]).

Въ 1646 году русскіе торговые люди жаловались государю на англичанъ, что они скупаютъ русскіе товары посредствомъ маломочныхъ русскихъ людей, и говорили, что англичане раньше вымѣнивали русскіе товары у ихъ челобитчиковъ на англійскіе, а нынѣ они пріобрѣтаютъ ихъ помимо русскихъ купцовъ „своимъ заговоромъ, и розсылаютъ покупать по городомъ и въ уѣзды, закабаля и задолжа многихъ бѣдныхъ и должныхъ рускихъ людей, и тѣ товары покупя рускіе люди привозятъ къ нимъ, а они провозятъ въ свою землю безпошлинно" [2]).

Въ 1665 г. жаловались государю, „что скудные торговые люди въ посадѣхъ и въ уѣздѣхъ (Псковскихъ) тайно емлютъ денги у нѣмецъ въ подрядъ на рускіе товары, и собравъ будто свои товары явно малою цѣною продаютъ, по сговору съ нѣмцы, для того чтобъ годовая оцѣнка (по взиманію пошлинъ) рускимъ товаромъ низка положить" [3]). Изъ этой жалобы видно, что псковскіе скудные люди служатъ торговыми агентами иностранцевъ. Но дѣлаютъ это тайно, прежде всего, для того, чтобы устроить фиктивную продажу закупленныхъ товаровъ нѣмцамъ по низкой цѣнѣ, а во вторыхъ и главнымъ образомъ, по нашему мнѣнію, потому, что они не могутъ открыто быть приказчиками и комиссіонерами нѣмцевъ, должны тайно брать у нѣмцевъ деньги для предстоящихъ закупокъ, а потомъ устраивать фиктивную продажу. „Въ прежніе годы отъ такого неудержанія рускіе люди на иноземцовъ торговали изъ малаго прокормленія и въ послѣднюю скудость пришли" [4]).

Въ томъ же году Псковскій Намѣстникъ Ординъ-Нащокинъ объяснялъ Ливонскому и Рижскому губернатору Фонъ-Ферзену установленіе въ Псковѣ двухъ ярмарокъ въ году по двѣ недѣли каждая для иностранной торговли,

---

[1]) Акт. Арх. Эксп., т. III, № 182.

[2]) Акт. Арх. Эксп., т. IV, № 13.

[3]) Доп. Акт. Ист., т. V, № I, II.

[4]) Доп. Акт. Ист., т. V, № 1, IV, 8.

вмѣсто прежней постоянной торговли, тѣмъ обстоятельствомъ, что русскіе, особенно малоимущіе люди, нуждаются въ охранѣ. Ихъ надо остеречь, писалъ намѣстникъ, отъ тайной торговли на деньги, занимаемыя ими у шведовъ; торговля русскихъ въ кредитъ на иностранныя деньги, а также коммиссіонерство русскихъ раззоряетъ ихъ, и намѣстникъ приводитъ цѣлый рядъ русскихъ подданныхъ, которые стоятъ на правежѣ или уже погибли изъ за долговъ шведамъ; „посадцкіе люди, Псковичи отъ вашихъ людей тайнымъ товаромъ изгублены, въ долгѣхъ побиты на правежѣхъ и померли въ прошлыхъ годѣхъ отъ великого правежу". Между тѣмъ, съ установленіемъ сроковъ для торговли „вашіе стороны торговые люди отвратятца отъ своихъ тайныхъ сговоровъ и напередъ денегъ давать не учнутъ, и въ тѣхъ долгѣхъ впредь убытковъ имъ не будетъ; и что нынѣ многіе люди русскіе во Псковѣ на правежѣхъ стоятъ и какъ иные замучены отъ вашихъ торговыхъ людей въ долгѣхъ, а до указныхъ сроковъ продажи русскихъ товаровъ оплатитца нечѣмъ" [1]).

Можно думать, что предыдущее распоряженіе о торговлѣ касалось именно только Пскова, такъ какъ Псковичи въ 1665 г. подали государю челобитную, въ которой, объясняя, что „торговые иноземцы всякихъ земель похваляютца: и у насъ де Новгородцы торговые люди емлютъ денги на всякіе товары, а тѣ де всякіе уговорные товары хотятъ ставить межъ городовъ, черезъ Сомро и Тесово, за Нѣмецкій рубежъ", просили государя свой „указъ послать въ Великій Новгородъ, чтобъ Новгородцы маломожные люди у Свѣянъ и у инѣхъ чюжеземцовъ денегъ тайно въ подрядъ не имали и товаровъ на нѣметцкіе денги не покупали, а подряжались бы маломожные люди у твоихъ великаго государя прожиточныхъ людей сбирать товары къ продажѣ чюжеземцомъ, и межъ Пскова бы и Великаго Новгорода пустыми мѣстами черезъ Тесово, въ Ругодивъ товаровъ не прозозили" [2]).

Само правительство въ 1649, 1654, 1667 годахъ съ со-

---

[1]) Доп. Акт. Ист., т. V, № 1, XII.

[2]) Доп. Акт. Ист., т. V, № 1, XIII.

жалѣніемъ удостовѣряло, что „нѣмцы, пріѣхавъ къ Архангельскому городу, посылаютъ на Колмогоры прикащиковъ своихъ русскихъ людей и нѣмецъ“ [1]).

Видно, что иностранцы пользовались услугами русскихъ людей для производства торговли. Выше мы привели соображенія, по которымъ иностранцы должны были желать такихъ услугъ приказчиковъ-туземцевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и параллельно существованію желаній иностранныхъ купцовъ должны были вставать желанія русскихъ купцовъ.

Русскіе оптовые торговцы постоянно стремились быть посредниками между иностранными купцами и русскимъ населеніемъ. Въ виду этого, они постоянно настаивали, чтобы иностранцамъ предоставлялась исключительно оптовая торговля, чтобы иностранцы торговали только съ ними русскими большими купцами. Если это правило соблюдалось, то иностранцы не могли производитъ мелочныхъ закупокъ у производителей, а только однѣ оптовыя у профессіальныхъ продавцовъ. Но самое строгое исполненіе этого правила не могло гарантировать отъ нарушенія интересовъ русскаго оптоваго купечества въ томъ случаѣ, когда иностранцы, не совершая сами запрещенныхъ сдѣлокъ, держали у себя приказчиками русскихъ людей. Эти послѣдніе, какъ бы на себя, покупали у производителей товаръ какъ крупными, такъ и мелкими статьями и сводили на нѣтъ всѣ усилія оптовыхъ русскихъ купцовъ монополизировать въ своихъ рукахъ иностранную торговлю. Понятно, что русское купечество не находило достаточно сильныхъ выраженій противъ фактовъ законтрактовыванія иностранцами русскихъ людей, всѣми силами боролось противъ этого и, только при отсутствіи у иностранцевъ права имѣть довѣренными и приказчиками русскихъ, могло чувствовать себя въ роли дѣйствительныхъ посредниковъ между иностранцами и русскимъ населеніемъ.

Такимъ образомъ, если иностранцы должны были стремиться и въ дѣйствительности стремились къ тому, чтобы обладать правомъ держать русскихъ приказчиковъ, то

---

[1]) Доп. Акт. Ист., т. III, №№ 55 и 116; т. V, № 40.

русское купечество должно было стараться мѣшать этому.

Иностранцы умѣли проводить свои желанія въ жизнь, и смѣлый натискъ иностранныхъ купцовъ никогда не нашелъ бы преграды въ достиженіи ихъ цѣлей, если бы иностранцы имѣли противъ себя одно русское купечество. Силы были не равныя.

Нѣтъ возможности передать въ двухъ словахъ всѣ преимущества иностранцевъ передъ русскими купцами. Мы обратимъ только вниманіе на отношеніе иностранцевъ къ правительству. Иностранные купцы умѣли связывать свои интересы съ интересами царской казны и умѣли показать эту связанность. Не даромъ правительство царя Алексѣя Михаиловича, установивъ пошлины на англійскіе товары, дотолѣ безпошлинные, въ наказѣ 1649 года гостю о сборѣ пошлинъ въ Архангельскѣ, Холмогорахъ и пр., утѣшаетъ англичанъ тѣмъ, что „въ тѣхъ пошлинахъ имъ убытку не будетъ, потому что они всѣ тѣ пошлины положатъ на свои товары, и продадутъ тѣ свои товары русскимъ торговымъ людемъ, и пошлины ихъ будутъ на русскихъ людехъ, а не на нихъ агличанехъ“ [1]). Иностранцы безъ церемоніи подкупали русскихъ приказныхъ и бояръ: однихъ деньгами, другихъ лестью, какъ напр. Елисавета англійская Бориса Годунова, когда еще онъ былъ бояриномъ при Ѳеодорѣ Ивановичѣ.

Въ этомъ отношеніи русскимъ купцамъ приходилось только поспѣвать за иностранцами.

Но при оцѣнкѣ силъ иностранныхъ и русскихъ купцовъ въ борьбѣ по указанному вопросу надо считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что, когда многія черты строя московской государственности стояли противъ иностранныхъ купцовъ, тогда эти же самые элементы были сильнѣйшими союзниками русскаго оптоваго купечества. Въ результатѣ выходило, что правительство, въ виду своихъ обще-государственныхъ цѣлей, било также по иностранцамъ.

И вотъ, подъ вліяніемъ этихъ двухъ факторовъ, русскихъ купечества и правительства, создается опредѣленная политика въ разсматриваемомъ нами вопросѣ, и иностран-

---

[1]) Доп. Акт. Ист., т. III, № 55.

нымъ купцамъ уже въ XVI вѣкѣ запрещаютъ пользоваться услугами русскихъ людей въ торговлѣ. Третій факторъ въ данномъ дѣлѣ—сами иностранцы и четвертый—маломочные русскіе люди—приводятъ къ тому, что, вопреки запрещеніямъ, иностранцы пользуются русскими приказчиками и скупщиками. Это мы видимъ и изъ жалобъ русскихъ купцовъ правительству, и изъ актовъ этого послѣдняго. Но такое пользованіе есть фактическое состояніе и даже правонарушеніе, но никакъ не право.

Приведемъ тѣ документы, изъ которыхъ видно, что иностранные купцы не имѣли даннаго права.

Объ этомъ уже можно догадываться изъ приведенныхъ выше жалобъ. Но есть и болѣе положительныя данныя.

Въ жалованной грамотѣ, данной въ 1584 году Ѳедоромъ Ивановичемъ англійской компаніи, особо покровительствуемой и нашимъ правительствомъ и англійскимъ, значилось, что члены компаніи должны производить всѣ торговыя операціи сами, отнюдь не пользуясь услугами русскихъ людей. „Нашимъ людемъ, говорила грамота отнихъ ихъ товары не торговати и закупни своихъ имъ по городомъ не посылати". Русскіе не должны ни продавать, ни покупать для англичанъ. Грамота поясняетъ, что это все должны дѣлать сами англичане: „гдѣ въ которой городъ сами пріѣдутъ, и имъ торговати свой товаръ продавати и наши товары покупати". Для бо́льшей крѣпости и ясности грамота, въ другомъ мѣстѣ, опять повторяетъ ту же мысль: „а торговати имъ своими товары и менять самимъ, а русскимъ торговымъ людемъ отъ нихъ ихъ товары не торговати ни меняти"[1]) Это постановленіе повторяется и въ грамотахъ той же компаніи отъ 1586 г.[2]) и 1614 г.[3]), и 1628 года. Въ послѣдней грамотѣ первая фраза грамоты 1584 г. относительно закупней выражена даже яснѣе. „И

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. V, № 141. Сборн. Импер. Рус. Ист. Общ., т. XXXVIII, стр. 142 и слѣд.

[2]) Сборн. Имп. Рус. Ист., Общ. т. XXXVIII, стр. 176.

[3]) А. С. Мулюкинъ, Пріѣздъ иностранцевъ. Приложеніе, № 6,

закупней рускихъ людей, говорить грамота, у себя не держати"[1]).

Въ 1619 году одному изъ членовъ компаніи разрѣшили проѣхать въ Псковъ, для покупки льна. Объ этомъ государь извѣщалъ Псковскихъ воеводъ и тутъ же заботливо приписывалъ, чтобы воеводы смотрѣли, чтобы англичане отнюдь не имѣли русскихъ приказчиковъ. „И нашибъ люди, писалъ государь, отъ нихъ ихъ товары не торговали"[2]). Съ нашей точки зрѣнія и смѣшна и унизительна для достоинства государственной власти такая погоня ея за каждымъ частнымъ лицомъ, а съ другой стороны и досадна ея опека, направленная къ тому, чтобы въ частныхъ случаяхъ воспроизводить общія нормы. Получалось впечатлѣніе безсилія и надоѣдливости. Но такова участь всѣхъ государственныхъ общеній, за молодостью еще не достаточно сильныхъ и не успѣвшихъ формулировать въ общеобязательныхъ нормахъ своего права.

Несомнѣнно, что, если англійская компанія, осыпанная привилегіями, не имѣла права держать русскихъ приказчиками, то тѣмъ болѣе это запрещеніе должно было относиться къ остальнымъ иностранцамъ.

Эти частные случаи, въ которыхъ проявлялось общее право, наблюдались въ теченіе всего Московскаго періода. Какъ въ XVI вѣкѣ и въ началѣ XVII, такъ и во второй половинѣ XVII вѣка, въ Москвѣ не отваживались подняться надъ частными распоряженіями. Въ 1665 г., въ виду приведенной выше жалобы псковскихъ купцовъ на тайную торговлю иностранцевъ съ помощью русскихъ маломочныхъ людей, издали распоряженіе о запрещеніи такой торговли, но распоряженіе, касавшееся одного Пскова. О послѣднемъ можно заключить и изъ другой приведенной выше жалобы тѣхъ же Псковичей, но уже на Новгородцевъ. Само распоряженіе 1665 гласило: „кто на кого извѣститъ и впрямъ доведетъ въ уѣздѣ, или у пріѣзжихъ людей товаровъ закупки на иноземцовъ и по животамъ сы-

---

[1]) Приложеніе, № 1.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 49,

щетца, что закупаетъ на прибылые денги, и за то чинить наказанье безъ пощады. А иноземцамъ во Псковѣ на гостинѣ дворѣ сказать, чтобы денегъ въ товары русскимъ людемъ не давали; а кто черезъ заповѣдь дасть, и онъ денги свои потерялъ"[1]).

Если имѣть въ своихъ рукахъ только одинъ подобный указъ, то надо заключить, что только въ 1665 году додумались установить опредѣленную санкцію за нарушеніе стариннаго правила.

Во всякомъ случаѣ, мы видимъ, что, сообразно своимъ силамъ и умѣнью, московское правительство все время настаивало въ данномъ вопросѣ на одномъ и томъ же. Настоянія правительства совпадали съ желаніями русскихъ гостей и купцовъ. Но правительство, способствуя интересамъ русской оптовой торговли, преслѣдовало свои цѣли. Эти цѣли раскрываются намъ изъ отвѣта правительства Өеодора Ивановича, даннаго англійскому послу Елизару Флетчеру.

Флетчеръ, съ самымъ невиннымъ видомъ, предлагалъ, чтобы членамъ англійской компаніи въ Москвѣ „волно было у себя держати и наймовать барышниковъ скупщиковъ и иныхъ людей, которые имъ надобны, а они бъ тѣмъ людемъ наемъ платили, по ихъ приговору какъ съ ними договоръ будетъ"[2]). Центръ тяжести этого предложенія заключался въ предоставленіи англичанамъ права нанимать для ихъ торговыхъ операцій русскихъ людей, которымъ англичане будутъ платить по уговору. Просить разрѣшенія нанимать для упомянутой цѣли своихъ же англичанъ Флетчеръ не имѣлъ въ виду, такъ какъ выше было неоднократно указано, и даже по отношенію къ другимъ домогательствамъ Флетчера, безспорное право иностранцевъ имѣть своихъ приказчиковъ и вообще служащихъ изъ иностранцевъ. Слѣдовательно, Флетчеръ, не говоря открыто, подразумѣвалъ здѣсь только русскихъ людей, и просилъ о дарованіи права нанимать ихъ. Значитъ, такого права не

---

1) Доп. Акт. Ист., т. V, № 1, IV, 9.

2) Статейный списокъ Флетчера. Времен. Имп. Моск. Общ. Ист. и Др., т. VIII. стр. 12.

было. Что, конечно, подтверждается и приведенной нами выше грамотой компаніи 1584 года, т. е. за 4 года до пріѣзда Флетчера. Изъ словъ Флетчера также видно, что эти барышники и скупщики—русскіе люди — какъ бы впослѣдствіи не затмѣвался истинный смыслъ ихъ положенія у иностранцевъ, были преимущественно простыми приказчиками.

И вотъ на такое то предложеніе Флетчера и послѣдовалъ отвѣтъ Московскаго правительства, очень характерный для эпохи вообще.

Прежде всего Флетчеру отвѣчали, что „тому быть непригоже, въ тѣхъ барышникахъ и въ наймитахъ болшая смута и воровство бываетъ", и затѣмъ разсказывается случай такого воровства. У англичанъ служилъ приказчикомъ ярославецъ Вахрушъ Семеновъ. Англичане, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что русскіе подданные могли передвигаться по русской территоріи совершенно свободно, безъ всякихъ разрѣшеній и проѣзжихъ грамотъ, давали Семенову тайныя порученія, „а тотъ Вахрушъ тѣмъ промышлялъ и извощиковъ наймовалъ подъ тѣхъ воровъ, которые отъ гостей ѣздили таемъ безъ царскаго повелѣнія и безъ проѣзжихъ грамотъ". Эти воры отвозили грамоты англичанъ, въ которыхъ писались „во многіе земли и въ Аглинскую землю многіе непригожіе дѣла про государя нашего государство". За это надо было бы положить на англійскихъ гостей опалу, но государь, Θеодоръ Ивановичъ „для сестры своей, Елисаветъ королевны тое вину отдалъ и опалы нѣкоторые не учинилъ", но русскимъ людямъ служить у англичанъ „въ купчинахъ" не велѣлъ „и нынѣ и впередъ у нихъ купчинамъ и наймитомъ русскимъ людемъ быти не пригоже, аглинские гости, живучи по государской милости", иронизируютъ приказные надъ Флетчеромъ, „и сами знаютъ русской обычай во всякихъ торговыхъ людехъ" [1].

Изъ этого отвѣта можно заключить, что правительство запрещало иностраннымъ купцамъ пользоваться услугами русскихъ людей, такъ какъ боялось, что иностранцы воспользуются русскими для политическихъ цѣлей, ничего

---

[1]) Статейный списокъ Флетчера. Времен., т. VIII, стр. 29 и слѣд.

общаго съ торговлей неимѣющихъ. Опасенія, какъ это показываютъ факты, были не такъ уже неосновательны.

Но отчего же иностранцы не могли пользоваться, въ подобныхъ случаяхъ, услугами своихъ приказчиковъ—иностранцевъ? Дѣло въ томъ, что иностранцы не имѣли свободы передвиженія по русской территоріи. Каждый шагъ ихъ контролировался. Русскіе же не были связаны въ правѣ передвиженія. Проѣзжихъ грамотъ для русскихъ еще не существовало внутри территоріи; иностранцы же могли передвигаться по Россіи не иначе, какъ по проѣзжимъ грамотамъ. Гдѣ русскіе приказчики англичанъ могли пройти незамѣченными никѣмъ, тамъ приказчики—иностранцы двигались съ помпой; такъ какъ иногда воеводы предварялись о прибытіи такихъ-то и такихъ-то иностранцевъ для разрѣшенныхъ имъ покупокъ или продажъ. Объ этомъ подробно мы будемъ говорить гораздо позже. Но и теперь припомнимъ, какъ мы приводили случай оповѣщенія государемъ псковскихъ воеводъ о пріѣздѣ въ Псковъ для закупки льна англійскаго гостя Ульянова или его приказчиковъ.

Это обстоятельство оказывало большее давленіе на Московское правительство и заставляло его идти въ союзѣ съ русскими большими купцами противъ иностранцевъ.

По этому вопросу остается еще разрѣшить одинъ пунктъ сомнѣній, а именно: къ какому времени должно относить начало мѣропріятій Московскаго правительства въ данномъ направленіи.

Н. И. Костомаровъ, описывая переговоры русскаго правительства съ Флетчеромъ въ 1589 году, говоритъ: „до сихъ поръ англичане имѣли право держать русскихъ приказчиковъ и скупщиковъ, но теперь оно у нихъ было отнято подъ предлогомъ противозаконныхъ поступковъ жившаго у нихъ ярославца Вахруша“ [1]).

П. П. Мельгуновъ говоритъ, что эту привилегію англичанъ отнялъ у нихъ Борисъ Годуновъ [2]).

---

[1]) Очеркъ торговли Московскаго государства, стр. 248.

[2]) Очерки по исторіи русской торговли, стр. 202.

Мы уже не останавливаемся на опредѣленіи времени изданія данной мѣры П. Н. Мельгунова, но и Н. И. Костомаровъ относитъ его къ пріѣзду съ посольствомъ Флетчера, т. е. къ 1589 г., тогда, какъ мы видѣли такое запрещеніе еще въ грамотѣ компаніи 1584 года.

Но это запрещеніе, по нашему мнѣнію, ранѣе и 1584 г.

Нося въ себѣ специфическіе признаки Московской государственности, вызванное, главнымъ образомъ, отсутствіемъ довѣрія къ иностранцамъ, заставлявшимъ лишать ихъ свободы передвиженія, разбираемое запрещеніе должно было явиться болѣе или менѣе одновременно съ другими характерными чертами Московскаго государства.

Ниже мы увидимъ, что въ древнее время не существовало стѣсненій для передвиженія иностранцевъ, не наблюдалось такого недовѣрія и подозрительности туземцевъ къ иностранцамъ, какъ это было въ Московское время.

Казалось бы, что весь интересующій насъ вопросъ долженъ былъ рѣшаться въ древнее время по другому, чѣмъ въ Москвѣ, и Москва, устанавливая ограниченія, должна была бы рвать съ прошлымъ. Но въ этомъ отношеніи Москва шла по стопамъ древности, — но древности не русской, а иностранной.

Дѣло въ томъ, что если въ древнее время русскій народъ и не скрывался отъ иностранцевъ, то иностранцы, желая эксплуатировать его, вели замкнутую и скрытную политику. Дѣйствуя компаніями съ строгими уставами, иностранцы, напр. Ганзейцы, не допускали въ свою среду непосвященныхъ. Даже болѣе, Ганза противодѣйствовала всякой торговлѣ въ кредитъ съ русскими. Безусловно было запрещено брать товары въ кредитъ у русскихъ, а также совершать всѣ сдѣлки, въ основаніи которыхъ скрывался кредитъ. Только одни ганзейцы могли вступать другъ съ другомъ въ торговыя компаніи, принимать другъ отъ друга на комиссію товаръ или производить одинъ на счетъ другого закупки въ Новгородѣ. По отношенію къ русскимъ эти запрещенія были особенно оговорены [1]).

---

[1]) См. напр. Новгородскія Скры (ст. ст. 28, 103), напечатанныя у

Такой порядокъ характеризовалъ отношенія иностранцевъ къ русскимъ не только въ XIII или въ XIV вѣкахъ, но и во второй половинѣ XV вѣка.

Въ 1477 году Лифляндскіе уполномоченные на валькскомъ съѣздѣ сообщаютъ Любеку, что состоявшуюся въ Новгородѣ сдѣлку между однимъ нѣмцемъ и однимъ русскимъ, по которой къ извѣстному времени въ Нарву должны быть доставлены съ одной стороны товары, съ другой деньги, признали за перекупку товаровъ, а слѣдовательно-за незаконный поступокъ [1]).

Отсюда понятно, что Москвѣ, получившей въ наслѣдство такія отношенія иностранцевъ къ русскимъ, ничего не стоило сразу же воспользоваться своей выгодной позиціей и обратить ихъ, сообразно своимъ видамъ, въ свою пользу. Иностранцы, незамѣтно для себя, получали въ Москвѣ продолженіе своихъ прежнихъ отношеній.

А. И. Андреевскаго. О договорѣ Новагорода съ нѣмецкими городами. Приложеніе I. Или см. Третья Новгородская скра (§§ 9, 12), напечатанная II. Талемъ. Чтенія. 1905 г., кн. IV. Или Gesetze fur die Gemeine der deutschen kaufleute in Polozk, gegeben vom rigischen Rathe am Tage. St. Michael des Erz. Engels (29 Sept.) 1393. Рус. Лив. Акт. № CXVII, стр. 89 и слѣд. А. И. Никитскій. Исторія экономическаго быта В. Новгорода, стр. 139—141, 153—155, 177. М. Бережковъ. О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV в. 1879 г., стр. 104. Н. И. Костомаровъ. Сѣверно-русскія народоправства, стр. 200.

[1]) Гильденбрандъ. Отчетъ о розысканіяхъ, произведеныхъ въ Рижскомъ и Ревельскихъ архивахъ. № 301, стр. 54. См. также № 447, стр. 67.

Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы кредитныхъ операцій вообще не было между русскими и иностранцами въ древнее время. Выше приведены только постановленія Ганзы. Но и они далеко не всегда исполнялись въ дѣйствительности. Въ началѣ XVI вѣка Лифляндскіе города сознаются, что ничего не могутъ сдѣлать съ распространеніемъ торговли въ кредитъ въ Новгородѣ. Гильдебрандъ. Отчетъ № 539, стр. 75. М. Бережковъ. О торговли Руси съ Ганзой, стр. 109, 203. Ѳ. Фортинскій. Приморскіе Вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе Ганзейскаго союза до 1370 г., 1877 г., стр. 366 и слѣд. А. С. Лаппо-Данилевскій. Критическій разборъ соч. А. И. Никитскаго. Исторія экономическаго быта В. Новгорода. Журн. Мин. Народн. Просв. 1895 г. ч. 302, декабрь, стр. 394.

Поэтому, повторяемъ, правило о недержаніи иностранцами русскихъ приказчиковъ могло существовать одновременно съ другими мѣропріятіями по изолированію иностранцевъ въ Московской Руси. А такія мѣры, какъ извѣстно, уже въ полномъ расцвѣтѣ въ началѣ XVI вѣка.

IV.

РУССКАЯ ПРИСЛУГА ИНОСТРАННЫХЪ КУПЦОВЪ.

Итакъ, вотъ какія были отношенія иностранцевъ къ русскимъ людямъ, когда рѣчь шла о правахъ иностранныхъ купцовъ на услуги русскихъ въ дѣлѣ торговли.

Безусловное отрицаніе правъ иностранцевъ характеризовало эти отношенія. Цѣлый рядъ причинъ побуждалъ правительство и извѣстныя слои русскаго общества настаивать на такомъ отрицаніи. Но въ то же время цѣлый рядъ другихъ факторовъ стремился, если не легализировать, то фактически поддерживать и даже развивать эти отношенія. Въ результатѣ двухвѣковая вражда, такъ и не кончившаяся въ Московскомъ государствѣ.

Приблизительно подобная же картина борьбы рисуется намъ и при отношеніяхъ иностранцевъ въ сферѣ личнаго найма русской дворовой и домашней прислуги.

Картину нельзя назвать одной и той же. Во первыхъ, здѣсь дѣйствующія лица не совсѣмъ тѣ же. Московское правительство и иностранные купцы остаются на своемъ мѣстѣ. Но вмѣсто русскаго торговаго класса богатаго и бѣднаго, является на сцену бѣднѣйшій классъ населенія—поденщики и прислуга, который становится на сторону иностранцевъ, а противъ нихъ—православное духовенство, воодушевляющее правительство въ его мѣропріятіяхъ. Духовенство хотѣло, чтобы русскіе совсѣмъ не служили иностранцамъ, но, въ дѣйствительности, могло добиться осу-

ществленія своихъ желаній на короткое сравнительно время. Въ теченіе же всего остального періода въ Москвѣ не было безусловнаго отрицанія правъ иностранцевъ. Въ этомъ было второе отличіе созидаемой сейчасъ картины отъ только что законченной въ предыдущемъ отдѣлѣ. Наконецъ, въ третьихъ, въ разбираемыхъ нынѣ отношеніяхъ, въ отличіе отъ предыдущихъ, реагированіе на нихъ со стороны государственной власти, въ извѣстномъ направленіи, носило болѣе мягкій характеръ.

Здѣсь, въ виду непосредственнаго общенія иностранцевъ, какъ господъ, съ русскими, служащими у нихъ, боялись вреднаго вліянія однихъ на другихъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи и даже прямого оскверненія русскихъ иностранцами. Но это была сфера интересовъ духовной власти. Какъ свѣтская власть въ то время ни была сильно связана съ духовной властью, свѣтская власть, всетаки, не могла не видѣть, что въ подобныхъ вопросахъ она непосредственно не заинтересована. Это сейчасъ же и сказывалось.

Правительственное воздѣйствіе на постоянно возникавшія отношенія иностранцевъ къ русскимъ людямъ въ области договоровъ личныхъ услугъ характеризовалось въ Московскомъ государствѣ, въ видѣ общаго правила, не безусловнымъ отрицаніемъ этихъ отношеній и полнымъ игнорированіемъ ихъ правовой стороны, а лишь нѣкоторымъ ограниченіемъ правъ иностранцевъ на заключеніе договоровъ личнаго найма съ русскими и изданіемъ цѣлаго ряда мѣропріятій административнаго свойства, имѣвшихъ цѣлью оградить православныхъ, уже живущихъ на дворѣ и въ домахъ у иностранцевъ, отъ соблазна и оскверненія.

Такой общій характеръ правительственной политики Московскаго времени въ данномъ дѣлѣ не исключалъ возможности и серьезныхъ отъ него отступленій, именно въ сторону полнаго запрещенія указанныхъ отношеній.

Въ зависимости отъ того, какіе факторы имѣли преобладающее значеніе въ данное время, такъ или иначе рѣшался этотъ вопросъ для иностранцевъ. Возобладаніе духовенства сразу отнимало у иностранцевъ право держать русскую прислугу. Настойчивость и происки иностранцевъ клонили правительство въ ихъ сторону, и правительство,

въ видѣ исключенія, допускало такое право иностранцевъ, хотя и обставляло его всевозможными ограниченіями.

Когда извѣстная англійская компанія въ 1555 году открывала въ Москвѣ свои торговыя дѣйствія, то царь Иванъ Васильевичъ, довольный ея появленіемъ у насъ, осыпалъ ее рядомъ льготъ по торговлѣ и милостями. Между прочимъ, царь подарилъ компаніи цѣлый домъ на Варваркѣ, въ Китаѣ городѣ, близъ церкви Максима Исповѣдника. Этимъ домомъ могли завѣдывать лица какой угодно національности и даже русскіе, но проживать въ домѣ, совмѣстно съ его хозяевами-англичанами, могло изъ русскихъ людей не болѣе одного человѣка. Въ другихъ городахъ компанія могла также имѣть дома, склады для товаровъ, пристани для судовъ и держать при нихъ нужныхъ людей какой угодно національности, но, если хотѣли держать русскихъ людей, то не болѣе одного въ каждомъ мѣстѣ. Нуждаясь въ дворникахъ и вообще въ прислугѣ, знакомой съ мѣстными условіями, англичане употребили все свое вліяніе, чтобы добиться расширенія правъ по найму русскихъ людей. И дѣйствительно добились, но только въ очень небольшой степени. Стараніями Антонія Дженкинсона, въ услугахъ котораго нуждался Иванъ Васильевичъ, было разрѣшено англійской компаніи въ 1567 году держать при ея домахъ и складахъ въ Вологдѣ и Холмогорахъ, но отнюдь не въ Москвѣ, русскихъ людей по два или по три человѣка. Дальше этого расширеніе правъ англичанъ не пошло. Жалованныя грамоты компаніи времени Ѳеодора Ивановича подтверждаютъ разрѣшеніе 1567 года въ такихъ выраженіяхъ: „да Аглинскіе жъ земли всѣхъ купцовъ и гостей пожаловали есмя Юшковскимъ дворомъ на Москвѣ, у Максима святого, за торгомъ, и они на немъ живутъ по старинѣ, а держать на томъ дворѣ одного дворника русина, или своего нѣмчина, а иныхъ людей русскихъ не держать никово. Да имъ же пожаловали есмя дворы въ Ярославлѣ, и на Вологдѣ, и на Колмогорахъ и на пристанищѣ морскомъ, и они себѣ въ тѣхъ дворѣхъ живутъ по прежнему... а на тѣхъ дворѣхъ держать дворниковъ своихъ нѣмчиновъ человѣкъ двухъ трехъ или русскихъ людей молотчихъ человѣка два или три“. Въ XVII вѣкѣ не только не видно расширенія

этого права, но оно какимъ то образомъ оказалось даже съуженнымъ, а именно на одного человѣка. Въ жалованной грамотѣ 1614 года по отношенію къ Москвѣ значится тоже самое право, но по отношенію къ другимъ городамъ грамота разрѣшаетъ держать на англійскихъ дворахъ дворниковъ „руских людей молотчих неторговыхъ людей по человѣку или по два“. Въ предыдущихъ грамотахъ значилось: „по два или по три человѣка“ [1]).

Изъ приведенныхъ фактовъ съ большей или меньшей достовѣрностью можно заключить, что къ половинѣ XVI вѣка уже совершенно ясно обнаружился законъ Московскаго государства о допустимости жизни русскихъ людей на дворахъ у иностранцевъ лишь въ крайнихъ случаяхъ, по особымъ разрѣшеніямъ правительства. Правительство какими бы ограниченіями ни обставляло это право иностранцевъ, во всякомъ случаѣ допускало его, хотя бы по отношенію къ особенно сильнымъ людямъ.

Вліяніе духовенства стушевывалось передъ другими соображеніями. Но духовенство не уставало повторять свой взглядъ на отношенія иностранцевъ къ русскимъ. Патріархъ Гермогенъ предлагалъ Өеодору Ивановичу совсѣмъ запретить русскимъ жить и служить у иностранцевъ [2]). Правительство не могло идти противъ духовенства въ такихъ случаяхъ и еще въ XVI вѣкѣ издавало, хотя и частныя распоряженія о недопущеніи между иностранцами и русскими людьми означенныхъ отношеній.

Въ 1593 г. замѣтили въ Казани, что перешедшіе въ православіе соблазняются своими бывшими единовѣрцами. Тогда велѣно такихъ обратившихся въ православіе—новокрещеновъ, во избѣжаніе соблазна, выдѣлить въ

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXVIII, стр. 144 и 178. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. V, № 141. І. Гамель. Приложенія къ статьѣ: „Англичане въ Россіи“. Прилож. къ XV т Запис. Имп. Академіи Наукъ, № 2, 1869 г., стр. 253 и слѣд. Н. И. Костомаровъ. Очеркъ торговли, стр. 242. Д. Цвѣтаевъ. Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ, стр. 807 и слѣд. Его-же. Протестантство стр. 139. А. С. Мулюкинъ. Пріѣздъ иностранцевъ. Приложеніе, № 6.

[2]) Д. В. Цвѣтаевъ. Протестантство, стр. 335.

особую слободу и вообще смотрѣть за тѣмъ, чтобы какъ этимъ новокрещенамъ, такъ и вообще русскимъ людямъ, православнымъ, не было никакихъ соблазновъ и утѣсненій со стороны иновѣрцевъ и инославныхъ людей. Поэтому царь приказывалъ воеводамъ въ Казани, чтобы они: „впередъ русскимъ людемъ у татаръ и у нѣмецъ жити и служити доброволно и въ деньгахъ не велѣли, а переписавъ рускихъ людей и взявъ отъ татаръ и отъ нѣмецъ“ устроили бы ихъ или въ посадѣ, или въ деревняхъ и „молвили бъ татаромъ и нѣмцомъ чтобъ они рускихъ людей всѣхъ поотпускали и впередъ рускихъ людей къ себѣ не пріимали и денегъ имъ взаймы не давали, а принимали бъ себѣ и купили литву, и латышей, и татаръ и мордву [1]).

Распоряженіе 1593 года, изданное по поводу мѣстныхъ обстоятельствъ, едва ли имѣло общее значеніе. По крайней мѣрѣ, у насъ для этого предположенія нѣтъ данныхъ.

Когда на престолъ вступилъ Михаилъ Θеодоровичъ и съ нимъ сталъ править его отецъ святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ, то въ 1628 году былъ изданъ общій законъ о томъ, чтобы „православнымъ христіаномъ у иновѣрныхъ, у некрещеныхъ у иноземцевъ во дворѣхъ не быти, чтобы въ томъ христіанскимъ душамъ оскверненія не было и безъ покаянія не помирали бы“ [2]). Поводомъ къ изданію этого закона послужило то обстоятельство, что государю и отцу его патріарху „вѣдомо учинилось, что на Москвѣ и въ городѣхъ у иновѣрныхъ у некрещенныхъ иноземцевъ служатъ православные христіане, и тѣмъ православнымъ христіаномъ отъ иновѣрцовъ чинится тѣснота и оскверненіе, и многіе безъ покаянія, безъ отцовъ духовныхъ помираютъ, и въ великой постъ и въ иные посты мясо и всякой скоромъ ѣдятъ неволею“ [3]).

Конечно, этотъ законъ 1628 года, ни въ какомъ случаѣ, не являлся полнымъ нововведеніемъ. И до него, въ качествѣ

---

[1]) Акт. Арх. Эксп., т. I, № 358.

[2]) Уложеніе 1649 г. гл. XX, ст. 70.

[3]) Уложеніе 1649 г., гл. XX, ст. 70.

общаго правила, нельзя было жить русскимъ у иностранцевъ. Англичанамъ, составлявшимъ въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе, пришлось, повидимому, употребить много хлопотъ, такъ какъ въ то же самое время другіе иностранцы совсѣмъ не могли держать русскихъ людей. Такъ было, напримѣръ, со шведами. Согласно постановленію Столбовскаго договора, шведамъ должно было быть отведено въ Псковѣ мѣсто подъ купеческій дворъ, при этомъ, по государеву указу, велѣли на дворѣ „шведскаго короля Густава Адольфа купцамъ... дворниковъ держать нѣмецкихъ, а русскихъ не держать“ [1]).

Сила и значеніе указа 1628 года не въ томъ, что онъ былъ закономъ не только въ формальномъ, но и въ матеріальномъ смыслѣ, а въ томъ, что онъ уничтожалъ всѣ исключенія. Теперь англійская компанія не могла уже претендовать на свое право, и она подходила подъ общую мѣрку. Въ грамотѣ компаніи отъ 1628 года ея прежняго права держать русскихъ дворниковъ какъ ни бывало. Въ грамотѣ значилось буквально слѣдующее: „а что у аглинскихъ гостей наше государское жалованье дворъ на Москвѣ у святого Максима Исповѣдника за торгомъ, и имъ на томъ дворѣ держати одного дворника своего немчина, а рускихъ людей на Москвѣ у себя и по городомъ въ службе и в дворникехъ не держати... а держати имъ на дворехъ въ Ярославле и на Вологдѣ и на Колмогорахъ и въ Архангелскомъ городѣ дворниковъ своихъ нѣмецъ“ [2]).

Изданіемъ закона 1628 года дѣло далеко не оканчивалось. Иностранцы не могли обойтись безъ русской прислуги и такъ какъ ихъ желаніе имѣть у себя русскихъ людей совпадало съ желаніемъ бѣдняковъ найти себѣ пропитаніе, то Михаилу Θеодоровичу еще въ 1643 году пришлось выслушивать жалобы православнаго духовенства по этому дѣлу. Причты 11 московскихъ церквей жаловались государю, что „въ ихъ приходѣхъ... рускихъ людей нѣмцы у себя во дво-

---

[1]) Д. В. Цвѣтаевъ. Протестантство, стр. 150.

[2]) Приложеніе, № 1.

рѣхъ держатъ, и всякое оскверненіе рускимъ людемъ отъ тѣхъ нѣмецъ бываетъ“ [1]).

Алексѣю Михаиловичу пришлось выслушивать въ 1647 году прошеніе святѣйшаго патріарха Іосифа, чтобы государь приказалъ англійскимъ, голландскимъ и другимъ торговымъ людямъ, чтобы они русскихъ людей къ себѣ не принимали и у себя не держали, а держали бы своихъ нѣмецкихъ людей [2]).

Въ концѣ концовъ, черезъ 2 года, это запрещеніе держать иностранцамъ русскую прислугу было формулировано Уложеніемъ въ такомъ видѣ: „у иноземцевъ некрещеныхъ рускимъ людемъ во дворѣхъ не быти ни которыми дѣлы. А будетъ которые рускіе люди учнутъ у некрещеныхъ иноземцевъ во дворѣхъ служити по крѣпостямъ, или добровольно: и тѣхъ сыскивая, чинити имъ жестокое наказаніе, чтобы имъ и инымъ такимъ не повадно было такъ дѣлати“ [3]).

Если бы кто по Уложенію 1649 года сталъ судить о правѣ Московскаго государства въ данномъ дѣлѣ, то онъ жестоко ошибся бы. Постановленіе Уложенія о службѣ русскихъ у иностранцевъ не типично для эпохи Московскаго государства. Оно характеризуетъ намъ только одинъ моментъ въ исторіи этого права иностранцевъ, а именно временное возобладаніе въ этомъ дѣлѣ взглядовъ и стремленій духовенства. Но мы выше уже намѣтили для этого дѣла нѣсколько факторовъ, а не одно духовенство. Вотъ тутъ то и надо сказать объ иностранцахъ, какъ объ другомъ факторѣ и о правительствѣ, какъ о третьемъ.

Иностранцы находили, что они не въ состояніи ограничиться прислугой изъ своихъ одноземцевъ. Во-первыхъ, ея было немного, а во вторыхъ, она была неспособна, лѣнива и незнакома съ мѣстными условіями. Это обстоятельство, въ связи съ необыкновенной настойчивостью и

---

[1]) Акт. Ист., т. III, № 92. Дополн. Статьи къ Судебнику, XXXVI.

[2]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Англійскія дѣла. № 3, 1647 года, апрѣля 6.

[3]) Ст. 70 гл. XX.

изворотливостью иностранцевъ, приводило къ тому, что русскіе, несмотря на запрещенія, жили у иностранцевъ.

Этотъ фактъ устанавливается какъ изъ приведенныхъ выше жалобъ духовенства на житье русскихъ у иностранцевъ и констатированія того же правительствомъ, такъ и изъ всякихъ другихъ извѣстій. Напримѣръ, въ 1615 году просился за море жившій въ Архангельскѣ съ женою и съ дѣтьми прусскій торговый нѣмчинъ Симонъ Бушъ. Нѣмчинъ проторговался въ Россіи и жить ему стало нечѣмъ. Государь разрѣшилъ Бушу выѣхать самому и вывести семейство, но запретилъ вывозить жившую у него русскую прислугу. „А рускихъ бы есте людей и малыхъ робятъ, говорилъ государь, которые у него жили, за море съ ними никакого человѣка отпускати не велѣли" [1]). Правительство совершенно, повидимому, спокойно относится къ службѣ русскихъ у иностранцевъ. Далѣе, въ 1638 году, т. е. послѣ запрещенія 1628 года, уѣзжалъ изъ Россіи на родину органнаго дѣла мастеръ Мелхертъ Луневъ. Луневъ, уѣзжая изъ Россіи, отпускалъ отъ себя двухъ русскихъ, служившихъ у него „по семи и по осьми годовъ" [2]). Или въ 1647 году, когда государь, черезъ думнаго дьяка, объявлялъ англичанамъ и другимъ торговымъ иностранцамъ, чтобы они русскихъ людей къ себѣ не принимали и у себя не держали, то иностранцы отвѣчали: русскихъ кабальныхъ людей у насъ ни у кого нѣтъ, а для своихъ нуждъ и торговаго промысла русскихъ людей нанимаемъ и даемъ имъ поденный кормъ; живутъ у насъ на дворахъ дворники и сторожа; а безъ дворниковъ и сторожей намъ быть невозможно [3]).

Выходитъ, что, несмотря на строгій указъ, русскіе живутъ у иностранцевъ, и послѣдніе открыто заявляютъ, что они не могутъ обойтись безъ услугъ русскихъ людей. Послѣ этого, какъ извѣстно, послѣдовало грозное запрещеніе Уло-

---

[1]) Рус. Ист., Библ., т. VIII, № 10, IX.

[2]) Рус. Ист. Библ., т. VIII, № 10, XL.

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Англійскія дѣла. № 3—1647 г, апрѣля 6.

женія 1649 года, но этотъ фактъ не остановилъ жалобъ и прошеній иностранцевъ. По отношенію же къ дѣйствіямъ правительства онъ вызвалъ совершенно противоположныя результаты тѣмъ, которыхъ добивался.

Если бы Уложеніе 1649 года было выраженіемъ русскаго правосознанія по этому вопросу, совпадающаго съ взглядами правительства, тогда надо бы думать, что правительство разрѣшило его въ 1649 году окончательно. Во всякомъ случаѣ, нельзя было ожидать, чтобы правительство на другой же день послѣ изданія Уложенія стало мѣнять свои взгляды. Но на самомъ дѣлѣ именно такъ и случилось. Правительство, закрѣпивъ въ Уложеніи, въ общеобязательномъ законѣ, извѣстный взглядъ на договоръ личнаго найма между иностранцами и русскими, допустило на другой годъ по изданіи Уложенія исключеніе и этимъ какъ бы возстановило ту самую систему, которая царствовала до указа 1628 года. Эта система не безусловно запрещала жить русскимъ у иностранцевъ, а допускала исключенія, по особому разрѣшенію.

Такъ и теперь оказалось, что тотчасъ послѣ изданія Уложенія 1649 года голландской компаніи дано разрѣшеніе нанимать русскихъ рабочихъ людей, а черезъ 2 года послѣ этого, въ 1652 году, тоже самое получили нѣсколько человѣкъ московскихъ торговыхъ иноземцевъ, хотя и не безъ ограниченій.

Какъ только на мѣстахъ, послѣ изданія Уложенія, стали примѣнять во всей строгости его постановленіе, такъ московскіе торговые иноземцы бросились съ челобитной къ государю. Они писали, что „безъ работныхъ русскихъ людей на дворахъ и на судахъ быть нельзя, отъ Вологды до Архангельска и назадъ не кѣмъ проводить свои товары, дворы ихъ останутся безъ дворниковъ пустыми, и государь пожаловалъ бы ихъ, велѣлъ имъ, какъ и голландцамъ торговымъ людямъ, дать свою грамоту, чтобы по городамъ жили на ихъ дворахъ дворники и сторожа, провожать ихъ товары отъ Вологды до Архангельска и обратно, нанимались бы работные люди, гребцы и ярыжки, чтобы безъ такихъ лицъ не запустѣли ихъ дворы, а товары не были пограблены отъ воровскихъ людей“,

Изъ этой челобитной видно, что московскихъ торговыхъ иноземцевъ предупредили голландцы, уже получившіе разрѣшеніе держать русскихъ людей. Но государь внялъ и этимъ вторымъ челобитчикамъ, и въ 1652 году приказалъ вологодскому воеводѣ разрѣшить московскимъ иноземцамъ нанимать дворниковъ, но только на время своего отсутствія изъ города, если же иноземцы остаются въ городѣ и живутъ на своихъ дворахъ, то дворникамъ тогда у нихъ не жить; съ ярыжекъ, нанимающихся на ихъ торговыя суда, брать поручительство въ томъ, что съ иностранцами они не будутъ ни пить, ни ѣсть [1]).

Мы обращаемъ вниманіе на эти частныя распоряженія, касавшіяся сперва голландской компаніи, потомъ московскихъ иноземцевъ потому, что эти распоряженія не случайныя явленія, а піонеры порядка, царствовавшаго до конца Московскаго государства.

Въ 1664 году Голландскіе Штаты не довольствуются тѣмъ, что нѣкоторымъ изъ ихъ подданныхъ, торгующихъ въ Россіи, въ силу особыхъ указовъ государя, разрѣшено держать въ услуженіи русскихъ людей. Штаты добиваются, чтобы это исключеніе было возведено въ общее правило. Въ 1664 г. они присылаютъ къ намъ посла Якова Бореля, который, въ ряду всякихъ другихъ ходатайствъ и предложеній своего правительства, проситъ о разрѣшеніи всѣмъ вообще голландцамъ держать по найму русскихъ людей. Въ этомъ отказываютъ [2]).

Но затѣмъ всѣмъ, какъ въ XVI, такъ и въ XVII вѣкѣ допускаютъ наемъ русскихъ иностранцами по особымъ разрѣшеніямъ. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, разрѣшеніе спрашиваютъ немногіе, а большинство обходится и безъ разрѣшенія.

Поэтому во второй половинѣ XVII вѣка служба русскихъ у иностранцевъ обыкновенное явленіе не только въ

---

[1]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла. 7160—1652 16 іюля, № 64, св. 255.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла, въ книгахъ. 7173—1664 декабрь—іюнь. № 6.

провинціи, но и въ Москвѣ. Бернгардтъ Таннеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1678 году, описываетъ нѣмецкую слободу въ Москвѣ и ея жителей и говоритъ, что у иностранцевъ „служанками бываютъ либо дородныя москвитянки, либо безобразныя татарки“ [1]). Намъ нѣтъ надобности приводить особыхъ доказательствъ службы русскихъ людей у иностранцевъ послѣ Уложенія 1649 г., такъ какъ лучшимъ доказательствомъ можетъ служить дѣло о наймѣ русскихъ иностранцами, разгорѣвшееся въ Архангельскѣ—Холмогорахъ въ 1686 году. Это дѣло интересно для насъ еще въ томъ отношеніи, что на пространствѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ воспроизводитъ въ точности, но въ миніатюрѣ, всю исторію личнаго найма русскихъ иностранцами за XVI и XVII вѣка. Здѣсь мы видимъ и просьбы духовенства защитить русскихъ отъ соблазна и оскверненія иностранцами, и рѣшеніе правительства запретить службу русскихъ у иностранцевъ, и скорѣйшую отмѣну этого рѣшенія, подъ вліяніемъ иностранцевъ, наконецъ, чисто бумажнаго канцелярскаго характера ограниченія, вводимыя при пользованіи иностранцевъ русскими.

Послѣ Уложенія 1649 года иностранцы вездѣ болѣе или менѣе безпрепятственно пользовались услугами бѣднаго русскаго люда, или въ виду того, что правительство разрѣшало это въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ, или въ виду того, что никто не возбуждалъ вопроса о правѣ иностранцевъ на такія дѣйствія, которыя они осуществляли въ качествѣ факта. Съ внѣшней стороны все шло спокойно до 1686 года, когда архангельское духовенство обратило свое вниманіе на отношенія иностранцевъ-господъ и русскихъ-слугъ и, во главѣ съ соборнымъ протопопомъ Каллиникомъ, обратилось къ архіепископу Холмогорскому и Важскому Аѳанасію съ жалобою на соблазнъ иностранцами православныхъ. Духовенство жаловалось, что „у Архангельского де города живутъ торговые иноземцы розныхъ вѣръ и ересей дворами и на дворѣхъ де у нихъ живутъ многіе руские люди зъ же-

[1]) Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 году. Чтенія. 1891 г., кн. III, стр. 69.

нами и зъ дѣтми, и призываютъ де тѣ рускіе люди ихъ, протопопа и священниковъ, къ себѣ со освященными потребами и для исповѣданія и пріобщенія святыхъ даровъ и очищенія родилницъ на ихъ иноземскіе дворы; и у иноземскихъ женъ родилницъ робятъ пріемлютъ рускіе бабы, и при такихъ же де ихъ иноземскихъ женъ рожденіяхъ и иные многіе въ послуженіи люди бываютъ рускіе жъ, и къ тѣмъ де бабамъ и людемъ для очищенія призываютъ ихъ, протопопа и священниковъ, на ихъ иноземскіе дворы; и робятъ де ихъ, иноземскихъ, кормятъ сосцы рускіе жонки; да у иноземцовъ же де живутъ на дворѣхъ вдовы и дѣвки сроспые рускіе жъ въ послуженіи и чинятъ блудные дѣла и родятъ, а по роспросамъ сказываютъ они, что чинятъ де съ ними блудъ иноземцы силно, у которыхъ они живутъ на дворѣхъ" [1]).

Архіепископъ Аѳанасій, ревностный ученикъ патріарха Іоакима и вліятельный въ придворныхъ сферахъ, какъ свидѣтельствуетъ о немъ проф. Д. В. Цвѣтаевъ [2]), довелъ жалобу архангельскаго духовенства до свѣдѣнія государей, а самъ, въ ожиданіи государева указа, запретилъ священству ходить съ требами на дворы иноземцевъ. Аѳанасій, посылая жалобу государямъ, съ своей стороны просилъ защитить „ихъ государскимъ велѣніемъ церковь святая отъ поношеній и уничиженій иностранныхъ" [3]), и объяснялъ, что все изложенное въ жалобѣ духовенства „есть истинна, да и паче де того творится, еже нелѣть и писаніемъ вѣщати". Онъ особенно обращалъ вниманіе государей на отношеніе иностранцевъ къ православнымъ иконамъ и говорилъ, что когда „выше помянутые рускіе люди мужеска и женска пола входятъ къ нимъ, иноземцамъ, жить, тогда съ собою вносятъ въ домы ради поклоненія себѣ икону Господню или Богоматере, или крестъ Господень, или святыхъ Божіихъ угодниковъ иконы, якожъ что кто отъ нихъ имѣютъ у себя, и

---

1) Дм. Цвѣтаевъ. Памятники къ исторіи протестантства въ Россіи. Ч. I. 1888 г., стр. 89.

2) Протестантство въ правленіе Софьи, стр. 53.

3) Дм. Цвѣтаевъ. Памятники къ исторіи протестанства. Ч. I. стр. 91.

поставляють де тѣ иконы или крестъ не въ честныхъ мѣстѣхъ, но велми во уничиженныхъ и безчестныхъ. Еще же бываютъ отъ нужды и неустроенія оныхъ рускихъ, живущихъ у иноземцевъ, людей, паче же отъ маловѣрія, иконы Господскія и святыхъ Божіихъ художества зѣло неподобнаго, къ тому жъ и отъ неустроенія ихъ задымливаютца и запылѣваютъ, что и зрака воображенія познавать мочно. И то видя де, иноземцы поносятъ, и уничижаютъ, и ругаютца: «се Бози де ваши»! и ина безчестнѣйшая вѣщаютъ, какъ де ихъ духъ лестчій научи. А руские у нихъ живущіе люди и отвѣта отдать не смѣютъ; да они жъ съ ними, иноземцы, изъ однѣхъ сосудовъ пьютъ и ядятъ и дней святыхъ постовъ... не хранятъ. Живущіе де у иноземцовъ рускіе люди словомъ христіане, а дѣломъ нигдѣ же и къ церкви Божіи никогда не приходятъ" [1]).

Государи по примѣру Михаила Өеодоровича и Алексѣя Михаиловича, сразу приказали: запретить русскимъ жить „у иноземцовъ во дворѣхъ на дворничествѣ и въ работѣ" [2]).

Иностранцы заволновались и въ челобитной, поданной государямъ, объясняли, что „нынѣ де имъ, иноземцомъ, у Архангелского города и на Колмогорахъ безъ рускихъ людей для всякой работы жить невозможно, потому что ихъ братья иноземцы послѣ ярмонки съѣзжаютъ, иные за море, а иные въ верховые городы, и многіе свои товары осталые оставливаютъ у Архангелского города на гостинѣ дворѣ, и для карауловъ на дворы, кромѣ рускихъ людей, нанять нѣкого. И великіе государи пожаловали бъ ихъ, иноземцовъ, велѣли имъ наемныхъ и работныхъ рускихъ людей держать по прежнему, чтобъ имъ, иноземцомъ, безъ наемныхъ и работныхъ людей въ конецъ не разоритца" [3]). Иностранцы въ своемъ прошеніи государямъ приводили много и другихъ доводовъ, которые могли имѣть значеніе въ глазахъ тогдашняго правительства и добились въ концѣ концовъ того, что прежній указъ былъ отмѣненъ,

---

1) ib., стр. 90.

2) ib., стр. 92.

3) ib., стр. 96 и слѣд.

иностранцамъ разрѣшено держать русскихъ людей, но съ цѣлымъ рядомъ ограниченій. Запрещено жить русскимъ людямъ у такихъ иностранцевъ, которые чинятъ насилія и оскверненіе русскимъ; всѣ же остальные иностранцы могутъ держать русскихъ, но при томъ условіи, чтобы русскимъ „жить на дворничествѣ въ особыхъ хоромѣхъ, у которыхъ бы ворота или калитки были на улицу, гдѣ можно бъ было приходить священникомъ со святынею и со всякою потребою церковною съ улицы въ тѣ хоромы, а не съ иноземского двора. А хто имяны руские люди и у кого иноземцовъ на дворничествѣ учнутъ жить, и тѣхъ рускихъ людей имяна велѣть записывать въ Съѣзжей Избѣ въ книги, и приходцкимъ священникомъ, блиско которыхъ приходовъ они учнутъ жить, давать ихъ имяна; и приказывать тѣмъ рускимъ людемъ, чтобъ они къ церкви Божіи приходили по часту, а хъ кирхамъ люторскимъ отнюдь никогда ни для чего не приходили; а буде учнутъ ходить, и ихъ имать, и чинить жестокое наказаніе“ [1]).

Итакъ, въ исторіи права иностранцевъ нанимать русскую прислугу можно замѣтить два момента. Первый, несмотря на то, что былъ формулированъ въ Уложеніи 1649 года, не имѣлъ большого значенія и не служилъ выраженіемъ права въ теченіе всей исторіи Московскаго государства; второй, несмотря на то, что не былъ формулированъ ни въ какомъ постановленіи, находилъ себѣ офиціальное признаніе, за исключеніемъ небольшого промежутка времени формальнаго царствованія перваго момента, во все время существованія Московскаго государства. Первый соотвѣтствовалъ полному отрицанію правъ иностранцевъ на русскую прислугу; второй признавалъ эти права въ томъ случаѣ, когда на нихъ испрошено особое разрѣшеніе, а кромѣ того, обставлялъ ихъ осуществленіе рядомъ ограниченій. Первый моментъ былъ только идеаломъ, къ которому стремилось духовенство, и которому не удалось осуществиться иначе, чѣмъ на бумагѣ. Тогда какъ второй моментъ наполнялъ собою дѣйствительную исторію разбираемыхъ отношеній и, скла-

[1]) ib., стр. 102 и слѣд.

дываясь подъ воздѣйствіемъ иностранцевъ съ одной стороны, русскаго пролетаріата съ другой, находилъ сдержку, болѣе или менѣе дѣйствительную въ ограниченіяхъ, постановляемыхъ правительствомъ подъ давленіемъ духовенства.

Если согласиться со всѣмъ тѣмъ, что здѣсь нами сказано, то придется признать необходимость крайне осторожнаго обращенія съ Уложеніемъ 1649 года. Невсегда Уложеніе 1649 г. содержитъ въ себѣ право, дѣйствовавшее въ Московскомъ государствѣ.

Холопы, несостоятельные должники, закладни иностранныхъ купцовъ.

I.

ХОЛОПЫ.

Если мы при разборѣ отношеній личнаго найма между иностранцами и русскими людьми видѣли съ какимъ трудомъ приходилось иностранцамъ добиваться права имѣть русскую прислугу и какъ отрицательно относились къ этому правительство и особенно духовная власть, то ничего не будетъ удивительнаго, когда мы, перейдя теперь къ разбору отношеній между иностранцами и русскими, при которыхъ первые могли бы оказывать еще большее давленіе на вторыхъ, чѣмъ при отношеніяхъ личнаго найма, замѣтимъ, что въ Московскомъ государствѣ такія отношенія по всему не должны были имѣть мѣста. Такими отношеніями могли быть отношенія холопства, и мы видимъ, что въ Московскомъ государствѣ они совершенно исключались для данныхъ лицъ. Иностранцы никоимъ образомъ не могли владѣть русскими людьми.

Прежде чѣмъ это правило сдѣлалось закономъ Московскаго государства, духовенство должно было употребить много усилій для распространенія соотвѣтствующихъ взглядовъ и внѣдренія ихъ въ умы русскихъ правительства и общества.

Православная церковь и въ древности, въ лицѣ своихъ представителей, относилась отрицательно къ рабству православныхъ у иновѣрцевъ. Поэтому уже митрополитъ Іоаннъ, въ своемъ посланіи къ Іакову черноризцу, высказывался противъ продажи православныхъ неправославнымъ. „Прашалъ о нѣкыхъ еси, пишетъ митрополитъ, иже коупять челядь, створившимъ обьщихъ молитвъ ядшихъ с ними, послѣди же же продавше в поганыя, которую симъ пріяти епитемью? и речемъ, якоже речено есть в законѣ: крестьяна человѣка ни жидовиноу ни еретикоу продати; иже продаеть жидомъ есть бе-законьникъ, а не тьмо законодавцю, но и Богоу претыкаеться.“ [1])

Такія воззрѣнія, далеко не проникшія въ сознанія массъ, не оказывали никакого вліянія на институтъ рабства.

По крайней мѣрѣ, иностранные купцы, наравнѣ съ туземнымъ населеніемъ, могли владѣть рабами безъ всякихъ ограниченій, т. е. рабами всевозможныхъ національностей и вѣроисповѣданій, а въ томъ числѣ и русскими христіанами. По этому поводу въ договорахъ Новгорода и Смоленска съ нѣмцами отъ 1195 и 1229 годовъ спеціально оговариваются нѣкоторыя случаи отношеній господъ нѣмцевъ къ рабынямъ русскимъ. [2])

Даже и позже, въ половинѣ XV вѣка, мы наблюдаемъ отсутствіе ограниченій иновѣрцевъ въ владѣніи православ-

---

[1]) Русскія Достопамятности. ч. I, стр. 96 и слѣд.

[2]) М. Владимирскій-Будановъ. Христоматія, вып. I, стр. 96 и 102, ст. 14 дог. 1195 и ст. 19 дог. 1229 г. В. И. Сергѣевичъ. Древности русскаго права, т. I, 1909 г. стр. 123.

А. В. Лонгиновъ, Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ. Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. XXV, стр. 537 и слѣд., видитъ также указаніе на владѣніе рабами иностранцевъ въ ст. 10 Академ. списка Русской Правды. Эта статья говоритъ о скрывшемся челядинѣ. А. В. Лонгиновъ толкуетъ ее въ томъ смыслѣ, что скроется челядинъ варяга или колбяга. Но проф. Владимірскій-Будановъ, Христоматія, вып. I, стр. 23 и прим. 15, понимаетъ статью иначе и объясняетъ, что въ ней описывается, какъ челядинъ скроется у варяга или у колбяга, т. е. что они будутъ не владѣтелями, а лишь укрывателями челядина.

ными людьми. Свѣтская власть, напр. въ Новгородѣ, въ 1446 году спокойно наблюдала, какъ во время голода многіе изъ новгородцевъ продавались евреямъ и басурманамъ. [1])

Когда мы встрѣтились съ рѣшеніемъ этого вопроса въ Московскомъ государствѣ, то здѣсь намъ сразу пришлось считаться съ особой ролью правительства, принятой имъ на себя въ дѣлахъ вѣры. Извѣстно, что въ Москвѣ Русь стала смотрѣть на себя, какъ на третій Римъ. Къ тому же само христіанство въ Москвѣ пріобрѣло аскетическій, формальный характеръ. Это главнымъ образомъ и привело къ тому, что поученія духовенства приняли реальную форму приказаній правительства.

Послѣдовательно проводя политику охраненія православія и православныхъ отъ всякой нечистоты и соблазна, правительство, какъ мы выдѣли выше, слѣдовало даже въ вопросѣ о договорѣ найма между иностранными и русскими людьми, совѣтамъ духовенства. Когда правительство, движимое своими особенными соображеніями, уклонялось въ этомъ вопросѣ отъ совѣтовъ духовенства, то, всетаки, допускало наемъ русскихъ иностранцами лишь по особымъ разрѣшеніямъ.

Въ вопросѣ о холопствѣ никакихъ уклоненій не допускалось.

Иностранцы не только не могли пріобрѣтать русскихъ холоповъ и затѣмъ держать ихъ у себя, но не могли продолжать владѣть тѣми своими холопами изъ иностранцевъ, которые вдругъ пожелали бы сдѣлаться русскими людьми черезъ переходъ въ православіе.

„Если какой нибудь человѣкъ нашей вѣры, передаетъ баронъ Герберштейнъ, по доброй волѣ перейдетъ къ Московитамъ, или же убѣжитъ къ нимъ противъ воли господина, какъ будто для того, чтобы выучиться ихъ вѣрѣ и принять ее; то они утверждаютъ, что не слѣдуетъ отсылать его или возвращать по требованію господина.“ Въ доказательство Герберштейнъ приводитъ случай, имѣвшій мѣсто съ нимъ самимъ. Когда человѣкъ Герберштейна, желавшій при-

[1]) Новгородская IV лѣтопись, стр. 124.

нять православіе, ушелъ отъ него къ русскимъ, и Герберштейнъ просилъ великаго князя о возвращеніи бѣглеца, то великій князь отвѣчалъ, „что никто не можетъ отдать назадъ человѣка, который перешелъ къ московитамъ для принятія истинной вѣры, они утверждаютъ, добавляетъ Герберштейнъ, что только одни они держатъ правую вѣру." [1])

Государь, по одному частному случаю узнавъ въ 1593 году, что въ Казани у татаръ и у нѣмцевъ живутъ въ холопствѣ русскіе люди, приказалъ воеводамъ или выкупить ихъ, или заставить обмѣнять на неправославныхъ, и объявить татарамъ и нѣмцамъ, чтобы впредь они русскихъ людей не покупали [2]).

Въ 1628 году запрещеніе иностранцамъ держать русскихъ людей въ холопствѣ формулируется на бумагѣ, въ качествѣ общаго закона, а въ 1649 году попадаетъ въ Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича [3]).

Въ Уложеніи же мы встрѣчаемъ и старое правило объ обязательномъ выкупѣ изъ холопства отъ иностранцевъ всѣхъ тѣхъ, людей, которые, какъ неправославные, сдѣлались холопами иностранцевъ совершенно правильно, но затѣмъ пожелали перейти въ православіе. „А которые иноземцы разныхъ вѣръ некрещены, говоритъ ст. 71 главы XX Уложенія, живутъ на Москвѣ и въ городѣхъ у иноземцевъ же некрещеныхъ разныхъ же вѣръ по купчимъ, или полоняники, и похотятъ тѣ иноземцы креститися въ православную христіанскую вѣру, и учнутъ о томъ бити челомъ государю, чтобы государь пожаловалъ велѣлъ ихъ, взявъ у тѣхъ иноземцовъ, у кого они во дворѣхъ живутъ, крестити въ православную христіанскую вѣру: и по тому челобитью тѣхъ иноземцевъ крестити въ православную христіанскую вѣру; а окупу за нихъ давати иноземцомъ по пятнадцати рублевъ за человѣка, и платить тѣ деньги имъ собою. А будетъ у иноземцевъ, въ купчихъ, какъ они ихъ купили, на-

---

[1]) Баронъ Герберштейнъ. Записки о Московіи. Пер. И. Анонимова. 1866 г. стр. 68 и слѣд.

[2]) Акт. Арх. Эксп., т. I, № 358.

[3]) Гл. XX, ст. 70.

писано будетъ больше пятнадцати рублевъ: и тѣмъ купчимъ не вѣрити по тому, что въ купчихъ деньги пишутъ съ прибавкою."

Это правило объ освобожденіи новокрещеновъ отъ холопства иностранцевъ дѣйствуетъ до самого конца XVII вѣка.

Надо замѣтить, что XVII вѣкъ даетъ картину полнаго соотвѣтствія практики съ законодательными постановленіями. Соотвѣтствіе наблюдается и до Уложенія 1649 года, и послѣ Уложенія.

Такъ, около 1632 года иностранный купецъ Андрей Келлерманъ купилъ себѣ дѣвку татарку Едиль Салтане. Съ ней не сошлась жившая у Келлермана женка татарка; дѣвку „женка часто била и за волосы драла и тесноту ей чинила, и она от той жонки отъ тесноты похотѣла креститца в православную христіянскую вѣру, отъ Ондрѣя сошла и прибрела к Тимофѣю Іванову сыну Борнякову и Тимофѣй еѣ к себѣ взялъ." Тогда Келлерманъ заявилъ о побѣгѣ татарки властямъ и билъ челомъ государю на Тимоѳея Борнякова въ бѣглой своей дѣвкѣ. Оказалось, что дѣвка въ помѣстьѣ Борнякова приняла православіе. Въ такомъ случаѣ дѣло становилось невыгоднымъ для Келлермана. Дѣвка, какъ православная, освобождалась отъ Келлермана, хотя она не попадала и къ Борнякову, такъ какъ онъ, собственно говоря, не имѣлъ на нее никакихъ правъ. Чтобы избѣжать судебнаго разрѣшенія этого вопроса, стороны столковались между собою и кончили дѣло миромъ. [1])

Любопытно, что населеніе, а можетъ быть даже и подчиненные агенты правительства, смотрѣли на переходъ холоповъ въ православіе, какъ на фактъ, ликвидировавшій безусловно всѣ отношенія между господами и холопами, даже и такія, которыя вытекали изъ преступленій. Холопы, „своровавъ, покрадчи животы, или иное какое раззоренье учинивъ," являлись къ приказнымъ людямъ и объявляли о своемъ желаніи принять православіе, расчитывая, что этимъ не только они избавятся отъ своихъ господъ, но и

---

[1]) Приложеніе, № 3.

отъ ихъ денежныхъ претензій и отъ преслѣдованія за преступленіе. Повидимому, такіе случаи бывали, потому что правительству пришлось въ 1685 и 1686 годахъ разъяснять положеніе такихъ холоповъ. Прежде всего, говорятъ указы, надо наложить наказаніе на холоповъ за ихъ преступленія; затѣмъ допрашивать ихъ, остаются ли они при своемъ желаніи принять православіе, „а буде послѣ правежу и наказанья скажутъ, что они быть въ православной христіанской вѣрѣ не похотятъ и ихъ отдавать, чьи они были.“ Только въ томъ случаѣ, если холопы и послѣ удовлетворенія претензій господъ или наказанія, пожелаютъ принять православіе, наступаютъ всѣ послѣдствія такихъ заявленій. Для челобитныхъ господъ на холоповъ въ сносѣ и раззореньѣ положенъ мѣсячный срокъ. [1])

Строгое и неуклонное исполненіе закона Московскаго государства о запрещеніи иностранцамъ держать русскихъ холоповъ доказывается постоянными свидѣтельствами иностранцевъ о томъ, что у нихъ нѣтъ русскихъ холоповъ. Безъ боязни заявляя, что русскіе у нихъ служатъ по найму, иностранцы твердили, что холоповъ русскихъ у нихъ нѣтъ. Въ первомъ случаѣ они такимъ категорическимъ открытымъ заявленіемъ думали отстоять свое право на наемъ русскихъ людей, безъ услугъ которыхъ, дѣйствительно, имъ было трудно, если не невозможно обойтись въ чужой странѣ; во второмъ же случаѣ они имѣли цѣлью обезопасить себя отъ прямыхъ убытковъ, въ виду немедленнаго освобожденія православныхъ.

Такъ, въ 1647 г. иностранные купцы объявляли правительству, что русскихъ кабальныхъ людей у нихъ ни у кого нѣтъ, а что они для своихъ нуждъ и торговаго промысла русскихъ людей нанимаютъ и даютъ имъ поденный кормъ. [2])

Точно также, когда въ 1686 году началось извѣстное Архангельское дѣло объ отнятіи отъ иностранцевъ русской

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. II, №№ 1117 и 1163.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Дѣла англійскія. № 3-1647 года, апрѣля 6.

прислуги, и воеводамъ было велѣно переписать всѣхъ русскихъ, живущихъ у иностранцевъ, то тогда оказалось, по согласнымъ показаніямъ и иностранцевъ, и русскихъ, что у иностранцевъ живетъ много русскихъ людей и мущинъ, и женщинъ; но всѣ живутъ „изъ найму“ „безъ крѣпости“ [1]).

Если иностранцы не могли владѣть православными людьми, то безпрепятственно владѣли иновѣрными и инославными.

Открытое предоставленіе такого права мы видѣли, напр., въ указѣ государя Казанскимъ воеводамъ 1593 г., въ указѣ 1628 г., въ Уложеніи и т. д.

Указывать на факты дѣйствительнаго владѣнія этого рода нѣтъ надобности, въ виду совершенно ясныхъ постановленій закона.

Можно указывать на дѣйствія судебной власти, также поддерживавшей права иностранцевъ на холоповъ. Мы видѣли уже, какъ въ 1632 г. Андрей Келлерманъ предъявлялъ искъ о возвращеніи бѣжавшей отъ него татарки. Въ 1659 году подполковникъ Алферъ Выберхъ билъ челомъ государю о возвращеніи ему бѣжавшихъ отъ него двухъ крѣпостныхъ дѣвокъ „литовсково полону“ [2]). Въ 1672 году въ нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ у подполковника Вилима Фандельдена жилъ литовскій плѣнникъ Павелъ Григорьевъ. Григорьевъ сбѣжалъ было отъ подполковника и хотѣлъ пробраться въ Польшу, но былъ пойманъ и возвращенъ господину [3]).

Для служилыхъ людей право владѣть холопами было совершенно естественно, такъ какъ вытекало изъ ихъ права имѣть на войнѣ плѣнныхъ. Но изъ факта владѣнія служилыхъ людей плѣнными то время выводило и другія послѣдствія. Плѣнными не только владѣли, но и пускали ихъ въ оборотъ, какъ всякій товаръ. Посредниками въ такихъ случаяхъ яв-

---

1) Дм. Цвѣтаевъ. Памятники къ исторіи протестантства, стр. 93-96.

2) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла $\frac{7167}{1659}$ № 44.

3) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Выѣзды въ Россію. 1672 г. мартъ 27, № 6.

лялись торговые люди, и правительство подтверждало право какъ русскихъ купцовъ, такъ и иностранцевъ покупать и записывать за собою плѣнныхъ. Большая торговля въ этомъ смыслѣ шла калмыцкимъ ясыремъ при содѣйствіи кизилбашей, гилянцевъ, индѣйцевъ, бухарцевъ и хивинцевъ. [1])

---

[1]) Акт. Ист., т. IV, № 163. Труды Вост. Отд. Имп. Рус. Арх. Общ. т. XX, стр. 158.

II.

НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ДОЛЖНИКИ.

Итакъ, иностранцы не имѣли права владѣть русскими православными людьми. Но представимъ себѣ случай несостоятельности русскаго должника иностранцу кредитору. Выше у насъ была рѣчь о такихъ должникахъ. Разсказывалось, какъ маломочные русскіе люди погибали на правежѣ въ долгахъ своихъ иностранцамъ. Рѣчь была только о правежѣ, но не о другихъ послѣдствіяхъ несостоятельности.

Между тѣмъ, извѣстно, что Судебникъ 1497 года устанавливаетъ выдачу неоплатнаго должника головою кредитору на продажу. [1])

Судебникъ 1550 года выдаетъ такого должника кредитору головою до искупа. [2])

---

[1]) Ст. 55. „О займѣхъ. А которой купець, идучи въ торговлю, возметъ у кого денги или товаръ, да на пути у него утеряется товаръ безхитростно, истонетъ, или сгоритъ, или рать возметъ, и бояринъ обыскавъ да велитъ дати тому діаку великого князя полѣтную грамоту съ великого князя печатію, платити исцеву истину безъ росту. А кто у кого взявши что въ торговлю, да шедъ пропіетъ, или инымъ какимъ безуміемъ погубитъ товаръ свой безъ напрасньства, и того истцю въ гибели выдати головою на продажу.“ М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Христоматія по исторіи русскаго права. Вып. II, 1901 г., стр. 101.

[2]) Ст. 90. „А которой купець, идучи на торговлю, возметъ у кого денги или товаръ, да на пути у него товаръ утеряется безхитростно, истонетъ или сгоритъ, или рать или розбой возметъ: и бояромъ обыскавъ, велѣти тому дати цареву и великого князя діяку полѣтную грамоту, съ царя и великого князя печатью, посмотря по животомъ, платитися истцомъ въ истину безъ росту. А кто у кого взявъ, идучи въ

Точно также постановляетъ и Судебникъ царя Θеодора Ивановича. [1])

Память царя казначеямъ отъ 1555 года опредѣляетъ время стоянія на правежѣ, въ зависимости отъ величины долга, и отношеніе правежа въ выдачѣ головою до искупа. Память говоритъ, чтобы больше мѣсяца на правежѣ не держали и выдавали бы затѣмъ должника кредитору до искупа. [2])

Уложеніе 1649 года точно опредѣляетъ во сколько времени можно отработать извѣстный долгъ и какія права надъ личностью работающаго должника имѣетъ кредиторъ. Ст. 266 гл. X Уложенія говоритъ, что тяглыхъ всякихъ людей и меньшихъ чиновъ служилыхъ, какъ напр. казаковъ, пушкарей затинщиковъ „которымъ съ правежу окупитися будетъ нѣчемъ: послѣ указнаго мѣсяца выдавать истцомъ головою до искупу. А работати имъ, мужескому полу за пять рублевъ по году, а женскому полу за полтретья рубли по году. А кому они выданы будутъ: и по тѣхъ взяти порука съ записью, что ихъ не убити, ни изувѣчити. А какъ тѣ выданные люди урочныя лѣта отработаютъ: и ихъ поставити въ приказѣ.“ Ст. 40 гл. XX Уложенія говоритъ, что какъ только должники „у истцовъ своихъ иски ихъ заработаютъ сполна, и ихъ отъ тѣхъ истцовъ отпустить на во-

---

торговлю да пропіетъ, или инымъ какимъ безуміемъ тотъ товаръ погубитъ безъ напрасньства, ино того выдати истцу головою до искупа“, ib., стр. 175.

[1]) Ст. 182. „А хто у ково на торговлю возмучи товар или денги, или что ни буди, да тот товар пропиет или безумием потяряет без напрасньства,—и того члка исцу выдати головою до искупа.“ По списку собранія Θ. Θ. Мазурина. 1900 г., стр. 47.

[2]) „Которые люди въ которыхъ дѣлѣхъ обвинены и стоятъ въ исцовыхъ искѣхъ на правежѣ, и тѣ бы люди стояли на правежѣ во стѣ рублѣхъ мѣсяцъ; а которые люди стоятъ на правежѣ менши ста рублевъ, или болши, и тѣ бы люди стояли по тому же розчету. А на которыхъ людехъ и въ мѣсяцъ истцова иску доправити не мочно, и тѣхъ бы людей, въ истцовыхъ искѣхъ, выдавали истцомъ головою до искупа; а болши бы мѣсяца отвѣтчики въ истцовыхъ искѣхъ на правежѣ не стояли.“ М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Христоматія. Вып. III, 1908 г., стр. 3.

лю. А будетъ истцы ихъ помрутъ, а послѣ ихъ останутся дѣти, а они исковъ ихъ до тѣхъ мѣстъ сполна не заработаютъ; и имъ противъ того, чего они не заработаютъ, доживать тѣхъ умершихъ истцовъ у дѣтей; а какъ они отъ тѣхъ истцовыхъ дѣтей отработаются, и ихъ по тому же отпустити на волю."

Итакъ, всѣ памятники законодательства Московскаго времени согласно свидѣтельствуютъ о томъ, что должникъ отвѣчаетъ своей личностью передъ кредиторомъ и, въ случаѣ несостоятельности, можетъ быть отданъ послѣднему въ работу.

Будемъ ли мы считать вмѣстѣ съ проф. В. А. Удинцевымъ, что „лишь въ Великокняжескомъ Судебникѣ 1497 г. впервые предписывается купца, погубившаго чужой товаръ, выдавать головою на продажу" [1]) и что идея долгового рабства не извѣстна древнему времени, такъ какъ въ древней Руси должникъ отвѣчалъ только своимъ имуществомъ, но не личностью, [2]) или же мы будемъ вмѣстѣ съ В. И. Сергѣевичемъ, считать что порядокъ Московскаго государства по данному вопросу идетъ издревле [3])—мы все равно остановимъ свое вниманіе исключительно на памятникахъ Московскаго времени. Какъ бы ни трактовался этотъ вопросъ въ древнее время, это для насъ безразлично. Мы видѣли, что въ древней Руси отношенія рабства между иностранцами и русскими были вполнѣ допустимы, а какія были поводы установленія рабства въ древности—это для насъ не интересно.

Между тѣмъ, по отношенію къ Московскому времени, когда во всей своей силѣ возникъ вѣроисповѣдный вопросъ и пропиталъ собою политику правительства, для насъ очень важно установить, были ли возможны отношенія холопства между иностранцами и русскими людьми, возникавшія изъ неисполненія долговыхъ обязательствъ, или точнѣе: были ли приложимы всѣ приведенныя выше постанов-

---

[1]) Исторія займа, 1908 г., стр. 35.

[2]) ib. стр. 135—141, стр. 213 и слѣд.

[3]) Древности русскаго права, т. I, 1909 г., стр. 153 и слѣд.

ленія закона къ неоплатнымъ должникамъ изъ русскихъ людей при кредиторахъ иностранцахъ. Это для насъ очень важно потому, что выше мы установили, что въ Московскомъ государствѣ, въ противоположность древней Руси, отношенія холопства между иностранцами и русскими, когда иностранцы были господами, не признавались.

Мы говоримъ о холопствѣ, о томъ, что оно именно не допускалось для русскихъ людей у иностранцевъ. Между тѣмъ, когда говорятъ о работѣ должниковъ у кредиторовъ, то не обязательно считаютъ должниковъ на положеніи холоповъ. Проф. В. А. Удинцевъ считаетъ, что „выдача головою до искупа создаетъ зависимое положеніе, но не ведетъ къ холопству" и что „выданные головою для отработки долга служили, но юридически оставались свободными" [1]). Принимаемъ ли мы это объясненіе, или не принимаемъ—въ данномъ случаѣ совершенно безразлично. Интересна подкладка этихъ юридическихъ отношеній, вся фактическая сторона отношеній должника, отработывающаго долгъ у кредитора. Едва ли она отличалась отъ холопства? Характерна самая порука съ записью, которую брали съ кредиторовъ въ томъ, что они своихъ должниковъ не убьютъ и не изувѣчатъ [2]). Если сравнивать положеніе такого бѣдняка, отданнаго на отработку долга, то только съ холопскимъ, а не съ положеніемъ лицъ, служащихъ по найму. И должники, и холопы не могли претендовать на опредѣленный кругъ обязанностей, а должны были сообразовать свое поведеніе и работу исключительно съ желаніемъ господина—кредитора. Самъ проф. В. А. Удинцевъ говоритъ, что древнее правосознаніе, исходя изъ мысли о службѣ, сближало между собою выданныхъ головою до искупа съ кабальными людьми; а эти, въ свою очередь, хотя служилая кабала и не дѣлала должника холопомъ, въ представленіи законодателя и общественномъ правосознаніи безспорно приближались къ холопамъ. [3])

---

1) Исторія займа, стр. 217.

2) Уложеніе 1649 г., глава X, ст. 266.

3) Исторія займа, стр. 174 и 217.

Итакъ, изъ этихъ разсужденій слѣдуетъ, что насъ интересуетъ одинъ чисто-формальный вопросъ о приложеніи приведенныхъ выше узаконеній Московскаго государства къ отношеніямъ между иностранцами кредиторами и русскими православными должниками.

Наблюдая безусловное сходство въ фактическихъ отношеніяхъ кредиторовъ къ должникамъ, отрабатывающимъ свой долгъ на дворѣ кредиторовъ, съ отношеніями господъ къ холопамъ, и исходя изъ соображеній религіозно-нравственнаго порядка, запрещавшихъ послѣднія отношенія между иностранцами и русскими людьми, въ Московскомъ государствѣ не должны были бы допускать службы русскихъ у иностранцевъ за долгъ. Всѣ приведенныя нами выше постановленія въ разбираемыхъ отношеніяхъ иностранцевъ къ русскимъ не должны были бы имѣть никакой силы.

Однако, дѣло было не такъ.

Правда, въ 1593 г. въ Казани запретили татарамъ и нѣмцамъ давать въ долгъ православнымъ. Но мы уже раньше установили, что не ручаемся за общеобязательность этого распоряженія. А, кромѣ того, другихъ подобныхъ указовъ мы не встрѣчали.

Наоборотъ, мы можемъ сказать, что, по общему правилу, договоръ займа допускался между иностранцами и русскими людьми. Это идетъ издревле. При этомъ издревле же идетъ еще особенное право иностранцевъ, въ случаѣ конкурса долговыхъ претензій, имѣть преимущество въ ихъ удовлетвореніи передъ туземцами. По русскому праву иностранцы были не простыми кредиторами русскихъ купцовъ, а привилегированными.

Еще статья 69 (Карамз. сп.) Русской Правды постановляетъ: „Аще кто многымъ долженъ будетъ, а пришедъ гость изъ иного города или чюжоземець, а не вѣдая запустить зань товаръ, а опять начнеть не дати гостю кунъ, а первии дольжницы запинати емоу начноуть, не дадучи коунъ, то вести я на торгъ и продати и отдати же первое гостеви коуны, а домачнымъ что ся останеть коунъ, тѣмъ ся подѣлять“ [1]...

---

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Христоматія по исторіи русскаго права. Вып. I, 1908 г., стр. 50.

Изъ этой статьи слѣдуетъ, что пріѣзжіе купцы, имѣютъ преимущество при удовлетвореніи долговыхъ претензій передъ мѣстными купцами. Льгота объясняется неосвѣдомленностью пріѣзжихъ купцовъ о кредитоспособности и дѣлахъ купцовъ даннаго города. Если она прилагается къ русскимъ кредиторамъ, то тѣмъ болѣе должна имѣть мѣсто по отношенію къ иностраннымъ. Иностранные купцы еще болѣе нуждались въ этой привилегіи. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ ст. 69 Русской Правды прямо видитъ постановленіе, касавшееся и иностранцевъ [1]). Но проф. А. И. Загоровскій, болѣе осторожный въ своихъ выводахъ, хотя и предполагаетъ, что эта льгота могла быть общей не только для пріѣзжихъ русскихъ, но и для иностранныхъ купцовъ, въ виду рано сознанной на Руси выгоды иностранной торговли и желанія ее поддержать, но не берется утверждать, чтобы ст. 69 говорила прямо объ иностранцахъ [2]).

Примкнемъ ли мы къ тому мнѣнію, или къ другому, все равно для разрѣшенія поставленнаго нами выше вопроса есть другой памятникъ древности, который совершенно опредѣленно говоритъ о преимущественномъ правѣ иностранцевъ на удовлетвореніе долговыхъ претензій. Это ст. 10 договора Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, Готландомъ и Нѣмецкими городами 1229 года. Въ силу этой статьи, „аже латининъ дасть роусиноу товаръ свои оу дългo оу Смольнске, заплатити нѣмциноу пьрвѣе, хотя бы инъмоу комоу виноватъ былъ роусиноу. Тако оузяти роусиноу оу Ризѣ и на Готскомь березѣ“ [3]). Извѣстно, что это этотъ договоръ примѣнялся не только въ Смоленскомъ княжествѣ, но и въ Витебскомъ, и въ Полоцкомъ.

Точно такъ же по договору 1270 г. Новгорода съ Нѣмецкими городами и Готландомъ, „кто, вступивъ съ нѣмцемъ или готландцемъ въ торговыя дѣла, испортитъ или

---

[1]) Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права. 1909 г., стр. 318-384.

[2]) Историческій очеркъ займа по русскому праву до конца XIII столѣтія. 1875 г. стр. 26 и слѣд., стр. 48.

[3]) М. Ф Владимірскій-Будановъ. Христоматія. Вып. I, стр. 100.

растратитъ его товаръ, долженъ прежде всего удовлетворить гостей, а потомъ другихъ, коимъ долженъ" [1]).

Въ Судебникахъ ничего не говорится по этому вопросу, но зато Уложеніе 1649 г., которое, едва ли, вносило въ этотъ вопросъ новость, совершенно опредѣленно постановляетъ, что иностранцы, послѣ казны, имѣли преимущественное передъ другими кредиторами право на удовлетвореніе своихъ претензій. Ст. 260 гл. X Уложенія выражала эту мысль необыкновенно многосложно. „А будетъ кто чѣмъ долженъ будетъ, говорило Уложеніе, рускимъ всякихъ чиновъ людямъ и чужеземцамъ, и истцы рускіе люди и чужеземцы того своего долгу учнутъ на немъ искати судомъ, и тотъ должникъ, не хотя чужеземцу долгу его заплатити, учнетъ отыматися отъ него тѣмъ, что онъ и опричь того чужеземца долженъ многимъ рускимъ людемъ: и на такомъ должникѣ велѣти долговыя деньги напередъ правити чужеземцу, а рускимъ людемъ велѣти на немъ долгъ ихъ правити послѣ. Также будетъ на комъ доведется взяти что въ государеву казну, а въ тоже время на него учнутъ бити челомъ истцы о долгахъ: и на немъ напередъ взяти государево, а должникомъ указать ему платити долги послѣ".

Эта статья Уложенія 1649 года, можно думать, имѣетъ своимъ источникомъ ст. 69 Карамзинскаго списка Русской Правды. Объ этомъ говоритъ самое существо постановленій Русской Правды и Уложенія, а кромѣ того, на это особенно наводитъ именованіе статьей 260 Уложенія лицъ, имѣющихъ преимущественное право удовлетворенія своихъ долговыхъ претензій передъ русскими людьми, чужеземцами. Русская Правда тоже противополагала туземцевъ чужеземцамъ. Тѣмъ и поразительно сходство Уложенія съ Русской Правдой, что во всемъ Уложеніи, кромѣ еще ст. 4 гл. XIV, иностранцы вездѣ называются иноземцами. Ст. 4 говоритъ: „а которой человѣкъ Московского государства взыщетъ на чужеземцѣ чего нибудь".... Изъ того, что въ ст. ст. 260 и 4 употребленъ терминъ чужеземецъ вмѣсто иноземецъ, еще не слѣдуетъ, что ст. 260, а также и ст. 4 говорятъ не объ ино-

---

[1]) И. А. Андреевскій. О договорѣ Новагорода. 1855 г., ст. XX.

странцахъ. По отношенію къ ст. 4 гл. XIV не можетъ быть сомнѣнія уже потому, что совершенно ясенъ источникъ этой статьи, а именно ст. 27 Судебника 1550 года, говорящая объ иностранцахъ [1]). Что же касается ст. 260 гл. X Уложенія, то если въ ст. 69 Русской Правды подъ чужеземцами можно понимать не только иностранцевъ, нѣмцевъ и т. п., то въ ст. 260 Уложенія подъ чужеземцами надо понимать только однихъ иностранцевъ. Больше не кого понимать подъ этимъ словомъ. На это указываетъ и противоположеніе чужеземцевъ русскимъ людямъ.

Не смотря на ясное указаніе Уложенія о преимущественномъ удовлетвореніи иностранныхъ кредиторовъ, на практикѣ, повидимому, случались отступленія, и отступленія, настолько частыя или значительныя, что правительству приходилось возстановлять правило. Такъ, въ 1671 году издали указъ о томъ, что „которые русскіе люди должны русскимъ же людемъ и иноземцомъ, и на тѣхъ людѣхъ править прежде иноземскіе долги, а на которыхъ взять не мочно, и въ иски иноземскіе цѣнить дворы и лавки прежде иноземцовъ же, а не русскимъ людемъ“. Напомнить правило казалось, повидимому, слишкомъ мало, такъ какъ нарушенія его стояли передъ глазами и потому признали нужнымъ устранить и самыя нарушенія. Поэтому указъ продолжалъ: „а буде у которыхъ у русскихъ людей, въ искъ русскимъ людемъ оцѣнены будутъ дворы, или лавки, или товары, и то у русскихъ людей поворотить назадъ и оцѣнить въ иноземскіе долги, которому должны; а хотя которые до искупу и головою русскимъ людемъ отданы, и тѣхъ людей отъ русскихъ должниковъ свободить, а присылать ихъ для росплаты въ иноземцовыхъ искѣхъ въ Государственной Посольской Приказъ“ [2]).

Видно, что всѣ эти должники, отданные головою русскимъ людямъ, не были въ состояніи заплатить своихъ дол-

---

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Христоматія, Вып. II, 1901 г., стр. 131. „А которой человѣкъ здѣшнего государства, говоритъ соотвѣтствующее постановленіе Царскаго Судебника, взыщетъ на чужеземцѣ......

[2]) Полн. Собр. Зак., т I, № 497

говъ русскимъ, и нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы они могли расплатиться и съ иностранцами. Иначе сказать, ничего не оставалось, какъ, перервавъ ихъ работу у русскихъ кредиторовъ, отдать ихъ въ работу къ иностранцамъ.

Но поступало ли такъ центральное правительство, когда до него доходили эти дѣла, отдавало ли оно русскихъ должниковъ въ работу иностранцевъ? Мы думаемъ, что оно такъ поступало. Отдавали въ работу иностранцамъ русскихъ людей и мѣстныя власти, но не всегда. Есть основаніе предполагать, что на мѣстахъ не всегда отдавали русскихъ должниковъ въ заживъ иностранцамъ. Поэтому центральному правительству приходилось разъяснять законъ и подтверждать общее правило, не допускавшее никакихъ исключеній для должниковъ русскихъ по отношенію къ кредиторамъ иностранцамъ.

Такъ, въ 1673 году лишній разъ признали нужнымъ довести до всеобщаго свѣдѣнія и приказать: „буде которые люди должны будутъ въ Его Великаго Государя казну, да они жъ будутъ должны иноземцомъ и русскимъ людемъ: и на тѣхъ людѣхъ править прежде деньги въ Его Великаго Государя казну“. Если съ этихъ отвѣтчиковъ въ казну взять будетъ нечего, „а въ тожъ время будутъ на нихъ челобитчики иноземцы и рускіе люди: и тѣхъ людей отдавать преже иноземцомъ головами, заживать иски ихъ по Уложенью, а какъ они у иноземцовъ иски ихъ по Уложенью заживутъ“, тогда передавать ихъ русскимъ людямъ“ [1]).

Въ этомъ указѣ не означается національность должниковъ. Надо думать, что не имѣли въ виду ограничивать примѣненіе этого указа какимъ либо однимъ кругомъ лицъ, или, напр., исключать русскихъ людей въ тѣхъ случаяхъ, когда бы имъ пришлось заживать долгъ у иностранцевъ. Но если у насъ сейчасъ является сомнѣніе въ этомъ вопросѣ, то это могло имѣть мѣсто и въ то время. И вотъ уже въ 1674 году пришлось издать именной указъ съ разъясне-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 553.

ніемъ того, что и русскіе должники отдаются въ заживъ иностранцамъ.

„Которые русскіе люди, говорилъ указъ 1674 года, должны будутъ русскимъ людемъ и иноземцомъ и на тѣхъ людѣхъ править преже велѣно иноземскіе долги, а на которыхъ взять не мочно, и въ иски ихъ цѣнить дворы и лавки и отдавать прежде иноземцомъ же, а не русскимъ людемъ, а у которыхъ русскихъ людей дворовъ и лавокъ и животовъ не будетъ, и тѣхъ людей отдавать иноземцамъ головами въ иски ихъ, а заживать имъ у нихъ по Соборному Уложенью; а какъ они у иноземцовъ иски ихъ по Уложенью заживутъ, а послѣ того на нихъ же будутъ челобитчики въ долговыхъ деньгахъ русскіе люди, и тѣхъ людей по тому жъ и русскимъ людемъ въ заживъ головою отдавать“ [1]). Видно, что въ этомъ указѣ сосредоточили все свое вниманіе на должникахъ—русскихъ людяхъ и разъяснили, что они не составляютъ исключенія въ отношеніи кредиторовъ—иностранцевъ.

Съ нѣкоторыми законодательными опредѣленіями бывало, что они никогда не примѣнялись на практикѣ и оставались мертвой буквой. Можетъ быть и съ этими случилось что нибудь подобное? Нѣтъ. Постановленія Московскаго законодательства объ отдачѣ неисправныхъ должниковъ кредиторамъ головою до искупа примѣнялись въ дѣйствительности и къ русскимъ людямъ, когда имъ приходилось должать иностранцамъ. Объ этомъ говоритъ справка Посольскаго Приказа въ докладѣ его по извѣстному уже намъ Архангельскому дѣлу въ 1686 году. Приказъ докладывалъ, что въ цѣломъ рядѣ указовъ государей написано: „буде кому рускимъ людемъ платить нечѣмъ будетъ иноземского долгу, и ихъ велѣно отдавать взаживь головою иноземцомъ, а работать имъ велѣно у иноземцовъ по Уложенью. И по тѣмъ блаженные памяти великихъ государей указомъ русскіе многіе люди прежъ сего за долги иноземческіе иноземцомъ отдаваны и нынѣ отдаютца, и у иноземцовъ за тѣ денги урочные годы живутъ и работаютъ“ [2]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 579.

[2]) Д. В. Цвѣтаевъ. Памятники къ исторіи протестантства въ Россіи, стр. 100.

Въ концѣ концовъ, констатируя такіе факты, приходится признавать, что они вносили диссонансъ въ государственное законодательство Московскаго времени. Объяснить ихъ можно только тѣмъ обстоятельствомъ, что государственное законодательство, вообще безсильное въ области гражданско-правовыхъ отношеній, и въ данномъ случаѣ увлекалось общимъ историческимъ ходомъ развитія мѣръ воздѣйствія на неисправныхъ должниковъ; не могло противиться этому институту частнаго права, развивавшемуся по своимъ собственнымъ законамъ одинаково почти во всей вселенной; не могло замѣнить его ничѣмъ другимъ и не хотѣло отказаться отъ кредитныхъ операцій между иностранцами и русскими людьми.

III.

ЗАКЛАДНИ.

При разсмотрѣніи отношеній личной зависимости между русскими и иностранцами, намъ надо упомянуть еще о закладняхъ.

Это понятіе не окончательно выяснено въ литературѣ. Одни понимаютъ подъ нимъ отношенія исключительно частно-правнаго характера. Закладни, напр., лица, живущія за своими кредиторами, по разнымъ записямъ и крѣпостямъ. Другіе писатели склонны видѣть въ институтѣ закладничества публично-правовые моменты,—отрицать за закладничествомъ характеръ денежной сдѣлки. Въ закладничествѣ они видятъ попытки децентрализовать дѣйствія государственной власти, перенести не только инищіативу, но и исполненіе государственныхъ функцій съ совокупной силы извѣстнаго территоріальнаго общенія на отдѣльныхъ членовъ этого общенія. Въ закладникахъ видятъ лицъ, выходившихъ изъ подъ вѣдомства государственной власти и подчинявшихся суду и управленію своихъ господъ. Въ этомъ публично-правовомъ моментѣ вся суть характеристики закладничества [1]).

Въ нашу цѣль совершенно не входитъ разбирать правильность того или другого мнѣнія о закладняхъ. Будемъ

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ. Древности русскаго права, т. I, 1909 г., стр. 306-335. Проф. В. А. Удинцевъ. Исторія займа, стр. 160, прим. I. Н. Павловъ-Сильванскій. Закладничество-патронатъ. 1897 г. Проф. Θ. В. Тарановскій. Отзывъ о сочиненіи В. И. Сергѣевича: „Древности русскаго права.“ 1911 г., стр. 30.

ли мы считать закладничество частнымъ институтомъ или публичнымъ, по преимуществу, мы, интересуясь исключительно правами иностранныхъ купцовъ въ Россіи, должны сказать, что эти купцы не могли имѣть закладней.

Выводъ, который насъ только и интересуетъ, получается изъ слѣдующихъ документовъ. Въ жалованной грамотѣ, данной англійской торговой компаніи въ 1584 году, значится, среди другихъ запрещеній: „и закладней за собою имъ нашихъ людей не держати" [1]). Это запрещеніе повторяется и въ жалованной грамотѣ той же компаніи отъ 1586 года [2]). Въ жалованной грамотѣ отъ 1614 года значится: „и закладней за собою им не держати, наших людей." [3]) Когда въ 1619 г. государь отпустилъ изъ Москвы въ Псковъ англійскаго гостя Фабіана Ульянова за льномъ, то приказывалъ Псковскимъ воеводамъ смотрѣть, чтобы Ульяновъ и его товарищи или приказчики „закладчиковъ нашихъ людей за собою не держали" [4]).

Изъ буквальнаго смысла этихъ текстовъ можно заключить, что иностранные купцы могли держать закладней, но только изъ своихъ людей, а не изъ русскихъ.

Если принимать закладничество въ первомъ смыслѣ частноправнаго института, тогда понятно, что Московское правительство запрещало иностранцамъ держать закладнями русскихъ людей уже по тѣмъ самымъ соображеніямъ, по какимъ запрещало это и русскимъ людямъ, т. е., чтобы русскіе отъ тягла не уходили. Что же касается подобныхъ отношеній между иностранцами, то правительство не

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. V, № 141. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ т. XXXVIII, стр. 142 и слѣд.

[2]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXVIII, стр. 176.

[3]) А. С. Мулюкинъ. Пріѣздъ иностранцевъ. Приложеніе, № 6.

[4]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 49.

Н. И. Костомаровъ. Очеркъ торговли Московскаго государства, стр. 250, считаетъ, повидимому, что въ 1619 г. англичанамъ впервые было запрещено держать закладней. Ничего не говоря до 1619 года о закладняхъ, онъ подъ этимъ годомъ замѣчаетъ: „въ 1619 году англичанамъ воспрещено было держать закладней изъ русскихъ людей".

интересовалось ими и о нихъ не упоминало. Объясненіе правдоподобное и вполнѣ возможное.

Иначе должно обсуждаться то-же запрещеніе, если квалифицировать закладничество институтомъ публичнаго права. Въ этомъ случаѣ запрещали иностранцамъ держать закладнями русскихъ людей, такъ какъ не признавали возможнымъ надѣлять иностранцевъ политическими правами. Но тогда послѣдовательно должны были бы запрещать такія отношенія и между иностранцами, такъ какъ иначе въ Московскомъ государствѣ создавались бы тѣ самыя формы быта иностранцевъ, какія были въ древней Руси у иностранныхъ купеческихъ факторій и которыя можно было назвать ихъ самоуправленіемъ.

Но если въ древнее время въ той или другой формѣ, о которой мы будемъ говорить ниже, допускали самоуправленіе иностранцевъ, то въ Московскомъ государствѣ этого права за иностранцами не признавалось.

Древній оплотъ и центръ самоуправленія иностранцевъ на Руси ганзейская контора въ Новгородѣ, была разгромлена великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1494 г.[1]). „Такъ называемое возстановленіе конторы могло состояться лишь въ 1514 г. [2]). Сдѣлана была попытка вызвать опять къ жизни нѣчто давно отжившее. Но для возстановленія торговли въ прежнемъ видѣ недоставало и общихъ и особыхъ для того времени условій. Населеніе стараго покроя ушло на востокъ, капиталъ исчезъ, усиливающаяся безправность допускала только слабый приливъ нѣмцевъ. На ганзейскихъ съѣздахъ уже обсуждается вопросъ, не слѣдуетъ ли совсѣмъ отказаться отъ торговаго двора; хотя и жалѣютъ о гибели „хорошей конторы,“ на процвѣтаніи которой основаны и успѣхи западныхъ факторій, и которая для под-

---

[1]) Воскресенская лѣтоп., т. VIII, стр. 228 и слѣд. Гильдебрандтъ. Отчетъ, стр. 62—65. №№ 379, 380, 384, 386, 389, 391, 406, 409, 411, 412, 418, 421, 426. М. Бережковъ. О торговлѣ Руси съ Ганзой, стр. 262 и слѣд. Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія, т. II, вып. I, стр. 171. А. И. Никитскій. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода, стр. 286—288.

[2]) См. договоръ съ Ганзой 1514 г. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. V, № 65.

готовки молодыхъ купцовъ была „какъ школа, гдѣ дѣти учатся грамматикѣ“, но всетаки не хотѣли приносить большія жертвы на такой сомнительный предметъ. Одно только опасеніе, что тутъ могутъ утвердиться другія націи, долго задерживало совершенное запустѣніе торговаго двора. Письмо нѣмецкихъ купцовъ 14 марта 1521 г. выказываетъ уже всю безнадежность положенія: „церковь плохо крыта и во многихъ мѣстахъ протекаетъ; стѣны и своды расходятся и все стоитъ на подпоркахъ; касса св. Петра пуста. При этомъ они подвергаются такимъ насиліямъ, что жалость писать объ этомъ. Русскіе ежедневно докучаютъ торговому двору своими посѣщеніями, истязаютъ прикащика и такъ колотятъ собакъ, что онѣ падаютъ на землю, какъ мертвыя. Если все это не измѣнится, то поселеніе не можетъ долѣе существовать.“ Конечно, тутъ и нельзя было много помочь дѣлу. Сильный пожаръ, въ связи съ грабежемъ русскихъ, довершаетъ гибель; въ октябрѣ 1544 г. получается извѣстіе, что всѣ обитатели вмѣстѣ съ четвероногими стражами покинули дворъ“ [1]). При такихъ внѣшнихъ условіяхъ, хотя нарисованныхъ и односторонне, говорить о правахъ на самоуправленіе не имѣетъ большого значенія. Въ дальнѣйшемъ, при Ѳеодорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Годуновѣ ганзейцы получали жалованныя грамоты на торговлю въ Россіи, но въ нихъ ничего не говорилось самоуправленіи. Тѣмъ болѣе этого не было при Романовыхъ.

Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи были права англійской компаніи, предоставленныя царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Англійская компанія своими правилами о внутреннемъ распорядкѣ напоминала время процвѣтанія Ганзы на Руси. Особый наказъ, который былъ данъ изъ Англіи въ руководство компаніи, предписывалъ полное повиновеніе агентамъ, а эти послѣдніе, въ свою очередь, имѣли право наказывать неповинующихся и даже передавать ихъ въ руки русскихъ властей съ просьбою о вразумленіи. Согласно пожалованію государя, взаимные споры и тяжбы членовъ компаніи между собою разрѣшались агентомъ и русскія вла-

---

[1]) Гильдебрандъ. Отчетъ о розысканіяхъ, стр. 91.

сти тогда вступались, когда самъ агентъ просилъ виновныхъ посадить въ тюрьму или дать ему орудія наказанія [1]).

Этотъ запоздалый опытъ середины XVI вѣка предоставленія внутренняго суда и управленія самимъ компаніямъ иностранныхъ купцовъ, на подобіе древнихъ ганзейскихъ, былъ единственнымъ и не могъ остановить все расширявшейся дѣятельности территоріальной государственной власти. Тѣмъ болѣе, что пониманіе положенія ея, въ смыслѣ сосредоточенія въ ея рукахъ монополіи принужденія, наблюдалось гораздо раньше. Напр., изъ отчета посольства города Любека отъ имени 73 ганзейскихъ городовъ къ великому князю Василію Ивановичу въ 1510—1511 г. видно, какъ русскіе бояре отвѣчали на требованія пословъ. „Послы люди заносчивые, говорили бояре, и хотятъ нудить ихъ государя—что либо запрещать или дозволять въ своемъ государствѣ"; а затѣмъ относительно отправленія правосудія на требованія пословъ объ ограниченіи компетенціи русскихъ судовъ въ пользу ганзейскихъ заявляли: „у нашего великаго князя свое собственное право, право же и судъ 73 городовъ зависитъ отъ милости папъ, императоровъ и князей" [2]).

Это сосредоточеніе въ рукахъ государственной власти Московскаго времени монополіи принужденія отмѣчали и наблюдательные иностранцы. Такъ, французъ Маржеретъ разсказываетъ въ своемъ сочиненіи о Россіи, что русскіе, въ случаѣ оскорбленій не прибѣгаютъ къ поединкамъ, а вѣдаются оскорбитель и оскорбленный между собою судомъ. „Въ случаѣ же поединка между иностранцами (что видѣлъ я въ 6 лѣтъ однажды) кто ранитъ другого—вызвавшаго, или вызваннаго, все равно—тотъ наказывается, какъ пре-

---

1) Н. М. Карамзинъ. Исторія госуд. Россійскаго, т. VIII, стр. 144. Ю. Толстой. Россія и Англія, стр. 7 и 9. Е. Замысловскій. Очеркъ сношеній Россіи съ Англіей. Древняя и Новая Россія. 1876 г., т. II, стр. 160. Д. В. Цвѣтаевъ. Протестантство и протестанты въ Россіи, стр. 25.

2) Чтенія. 1898 г., кн. I. Смѣсь. 3. О торговлѣ ганзейскихъ городовъ съ Новгородомъ и Москвою и Швеціи съ Россіей. Сообщ. А. Чумиковъ, стр. 9, 11.

ступникъ уголовный, и ничѣмъ оправдать себѣ не можетъ; еще болѣе: не взирая на жесточайшую брань, запрещено бить поносителя даже рукою, подъ опасеніемъ вышеупомянутаго взысканія (онъ ранѣе говорилъ про наказаніе за обиды кнутомъ и ссылкой); если же сіе случится, причемъ другой и самъ ударитъ, а потомъ дѣло дойдетъ до жалобы: тогда обоихъ наказываютъ тѣлесно, или денежною пенею въ казну, для того, чтобы оскорбленный, говорятъ россіяне, самовольною расправою не присвоивалъ себѣ власти правосудія, которое одно имѣетъ право разбирать и преслѣдовать преступленія“ [1]).

Павелъ Алеппскій, описывая путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію, говоритъ, что прежде духовныхъ лицъ, совершившихъ какой нибудь проступокъ и даже преступленіе, высылали изъ Россіи. Но въ виду того, что эти лица опять появлялись въ Москвѣ, по отношенію къ нимъ, да и вообще ко всѣмъ пріѣзжимъ иностранцамъ, приняли другую тактику. Въ Москвѣ подчиняли всѣхъ иностранцевъ, не исключая и духовныхъ лицъ, мѣстнымъ законамъ и суду. Этотъ порядокъ въ XVII вѣкѣ сдѣлался уже общимъ правиломъ [2]).

Въ Московскомъ государствѣ, за исключеніемъ эксперимента съ англійской компаніей, стремились къ полному и исключительному подчиненію иностранцевъ русской власти. Той же англійской компаніи, но при Θеодорѣ Ивановичѣ въ 1586 году въ жалованной грамотѣ прописывали „а кому будетъ до нихъ какова дѣла вторгу или вобидахъ ино ихъ судятъ наши казначей да посольской діакъ и управу межъ ихъ всякую дѣлаютъ сыскивая вправду, а чево сыскъ не имѣетъ, а въ томъ присуживаютъ имъ вѣру съ жеребья, чей ся жеребій выметъ, тому и вѣра учинити, а гдѣ будетъ имъ и ихъ людемъ во всѣхъ нашихъ государствахъ, въ которомъ городѣ нибуди, въ торговыхъ и

---

[1]) Капитанъ Маржеретъ. Состояніе Россійской Державы и Великаго Княжества Московскаго. Перев. съ франц. 1830 г., стр. 82 и слѣд.

[2]) Павелъ Алеппскій. Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россіи въ половинѣ XVII в. Перев. съ арабскаго Г. Муркоса. Чтенія. 1897 г., кн. IV, 1898 г., кн. IV.

обидныхъ дѣлехъ лучитца чево искати, или будетъ кому на нихъ искати какова дѣла въ торгу, или въ обидѣ, и во всѣхъ городѣхъ наши намѣстники и воеводы, и приказные люди ихъ судятъ и управу межъ нихъ всякую чинятъ, сыскивая въ правду, а чего сыскъ не иметъ, и въ томъ присуживаютъ имъ вѣру съ жеребья, чей ся жеребей выметъ, тому и вѣра учинить по тому жъ" [1]).

При полномъ игнорированіи этой грамотой самоуправленія англичанъ, создается впечатлѣніе, что только одинъ русскій судъ дѣйствуетъ въ Московскомъ государствѣ и только онъ одинъ и признается офиціально для англичанъ— членовъ компаніи и ихъ людей.

Напрасно мы стали бы искать о самостоятельномъ судѣ и управленіи англичанъ въ послѣдующихъ жалованныхъ грамотахъ той же компаніи. Ничего не упоминая о внутреннемъ судѣ и управленіи англичанъ, послѣдующія грамоты зато еще подробнѣе, чѣмъ грамота 1586 года, говорятъ о подсудности англичанъ, какъ членовъ компаніи, такъ ихъ приказчиковъ и всѣхъ слугъ только русскимъ учрежденіямъ [2]).

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXVIII, стр. 178.

[2]) Такъ, напр., грамота 1614 г. говорила: „а кому будет до них каково дѣло в торгу или в обиде і по городомъ боярамъ нашим і воеводам і діаком і всяким приказным людемъ аглинскихъ гостей самих и их приказщиков и людей ихъ ни в чем ни с кѣм ни в каких дѣлех не судити і приставов по них и по приказщиков их и по людей ни в каких дѣлех не посылати оприч душегубства и тадбы и розбоя с поличнымъ, а судят их аглинских гостей и их приказщиков и людей с нашими с русским людми в нашем в Московском государстве по нашему царскому указу наши посолские діаки в Посолском приказе, кому мы великиі государь прикажем, и управу меж ими всякую дѣлают, сыскивая в правду; а чего сыскъ не имет, и имъ в том присуживати вѣра з жеребья, чеи жеребей выиметца, тому и вѣра учинити. А будет аглинские гости учнут в котором городе в наших государствах на наших людей в торговых дѣлех в долгѣх бити челомъ и по городом бояром нашим і воеводамъ и дьяком і всяким нашим приказным людям аглинским гостем по городом на наших на русских людех в долгѣх суд давати і в тѣх в должных дѣлехросправа меж ими чинити; а будетъ аглинским гостем в которых наших городѣх до наших русских людей будет в обидныхъ или выных въ которых в спорных дѣлѣх оприч долгов, спор, и по городом бояром нашимъ і воеводам і всяким приказным

Если есть грамоты, которыя говорятъ о самоуправленіи англичанъ, то въ томъ самомъ духѣ, который мы должны были ожидать отъ Московскаго государства XVII вѣка. Жалованная грамота англійской компаніи 1628 года, предоставляя компаніи цѣлый рядъ льготъ и повторяя относительно суда постановленія грамоты 1614 года, въ тоже время считаетъ нужнымъ особенно оговорить подчиненіе англичанъ русскому праву и недопустимость внутренняго суда компаніи. „А судити аглинских гостей, говоритъ грамота, по прежнему нашему указу, в посолскомъ приказе дьякомъ нашимъ, а будетъ имъ до кого дѣло до нашихъ людей или нашимъ людемъ до нихъ или межъ собя в каких дѣлех в торговле и взаймѣх нам о том бити челом о судѣ и о розправе в посолскомъ же приказе, а самим собою не судитеся.“ [1])

Устанавливая подчиненіе всѣхъ иностранцевъ только русскимъ судамъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по исключенію, смѣшаннымъ международнымъ трибуналамъ [2]), въ Москвѣ проводили въ то же время равенство иностранцевъ съ туземными подданными.

Н. И. Костомаровъ по этому предмету высказалъ другое мнѣніе, а именно, что „всѣ иностранцы пользовались особымъ отъ русскихъ судопроизводствомъ, ибо ихъ не

людем по челобитью аглинскихъ гостеі нашихъ руских людей в тѣх в спорных дѣлех оприч долговъ, велѣти их давати на поруки и чинити имъ срок ставитца на Москвѣ к отвѣту в Посолском приказе передъ посольскими діаки с аглинскими гостми с очеі на очи, и в том их посолские діаки или кому мы великиі государь прикажемъ, судят и управу меж ими всякую чинят, сыскивая в правду, а чего сыск не имет, і в том имъ присуживают вѣру з жеребья, чей ся жеребей выймет, тому і вѣра учинити по томуж.“ А. С. Мулюкинъ. Пріѣздъ иностранцевъ. Приложеніе, № 6.

[1]) Приложеніе, № 1.

[2]) См. напр. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LIX, стр. 208, 219 и слѣд.; т. CXXIX, стр. 431. Рус. Лив. Акт. № CCCLXIX, стр. 335 и слѣд. № CCCLXXVII, стр. 363. Собр. Гос. Гр. и Дог., т. V, № 65, № 106, № 119. Россія и Швеція. Чтенія. 1897 г., кн. III, стр. 122 и слѣд. Лешковъ. О древней русской дипломатіи. 1847, стр. 75. А. И. Никитскій. Исторія экономическаго быта, стр. 282.

предавали пыткамъ; но въ половинѣ XVII вѣка, въ 1661 г., персіяне, тезики (азіатскіе турки) и греки (объ иноземцахъ другихъ націй неизвѣстно) подвергались торговой казни за продажу табаку.“ [1]).

Выходитъ, что о пыткахъ иностранцевъ ранѣе второй половины XVII вѣка не можетъ быть и рѣчи.

На самомъ дѣлѣ, въ 1584 г. нѣкій англійскій подданный Горнби, служившій у англійской компаніи и, по приказанію одного изъ ревизоровъ ея, отправленный въ Англію съ донесеніями, былъ заподозрѣнъ, по навѣту одного изъ членовъ компаніи извѣстнаго Горсея, въ шпіонствѣ противъ Россіи и подвергнутъ пыткѣ. Не получивъ отъ Горнби никакого признанія, его отпустили. [2]).

Въ 1627 г. одинъ новокрещенъ, бывшій нѣмчинъ Датской земли, Семенъ Петровъ, на обвиненіе его въ томъ, что онъ четыре раза пытанъ въ Иноземскомъ Приказѣ за воровство, возражалъ, что онъ подвергался пыткѣ одинъ разъ въ Посольскомъ Приказѣ, еще до крещенія, въ 1620 году, и совершенно понапрасну [3]).

Наказъ астраханскимъ воеводамъ отъ 1628 года приказываетъ „ко всякимъ иноземцомъ... держати ласку и привѣтъ... торговыхъ тезиковъ шаховы области ничѣмъ не задерживати, отпущати ихъ изъ Астрахани въ шахову область безъ задержанья, чтобъ за такими съ шахомъ ссоры не было, но... кто въ чемъ дойдетъ до пытки, тѣхъ велѣти и пытати.“ [4])

Уложеніе 1649 г. въ главѣ XXV, ст. ст. 11, 13, 14, 15, говоря о пыткѣ тѣхъ людей, которые окажутся въ приводѣ съ табакомъ, перечисляетъ иностранцевъ наравнѣ съ другими заподозрѣнными и не надѣляетъ ихъ никакими привилегіями въ такихъ случаяхъ.

Уложеніе же торжественно выставляетъ общій прин-

---

[1]) Очеркъ торговли, стр. 267.

[2]) Ю. Толстой. Сказанія англичанина Горсея. Отечественныя Записки. 1859 г., сентябрь, стр. 142 и слѣд. С. Н. Середонинъ. Англійскія извѣстія о Россіи во второй половинѣ XVI вѣка, стр. 148.

[3]) Д. В. Цвѣтаевъ. Протестантство, стр. 385 и слѣд.

[4]) Акт. Ист., т. III, № 154.

ципъ равенства суда, одинаково прилагаемый какъ къ русскимъ подданнымъ, такъ и къ иностранцамъ. Въ главѣ X, ст. 1 провозглашается; „судъ государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи, судити бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ и дьякомъ, и всякимъ приказнымъ людемъ, и судьямъ, и всякая росправа дѣлати всѣмъ людемъ московскаго государства, отъ большаго и до меньшаго чину вправду. Также и пріѣзжихъ иноземцовъ, и всякихъ прибылыхъ людей, которые въ московскомъ государствѣ будутъ, тѣмъ же судомъ судити и росправа дѣлати по государеву указу вправду, а своимъ вымысломъ въ судныхъ дѣлѣхъ по дружбѣ и по недружбѣ ничего не прибавляти, ни убавляти, и ни въ чемъ другу не дружити, а недругу не мстити, и никому ни въ чемъ ни для чего не наровити, дѣлати всякія государевы дѣла, не стыдяся лица сильныхъ, и избавляти обидящаго отъ руки неправеднаго".

Такимъ образомъ, если въ Московскомъ государствѣ должна была исчезнуть всякая тѣнь самостоятельныхъ суда и управленія, имѣвшихъ мѣсто въ древнихъ купеческихъ факторіяхъ, и только одинъ русскій судъ и русское право могли регулировать всѣ отношенія иностранцевъ какъ съ русскими людьми, такъ и между собою, то трудно думать, чтобы Московское правительство, понимая подъ закладничествомъ публично-правовый институтъ и запрещая иностранцамъ держать русскихъ закладниками, допускало держать закладниками иностранцевъ. Если закладничество было публично-правовымъ институтомъ, то наравнѣ съ русскими закладниками должны были быть запрещены и иностранные. Иначе выходило, что Московское правительство въ однихъ своихъ актахъ допускало тотъ порядокъ, который во всѣхъ другихъ не признавало.

Въ жалованной грамотѣ англійской компаніи 1628 г. не упоминается о національности закладней, а говорится вообще: „и закладчиковъ за собою не держати". Изъ этого обстоятельства едва ли можно выводить, что здѣсь правительство подразумѣвало тѣ отношенія въ дѣлахъ англійской компаніи, которыя оно прямо запрещало въ той же грамотѣ, когда говорило о недопустимости внутренняго суда компаніи, и косвенно уничтожало установленіемъ безу-

словной подсудности и подчиненія какъ самихъ англійскихъ купцовъ, членовъ компаніи, такъ и ихъ приказчиковъ и вообще всѣхъ служащихъ у нихъ людей, русскимъ воеводамъ и другимъ всякимъ приказнымъ людямъ, а также Посольскому Приказу какъ въ дѣлахъ съ русскими людьми, такъ и между собою [1]).

Въ грамотѣ 1628 г., въ сравненіи съ предыдущими грамотами, данными той же компаніи, мы находимъ по отношенію къ закладнямъ нѣкоторую подробность. Когда грамота 1628 года говоритъ о закладникахъ, то она не только запрещаетъ англичанамъ держать закладней, но и запрещаетъ англичанамъ выдавать, за свои товары, товары закладней. Грамота говоритъ: „и закладчиковъ за собою не держати и товаровъ ихъ своими не называти".

Это постановленіе наводитъ на мысль, что закладничество носило характеръ денежной сдѣлки. Когда маломочные торговые люди закладывались англичанамъ, то англичане находили возможнымъ способствовать торговымъ оборотамъ закладней, и это было для англичанъ тѣмъ легче, что они пользовались льготами по уплатѣ пошлинъ. Закладники платили англичанамъ то тягло, которое слѣдовало съ нихъ въ государеву казну. Англичане, кромѣ полученія суммы тягла, могли, напр., выгоднымъ образомъ эксплуатировать закладниковъ тѣмъ, что посылали ихъ для закупокъ товаровъ изъ первыхъ рукъ. За такую выгоду, получаемую съ закладней, англичане могли выдавать товары закладней за свои и выдѣлять закладнямъ слѣдуемую часть прибыли.

Отношенія по закладничеству могли сильно походить на тѣ виды закабаленія русскихъ маломочныхъ торговыхъ людей богатыми и предпріимчивыми иностранцами, о которыхъ мы подробно говорили выше и которыя безусловно запрещались въ Московскомъ государствѣ. Въ жалобахъ русскаго купечества на англичанъ, напр. въ жалобѣ 1646 г., такъ и говорилось, что англичане пользуются въ своихъ торговыхъ оборотахъ услугами маломочныхъ русскихъ лю-

---

[1]) Приложеніе, № 1.

дей, предварительно закабаливъ ихъ. Поэтому закладничество, если понимать его въ частно-правномъ освѣщеніи, было запрещено иностранцамъ по тѣмъ же самымъ основаніямъ, какъ и русскимъ подданнымъ, а кромѣ того, по основаніямъ, спеціально относящимся къ иностранцамъ и вытекающимъ изъ эксплуатаціи иностранцами мелкихъ купцовъ, невыгодной для крупныхъ торговцевъ и вообще запрещаемой правительствомъ.

Затрудняясь въ истолкованіи приведенныхъ выше текстовъ въ томъ случаѣ, если считать закладничество институтомъ публичнаго права, мы совершенно естественно объясняемъ ихъ при квалификаціи закладничества частнымъ установленіемъ.

Въ заключеніе остановимся на мнѣніи Н. П. Павлова-Сильванскаго. Онъ принадлежитъ къ авторамъ, признающимъ за закладничествомъ публично-правовый характеръ. Ему принадлежитъ честь наиболѣе полнаго обоснованія этого взгляда. Онъ говоритъ что „въ удѣльный періодъ закладничество состояло въ подчиненіи лица господину, вмѣстѣ съ принадлежащей закладню землей. Человѣкъ достигалъ покровительства господина, отдавая ему во власть свою земельную собственность. Эта форма закладничества въ XVII в. не имѣла того распространенія, какъ въ древнѣйшее время... Наиболѣе распространеннымъ въ XVII вѣкѣ было закладничество личное. Непремѣннымъ условіемъ его было поселеніе на землѣ патрона. Заступу давала закладчику привиллегированная вотчина бѣломѣстца“ [1]).

Этимъ положеніямъ историкъ придавалъ большее значеніе. Высказавъ ихъ на стр. 14 своей статьи о закладничествѣ-патронатѣ, онъ вновь повторяетъ ихъ въ самомъ концѣ статьи, какъ бы желая преимущественнаго утвержденія именно ихъ въ памяти читателя. Онъ говоритъ, что съ середины XVI вѣка акты свидѣтельствуютъ о патронатѣ исключительно личномъ. Этотъ видъ закладничества-патроната не былъ связанъ съ коммендаціей земельной собствен-

---

1) Н. Павловъ-Сильванскій. Назв. соч., стр. 14

ности задавшагося человѣка, но былъ обусловленъ поселеніемъ кліента-закладчика на землѣ патрона [1]).

Эта частность публично-правовой теоріи закладничества лишній разъ доказываетъ неприложимость ея къ отношеніямъ иностранцевъ. Совершенно напрасно говорить о поселеніи закладчиковъ на землѣ иностранцевъ. Тѣ иностранцы, о которыхъ документы мы привели выше, были торговые люди. Никакой недвижимой собственности въ уѣздѣ они не могли имѣть и не имѣли въ Московскомъ государствѣ. Какъ купцы они интересовались недвижимостью въ городѣ, но постолько, посколько это было необходимо для храненія ихъ товаровъ и опредѣленнаго мѣста жительства при ихъ многочисленныхъ и періодическихъ путешествіяхъ изъ Россіи заграницу и обратно. Они имѣли дворы въ городахъ. На этихъ дворахъ могли держать сторожей и необходимую прислугу. Но, какъ мы выше видѣли, число такихъ лицъ было до крайности ограничено: иностранцевъ-фактически, а русскихъ-юридически. Для закладниковъ на такихъ дворахъ не оставалось мѣста.

---

1) ib., стр. 52.

Уѣздныя земли иностранцевъ.

I.

ПОМѢСТНОЕ ПРАВО.

До сихъ поръ мы разбирали сферу личныхъ отношеній иностранцевъ какъ къ иностранцамъ же, такъ и къ русскимъ людямъ. Особенно насъ интересовали послѣднія отношенія. Картина ихъ будетъ далеко не полной, если мы ничего не скажемъ о правѣ иностранцевъ на владѣніе крестьянами.

Вопросъ о владѣніи иностранцевъ крестьянами сведется, собственно говоря, къ вопросу о помѣстномъ правѣ иностранцевъ и отъ этого послѣдняго естественно перейдетъ въ общій вопросъ о владѣніи недвижимостью.

Итакъ, займемся правомъ иностранцевъ владѣть крестьянами или помѣстнымъ правомъ иностранцевъ.

Вопросъ о правѣ иностранцевъ владѣть въ уѣздѣ землями и крестьянами долженъ былъ имѣть очень небольшое приложеніе по отношенію къ иностраннымъ купцамъ. Какое, собственно, отношеніе къ крестьянамъ и къ помѣстному праву могли имѣть иностранные купцы? Съ перваго взгляда, казалось бы, что они не должны имѣть никакого отношенія. Но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Припомнимъ, что иностранные купцы не только торговали, но и владѣли фабриками и заводами. Эти учрежденія, по преимуществу, были въ уѣздахъ. Владѣя заводами, иностранные купцы

должны были владѣть уѣздною землею. Отъ отношеній иностранныхъ купцовъ къ уѣздной землѣ было не такъ далеко и до отношеній ихъ къ крестьянамъ. Недаромъ въ грамотѣ 1644 г., данной двумъ иноземцамъ Марселису и Акемѣ на устройство по рѣкамъ Шекснѣ, Костромѣ, и Вагѣ желѣзныхъ заводовъ, значилось, что заводчики не могутъ строить деревень и заводить крестьянъ [1]).

Можетъ быть, при этихъ заводахъ нельзя было заводить, а при другихъ—можно?

Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ надобно остановиться на правѣ владѣть помѣстьями и вотчинами иностранцевъ служилыхъ.

Когда мы разбирали вопросъ о правѣ иностранцевъ на наемъ торговыхъ агентовъ, то касались только однихъ купцовъ, такъ какъ только торгующіе и могли интересоваться этимъ дѣломъ. Когда мы разбирали право иностранцевъ на наемъ прислуги, то это право, осуществляемое купцами, не носило въ себѣ никакихъ специфическихъ особенностей только оттого, что имъ пользовались купцы. Это было право всѣхъ обывателей. Когда мы говорили о холопствѣ у иностранцевъ, то отмѣчали принципіальное отрицаніе его въ тѣхъ случаяхъ, когда на мѣстѣ холоповъ оказывались русскіе люди. Не только купцы не могли владѣть такими холопами, но и всякіе другіе иностранцы. Но когда теперь мы переходимъ къ вопросу о владѣніи крестьянами, о помѣстьяхъ и вотчинахъ, то здѣсь прежде всего является мысль о томъ, что право на такое владѣніе специфическая особенность служилыхъ людей. Помѣстье давалось за службу государеву, для службы. Все помѣстное право службой обусловливалось. Съ вотчинъ служили такую же службу, какъ и съ помѣстій.

Поэтому, прежде чѣмъ говорить о владѣніи крестьянами иностранныхъ купцовъ, вполнѣ естественно задать себѣ вопросъ, возможно ли было помѣстное право вообще для иностранцевъ, а такъ какъ оно обусловливалось службой, то, слѣдовательно, для иностранцевъ служилыхъ.

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 118.

Вѣдь оттого, что иностранцы были служилыми людьми, они не становились какими нибудь другими въ смыслѣ своего религіозно-нравственнаго облика. По отношенію къ нимъ также возникалъ тотъ вопросъ о воздѣйствіи иностранцевъ на русскихъ, въ данномъ случаѣ на крестьянъ, который совершенно опредѣленно разрѣшался въ Московскомъ государствѣ въ сферѣ уже разсмотрѣнныхъ нами личныхъ отношеній.

Поэтому, прежде чѣмъ говорить спеціально о купцахъ, попробуемъ выяснить этотъ общій вопросъ о возможности для иностранцевъ пользоваться помѣстнымъ правомъ.

Крестьяне не стояли въ такихъ отношеніяхъ къ владѣльцу, какъ холопы или домашняя прислуга, служившая изъ найму. Отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ и наоборотъ были по землѣ и черезъ землю. Опасаться личныхъ вліяній земельныхъ владѣльцевъ иностранцевъ на русскихъ крестьянъ не было такихъ основаній, какъ при первыхъ отношеніяхъ.

Кромѣ того, правительство, можетъ быть, при всемъ своемъ желаніи не надѣлять иностранцевъ помѣстными землями, не было въ состояніи этого сдѣлать. Сильно нуждаясь въ службѣ иностранцевъ, особенно въ войскѣ, постоянно приглашая иностранцевъ пріѣзжать на службу въ Россію, въ большомъ количествѣ принимая иностранцевъ, выѣзжавшихъ къ намъ на службу изъ за-границы по собственной иниціативѣ [1]), Московское правительство въ тоже самое время не могло надѣлить ихъ всѣхъ денежнымъ жалованьемъ. Правительство, стѣсненное въ денежныхъ средствахъ, поневолѣ вынуждалось надѣлять иностранцевъ въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ изъ земельнаго фонда. Поэтому создавалось помѣстное и вотчинное право иностранцевъ, и мы, какъ въ XVI, такъ и въ XVII вѣкахъ, наблюдаемъ иностранцевъ, владѣвшихъ населенными землями.

Такъ, уже при Ѳеодорѣ Ивановичѣ награжденіе помѣстьями иностранцевъ, служившихъ государю, не было нововведеніемъ. Въ 1589 г. служившій въ Посольскомъ Приказѣ

---

[1]) См. А. С. Мулюкинъ. Пріѣздъ иностранцевъ, стр. 110—137.

толмачемъ англичанинъ Иванъ Фоминъ просилъ о награжденіи его помѣстнымъ жалованьемъ въ соотвѣтственныхъ размѣрахъ съ другими изъ его братіи, уже награжденными. „Поверстати, просилъ Фоминъ государя, кому яз холоп твои передъ своею братию вверсту". Государь пожаловалъ, велѣлъ дать ему помѣстье въ 200 четьи. [1]) Въ 1600 году къ Борису Годунову прибыли изъ Германіи 5 врачей; каждаго изъ нихъ онъ наградилъ по помѣстью отъ 30 до 40 крестьянъ [2]). При Борисѣ же въ 1601 году были учинены помѣстные оклады выѣхавшимъ къ нему служить иностраннымъ военнымъ людямъ, между прочимъ, капитану Якову Маржерету—700 четьи, Давиду Гильберту и Роберту Думбару по 400 четьи и т. д. [3]) Капитанъ Маржеретъ, описывая составъ царскаго войска и перечисляя среди другихъ его отрядовъ нѣмцевъ, поляковъ и грековъ, говоритъ, что эти воины получаютъ оклады отъ 12 до 60 рублей, а нѣкоторые ихъ капитаны и до 120 р., кромѣ земли отъ 600 до 1000 четвертей [4]).

При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1614 году верстаютъ помѣстными окладами 5 человѣкъ шотландцевъ [5]). Въ 1615 году даютъ помѣстные оклады 14 англичанамъ, пріѣхавшимъ на русскую службу во главѣ съ княземъ Артеміемъ Астономъ. Вслѣдъ за этими лицами явились ихъ родственники; ихъ также наградили помѣстьями [6]). Въ томъ же году учинены помѣстные оклады выѣхавшимъ отъ свейскихъ пословъ служилымъ коннымъ нѣмцамъ и солдатамъ [7]). Въ 1616 г. дали 600 четьи. выѣхавшему изъ Литвы на госуда-

---

[1]) Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ. 7097—1589, св. 2, № 8.

[2]) Ф. Аделунгъ. Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи до 1700 г. и ихъ сочиненій. Пер. Клеванова. 1864 г., ч. II, стр. 33. Устряловъ. Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ. Часть I. Берова лѣтопись Московская, стр. 16.

[3]) А. С. Мулюкинъ. Пріѣздъ иностранцевъ. Приложеніе, № 4. Козубскій. Замѣтки объ иностранныхъ писателяхъ о Россіи въ XVII в. Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., 1878 г., май, стр. 4.

[4]) Капитанъ Маржеретъ. Состояніе Россійской Державы, стр. 58.

[5]) А. С. Мулюкинъ. Пріѣздъ иностранцевъ. Приложеніе, № 4.

[6]) Рус. Ист. Библ., т. VIII, № 10, X и XI.

[7]) Рус. Ист. Биб., т. VIII, № 10, XIII.

рево имя шляхтичу Михаилу Желиборскому.[1]) Въ 1617 г. учиненъ помѣстный окладъ въ 350 четьи поляку Чаплинскаго полка Климашевскому[2]). По примѣру помѣстныхъ окладовъ, назначенныхъ въ 1615 г. шведскимъ копнымъ нѣмцамъ, дано въ 1618 г. помѣстье шведу Анцу Юхому[3]). Въ 1619 г. учинили помѣстные оклады 7 человѣкамъ изъ цесарскія земли[4]). Въ 1624 г. награждали помѣстьями 14 человѣкъ вновь прибывшихъ грековъ, сербовъ и валаховъ[5]). Въ томъ же году велѣно наградить вотчинами двухъ спитарщиковъ, вышедшихъ изъ польскихъ войскъ въ Смутное время[6]). Въ 1625 г. выѣхали изъ Литвы литвинъ Котовскій и полякъ Бугайскій, которымъ назначили помѣстья въ 550 и въ 450 четей[7]).

Мы не будемъ продолжать этого перечня. Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что иностранцевъ, стремившихся на службу въ Россію, наше правительство безъ стѣсненія надѣляло помѣстьями, не различая среди пріѣзжавшихъ большихъ людей или малыхъ. Мы видѣли, что надѣляли помѣстьемъ князя Астона, а также шведскихъ солдатъ. Повидимому, надѣленіе помѣстьями иностранцевъ не носило ничего особеннаго, не требовало никакихъ особенныхъ хлопотъ со стороны иностранцевъ и совершалось въ общемъ порядкѣ назначенія жалованья служащимъ.

Извѣстно, что послѣ Лжедмитрія, при реакціи ко всему иностранному, избѣгали приглашать и принимать на русскую службу иностранцевъ, и въ русскомъ войскѣ почти не служило иностранцевъ. Поэтому съ большей или меньшей достовѣрностью можно считать, что, съ воцареніемъ Михаила Өеодоровича, начинается у насъ пріемъ иностранцевъ, какъ бы вновь. Доказательствомъ того, какъ много ихъ принимали и какъ многихъ изъ нихъ награждали помѣ-

---

[1]) Акт. Московскаго Государства, т I, № 467.
[2]) ib.
[3]) Рус. Ист. Библ., т. VIII, № 10, XIII.
[4]) ib., № 10, XV.
[5]) ib., № 10, XXII.
[6]) Акт. Московскагэ государства, т. I, № 178.
[7]) ib., т. I, № 467.

стнымъ жалованьемъ, служатъ дошедшія до насъ свѣдѣнія о количествѣ иностранцевъ, бывавшихъ въ Москвѣ при пріемахъ иностранныхъ пословъ на парадномъ смотру, въ строю въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка.

Приведенный нами выше перечень назначенія помѣстныхъ окладовъ пріѣзжимъ иностранцамъ оканчивается 1625 годомъ. И вотъ мы видимъ, что въ слѣдующемъ затѣмъ году, т. е. 1626 году, на одномъ изъ пріемовъ иностранныхъ пословъ въ Москвѣ „на выѣздѣ" было „иноземцевъ помѣстныхъ 82 человѣка" [1]). Эта цифра, по нашему мнѣнію, очень велика потому, что она показываетъ число или одпихъ Московскихъ помѣстныхъ иноземцовъ, т. е. жившихъ въ подмосковныхъ имѣніяхъ, или помѣстныхъ иностранцевъ, случайно бывшихъ въ Москвѣ. Въ 1627 году „на выѣздѣ" по случаю пріѣзда турецкихъ пословъ среди другихъ чиновъ было иностранцевъ 252 человѣка [2]). Въ 1629 году „на выѣздѣ" для французскаго посла было 255 иностранцевъ [3]). Изъ этихъ послѣднихъ двухъ цифръ не видно, сколько въ общемъ числѣ иностранцевъ было иностранцевъ помѣстныхъ и сколько кормовыхъ, т. е. содержавшихся на одномъ денежномъ жалованьѣ. Но во всякомъ случаѣ сама общая цифра достаточно внушительна, чтобы говорить скорѣе за дальнѣйшія награжденія иностранцевъ помѣстьями, чѣмъ за прекращеніе такихъ награжденій. Подтвержденіе того, что помѣстьями продолжали награждать иностранцевъ, мы увидимъ не разъ дальше.

Помѣстьями надѣляли не только однихъ военныхъ людей, а вообще служившихъ государю. Мы видѣли среди такихъ помѣщиковъ англичанина Фомина, толмача Посольскаго Приказа при Ѳеодорѣ Ивановичѣ, 5 докторовъ Бориса Годунова. Михаилъ Ѳеодоровичъ въ 1631 году пожаловалъ помѣстьемъ своего врача Артемія Дія [4]). Въ 1633 году мы видимъ лекарей Аптекарскаго Приказа Кашпира Да-

---

1) Дворцовые разряды., т. I, стр. 864.
2) Дворцовые разряды., т. I, стр. 959 и слѣд.
3) Дворцовые разряды., т. II, стр. 95 и слѣд.
4) Рус. Ист. Биб., т. VIII, № 10, XXXVI, 2.

выдова и Вилима Крамера, имѣвшихъ помѣстные оклады [1]).

Помѣстьями пользовались не только лица, непосредственно состоявшія на службѣ государя, но также и ихъ семейства. Иначе сказать, если къ иностранцамъ примѣнялось помѣстное право, то въ отношеніи обезпеченія семействъ служившихъ оно не представляло исключенія для иностранцевъ.

Уже въ 1627 году мы слышимъ утвержденія о существованіи прожиточныхъ помѣстій иностранцевъ.

Такъ, въ 1627 г. „бѣдная горкая вдова нѣмка Катеринка Павловская женишко Храбова“ просила государя о назначеніи ей съ оставшимися дѣтьми, по смерти мужа ея, переводчика Павла Гроба, вдоваго жалованья. Въ челобитной она объясняла, что, согласно установившейся практикѣ, ей слѣдуетъ „помѣсешной кормъ“, такъ какъ „помѣстейца и вотчинки за мужомъ моим не было ни единой чети“, и онъ былъ кормовымъ иноземцемъ. Это указаніе челобитчицы на существующую практику совершенно правильно и подтверждается памятью Иноземскаго Приказа въ Посольскій, находящейся въ томъ же архивномъ дѣлѣ. Но насъ интересуютъ не кормовые иноземцы, а помѣстные, и для насъ важенъ вопросъ о томъ, что же назначили бы этой вдовѣ, если бы у мужа ея было помѣстье? На этотъ вопросъ она отвѣчала въ той же челобитной: „а которые, государь, иноземцы помѣрли и послѣ ихъ осталис помѣстья и вотчины, и ты, государь, пожаловалъ на прожиток женам ихъ“ [2]).

Въ 1629 г. мы видимъ, какъ прожиточными помѣстьями владѣютъ не только сами вдовы и сироты иностранцевъ, но и тѣ лица, которымъ вдовы и сироты сдали свои помѣстья. Такъ, Помѣстный Приказъ сообщалъ въ 1640 году Приказу сбору ратныхъ людей, что „в даче прошлого 137-го году дано Московскому служилому немчину Ивану Ондрѣеву сыну Ниротморцову дѣвки Анницы Івановы дочери Еремѣева прожиточное помѣсье въ Нижегородцкомъ уѣзде

[1]) Акт. Ист., т. Ш, № 74. Матерьялы для исторіи медицины въ Россіи. М. Е. Мамонова. Вып. 1, стр. 91, № 203; вып. Ш, стр. 611, № 609.

[2]) А. С. Мулюкинъ. Пріѣздъ иностранцевъ. Приложеніе, № 3.

55 четі, а ему Івану с того прожиточного помѣстья велено государева служба служит и дѣвка Анница понят. Да в даче прошлого ж 145-го году написано: дано ему Ивану Ниротморцову к Нижегородцкому ево помѣсью тещи ево нѣмки вдовы Катерины Івановы жены Еремѣева прожиточное помѣсье в Нижегородцком ж уѣзде в Березовском і в Закудемском станѣх 110 четі, а ему Івану с того помѣсья велено государева служба служить и теща своя вдова нѣмка Катерина до еѣ живота кормит. А из-ыноземскаго приказу в памяти написано, что Іван Ниротмирцов государю служит с помѣсья, а не ис корму, а помѣсье за ним в Нижнем"[1]). Въ 1640 году было взято въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ государеву казну, на жалованье ратнымъ людямъ „со вдовы Катерины иноземца Юрьевы жены Смита з дочерью з девкою содинатцати дворовъ крестьянских и з бобылских одинатцат рублев"; въ 1642 г. опять взяли съ нея же за даточныхъ людей[2]).

Итакъ, вплоть до сороковыхъ годовъ XVII вѣка мы наблюдаемъ факты надѣленія и владѣнія иностранцевъ помѣстьями, а также и переходъ помѣстныхъ правъ изъ однихъ рукъ въ другія въ обезпеченіе вдовъ и сиротъ служившихъ. Все это совершенно такъ же, какъ и у русскихъ людей.

Изъ документовъ за тотъ же промежутокъ времени мы можемъ усмотрѣть, что иностранцы, владѣвшіе помѣстьями, несли государеву службу въ такомъ же родѣ, какъ и коренные подданные.

Въ 1625 г. 17 марта царской грамотой Бѣлозерскому воеводѣ было велѣно сказать государеву службу Бѣлозерскимъ иноземцамъ помѣстнымъ и кормовымъ „въ Украинномъ розрядѣ и въ болшомъ полку, на Тулѣ" къ 1 мая 1625 г. „иноземцом помѣстнымъ съ ротмистры съ Матвѣемъ Халаимомъ да съ Петромъ Гамолтовымъ да кормовымъ съ Григорьемъ Врославскимъ"[3]).

---

[1]) А. С. Мулюкинъ. Пріѣздъ иностранцевъ. Приложеніе, № 8.

[2]) Москов. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла. $\frac{7149}{1640}-\frac{7150}{1642}$ № 53.

[3]) Акт. Арх. Эксп., т. III, № 161. Акт. Московск. госуд., т. II, № 230.

Въ 1646 году, указалъ государь стоять боярамъ и воеводамъ съ ратными людьми" ...и въ большомъ полку въ Бѣлгородѣ съ бояриномъ и воеводою княземъ Н. И. Одоевскимъ велѣно быть, между прочимъ „въ походѣ Христофору Θеодорову сыну Рылскому, а съ нимъ быть: полякомъ и иноземцамъ всѣмъ кормовымъ, и помѣстнымъ, да полковникамъ Александру Крафорту, да Александру Гамену, а съ ними быть драгуномъ и солдатомъ" [1]).

Въ 1637 г., по случаю войны съ Крымскими татарами, были посланы по городамъ указы и грамоты о сборѣ ратныхъ людей на службу, при этомъ въ указахъ и грамотахъ наравнѣ съ другими перечислялись и иностранцы „за которыми помѣстья и вотчины"; и имъ предписывалось какъ и „всѣмъ до одного человѣка на нашу службу къ веснѣ быти готовымъ со всею службою", т. е. чтобы они къ веснѣ „лошади кормили и запасы свои пасли, а были бъ на нашей службѣ въ полку въ сбруяхъ: въ бехтерцахъ, въ панцыряхъ, и въ шаломѣхъ, и въ шапкахъ мисюркахъ" [2]).

Эта знакомая намъ картина государевой службы помѣщиковъ.

Но не всѣ помѣщики идутъ въ походъ. Многіе спокойно живутъ по деревнямъ, ожидая той поры, когда государь потребуетъ ихъ службы. „А которые иноземцы, говоритъ о данныхъ лицахъ упомянутая нами выше грамота 1625 года, нынѣ останутся за нашею службою, и тѣмъ всѣмъ сказать, чтобъ они на нашу службу были готовы и жили по домомъ до вѣстей, а о службѣ ждали нашего указу" [3]).

15 сентября 1647 г. шведскій резидентъ въ Москвѣ Карлъ Поммеренингъ доносилъ королевѣ Христинѣ: „иноземныхъ—какъ шведскихъ, такъ и нѣмецкихъ—офицеровъ здѣсь (въ Москвѣ) довольно много (ett Storttaal), но полковники всѣ трое—шотландцы, а именно: Александръ Крафортъ, Александръ Гамильтонъ и Мункъ Кармикель (Munce Carmickel). Они получали прежде неодинаковое жалованье:

---

[1]) Дворцовые Разряды., т. III, стр. 34—36.

[2]) Рус. Ист. Библ., т. II, № 168, 3.

[3]) Акт. Арх. Эксп., т. III, № 161.

первый 50 рублей, второй 30, третій 15 рублей въ мѣсяцъ; но такъ какъ два старшихъ получили помѣстья, то имъ не выдается совсѣмъ денегъ, и они живутъ въ этихъ своихъ помѣстьяхъ, а Кармикель находится постоянно въ Москвѣ. Изъ всѣхъ иноземныхъ офицеровъ ни одинъ не имѣетъ подъ своимъ начальствомъ войскъ, пока не приходится выступать въ походъ" [1]).

Когда походъ оканчивался, то служилые разъѣзжались по домамъ, и въ 1627 году велѣно „иноземцевъ помѣстныхъ и кормовыхъ, Литву и Поляковъ и Нѣмецъ" распустить по домамъ [2]).

Отправляя государеву службу наравнѣ съ русскими подданными, иностранцы не хотѣли отстать отъ русскихъ и въ полнотѣ тѣхъ правъ, которыя принадлежали русскимъ помѣщикамъ надъ помѣстьемъ и крестьянами. Поэтому, когда въ 1638 г., согласно просьбѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ о бѣглыхъ крестьянахъ въ урочныхъ лѣтахъ, государь ихъ пожаловалъ и указалъ урочныя лѣта противъ Троице-Сергіева монастыря, то и иностранцы захотѣли того же. Въ 1639 году, излагая государю челобитье дворянъ и дѣтей боярскихъ, иностранцы говорили: „а мы въ томъ ихъ челобитьѣ не написаны, а служимъ мы тебѣ, государю, всякія твои государевы службы безпрестанно". Поэтому они просили пожаловать ихъ „противъ дворянъ и дѣтей боярскихъ указать бѣглымъ ихъ крестьянамъ урочныя лѣта, и послать въ Судные Приказы память, чтобъ помѣстья ихъ иноземцевъ не запустѣли и имъ бы государевы службы не отстать." Государь пожаловалъ, велѣлъ имъ „въ бѣглыхъ крестьянѣхъ судъ давать и будетъ де довелось, выдавать противъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, что били челомъ изъ городовъ" [3]).

Служилые иностранцы, по общему правилу, вѣдались Иноземскимъ Приказомъ. Въ этомъ Приказѣ иностранцы и

---

[1]) Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII вѣка. Сборн. матеріаловъ. К. И. Якубова. Чтенія. 1898 г., кн. I, стр. 409.

[2]) Дворцовые Разряды., 1, стр. 941 и слѣд. Н. Павловъ-Сильванскій. Государевы служилые люди. 1898 г., стр. 240 и слѣд.

[3]) Акт. Московск. госуд., т. II, № 160. См. также Акт. Ист., т. III, № 92. Дополнительныя Статьи къ Судебнику, XXXIII, указъ 1642 г.

ихъ крестьяне должны были отвѣчать по всѣмъ судебнымъ дѣламъ, кромѣ „тяжьбы съ поличнымъ и розбою и татиные и разбойные язычные молки". Когда воеводы присвоивали себѣ власть судить иностранцевъ, то государь, какъ это было, напр., въ 1635 году, напоминалъ воеводамъ, что „по нашему указу иноземцовъ *и ихъ людей и крестьянъ*, во всякихъ дѣлѣхъ, вѣдаетъ судомъ, въ Иноземскомъ Приказѣ, бояринъ нашъ князь Иванъ Борисовичъ Черкаской да дьякъ нашъ Василій Ртищевъ, а въ иныхъ Приказѣхъ и въ городѣхъ иноземцовъ *и ихъ людей и крестьянъ* вѣдати и судити, *безъ нашего указу, не велѣно;* а кого мы иноземцовъ и *ихъ людей и крестьянъ* укажемъ судити въ городѣхъ, и о томъ посылаютъ наши грамоты изъ Иноземского Приказу"[1]).

Когда иностранцамъ приходилось отвѣчать въ этомъ Приказѣ, то они сами должны были цѣловать крестъ, а не выставлять для этого своихъ крестьянъ. Это видно изъ отвѣта Иноземскаго Приказа Аптекарскому въ 1650 году. Аптекарскій Приказъ спрашивалъ: „которые рускіе люди ищутъ на некрещеныхъ иноземцахъ исковъ своихъ по челобитнымъ и на судѣ иноземецъ въ исцовѣ иску возметъ себѣ на душу крестъ цѣловать крестьянину своему, и въ тѣхъ искахъ самимъ ли тѣмъ некрещенымъ иноземцамъ крестъ цѣловать по ихъ вѣрѣ указано или крестьяномъ ихъ которыхъ онъ въ судѣ скажетъ". Иноземскій Приказъ отвѣчалъ, что изстари въ такихъ случаяхъ приводятъ къ присягѣ „иноземцовъ некрещеныхъ самихъ ихъ Нѣмецкіе пасторы въ Иноземскомъ Приказѣ"[2]).

Краткія наброски о помѣстномъ правѣ иностранцевъ, которые мы довели до сороковыхъ годовъ XVII вѣка и въ которыхъ довольно ясно проглядывалъ фактъ помѣстнаго обезпеченія иностранцевъ за службу, не давали бы того впечатлѣнія, если бы мы не указали на Уложеніе 1649 г. и на его отношеніе къ данному вопросу. Въ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича явленія помѣстнаго права иностранцевъ собираются въ одно мѣсто и формулируются въ общихъ нормахъ. Этотъ законодательный памятникъ какъ бы заканчи-

---

[1]) Акт. Ист., т. Ш, № 183.
[2]) Доп. Акт. Ист., т. Ш, № 69.

ваетъ всю предшествующую исторію помѣстнаго права иностранцевъ и служитъ наиболѣе полнымъ выразителемъ ея юридической стороны.

Уложеніе 1649 года говорило объ иностранцахъ, какъ о помѣщикахъ, въ ст. ст. 1 и 2 главы XI, когда устанавливая возвращеніе бѣглыхъ крестьянъ безъ урочныхъ лѣтъ, перечисляло среди помѣщиковъ и вотчинниковъ иностранцевъ.

Ст. 3 главы XVI устанавливала порядокъ мѣны помѣстій и, между прочимъ, помѣстій иностранцевъ. Статья говорила, чтобы „мѣновныя помѣстья“ были равной цѣнности.

Далѣе ст. 13 той же главы говорила о выморочныхъ помѣстьяхъ и устанавливала: „а выморочныя помѣстья московскихъ всякихъ чиновъ людей и городовыхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ и иноземцовъ давати женамъ ихъ на прожитокъ и дѣтемъ по указу. А что у женъ за прожиткомъ и у дѣтей за дачами останется въ лишкѣ: и тѣ помѣстья отдавати въ родъ безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ. А будетъ въ которомъ роду безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ нѣтъ: и тѣ помѣстья отдавать и въ чужіе роды“. При этомъ русскія помѣстья надо отдавать русскимъ людямъ, а „иноземскіе, говоритъ слѣдующая статья той же главы, иноземцомъ безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ, а мимо иноземцовъ иноземскихъ помѣстей никому не давать“. Точно также и „русскихъ людей помѣстей иноземцомъ не давать“. Устанавливался какъ бы извѣстный кругъ помѣстій иностранцевъ и русскихъ людей.Ниже мы увидимъ, что это постановленіе Уложеніе не заключаетъ въ себѣ новости, а восходитъ, по крайней мѣрѣ, къ началу XVII вѣка.

Далѣе, ст. 16 той же главы говоритъ о выслуженныхъ и родовыхъ вотчинахъ иностранцевъ, умершихъ бездѣтными. Такія вотчины иностранцевъ такъ же, какъ и русскихъ людей, переходятъ къ вдовамъ умершихъ въ пожизненное владѣніе, если „помѣстій и купленыхъ вотчинъ послѣ мужей ихъ не останется, и на прожитокъ имъ дати будетъ не изъ чего“. Вдовы такія выслуженныя вотчины не могутъ ни продать, ни заложить, ни дать по душѣ, ни записать за собою въ приданое; въ случаѣ брака, постриженія или смерти вдовы, вотчина переходитъ къ ближайшимъ вотчинникамъ.

Затѣмъ, ст. 18 главы XVI разрѣшаетъ справлять прожиточное помѣстье вдовы иностранца, выходящей замужъ за русскаго человѣка, дворянина или за сына боярскаго, за этимъ послѣднимъ [1]). Хотя ст. 18 и не говоритъ о томъ, что вдова переходитъ въ православіе, но это подразумѣвается, такъ какъ браки инославныхъ съ православными въ Московскомъ государствѣ не допускались [2]).

Въ связи съ этой статьей, слѣдующая статья 19 той же главы говоритъ о православной вдовѣ дворянина или сына боярскаго, съ прожиточнымъ помѣстьемъ, пожелавшей выйти замужъ „за котораго за крещенаго иноземца". „И той вдовѣ по тому же съ прожиточнымъ своимъ помѣстьемъ за крещенаго иноземца за мужъ итти вольно".

Далѣе, статьями 30, 31 и 32 главы XVI устанавливаются оклады прожиточныхъ помѣстій; при этомъ вдовамъ иностранцевъ убитыхъ на войнѣ дается на прожитокъ изъ помѣстій мужей со ста по 20 четвертей, а дочерямъ со ста по 10 четвертей. Вдовамъ иностранцевъ, умершихъ въ полкахъ на службѣ, дается со ста по 15 четвертей а дочерямъ со ста по 7 четвертей съ осминою, „а котораго иноземца не станетъ дома, а не на государевой службѣ", то вдовы получаютъ со ста по 10 четвертей, а дочери по 5 четвертей [3]).

Наконецъ, ст. 46 той же главы говоритъ объ одабриваніи изъ примѣрныхъ земель тѣхъ государевыхъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей, которые розданы „иноземцомъ и всякимъ служилымъ людямъ въ помѣстья и вотчины, а въ тѣхъ ихъ дачахъ земля средняя или худая".

---

[1]) Корни этого постановленія находимъ въ боярскомъ приговорѣ 1637 года. Историко-Юридическіе Матеріалы, издаваемые Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи. Вып. I. Указная книга Помѣстнаго Приказа, стр. 118, ж.

[2]) А. Олеарій. Описаніе путешествія, стр. 321. Рущинскій. Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей, стр. 227. Д. В. Цвѣтаевъ. Обрусѣніе иноземцовъ. Русскій Вѣстникъ. 1886 г., августъ, стр. 585, стр. 636 и слѣд. Его же Протестанты и протестантство. стр. 392, 394, 413. М. Красноженъ. Иновѣрцы на Руси. т. I. 1903 г., стр. 67 и слѣд., стр. 72. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи, стр. 430.

[3]) См. Указная Книга Помѣстнаго Приказа, стр. 130, ст. 111.

Въ главѣ XVII, ст. 2 Уложенія о вотчинахъ устанавливается пожизненное пользованіе матерей и вдовъ выслуженными и родовыми вотчинами всякихъ служилыхъ людей и среди нихъ иностранцевъ, умершихъ бездѣтными.

Наконецъ, ст. 63 главы XVIII, различая иностранцевъ помѣстныхъ и кормовыхъ, освобождаетъ послѣднихъ „для ихъ бѣдности и иноземства" отъ взиманія печатныхъ пошлинъ съ ихъ дѣлъ и документовъ. Между тѣмъ помѣстные иноземцы считаются настолько состоятельными, что облагаются пошлинами, и ст. 63 говоритъ: „а съ помѣстныхъ иноземцовъ печатные пошлины имати также, какъ емлютъ съ рускихъ людей по указу".

Послѣ изложенія фактовъ изъ исторіи помѣстнаго права иностранцевъ, а также объединившаго всѣ эти факты законодательства, мы можемъ сдѣлать тотъ выводъ по этому вопросу, который насъ только и интересуетъ. Теперь мы можемъ утверждать, что помѣстное право въ Московскомъ государствѣ было вполнѣ доступно иностранцамъ. Какихъ нибудь особыхъ затрудненій, какихъ нибудь ограниченій для иностранцевъ, въ сравненіи съ русскими людьми, въ вопросѣ о надѣленіи помѣстьями мы не встрѣчали.

Не смотря на такой совершенно опредѣленный нашъ выводъ, литература, въ лицѣ видныхъ своихъ представителей, не дѣлаетъ его.

Наоборотъ, литература согласно отрицаетъ за иностранцами и право владѣть крестьянами и помѣстьями, и право получать помѣстья и крестьянъ безъ особыхъ ограниченій въ сравненіи съ русскими людьми.

Такъ, А. Н. Лохвицкій говоритъ, что „по закону царя Михаила Θеодоровича иновѣрцы не могли обладать православными крестьянами" [1]).

Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, различая иностранцевъ, пріѣзжихъ торговыхъ людей отъ иностранцевъ осѣдлыхъ, и признавая за иностранцевъ одну первую группу, говоритъ, что „права иностранцевъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. не русскихъ подданныхъ, именно торговыхъ пріѣзжихъ людей, опирались на привилегіяхъ, дарованныхъ

[1]) О плѣнныхъ по древнему русскому праву. 1855 г., глава II, стр. 7.

англичанамъ въ XVI вѣкѣ". Что же касается иностранцевъ осѣдлыхъ, то „осѣдлые тотчасъ же дѣлались подданными государства и, слѣдовательно, переставали быть иностранцами и пользовались всѣми личными и имущественными правами" [1]).

Изъ этихъ словъ можно заключить, что, по мнѣнію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, иностранцы, владѣвшіе помѣстьями и вотчинами, были не иностранцами, а русскими подданными, и что иностранцы въ Московскомъ государствѣ не владѣли ни помѣстьями, ни вотчинами.

Затѣмъ, мы должны привести мнѣніе К. А. Неволина, который говоритъ, что „иностранцы не могли владѣть вотчинами въ Россіи, развѣ по особеннымъ разрѣшеніямъ и пожалованіямъ правительства.... иноземцы, состоящіе въ царской службѣ, владѣли вотчинами; но такіе иноземцы считались, по крайней мѣрѣ, временными подданными русскаго царя" [2]).

Наконецъ, приведенныя мнѣнія писателей завершаются мнѣніемъ Д. В. Цвѣтаева, который сперва, какъ будто бы, говоритъ согласно съ нами. „Иностранцы, говоритъ онъ, дѣлились на помѣстныхъ, содержавшихся доходами съ помѣстій, и кормовыхъ получавшихъ жалованье; иные получали то и другое". Это положеніе совершенно соотвѣтствуетъ тѣмъ указаніямъ источниковъ, которыя нами выше сдѣланы. Но послѣ этой фразы, съ которой мы совершенно согласны, идетъ сейчасъ же другая, противорѣчащая нашему мнѣнію. Д. В. Цвѣтаевъ говоритъ: „такъ какъ иноземцы не могли владѣть помѣстьями и вотчинами въ Россіи, развѣ по особеннымъ разрѣшеніямъ и пожалованьямъ правительства, то всѣ владѣвшіе ими считались временными подданными государя" [3]).

Разбираясь во всѣхъ приведенныхъ мнѣніяхъ, мы на-

---

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 385 и слѣд.

[2]) К. А. Неволинъ. Полное Собраніе сочиненій, т. IV, 1857 г., стр. 147.

[3]) Д. В. Цвѣтаевъ. Протестантство и протестанты въ Россіи, стр. 272.

ходимъ, что первое изъ нихъ стоитъ особнякомъ; тогда какъ остальныя другъ съ другомъ болѣе или менѣе связаны.

Можно думать, что первое мнѣніе основывается на извѣстномъ уже намъ указѣ Михаила Ѳеодоровича 1628 года, изданномъ подъ вліяніемъ патріарха Филарета, о запрещеніи холопства и службы православныхъ у иностранцевъ. Этотъ указъ касался православныхъ христіанъ, а не крестьянъ. Ссылки автора на какой нибудь документъ или литературу не имѣется.

Этимъ мнѣніемъ послѣдующіе писатели не пользуются.

Обращаемся къ мнѣніямъ этихъ писателей.

Мнѣніе проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, К. А. Неволина и Д. В. Цвѣтаева имѣютъ то общее между собою, что всѣ говорятъ о томъ, что иностранные служилые люди, владѣвшіе помѣстьями въ Московскомъ государствѣ, не были иностранцами, а были русскими подданными. Въ отличіе отъ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, К. А. Неволинъ и Д. В. Цвѣтаевъ называютъ такихъ служилыхъ людей временными подданными государя.

Изъ этихъ трехъ мнѣній мы не будемъ особенно останавливаться на мнѣніи проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, такъ какъ оно для насъ интересно только въ одномъ указанномъ пунктѣ о подданствѣ служилыхъ иностранцевъ. Между тѣмъ, по этому вопросу мы подробно остановимся при разсмотрѣніи мнѣній двухъ другихъ ученыхъ. А, кромѣ того, проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ на стр. 386 того же труда вполнѣ подтверждаетъ наше мнѣніе о помѣстномъ правѣ иностранцевъ до второй половины XVII вѣка. Онъ даже говоритъ болѣе; онъ говоритъ о полномъ равенствѣ въ правахъ иностранцевъ служилыхъ съ русскими служилыми людьми. По словамъ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, „права иноземцевъ служилыхъ равнялись правамъ русскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и терпѣли нѣкоторыя ограниченія лишь права иновѣрцевъ“. Далѣе объясняется какого рода были эти ограниченія и въ чемъ они состояли. „Въ XVII вѣкѣ, продолжаетъ ученый, именно въ 1653 году, вотчины и помѣстья неправославныхъ нѣмцевъ были отписаны на государя, за утѣсненіе крестьянъ въ нашей православной христіанской вѣрѣ“. Здѣсь совершенно

ясно, что ограниченія правъ иностранцевъ начались съ 1653 года, а до этого времени права ихъ были одинаковы съ русскими людьми. Не забѣгая впередъ, мы сейчасъ и не будемъ говорить о тѣхъ перемѣнахъ въ правахъ иностранныхъ помѣщиковъ, которыя постигли ихъ во второй половинѣ XVII вѣка; а сосредоточимъ свое вниманіе на исторіи до этого времени, когда, по мысли проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, ни о какихъ ограниченіяхъ иностранцевъ не было и рѣчи.

Переходя, затѣмъ, къ мнѣніямъ К. А. Неволина и Д. В. Цвѣтаева, мы находимъ, что каждое изъ этихъ мнѣній заключаетъ по два положенія, для насъ очень важныхъ: первое—уже нами указанное—о подданствѣ служилыхъ иностранцевъ и второе о владѣніи иностранцевъ вотчинами и помѣстьями лишь по особымъ разрѣшеніямъ правительства.

Скажемъ сперва о первомъ пунктѣ.

Онъ связываетъ владѣніе иностранцевъ помѣстьями съ временнымъ подданствомъ иностранцевъ. Мы не совсѣмъ понимаемъ, что̀ это значитъ? Если это означаетъ, что иностранцы, какъ таковые, совсѣмъ не могли владѣть помѣстьями и владѣли ими только тогда, когда становились подданными, то такое утвержденіе едва ли можетъ быть принято. Иностранцы владѣли помѣстьями и оставались иностранцами.

Случайно приведенные нами выше, въ качествѣ примѣра, англичанинъ князь Астонъ и врачъ Михаила Ѳеодоровича Артемій Дій имѣли помѣстья, но ни тотъ, ни другой не были русскими подданными.

Артемій Астонъ пріѣхалъ въ 1615 году въ Россію, а въ 1617 году англійскій король уже просилъ государя отпустить изъ Россіи находящагося въ русской службѣ англичанина Рицера Артемья Астона съ женою и родственниками. Они тогда же всѣ и были отпущены. Если бы эти лица были русскими подданными, то ихъ никогда бы не отпустили. Дальнѣйшая переписка русскаго и англійскаго дворовъ объ Астонѣ, относящаяся къ 1621 году, еще болѣе укрѣпляетъ въ той мысли, что поступленіе Астона въ Россіи на службу, съ надѣленіемъ помѣстьемъ, не означало принятія русскаго подданства и что Астона не считали въ

Россіи русскимъ подданнымъ, а именно англійскимъ. Въ 1621 году государь жаловался „на бывшаго въ россійской службѣ князя Артемія Астона, ссылающагося письменно съ измѣнниками капитаномъ шкотскимъ Дорнобеемъ, въ польской службѣ находящимся, и съ французомъ Яковомъ Маржеретомъ, а наипаче съ самимъ королемъ польскимъ", и добивался „дабы непремѣнно князь Артемій смертію казненъ былъ". Михаилъ Ѳеодоровичъ добивался казни Астона англійскимъ правительствомъ, такъ какъ считалъ Астона англійскимъ подданнымъ, а не просилъ выдачи его русскимъ властямъ, что слѣдовало бы, если бы Астона считали русскимъ подданнымъ [1]).

Далѣе, врачъ Артемій Дій служилъ въ Россіи 12 лѣтъ и былъ отпущенъ въ Англію въ 1635 году, по грамотѣ англійскаго короля [2]).

Также въ 1630 году пріѣхалъ на государеву службу на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и князь Артемій Астонъ, извѣстный полковникъ Александръ Лесли. Онъ принималъ участіе въ несчастномъ Смоленскомъ походѣ и послѣ него исчезъ изъ Россіи, но при Алексѣѣ Михаиловичѣ опять появился. Никто не считалъ Лесли за то, что онъ выѣзжалъ изъ Россіи и служилъ въ другомъ мѣстѣ, измѣнникомъ, потому что никто не считалъ службу Лесли въ Россіи равносильной принятію подданства. Между тѣмъ, повторяемъ, принятіе Лесли на службу состоялось въ той же формѣ, какъ и князя Астона, и впослѣдствіи мы увидимъ и подробно даже будемъ говорить, что Лесли имѣлъ помѣстье [3]).

---

[1]) Бантышъ-Каменскій. Обзоръ, ч. I, стр. 104 и слѣд. С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. IX, 1859 г., стр. 119, 385. А. С. Мулюкинъ. Пріѣздъ иностранцевъ, стр. 153.

[2]) Рус. Ист. Библ., т. VIII, № 10, X, XXXVI. Бантышъ-Каменскій. Часть I, стр. 110.

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Выѣзды въ Россію. 1642 г. мая 28—іюня 31, № 4. Рус. Ист. Биб., т. VIII, № 10, XXXIV, 3. Дополн Дворц. Разр., ч. I, стр. 615—617. Чтенія. 1882 г., кн. III. Дм. Цвѣтаевъ. Обрусѣніе иноземцевъ-протестантовъ въ Московскомъ государствѣ. Русскій Вѣстникъ. 1886 г., августъ, стр. 569 и слѣд. Его-же. Протестантство и протестанты въ Россіи, стр. 372 и слѣд., стр. 375.

Въ 1656 году пріѣхалъ въ Москву генералъ-поручикъ Томасъ Даліель и подалъ государю грамоту короля Карла II, рекомендовавшую Даліеля вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ Дромонтомъ и полковникомъ Джонстономъ въ русскую службу, „яко весьма искусныхъ людей въ знаніи военныхъ дѣлъ". Эти лица были приняты на службу и служили довольно долго, а въ 1665 году, неизвѣстно относительно Джонстона, но Даліелю и Дромонту было разрѣшено уѣхать въ Англію [1]).

Итакъ, факты говорятъ о томъ, что иностранцы, служившіе въ Россіи, владѣвшіе въ ней и помѣстьями, потомъ покидали Россію. Такія лица не могутъ назваться русскими подданными. Русскихъ подданныхъ изъ Россіи не отпускали.

Еще въ XVI вѣкѣ сообщали англійской королевѣ Елисаветѣ, что англичане, принявшіе русское подданство, не должны выѣзжать изъ Россіи [2]).

Когда въ 1628 году велѣли Астраханскимъ воеводамъ выслать тезиковъ, персидскихъ подданныхъ, заграницу, то указали, что высылкѣ подлежатъ одни некрещеные тезики; тезики же, принявшіе православіе и этимъ перешедшіе въ русское подданство, высылкѣ не подлежали [3]).

Въ 1629 г. на другомъ концѣ Московскаго государства, въ Новгородѣ приказываютъ воеводамъ смотрѣть за иностранцами, пріѣзжающими изъ за рубежа, не пускать некрещеныхъ нѣмцевъ въ церкви, а кто захочетъ креститься, то тѣхъ крестить. „А какъ ихъ крестятъ, пишетъ царь воеводамъ, и вы бъ тѣхъ крещеныхъ нѣмецъ въ свою землю отпускать не велѣли, а сказали бъ есте имъ то до крещенья, что имъ отпуску съ нашія стороны не будетъ" [4]).

---

[1]) С.-Петербургскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. XXVII. № 241. 1665—7173 г. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ, ч. I, стр. 115.

[2]) С. М. Середонинъ. Сочиненіе Джильса Флетчера „Of The Russe common wealth", какъ историческій источникъ. 1891 г., стр. 173.

[3]) Акт., т. III, № 154.

Принятіе православія было формой натурализаціи. А. Лохвицкій. О плѣнныхъ по древнему русскому праву. Глава II, стр. 1, 4, 5. Лешковъ. Русскій народъ и государство, стр. 275. В. М. Гессенъ. Подданство, его установленіе и прекращеніе, т. 1, 1909, стр. 204.

[4]) Акт. Арх. Эксп., т. III, № 184.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этими болѣе или менѣе общими распоряженіями стоятъ и отдѣльные факты.

Такъ, въ 1601 году разрѣшили англійскому купцу Григорію Романову уѣхать въ Англію изъ Москвы съ женою и дѣтьми. Тогда Романовъ просилъ царя, чтобы онъ далъ ему проѣзжую грамоту на выѣздъ и при этомъ поименно перечислялъ кто съ нимъ поѣдетъ изъ Россіи, за море, а кто изъ его родственниковъ или прислуги только проводитъ до извѣстнаго города. Согласно просьбѣ, была составлена, съ подробнымъ перечисленіемъ лицъ, куда кто ѣдетъ, проѣзжая грамота, содержащая приказъ государя къ воеводамъ, мытчикамъ и всякимъ приказнымъ людямъ пропускать безъ задержанія и отпустить за море такихъ то и такихъ то лицъ, а кромѣ нихъ „беречи накрѣпко всякими обычаи, чтобъ однолично Московскихъ нѣмецъ [1]) и русскихъ людей никово съ нимъ на кораблѣхъ не свезли" [2]).

Въ 1602 году отпускали за море англійскаго посла Ивана Ульянова и велѣли Архангельскимъ воеводамъ смотрѣть „чтобъ с—Ываномъ за море русскихъ людей или нѣмецъ московскихъ хто не съѣхалъ" [3]).

Въ томъ же году отпускали въ Англію трехъ серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, оказавшихся неудовлетворительными для государева дѣла, и опять воеводы должны были смотрѣть, чтобы мастера „съ собою каво рускихъ людей или нѣмецъ московскихъ за море не увезли" [4]).

Въ 1604 году опять даютъ грамоту на выѣздъ изъ Россіи англійскому купцу рыцарю Юрьеву, и прописываютъ въ ней то же, что и въ грамотѣ Романову [5]).

Въ 1615 г. „аглинского Якуба короля посолъ князь Иванъ Мерикъ" просилъ царя отпустить за море живущаго въ Архангельскѣ „прускаго торгового нѣмчина Симона Буша съ женою и съ дѣтми", такъ какъ нѣмчинъ проторговался, и жить ему въ Россіи нечѣмъ. Тогда царь „для

---

1) потомство плѣнныхъ, населенныхъ въ Москвѣ еще Иваномъ Грознымъ.

2) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXVIII, стр. 420—422.

3) ib., стр. 424.

4) ib., стр. 427.

5) ib., стр. 442 и слѣд.

Якуба короля, за его посолскимъ челобитьемъ" разрѣшилъ Бушу выѣхать изъ Россіи съ женою и дѣтьми, „а рускихъ бы есте людей и малыхъ робятъ, которые у него жили, за море съ ними никакого человѣка отпускати не велѣли" [1]).

Въ 1631 году пріѣхалъ изъ Голландіи служить государю своимъ мастерствомъ органнаго дѣла мастеръ Мелхертъ Луневъ, а въ 1638 году онъ уже уѣзжалъ за границу. Когда, направляясь домой, онъ пріѣхалъ въ Новгородъ, то съ нимъ пріѣхали, кромѣ лицъ имѣвшихъ право выѣхать заграницу, иностранцевъ, перечисленныхъ въ его проѣзжей грамотѣ, еще двое русскихъ; по поводу нихъ Луневъ обяснилъ, что они служили у него „по семи и по осми годовъ, и отпущены съ Москвы провожать его Мелхерта до рубежа, и въ томъ де, на нихъ на Москву взята поручная запись, что имъ за рубежъ не съѣхать, а пріѣхать опять къ Москвѣ". Несмотря на это воеводы ихъ „до рубежа отпустити не смѣли", а отправили съ приставомъ въ Москву въ Посольскій Приказъ. Тамъ имъ былъ произведенъ допросъ, по которому оказалось, что одинъ изъ нихъ имѣлъ разрѣшеніе отъ Иноземскаго Приказа проводить Лунева до Новгорода, а потому былъ отпущенъ; другой же объяснилъ, что онъ ѣздилъ провожать „спроста"; поэтому онъ былъ взятъ „за сторожи", а потомъ былъ отданъ на поруки. Поручную запись по немъ въ томъ, что онъ явится по первому требованію въ Посольскій Приказъ и съ Москвы безъ разрѣшенія не съѣдетъ дали 8 иностранцевъ [2]).

Когда въ 1670 г. генералъ Николай Бауманъ, долго служившій въ Россіи и теперь уѣзжавшій на родину въ Данію, просилъ отпустить съ нимъ шесть человѣкъ прислуги, то объяснялъ, что всѣ они лютеране и въ православную вѣру не крещены. Просьба Баумана была исполнена [3]).

Какъ выше мы видѣли въ проѣзжихъ грамотахъ заграницу, выдававшихся иностранцамъ до смутнаго времени

---

[1]) Рус. Ист. Биб., т. VIII, № 10, IX.

[2]) Рус. Ист. Библ., т. VIII, № 10, XL.

[3]) Д. В. Цвѣтаевъ. Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи, стр. 172.

фразу о непропускѣ русскихъ людей, такъ и въ теченіе всего XVII вѣка мы наблюдали тоже явленіе [1]).

Иностранные писатели согласно свидѣтельствуютъ о Россіи, что никому изъ русскихъ подданныхъ нельзя выѣзжать за предѣлы отечества. Рейнгольдъ Гейденштейнъ говоритъ объ этомъ за время XVI вѣка; Флетчеръ говоритъ о концѣ XVI вѣка; баронъ Мейербергъ описываетъ время половины XVII вѣка и говоритъ, что „по царевому запрещенію, никому изъ москвитянъ нельзя заносить ногу за предѣлы отечества“ [2]). Наконецъ, Корбъ, посѣтившій Россію въ самомъ концѣ XVII столѣтія, пишетъ, что „прежде московитамъ не позволено было выѣзжать изъ владѣній своихъ государей... при нынѣшнемъ же правленіи они получили отъ царя [3]) приказаніе посѣщать чужія земли“ [4]).

Всѣ эти разсужденія могутъ имѣть нѣкоторое значеніе въ томъ случаѣ, если понимать подданство иностранцевъ, владѣвшихъ помѣстьями, безъ оговорокъ. Но и К. А. Неволинъ, и Д. В. Цвѣтаевъ понимаютъ подданство этихъ лицъ иначе. Не даромъ они говорятъ про „временное подданство“. Если они этимъ хотятъ сказать, что иностранцы, владѣвшіе помѣстьями, должны были пока находились въ Россіи повиноваться русскимъ законамъ и власти, но не были русскими подданными, то мы противъ этого ничего не имѣемъ. Выходитъ, что иностранцы оставались иностранцами [5]). Если же они хотятъ сказать, что иностранцы, владѣвшіе помѣстьями, становились русскими подданными, но не навсегда, а съ условіемъ по желанію оставить русское подданство, то принятіе русскаго подданства при такихъ

---

[1]) См., напр., Рус. Ист. Библ., т. VIII, № 10, XLVII. Доп. Акт. Ист. т. V, № 85.

[2]) Цитировано по соч. В. М. Гессена. Подданство, его установленіе и прекращеніе, т. I, 1909 г., стр. 207, прим. 5.

[3]) Петръ Великій.

[4]) Іоаннъ Георгъ Корбъ. Дневникъ путешествія въ Московію (1698 и 1699 г.г.). Переводъ и примѣчанія А. I. Малеина. 1906 г., стр. 222.

[5]) См. о понятіи временнаго подданства: Ф. Ф. Мартенсъ. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. I, 1898 г. стр. 345. Проф. П. Е. Казанскій. Учебникъ международнаго права. 1904 года, стр. 77 и слѣд.

обстоятельствахъ было совершенно невозможно. Выходъ изъ русскаго подданства не предполагался въ Московскомъ государствѣ. Это положеніе, общепризнанное въ литературѣ, является прямымъ выводомъ изъ всей политики Московскаго государства, политики недовѣрія и замкнутости. Московское государство, окруженное врагами, посягавшими на самое его существованіе, недопускавшее живого общенія иностранцевъ съ подданными, видѣвшее въ каждомъ иностранцѣ шпіона, если не выпускало подданныхъ заграницу, то тѣмъ болѣе не могло терпѣть выхода изъ русскаго подданства. Это явленіе ближайшимъ образомъ было непосредственной реакціей противъ свободы перехода удѣльнаго времени. Оно было вызвано этимъ переходомъ съ одной стороны, а съ другой—желаніемъ московскихъ государей связать въ одно цѣлое населеніе и создать крѣпкое государство [1]).

Итакъ, по нашему мнѣнію, служилые иностранцы, владѣвшіе помѣстьями, не были русскими подданными.

Остается сказать о второмъ положеніи К. А. Неволина и Д. В. Цвѣтаева о томъ, что иностранцы могли владѣть помѣстьями и вотчинами лишь по особымъ разрѣшеніямъ или пожалованіямъ правительства.

Для насъ очень важно согласиться или не согласится съ такимъ утвержденіемъ.

Въ первомъ случаѣ—мы признаемъ надѣленіе и владѣніе иностранцевъ помѣстьями за исключенія. Общимъ правиломъ будетъ отсутствіе у иностранцевъ права на помѣстья. Картина выйдетъ похожей на ту, которую мы видѣли при разборѣ правъ иностранцевъ на русскую прислугу. Иностранцы могли пользоваться русской прислугой лишь по особымъ разрѣшеніямъ.

Если же мы не согласимся съ вышеприведеннымъ утвержденіемъ, то еще болѣе укрѣпимся въ прежнемъ своемъ мнѣніи о томъ, что награжденіе помѣстьями иностранцевъ не представляло ничего особеннаго для иностранцевъ, и было тѣмъ правомъ, которымъ они пользовались въ общемъ порядкѣ.

---

[1]) См. В. М. Гессенъ. Подданство, его установленіе и прекращеніе, стр. 207 и слѣд.

До сихъ поръ, для удобства изложенія, когда мы говорили о мнѣніяхъ К. А. Неволина и Д. В. Цвѣтаева о томъ, что иностранцы могли владѣть помѣстьями и вотчинами лишь по особеннымъ разрѣшеніямъ и пожалованіямъ правительства, то какъ будто бы сливали эти мнѣнія, какъ тождественныя. Но теперь, когда мы подробно должны остановиться на утвержденіяхъ названныхъ ученыхъ, мы должны заявить, что ихъ утвержденія не одинаковы.

Припомнимъ положеніе К. А. Неволина. Онъ говоритъ: „иностранцы не могли владѣть вотчинами въ Россіи, развѣ по особымъ разрѣшеніямъ и пожалованіямъ правительства... иноземцы, состоящіе въ царской службѣ, владѣли вотчинами; но такіе иноземцы считались, по крайней мѣрѣ, временными подданными русскаго царя“ [1]).

Здѣсь, по нашему мнѣнію, не одно положеніе, а два. Первое говоритъ объ иностранцахъ вообще и о возможности для нихъ въ исключительныхъ случаяхъ владѣть вотчинами, а второе говоритъ объ иностранцахъ, служившихъ государю, и о томъ, что они владѣли вотчинами. Первое положеніе подкрѣпляется ссылкой на Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, часть III, №№ 102, 103 и 118. Второе положеніе ничѣмъ не подкрѣпляется.

Что же касается мнѣнія Д. В. Цвѣтаева, то онъ, сливши два приведенныхъ положенія К. А. Неволина въ одно, говоритъ исключительно о служилыхъ иностранцахъ.

Посмотримъ, откуда вывелъ К. А. Неволинъ свое заключеніе о томъ, что иностранцы могли владѣть вотчинами лишь по особымъ разрѣшеніямъ и пожалованіямъ правительства.

Обращаясь къ разсмотрѣнію №№ 102, 103 и 118 ч. III Собр. Гос. Гр. и Дог., мы находимъ, что подъ № 102 значится „жалованная грамота отъ 31 марта 1634 г. государя царя Михаила Ѳеодоровича, бархатнаго дѣла мастеру Ефиму Фимбранту, на заведеніе въ Россіи, по нѣмецкому образцу, мѣльницъ и сушилъ для выдѣлыванія лосинныхъ кожъ, съ правомъ свободной и безпошлинной торговли оны-

[1]) К. А. Неволинъ. Полное Собраніе Сочиненій, т. IV, стр. 147.

ми въ продолженіи десяти лѣтъ, внутри и внѣ государства, и съ запрещеніемъ другимъ устраивать подобныя заведенія". Въ силу этой грамоты, Фимбрантъ могъ ставить свои мельницы „на рѣкахъ на порозжихъ мѣстѣхъ, гдѣ онъ такое мѣсто пріищетъ, на десять лѣтъ безоброчно; а будетъ онъ пріищетъ такое мѣсто въ помѣстныхъ и въ вотчинныхъ и въ монастырскихъ земляхъ, и ему то мѣсто наймовать, давать оброкъ по уговору".

Изъ этой грамоты видно, что здѣсь нѣтъ и рѣчи о помѣстьѣ, съ котораго служатъ государеву службу.

Посмотримъ дальше.

Слѣдующій № 103 озаглавленъ жалованной грамотой государя „пушечному мастеру Елисею Коэту, на покупку въ Московскомъ уѣздѣ 16 пустошей для устроенія стекляннаго завода, съ правомъ безпошлинной продажи издѣлій въ продолженіи 15 лѣтъ и съ запрещеніемъ другимъ устраивать подобныя заведенія". Въ грамотѣ объясняется, что государь разрѣшилъ продать Коэту изъ казенныхъ земель въ Московскомъ уѣздѣ 16 пустошей „противъ уложенья, какъ продаваны изъ Помѣстнаго Приказа порозжія земли всякимъ людямъ въ вотчины, и деньги на немъ Елисеѣ за тѣ пустоши велѣли взять въ свою государеву казну въ Помѣстный Приказъ по уложенью, по четвертямъ, сколько въ нихъ чети и пашни. А владѣти ему тѣми пустошьми велѣли самому ему Елисею и дѣтямъ его, покамѣста они учнутъ жить на Москвѣ... А какъ онъ Елисей поѣдетъ въ свою землю въ Свію, и у него тѣ пустоши велимъ взяти на себя по прежнему".

Здѣсь такъ же, какъ и въ первомъ случаѣ, рѣчь идетъ совсѣмъ не о томъ родѣ владѣнія недвижимостью, который мы обсуждаемъ по отношенію къ иностранцамъ.

Наконецъ, подъ № 118 помѣщена пожалованная грамота иностраннымъ купцамъ Петру Марселису и Филимону Акемѣ на устройство желѣзныхъ заводовъ. Условія о заимкѣ и наймѣ недвижимости подъ заводы тѣ же, что и въ грамотѣ Ефиму Фимбранту.

Насколько правъ К. А. Неволинъ, утверждая на основаніи этихъ трехъ случаевъ, что иностранцы не могли владѣть вотчинами иначе, какъ по особымъ разрѣшеніямъ и

пожалованіямъ правительства, мы не будемъ разбирать. Для насъ важно замѣтить, что все это утвержденіе объ особыхъ разрѣшеніяхъ относится къ иностраннымъ промышленникамъ, заводившимъ фабрики и заводы въ Россіи. К. А. Неволинъ буквально этого не сказалъ. На основаніи трехъ случаевъ съ заводчиками, онъ вывелъ общее правило и написалъ: „иностранцы не могли владѣть“ и т. д. Подъ этими „иностранцами“ онъ понималъ всѣхъ иностранцевъ, за исключеніемъ „состоявшихъ въ царской службѣ“, о которыхъ онъ говорилъ вслѣдъ за тѣмъ и которыхъ онъ противополагалъ, какъ служилыхъ иностранцевъ, всѣмъ остальнымъ. За служилыми иностранцами онъ признавалъ право владѣнія вотчинами, но считалъ ихъ временными русскими подданными.

Итакъ, К. А. Неволинъ признавалъ за служилыми иностранцами право на вотчины безъ оговорокъ. Въ противоположность К. А. Неволину Д. В. Цвѣтаевъ требуетъ и для служилыхъ „особое разрѣшеніе“.

Защищая себя противъ авторитета Д. В. Цвѣтаева, мы имѣемъ ту выгоду, что за нами стоитъ К. А. Неволинъ.

Когда мы приводили примѣры испомѣщенія иностранцевъ, то видѣли, что иностранцы, подрядъ пріѣзжавшіе на службу Россіи, получали помѣстья, при чемъ помѣстья давали какъ такимъ важнымъ людямъ, какъ англичанину Астону, такъ и такимъ маленькимъ людямъ, какъ шведскимъ солдатамъ. Различали ихъ только въ томъ отношеніи, что одному дали 1500 четей, а солдатамъ по 208 четей. У самихъ иностранцевъ слагался взглядъ на помѣстное жалованье, какъ на ихъ право. Иностранцы ссылались на примѣры, на установившуюся практику, согласно которой они должны не только получить помѣстье, но и получить въ извѣстномъ размѣрѣ. Всѣ эти вдовы и сироты, получавшія помѣстья, никогда бы не видѣли ихъ, если бы для иностранцевъ требовались какія нибудь особенныя разрѣшенія и пожалованія. У нихъ не хватило бы денегъ на волокиту, сопряженную съ полученіемъ особеннаго разрѣшенія. Надо помнить, что тогда приходилось давать взятки даже по дѣламъ совершенно правымъ. Получить что нибудь въ особенномъ порядкѣ можно было только людямъ сильнымъ и богатымъ.

Въ своемъ мѣстѣ мы нарочно полностью привели статьи Уложенія 1649 года, говорившія о помѣстномъ правѣ иностранцевъ. Ни въ одной изъ этихъ статей мы не видѣли намека на постигавшія иностранныхъ служилыхъ лицъ исключенія изъ помѣстнаго права, или на исключительность помѣстнаго права, предоставленнаго тому или другому разряду ихъ. Наоборотъ, статьи о помѣстьяхъ иностранцевъ согласно свидѣтельствовали, что это право иностранцевъ регулировалось тѣмъ же порядкомъ, какъ и русскихъ подданныхъ. Если бы были гдѣ ограниченія помѣстнаго права иностранцевъ, такъ это именно въ Уложеніи 1649 года. Но въ Уложеніи ничего подобнаго не было. Между тѣмъ, припомнимъ, что въ Уложеніи было полное запрещеніе вольнаго найма и холопства русскихъ людей у иностранцевъ.

Можетъ быть подъ особымъ разрѣшеніемъ правительства, требуемымъ для владѣнія помѣстьемъ, надо понимать, что иностранцы получали помѣстья не иначе, какъ отъ правительства, переходъ правъ на данное помѣстье изъ однихъ рукъ въ другія происходилъ не иначе, какъ съ разрѣшенія власти и. т. д.? Но въ такомъ случаѣ придется признать, что въ помѣстномъ правѣ иностранцевъ не было ничего такого, что не примѣнялось бы и къ русскимъ людямъ. Вѣдь дѣло шло не о владѣніи иностранцевъ недвижимостью вообще, а о помѣстномъ правѣ. Помѣстное же право, какъ институтъ не частный, а публичный, и возникало лишь путемъ публичныхъ актовъ, т. е. пожалованіями или назначеніями государственной власти. Помѣстное право, между прочимъ, отличалось отсутствіемъ права распоряженія помѣстьемъ путемъ частныхъ сдѣлокъ, и ничего особеннаго для иностранцевъ въ этомъ не было. Собственно говоря, всякое установленіе, измѣненіе и прекращеніе въ помѣстномъ правѣ должно было быть дѣломъ государственной власти. Иностранцы свои помѣстья должны были получать не иначе, какъ отъ правительства, по его пожалованіямъ, и въ этомъ отношеніи они были совершенно равны съ русскими подданными.

Мы довели исторію помѣстнаго права иностранцевъ до Уложенія 1649 г., причемъ привели и постановленія этого памятника.

Послѣ всего сказаннаго видно, что въ вопросѣ о вла-

дѣнiи иностранцевъ крестьянами необходимость и соображенiя непосредственной государственной пользы заставляли пренебрегать болѣе отдаленными и отвлеченными соображенiями о чистотѣ православiя русскаго народа.

Но Московское время не было бы вѣрно своимъ традицiямъ, если бы и въ этомъ вопросѣ не проявило себя опредѣленнымъ уже извѣстнымъ намъ образомъ.

Надо замѣтить, что, не смотря на многочисленность примѣровъ владѣнiя помѣстьями иностранцевъ, приведенныхъ нами выше, всетаки, помѣстьями пользовалась меньшая часть иностранцевъ, служившихъ въ Московскомъ государствѣ. Подавляющее большинство ихъ содержалось на денежномъ жалованьѣ. Это обусловливалось, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что многiе изъ служившихъ государю иностранцевъ прiѣзжали въ Россiю на короткое время, 2—3 года, и служили на основанiи особо выговоренныхъ контрактовъ. Нѣкоторыхъ иностранцевъ приглашали даже только на опредѣленный походъ, послѣ котораго расчитывались съ ними и высылали ихъ за границу. Но даже и тѣ иностранцы, которые прiѣзжали къ намъ и принимались на службу безъ опредѣленiя ближайшихъ ея условiй, являлись, такъ сказать, на милость государя, ожидая награжденiя по его щедрости, и тѣ иностранцы не сразу и обязательно получали помѣстья. Выше мы видѣли случаи перевода иностранцевъ съ кормового содержанiя на помѣстное. Прiѣзжавшiе къ намъ служить были въ большинствѣ случаевъ народъ кочевой, искатели приключенiй, для которыхъ даже не всегда было желательнымъ полученiе помѣстья. Мелкiе авантюристы, переходившiе съ мѣста на мѣсто, гораздо охотнѣе получали деньги. Всѣ эти обстоятельства шли на встрѣчу правительству, едва ли съ большой охотой награждавшему иностранцевъ помѣстьями, если бы не пустота казны. Этимъ мы не хотимъ сказать, что награжденiе помѣстьями иностранцевъ было исключенiемъ, а денежное содержанiе общимъ правиломъ. Какъ тотъ, такъ и другой способъ содержанiя въ юридическомъ смыслѣ были равноправны, но бытовое значенiе денежныхъ окладовъ преобладало надъ помѣстными. Мы не будемъ подробно останавливаться на этомъ вопросѣ, такъ какъ сейчасъ мы не заняты всей исто-

ріей помѣстнаго права иностранцевъ. Для насъ совершенно достаточно указать, что въ документахъ чисто юридическаго характера, какъ напр. Уложеніе 1649 года, не видно этого неравенства между помѣстнымъ и кормовымъ содержаніемъ иностранцевъ, и помѣстные иностранцы считаются такимъ же обыкновеннымъ классомъ служилыхъ людей, какъ и русскіе помѣщики. Но, не смотря на юридическое равенство между русскими людьми и иностранцами въ этомъ дѣлѣ, судя по общему вѣроисповѣдному строю Московскаго государства и по отношенію его къ иностранцамъ, должна была происходить работа противъ владѣнія иностранцевъ помѣстьями. Если слѣдовъ этой работы нѣтъ въ Уложеніи, то послѣ него почти сейчасъ же они являются передъ нами.

Мы видѣли, что, по ст. ст. 13 и 14 главы XVI Уложенія, выморочныя помѣстья иностранцевъ отдаются на прожитокъ ихъ женамъ и дѣтямъ. „А что у женъ за прожиткомъ и у дѣтей за дачами останется въ лишкѣ: и тѣ помѣстья отдавати въ родъ“ иноземцамъ безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ, „а мимо иноземцевъ иноземскихъ помѣстей никому не давать; а русскихъ людей помѣстей иноземцомъ не давать“. Корни этого постановленія, какъ мы ниже увидимъ, относятся къ началу царствованія Романовыхъ, когда при крайней скудости государственной казны нуждались въ услугахъ иностранцевъ и желали обезпечить награжденіе ихъ опредѣленнымъ земельнымъ фондомъ.

Совсѣмъ другое отношеніе къ тому же вопросу во второй половинѣ XVII вѣка. Также стремятся къ намъ на службу иностранцы, также приглашаетъ ихъ въ Россію само правительство, но о земляхъ ихъ оно не проявляетъ уже той заботливости. Наоборотъ, начинаютъ пробиваться наружу попытки постепеннаго перевода помѣстій иностранцевъ въ руки русскихъ людей.

Въ 1651 году, по частному случаю, издается общій указъ, отмѣняющій приведенныя постановленія Уложенія къ невыгодѣ иностранцевъ и къ выгодѣ русскихъ людей. Указъ говоритъ, что „впредь которыя иноземки, некрещенныя вдовы и дѣвки учнутъ сдавать прожиточныя свои помѣстья, матери новокрещеннымъ сыновьямъ, сестрамъ и братьямъ, и тетки племянникамъ, и тещи зятьямъ, и въ

иные роды русскимъ людемъ за то, что тѣмъ людемъ съ тѣхъ ихъ помѣстей государевы службы служить, и ихъ вдовъ и дѣвокъ кормить, и замужъ выдавать съ приданымъ, и тѣ ихъ прожиточныя помѣстья, по ихъ сдачѣ кому они сдаютъ, за новокрещены и за русскими людьми справливать".

Ясно, что правительство уже не думаетъ о сохраненіи помѣстій иностранцевъ. Можетъ быть такая же участь постигаетъ и русскія помѣстья? Тогда положенія уравниваются. На это отвѣтъ даетъ дальнѣйшій текстъ указа 1651 года. Онъ говоритъ, что раньше было приказано, чтобы „выморочныя помѣстья русскихъ людей, давать русскимъ же людямъ въ родъ, и въ чужіе роды, кому государь пожалуетъ; а иноземскія выморочныя помѣстья, давать иноземцамъ , а мимо иноземцовъ, иноземскихъ помѣстей никому не давать, а русскихъ людей помѣстья иноземцомъ не давать; и тотъ его государевъ указъ о такихъ сдаточныхъ помѣстьяхъ отмѣнить. И потому Государь указалъ и бояре приговорили: такія сдаточныя помѣстья, иноземцамъ некрещеннымъ, вдовъ и дѣвокъ, за тѣми людьми за новокрещенны и за рускими людьми, кому они сдадутъ, по ихъ сдачѣ справливать" [1]).

Этимъ указомъ было положено начало неравенству въ помѣстномъ правѣ иностранцевъ передъ русскими людьми. Въ дальнѣйшемъ развивались еще болѣе крупныя событія. Поводъ къ нимъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, давали сами иностранцы. Ихъ алчность, грубость, нетерпимое отношеніе къ православнымъ, открыто высказываемое презрѣніе ко всему русскому послужили ближайшей причиной къ началу полной ликвидаціи помѣстнаго права иностранцевъ. Большое презрѣніе высказывали и русскіе вообще къ своимъ инославнымъ и иновѣрнымъ гостямъ. Но русскіе были у себя дома и господами положенія; иностранцы же были стороной заискивающей и обязанной гостепріимству Россіи. Законодательство принадлежало не иностранцамъ, а русскимъ.

И вотъ при такихъ условіяхъ, почти вслѣдъ за изда-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. I, № 73.

ніемъ Уложенія 1649 г., становится извѣстнымъ, что въ помѣстьѣ полковника Лесли его жена, ревностная хозяйка, крайне сурово обращается съ крестьянами. Кромѣ того, что она облагаетъ крестьянъ необычной и непосильной работой, но и подвергаетъ тяжкимъ побоямъ. Изъ за безпрестанной работы крестьяне не имѣютъ возможности ходить въ церковь; въ постные дни должны ѣсть скоромное. Наконецъ на нее доносятъ, что она взяла икону со стѣны и бросила ее въ пылающую печь, гдѣ икона и сгорѣла [1]).

Такихъ обвиненій было достаточно, чтобы въ дѣло вступился патріархъ и сталъ доказывать о необходимости отнятія у иностранцевъ помѣстій и запрещенія впредь владѣть таковыми. У Лесли помѣстье было отобрано, и, согласно свидѣтельству Адама Олеарія, на будущее время опредѣлено владѣть помѣстьями однимъ русскимъ [2]). Слѣдъ этого указа имѣется въ Полномъ Собраніи Законовъ, гдѣ отъ 21 сентября 1653 года значится повелѣніе объѣзжему головѣ Самойлѣ Силбухину ѣхать въ Арзамасскій уѣздъ въ помѣстья и въ вотчины тамошнихъ иностранцевъ, 7 человѣкъ, и отобрать у нихъ „помѣстья ихъ и вотчины со всѣми угодьи, со крестьяны, и съ бобыли, и съ захребетники, и съ подсосѣдники, и съ женами, и съ дѣтми, и со всѣми крестьянскими животы, и съ лошадьми, и со всякою животною, и съ хлѣбомъ стоячимъ и съ молоченымъ, со всѣмъ отписать на государя". Это распоряженіе объѣзжему головѣ, въ свою очередь, ссылается на грамоту государя къ Арзамасскимъ воеводамъ отъ 4 сентября того же года, въ которой прописаны и причины отнятія помѣстій и вотчинъ у Арзамасскихъ иностранцевъ. Въ этой грамотѣ значится, что иностранцы оттого лишаются своихъ недвижимостей и крестьянъ „что они некрещеные нѣмцы, имъ крестьяномъ чинили всякую налогу и утѣсненіе въ нашей православной христіянской вѣрѣ греческаго закона, и крестьянскимъ душамъ многое оскверненіе, и многіе безъ отцовъ духовныхъ, безъ покая-

---

[1]) Адамъ Олеарій. Описаніе путешествія въ Московію. Пер. А. М. Ловягина. 1906 г., стр. 305.

[2]) Олеарій. Описаніе путешествія въ Московію, стр. 306.

нія помирали, и въ великой постъ, и въ иные посты мясо и всякой скоромъ съ ними нѣмцы ѣли, и съ ними неволею всячески пріобращалися, и отъ святыни, по неволѣ отъ нихъ нѣмецъ, отлучалися" [1]).

Эти мотивы хорошо намъ знакомы, такъ какъ мы не разъ встрѣчались съ ними ранѣе.

Распоряженія 4 и 21 сентября въ нашихъ глазахъ имѣютъ особенную цѣну, такъ какъ ими подкрѣпляется свидѣтельство Адама Олеарія о судьбѣ, постигшей помѣстное право иностранцевъ послѣ случая съ Лесли. Въ свою очередь и свидѣтельство Олеарія давало сентябрьскимъ распоряженіямъ извѣстную окраску. Можно думать, что указъ 4 сентября Арзамасскимъ воеводамъ, на которомъ основывается приказъ объѣзжему головѣ, есть циркулярное распоряженіе, которое было обращено ко всѣмъ воеводамъ, гдѣ имѣлись иностранные помѣщики, но которое дошло до насъ лишь въ Арзамасскомъ экземплярѣ.

Когда, при такихъ условіяхъ, мы считаемъ болѣе или менѣе установленнымъ фактъ общаго запрещенія иностранцамъ владѣть помѣстьями и вотчинами въ 1653 году, тогда оказывается, что имѣется въ томъ же году другой указъ, наводящій на мысль о томъ, что иностранцы продолжаютъ владѣть землею и послѣ сентябрьскихъ распоряженій. Этотъ новый указъ 1653 года буквально говоритъ слѣдующее: „иноземцомъ, всякихъ чиновъ людемъ, вотчины свои продавать русскимъ людемъ, а иноземцомъ некрещенымъ не продавать". [2]) Въ этомъ состоитъ весь указъ. Онъ очень похожъ на указъ 1651 г. о сдачѣ помѣстій иностранцевъ русскимъ людямъ. Но насъ сейчасъ интересуетъ не эта сторона указа 1653 года, а другая. Дѣло въ томъ, что послѣ указа о продажѣ вотчинъ иностранцевъ русскимъ людямъ уже нельзя утверждать, что сентябрьскими распоряженіями 1653 г. было уничтожено помѣстное и вотчинное право иностранцевъ. Если находили нужнымъ регламентировать продажу вотчинъ иностранцами, то изъ этого слѣдуетъ, что не у всѣхъ

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 103.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 113.

иностранцевъ удалось отобрать ихъ вотчины на государя. Несомнѣнно, что этотъ указъ стоитъ въ противорѣчіи съ утвержденіемъ Олеарія и сентябрьскими распоряженіями. Но изъ этого, всетаки, еще не слѣдуетъ, чтобы онъ отрицалъ ихъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ихъ принимаемъ. Намъ кажется, что этотъ указъ о порядкѣ продажи иностранныхъ вотчинъ не уничтожаетъ нашего перваго предположенія о состоявшемся въ сентябрѣ 1653 г. запрещеніи иностранцамъ владѣть помѣстьями и вотчинами, а наводитъ на мысль о томъ, что правительство отказалось отъ своей тактики. Сперва принялись прямо отнимать отъ владѣльцевъ ихъ имѣнія, а потомъ нашли это, можетъ быть, не только неудобнымъ, но и невыгоднымъ и неосуществимымъ. Всѣ эти помѣщики и вотчинники изъ иностранцевъ были служилыми людьми и многіе изъ нихъ въ большихъ чинахъ. Въ одномъ Арзамасскомъ уѣздѣ было 2 полковника и одинъ подполковникъ. Эти лица, съ отнятіемъ у нихъ помѣстій и вотчинъ, оказывались на денежномъ иждивеніи государя. Кромѣ того, дѣло не могло обойтись безъ протестовъ со стороны самихъ владѣльцевъ. Недаромъ объѣзжему головѣ Силбухину было велѣно пріѣхавъ въ Арзамасскій уѣздъ „въ помѣстья и въ вотчины некрещеныхъ нѣмецъ, и не доѣзжяя до тѣхъ мѣстъ, верстъ за пять и за шесть, взять окольныхъ людей, поповъ и дьяконовъ, старостъ, и цѣловальниковъ, и лучшихъ крестьянъ“ и тогда уже отправляться отписывать помѣстья на государя [1]).

Если признать, что правительство отказалось отъ своего намѣренія уничтожить помѣстное владѣніе иностранцевъ однимъ ударомъ, то придется признать, что въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ извѣстной уже намъ практикой Московскаго правительства. Она характеризуется съ одной стороны необыкновенной крутостью первой мѣры, а съ другой стороны—ея необдуманностью. Затѣмъ начинаются смягченія, послабленія и исключенія, которыя приводятъ вопросъ къ первоначальному виду. Такъ было съ запрещеніемъ иностранцамъ держать русскую прислугу.

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 103.

Мы не говоримъ, чтобы это въ точности исполнилось въ данномъ дѣлѣ, но во всякомъ случаѣ мы видимъ, что послѣ всѣхъ описанныхъ отобраній недвижимости и крестьянъ у иностранцевъ, въ томъ же 1653 г. считаются съ владѣніемъ иностранцевъ вотчинами, а черезъ 2 года, т. е. въ 1655 году издаютъ указъ о порядкѣ выдачи указныхъ частей женамъ и дочерямъ изъ помѣстныхъ окладовъ мужей и отцовъ ихъ, убитыхъ и умершихъ на войнѣ, причемъ, наравнѣ съ дворянами и дѣтьми боярскими, въ качествѣ помѣщиковъ, упоминаются и иностранцы [1]).

Оказывается, что въ 1655 г. открыто признаютъ у иностранцевъ существованіе помѣстій подобно тому, какъ въ 1653 г. признали существованіе вотчинъ. Между тѣмъ какъ ранѣе велѣно всѣ помѣстья и вотчины иностранцевъ отобрать на государя.

Изъ сопоставленія этихъ фактовъ надо заключить, что послѣ сентябрьскаго указа 1653 г. долженъ былъ послѣдовать указъ, его отмѣнившій. А если такого и не послѣдовало, то авторы второго указа 1653 г. о продажѣ вотчинъ предполагали, что отобраніе помѣстій и вотчинъ у иностранцевъ фактически пріостановлено, что тѣ иностранцы, у которыхъ не удалось отобрать помѣстій и вотчинъ, продолжаютъ владѣть ими. Отсюда указъ 1653 г., переходя на путь постепеннаго ликвидированія помѣстнаго права иностранцевъ, образецъ каковаго уже былъ данъ въ указѣ о сдаточныхъ помѣстьяхъ 1651 г., говорилъ, что если бы кто изъ владѣльцевъ вотчинъ выпускалъ владѣніе изъ своихъ рукъ, то могъ это дѣлать только въ пользу русскихъ людей. Правительство хотѣло, чтобы владѣніе иностранцевъ помѣстьями и вотчинами уничтожалось постепенно.

Итакъ, въ 1655 году иностранцы еще владѣютъ помѣстьями. Они владѣютъ ими въ 1661 году, такъ какъ значатся въ указѣ отъ 2 іюля этого года среди служилыхъ, неявившихся на службу изъ своихъ деревень [2]). Они значатся въ подобномъ же указѣ отъ 1671 года [3]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 173.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 302.

[3]) Полн. Собр. Зак., № 489.

Въ дальнѣйшемъ мы видимъ, что почти до самаго конца XVII вѣка иностранцы владѣютъ крестьянами.

Такъ, въ 1676 году новоуказными статьями о вотчинныхъ и помѣстныхъ дѣлахъ предписывается справлять прожиточныя помѣстья некрещеныхъ вдовъ иностранцевъ за крещеными ея родственниками, обходя некрещеныхъ [1]). Это распоряженіе совершенно согласно съ тѣмъ общимъ планомъ дѣятельности Московскаго правительства, который мы только что установили по данному вопросу, и оно только подкрѣпляетъ нашъ взглядъ, высказанный по поводу второго указа 1653 года. Но изъ того же распоряженія мы видимъ, что черезъ 23 года, послѣ изданія сентябрьскаго указа 1653 года о невладѣніи иностранцами помѣстьями и вотчинами, новоуказныя статьи офиціально констатируютъ наличность въ Московскомъ государствѣ прожиточныхъ помѣстій иностранцевъ. Распоряженіе 1676 г. буквально повторяется п. 38 новоуказныхъ статей о помѣстьяхъ и вотчинахъ, изданныхъ 10 августа 1677 года [2]). Даже въ 1680 г. вотчины достаются иностранкамъ [3]).

Если кратко представить себѣ всю пройденную нами исторію помѣстнаго права иностранцевъ, то она явится въ слѣдующемъ видѣ.

Право иностранцевъ на помѣстья признавалось какъ въ XVI, такъ и въ XVII вѣкѣ. Оно росло и развивалось до половины XVII вѣка. Въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича нашло свое наиболѣе полное выраженіе. Но вслѣдъ затѣмъ сразу же стало падать. Съ пятидесятыхъ годовъ XVII вѣка, идутъ ограниченія правъ иностранцевъ на владѣніе вотчинами и помѣстьями. Законодатель сперва хотѣлъ сразу изъять изъ владѣнія иностранцевъ населенныя земли, но потомъ рѣшилъ это произвести постепенно. Но дѣло слишкомъ затянулось. Исконное право иностранцевъ на помѣстное вознагражденіе за службу, исконное равенство ихъ въ этомъ отношеніи съ русскими людьми настолько

[1]) Полн. Собр. Зак., № 644.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 700.

[3]) Полн. Собр. Зак., № 814.

оказываютъ свое вліяніе на воззрѣнія людей того времени, что даже приказные не могутъ перейти къ новому порядку и въ 1680 году дѣлять одну вотчину между „некрещеными иноземками“ вмѣсто того, чтобы отдать ее крещенымъ людямъ. Статьями о вотчинахъ (ст. 5) отъ 29 марта 1680 года разъясняется приказнымъ ихъ ошибка и предписывается на будущее время при наслѣдованіи выслуженными вотчинами иностранцевъ принимать въ расчетъ и допускать къ наслѣдованію только родственниковъ, принявшихъ православіе [1]). Оправданіемъ приказнымъ можетъ служить то обстоятельство, что съ указа 1653 года о порядкѣ продажи иностранныхъ вотчинъ, правительство сошло съ пути общаго запрещенія владѣть иностранцамъ вотчинами. Регламентированной оказывалась одна продажа. Да еще осталось отъ 1651 г. повелѣніе о сдачѣ имѣній. О наслѣдованіи же ничего не говорилось. Вотъ почему правительству почти въ концѣ XVII вѣка приходилось разъяснять, что переходъ вотчинъ иностранцевъ къ иностранцамъ не допускается и въ порядкѣ наслѣдованія.

Видно, что правительству, рѣшившемуся провести мѣру лишенія иностранцевъ вотчинъ и помѣстій постепенно, приходилось осуществлять ее въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, путемъ отдѣльныхъ запрещеній то тѣхъ, то другихъ способовъ перехода названныхъ имуществъ къ иностранцамъ.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы въ подробностяхъ ни обсуждать политику Московскаго правительства въ данномъ дѣлѣ, надо признать, что начало этой политики датируется пятидесятыми годами XVII вѣка; но никакъ не ранѣе.

Иначе смотритъ на этотъ вопросъ Д. В. Цвѣтаевъ. Онъ видитъ начало ограниченій иностранцевъ въ ихъ правѣ владѣть помѣстьями и вотчинами въ Московскомъ государствѣ въ 30-ыхъ годахъ XVII вѣка [2]). Такимъ утвержде-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 814. А. С. Лаппо-Данилевскій. Выслуженныя вотчины въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вѣковъ. Историческое Обозрѣніе. 1891 г., т. III, стр. 112, 126.

[2]) За Д. В. Цвѣтаевымъ слѣдуетъ въ этомъ вопросѣ В. М. Гессенъ Подданство, его установленіе и прекращеніе, стр. 205.

ніемъ не только колеблется наше мнѣніе о времени перелома въ воззрѣніяхъ Москвы на разбираемое право иностранцевъ, но разрушается и вся картина о послѣдовательномъ развитіи этого права, отрицается указаніе на Уложеніе 1649 года, какъ на кодексъ, завершающій всю предшествующую работу развитія. Поэтому остановимся подробнѣе на мнѣніи названнаго ученаго.

Д. В. Цвѣтаевъ, разсказавъ о многочисленныхъ усиліяхъ Московскаго правительства прекратить наемъ русскихъ людей иностранцами, продолжаетъ: „легче, казалось, прекратить помѣстное владѣніе иноземцевъ. Михаилъ Ѳедоровичъ не дозволялъ (1630 г.) иноземцамъ, испомѣщеннымъ въ разныхъ городахъ Помѣстнаго Приказа, отчуждать свои земли, какъ одинъ другому, такъ и русскимъ, безъ именнаго указа, объявляемаго Помѣстному Приказу изъ Иноземскаго. Снова воспретивъ (1649 г.), хотя и не въ Уложеніи, самовольную передачу иноземцами своихъ земель русскимъ, Алексѣй Михайловичъ затѣмъ повелѣлъ (1653 г.) у помѣщиковъ, за дѣлаемое ими крестьянамъ стѣсненіе въ вѣрѣ, имѣнья отобрать и „иноземцамъ всякихъ чиновъ людямъ вотчины свои продавать русскимъ людямъ, а иноземцамъ некрещеннымъ не продавать“ [1]).

Таковъ очеркъ прекращенія помѣстнаго права иностранцевъ. Онъ начинается 1630 годомъ и оканчивается 1653 годомъ. Видно, что онъ построенъ совсѣмъ иначе, чѣмъ только что представленный нами. Дѣло, конечно, не въ краткости его, а въ томъ, что онъ даетъ совсѣмъ другую схему исторіи помѣстнаго права иностранцевъ въ Россіи. Разница между двумя схемами ясна, и мы не будемъ останавливаться на мнѣніи Д. В. Цвѣтаева въ его полномъ объемѣ. Наша задача не состоитъ въ критикѣ труда названнаго ученаго. Наоборотъ, намъ надо защитить себя отъ нападеній со стороны его авторитета. Это нападеніе проявляется въ томъ, что Д. В. Цвѣтаевъ считаетъ рѣшительными для исторіи помѣстнаго права иностранцевъ указы 1630 и 1649 г. г. Мы же этого не признаемъ. Объ этихъ указахъ мы до сихъ поръ

---

[1]) Протестантство и протестанты въ Россіи, стр. 337.

даже и не говорили. По нашему мнѣнію, исторія прекращенія помѣстнаго владѣнія иностранцевъ, вполнѣ осязательно для всѣхъ участниковъ ея, начинается съ 1653 года, когда у Д. В. Цвѣтаева уже все кончено.

Намъ тѣмъ болѣе надо остановиться на указѣ 1630 г., что Д. В. Цвѣтаевъ по поводу его примыкаетъ къ мнѣнію К. А. Неволина.

Этотъ послѣдній ученый, когда перечисляетъ въ нѣсколькихъ пунктахъ ограниченія въ вотчинномъ правѣ XVII вѣка, то въ п. 6 выдвигаетъ „ограниченія въ пріобрѣтеніи земель отъ иноземцевъ". Этимъ онъ даетъ понять, что вопросъ въ дальнѣйшемъ будетъ идти не исключительно о правахъ иностранцевъ, а о правахъ всѣхъ тѣхъ, которые пожелали бы пріобрѣсти земли иностранцевъ. Затѣмъ онъ говоритъ: „въ 1630 г. царь Михаилъ Өедоровичъ запретилъ иноземцамъ, испомѣщеннымъ въ разныхъ городахъ Помѣстнаго Приказа, отчуждать свои земли безъ именнаго указа, объявляемаго Помѣстному Приказу изъ Иноземскаго какъ другъ другу, такъ и русскимъ людямъ" [1]). Изъ словъ этого указа, приведеннаго К. А. Неволинымъ въ такомъ видѣ, видно, что заглавіе п. 6 объ ограниченіяхъ въ правахъ пріобрѣтателей съ нашей точки зрѣнія не характерно. Лучше было бы сказать: объ ограниченіяхъ иностранцевъ въ отчужденіи ими своихъ земель. Центръ тяжести этого запрещенія именно въ иностранцахъ и въ ихъ недвижимости.

Если изложить этотъ указъ полнѣе, чѣмъ это дѣлаетъ К. А. Неволинъ, то наша мысль станетъ ясна, а, кромѣ того, станетъ видно, что правительство, издавая указъ, имѣло въ виду интересы иностранцевъ, имѣло цѣлью сохранить за ними вотчины и помѣстья и никоимъ образомъ не могло думать начать этимъ указомъ „прекращать помѣстное владѣніе иноземцовъ", какъ говоритъ объ этомъ указѣ Д. В. Цвѣтаевъ.

Указъ говоритъ слѣдующее: „по государеву цареву и великого князя Михаила Өедороoича всеа Русіи указу ино-

---

[1]) Полн. Собр. Соч., т. IV, стр. 146 и слѣд.

земцы розныхъ государствъ испомѣщены въ розныхъ городѣхъ, и изъ тѣхъ иноземцовъ многіе помѣстья свои и вотчины спродаютъ и меняютъ рускимъ людемъ и своей братье иноземцомъ же прожиточнымъ людемъ доброе на худое, а иные и всю свою дачу здаютъ всякимъ людемъ, а емлютъ отъ того деньги и те деньги пропиваютъ и зернью проигрываютъ, и тѣмъ отъ государевы службы отбываютъ, и съ бѣдности бьютъ челомъ государю о корму", и вотъ, въ предотвращеніе всего этого, и запрещается иностранцамъ, безъ контроля со стороны Иноземскаго Приказа, продавать, мѣнять или сдавать кому бы то ни было свои помѣстья. Если же такія операціи будутъ вызываться необходимостью и существомъ дѣла эксплуатаціи недвижимостей, напр., смежностью послѣднихъ и пр., и Иноземскій Приказъ убѣдится въ этомъ или, какъ говоритъ указъ: „а поволить имъ въ томъ будетъ мочно", то чинятъ государевъ указъ [1].

Это какъ бы опека надъ иностранцами, непонимающими своей пользы. Это охраненіе помѣстій и вотчинъ иностранцевъ. Защита владѣнія слабыхъ духомъ иностранцевъ не только отъ посягательствъ другихъ иностранцевъ, но и отъ посягательствъ русскихъ людей. Правительство боится, что помѣстья и вотчины иностранцевъ перейдутъ къ рускимъ людямъ. Однимъ словомъ, этотъ указъ—полнѣйшая противоположность тѣмъ мѣрамъ, которыя правительство стало принимать съ 1653 г., когда задумало прекратить помѣстное владѣніе иностранцевъ, начавъ сосредоточивать помѣстья и вотчины иностранцевъ въ рукахъ русскихъ людей.

Другой указъ, который приводитъ Д. В. Цвѣтаевъ, а именно указъ 1649 года, есть только подтвержденіе указа 1630 года [2].

Указъ 1630 года не начинаетъ мѣропріятій правительства, направленныхъ къ прекращенію помѣстнаго права ино-

---

[1]) Историко-юридическіе матеріалы, изд. Москов. Арх. Мин. Юстиціи. Вып. I, Указн. Кн. Помѣстнаго Приказа, стр. 99, п. 79.

[2]) Полн. Собр. Зак., т. I, № 5. Историко-Юрид. Мат., изд. Моск. Арх. Мин. Юст. Вып. I. Указная книга Помѣстнаго Приказа, стр. 137, п. 123.

странцевъ, а наоборотъ, служитъ фактическому укрѣпленію помѣстнаго владѣнія иностранцевъ.

Въ свое время, когда мы доказывали наличность помѣстнаго права иностранцевъ, мы не приводили этого указа 1630 года. Съ нашей точки зрѣнія онъ ничего не устанавливалъ особеннаго, ничѣмъ особенно не подкрѣплялъ нашихъ доводовъ о помѣстномъ правѣ иностранцевъ. Съ цѣлой серіей другихъ указовъ, также нами не приведенныхъ, онъ вполнѣ согласно голосовалъ въ нашу пользу о помѣстномъ правѣ иностранцевъ. Но коль скоро мы привели этотъ указъ и начали говорить о немъ, то намъ необходимо докончить этотъ частный вопросъ и установить, что начало мѣропріятій Московскаго правительства въ духѣ указа 1630 года датируется не 1630 годомъ, а гораздо ранѣе.

Мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ, что указъ 27 ноября 1614 года уже запрещалъ отдавать помѣстья иностранцевъ кому либо, кромѣ иностранцевъ. „Иноземцовъ старыя помѣстья, говорилъ указъ, въ роздачю дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ въ помѣстья опричь иноземцовъ никому не отдавать, а которой иноземецъ умретъ; а послѣ ево жены и дѣти и роду и племяни не останетца, или которой иноземецъ въ опале будетъ, и тѣ иноземетцкіе старые помѣстья и вотчины велѣно отписывать на государя то тѣхъ мѣстъ, пока мѣсто о тѣхъ помѣстьяхъ и о вотчинахъ иноземцово челобитье будетъ" [1]. Этотъ указъ подтверждается въ 1616 году и въ 1619 году [2].

Послѣ этихъ разсужденій мы еще крѣпче утверждаемся въ мысли, что поворотъ къ худшему въ исторіи помѣстнаго права иностранцевъ послѣдовалъ не раньше второй половины XVII вѣка.

Интересна роль Уложенія царя Алексѣя Михаиловича во всемъ этомъ дѣлѣ. Оно является тѣмъ послѣднимъ аккордомъ, который синтезируетъ всю предшествующую исторію развитія. По Уложенію можно смѣло судить о томъ, что

---

[1]) Историко-юридич. Матеріалы, изд. Моск. Арх. Мин. Юст. Вып. I. Указная книга Помѣстнаго Приказа, стр. 38, п. 13.

[2]) ib., стр. 39, п. п. 14 и 15.

было до него. Но жестоко ошибется тотъ, кто будетъ считать Уложеніе характернымъ памятникомъ вообще для XVII вѣка, кто будетъ руководствоваться Уложеніемъ при обсужденіи правъ иностранцевъ на помѣстное вознагражденіе за службу въ царствованіе Алексѣя Михаиловича. Весь трагизмъ положенія этого памятника въ данномъ вопросѣ заключался въ томъ, что, составленный для регулированія извѣстныхъ явленій, онъ, уже на слѣдующій день послѣ своего составленія, не могъ выполнить этой задачи.

II.

ЗЕМЛИ ЗАВОДЧИКОВЪ и ФАБРИКАНТОВЪ ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ КУПЦОВЪ.

Право служилыхъ иностранцевъ на помѣстное и вотчинное владѣніе въ Московскомъ государствѣ такъ рельефно выдѣлилось и въ общихъ законахъ, и въ отдѣльныхъ указахъ и распоряженіяхъ, и въ безчисленныхъ фактахъ владѣнія иностранцевъ этимъ родомъ недвижимости, что съ увѣренностью можно говорить о существовании его какъ въ XVI, такъ и въ XVII вѣкахъ. Въ половинѣ XVII вѣка помѣстное право иностранцевъ получило страшный ударъ. Но и послѣ этого, уже лишенное прежней опоры, оно существуетъ почти до конца XVII вѣка. Признать существованіе его въ этотъ послѣдній періодъ времени за фактическое, въ качествѣ допускаемаго или терпимаго зла, у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній. Во второй половинѣ XVII вѣка помѣстное право иностранцевъ также юридическій институтъ, какъ и въ первую половину того же вѣка, только постепенно ликвидируемый. Если не обращать вниманія на внутреннюю исторію его и, главнымъ образомъ, на его ликвидацію, т. е. на ту или другую силу его дѣйствія въ разные періоды времени, то придется признать, что право иностранцевъ на помѣстья и вотчины наблюдалось за все время существованія Московскаго государства.

Такова именно основная мысль, которую мы хотимъ выставить въ настоящее время для того, чтобы въ дальнѣйшемъ, опираясь на нее, трактовать о владѣніи землями въ уѣздахъ иностранцевъ же, но не служилыхъ людей, а куп-

цовъ. О владѣніи этихъ послѣднихъ помѣстьями и вотчинами очень мало данныхъ. Это понятно. Лишь по исключенію купцы владѣли такого рода недвижимостью. Между тѣмъ, намъ важно освѣтить и владѣніе купцовъ сколь возможно полнѣе. Когда нами данъ отвѣтъ на вопросъ о владѣніи помѣстьями и вотчинами извѣстнаго разряда иностранцевъ, то будутъ легче отвѣтить и на другой вопросъ о владѣніи тѣми же имуществами, но другого разряда иностранцевъ. Два отвѣта не будутъ двумя параллельными картинами. Но одна картина, а именно только что нарисованная, будетъ основаніемъ для другой.

Имѣнія, населенныя крестьянами, давались не только тѣмъ лицамъ изъ иностранцевъ, которыя пріѣзжали на военную или гражданскую службу государя и ему дѣйствительно служили, но и тѣмъ, которыя ни на какой службѣ не состояли. Такія имѣнія давались заводчикамъ и фабрикантамъ изъ иностранцевъ.

Эти послѣдніе являлись къ намъ исключительно изъ Западной Европы. Для того, чтобы насадить въ Московскомъ государствѣ искусства и знанія Европы, нашимъ государямъ приходилось особенно приглашать такихъ лицъ въ Россію. Уже великій князь Иванъ Васильевичъ понималъ все значеніе и преимущество Европы въ этомъ дѣлѣ и неоднократно посылалъ туда довѣренныхъ людей за мастерами. Великій князь Василій Ивановичъ, царь Иванъ Васильевичъ, Ѳеодоръ Ивановичъ, Борисъ Годуновъ усиленно продолжали то же дѣло. Со вступленіемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича до самаго конца XVII вѣка приглашеніе мастеровъ изъ за границы идетъ, какъ заведенная машина [1]).

Государи приглашали такихъ лицъ не вообще пріѣзжать въ Россію и основывать фабрики и заводы на свой страхъ и рискъ, а пріѣзжать на службу къ государю, который будетъ платить имъ жалованье. Предполагалось, что иностранецъ будетъ служить своимъ знаніемъ, а всѣ расходы по оборудованію и эксплуатаціи предпріятія будетъ нести

---

[1]) См. А. С. Мулюкинъ. Пріѣздъ иностранцевъ, стр. 124—130, примѣчанія, гдѣ собраны многочисленные примѣры такихъ приглашеній.

государь [1]). Такія лица состояли на государевой службѣ такъ же, какъ и въ настоящее время состоятъ на таковой директора казенныхъ заводовъ.

Въ XVI вѣкѣ это былъ почти единственный типъ подобныхъ учрежденій. Частныхъ предпріятій иностранцевъ въ томъ же родѣ не существовало за единственнымъ, насколько намъ извѣстно, исключеніемъ. Англійская торговая компанія, о которой выше мы нѣсколько разъ упоминали, имѣла около 1557 года на Холмогорахъ канатную фабрику, на которой въ 1569 году жило 8 мастеровъ изъ Лондона. Въ 1569 году этой же компаніи было разрѣшено основать на Выгечдѣ, въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, желѣзный заводъ и велѣно отвести земли съ лѣсомъ до 6 верстъ въ окружности. Но этимъ англичанамъ не удалось воспользоваться, и заводъ, ни тогда, ни впослѣдствіи не былъ построенъ [2]).

---

[1]) См. напр. Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, т. II, стр. 233 и слѣд., стр. 1362 и слѣд., т. IV, стр. 800 и 802. Рус. Ист. Биб., т. VIII, № 10, 1, XXIII. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 76. № 89. Акт. Московск. госуд., т. II, №№ 162, 165. Н. М. Карамзинъ. Исторія госуд. Россійск., т. VI, прим. 342, т. X, гл. IV, прим. 451. Лешковъ, Очеркъ древнихъ русскихъ законовъ о ремесленной и заводской промышленности, стр. II. Его же. Русскій народъ и государство, стр. 370 и слѣд. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. V. 1864 г., стр. 459. Ф. Аделунгъ. Критико-литературное обозрѣніе, ч. II, стр. 8 и слѣд. A. Brückner. Die Europäisierung Russlands, 1888 г., стр. 386 и слѣд. Цвѣтаевъ. Протестантство и протестанты въ Россіи, стр. 712, 715. A. Brückner. Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Iahrhunderts. Band. I. 1896 г., стр. 541.

[2]) Времен. Имп. Общ. Ист. и др., кн. 8. Статейный списокъ посольства Флетчера, стр. 11 и слѣд., 28. С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. VII, 1857 г., стр. 338. В. Рожковъ. Матеріалы къ исторіи горнаго промысла въ Россіи. Горный журналъ, ч. IV, 1866 г., стр. 118 и 114. I. Гамель. Начало торговыхъ и политическихъ сношеній между Англіей и Россіей. Журн. Мин. Нар. Пр., 1856 г., т. 89, стр. 93. Его же. Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Прил. къ VIII тому Запис. Имп. Акад. Наукъ. 1865 г. стр. 90. С. Ѳ. Огородниковъ. Очеркъ исторіи г. Архангельска. Морской Сборникъ. 1889 г., № 8, стр. 150. Дм. Цвѣтаевъ. Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи. Русскій Вѣстникъ. 1885 г., т. 177, стр. 808. Его же. Протестантство и протестанты, стр. 712, прим. Вс. Удинцевъ. Посессіонное право. 1896 г., стр. 16 и прим. 1.

Въ XVII вѣкѣ частныя фабрики и заводы, принадлежащіе иностранцамъ, начинаютъ учреждаться въ значительномъ сравнительно числѣ.

Правительство начинаетъ сознавать, что частныя предпріятія могутъ принести бо́льшую пользу какъ государству, такъ и обществу. Въ 1633 году, разрѣшая англійскому купцу Франциску Гловерту и алмазнаго и золотого дѣла мастеру французу Ягану Мартынову вести всякое золотое, серебряное и мѣдное мелкое дѣло на себя въ теченіе 10 лѣтъ, государь объяснялъ, что онъ рѣшилъ допустить частное производство послѣ того, какъ не удалось такое же правительственное дѣло. „По нашему царскаго величества указу, учали было въ нашемъ государствѣ на Москвѣ дѣлать тянутое и волоченое золото и серебро, и канитель и друнцаль, и всякое мелкое золотое и мѣдное дѣло, и то дѣло учало ставиться дорого и прибыли нашему царскому величеству въ томъ дѣлѣ было мало“; между тѣмъ, въ частныхъ рукахъ, государь надѣется, что „то бы дѣло нашему царскому величеству было прибыльно и славно и въ торгу дешевле и нашего бъ государства люди то ремесло переняли“ [1]).

Но еще въ 1623 г. у голландскаго купца Карпа Демулина былъ на Холмогорахъ канатный заводъ, который выдѣлывалъ въ годъ „на корабелной обиходъ канатное дѣло пудовъ тысечю и болши“ [2]). Объ этомъ предпріятіи Демулина намъ уже приходилось говорить, когда мы разбирали предметы иностранной торговли и среди нихъ отмѣчали смолу, какъ предметъ, допускавшійся къ продажѣ иностранцамъ лишь по особому разрѣшенію государя. Припомнимъ, что Демулину мѣстныя власти не давали купить смолы для его завода и онъ долженъ былъ просить государя.

Въ 1630 г. Карпъ Демулинъ, съ разрѣшенія государя, основалъ въ Тотемскомъ и Устюжскомъ уѣздахъ поташные заводы [3]).

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 94.

[2]) Рус. Ист. Биб., т. VIII, № 10, XIX.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла. 1630 г. января 28—1633 г. іюля, № 1, Св. 3.

Въ 1634 году была дана грамота бархатнаго дѣла мастеру Ефиму Фимбранту на устройство завода для выдѣлки лосиныхъ кожъ. Согласно грамотѣ, Фимбрантъ могъ для своего дѣла занимать или казенныя земли, въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ безвозмездно, или частныя—послѣднія не иначе какъ по договору найма. Мастеровыхъ людей изъ за границы онъ могъ вывозить „на своихъ проторѣхъ". Издѣлія своего завода онъ могъ продавать въ Россіи или вывозить за границу, дѣйствуя въ этомъ отношеніи совершенно монопольно. До истеченія 10 лѣтъ никакихъ пошлинъ и оброковъ Ефимъ не платитъ, а затѣмъ долженъ платить. Послѣ 10 лѣтъ монополія кончается, и тогда „вольно съ того образца рускимъ людямъ, которые похотятъ мельницы и сушила ставить и лосиныя кожи дѣлать, а съ тѣхъ рускихъ людей и съ тѣхъ ихъ мельницъ и съ сушилъ потомужъ имати наши пошлины по нашему указу[1]). Мы нарочно привели подробнѣе содержаніе грамоты 1634 года для того, чтобы показать, что этотъ заводъ былъ Фимбранта, а не государя, частный а не казенный.

Въ томъ же году была дана жалованная грамота другому иностранцу Елисею Коэту на устройство стекляннаго завода. Коэтъ просилъ государя позволить ему „заводить и дѣлать скляничное дѣло своимъ заводомъ на срочные годы". Ему позволили на условіяхъ, подобныхъ только что приведеннымъ изъ грамоты Фимбранта. Одно условіе сильно разнилось. Коэтъ пріобрѣталъ земли подъ заводъ отъ казны не безвозмездно, а за деньги. Ему было разрѣшено купить нужныя ему пустоши изъ Помѣстнаго Приказа[2]). Этотъ случай такъ же, какъ и предыдущій, безъ сомнѣнія, говоритъ о частномъ дѣлѣ. Одно послѣднее условіе о покупкѣ пустошей говоритъ о томъ, что Коэтъ не могъ быть простымъ управляющимъ или директоромъ казеннаго завода.

Въ 1637 году было разрѣшено основать въ Новгородѣ

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 102.
[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 103.

заводъ для производства селитры голландскому гостю Андрею Фанрингену [1]).

Въ 1632 году появляются знаменитые Тульскіе желѣзные заводы, которые „по жалованной грамотѣ заводили иноземцы Андрей Виніусъ да Елисей Вилькенсъ“ [2]). Силъ этихъ двухъ лицъ оказалось недостаточно, они „своихъ заводовъ въ совершенье не привели“, и въ 1637 году приняли въ свою компанію Петра Марселиса и Филимона Акему. Дѣло пошло лучше и „къ тѣмъ прежнимъ Тульскимъ заводамъ въ прибавку, въ Каширскомъ уѣздѣ завели многіе прибавочные заводы и построили, вѣчно проча себѣ и сродичамъ своимъ“ [3]). Въ дальнѣйшемъ Виніусъ и Вилькенсъ сходятъ со сцены, остаются Марселисъ и Акема. Въ 1644 году государь разрѣшилъ Марселису и Акемѣ по рѣкамъ Шекснѣ, Костромѣ и Вагѣ строить желѣзные заводы „заводить своимъ заводомъ и своими деньгами“, какъ говорила объ этомъ жалованная грамота [4]). Въ 1657 году эта компанія владѣетъ Поротовскимъ и Угодскимъ желѣзными заводами. Въ 1664 году по указу великаго государя, половина желѣзныхъ заводовъ, которою владѣлъ Петръ Марселисъ, за его вину взята на государя, а другою половиною велѣно владѣть по прежнему его, Петрову, товарищу Филимону Акемѣ. Опредѣлилось, что Тульскіе и Каширскіе заводы взяты на государя, а Поротовскіе и Угодскіе отданы Акемѣ. Въ 1665 году Акемѣ на владѣніе имъ этими двумя заводами была дана особая жалованная грамота. Въ 1667 году государь пожаловалъ Петра Марселиса и указалъ Тульскіе и Каширскіе заводы отдать ему попрежнему [5]).

Въ 1643 г. была дана жалованная грамота агенту англійской компаніи Семену Дигби на устройство въ Ярославскомъ, Вологодскомъ и Тотемскомъ уѣздахъ завода золяныхъ про-

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла. 1637 г. іюня 4, № 5. Св. 5.

[2]) Доп. Акт. Ист., т. V, № 9. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ. ч. I, стр. 179, 181, прим. 2.

[3]) Доп. Акт. Ист., т. V, № 9.

[4]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 118.

[5]) Доп. Акт. Ист., т. V, №№ 9 и 77.

мысловъ на 10 лѣтъ безпошлинно. Въ 1644 году, по случаю смерти Дигби, грамота была переписана на имя его вдовы Дарьи Дигби, племянника ея Ивана Хонта, а также англичанъ: Францишка Аша и Джона Доуфта, вступившихъ въ компанію. Въ 1647 г., по прошенію Хонта, грамоту опять вновь переписали, опять на 10 лѣтъ, отъ имени новаго государя Алексѣя Михаиловича [1]).

На устройство такихъ же заводовъ въ Муромскомъ уѣздѣ получилъ разрѣшеніе въ 1644 г. полковникъ Александръ Краффортъ Въ 1651 году полковникъ Краффортъ получилъ жалованную грамоту на исключительное право въ теченіе 8 лѣтъ сѣять особыя заморскія сѣмена („имя ему рѣинъ залтъ") и приготовлять изъ нихъ масло [2]).

Въ 1673 г. на Москвѣ была бумажная фабрика голландскаго купца Ивана фанъ-Сведена. Что это было частное предпріятіе, а не казенное, доказываютъ слѣдующіе факты. Главными мастерами на фабрику Сведенъ пригласилъ изъ Вестфаліи двухъ лицъ, причемъ договорился съ ними, что „жить имъ у него на бумажныхъ заводехъ 4 года, а найму на годъ давать: Ягану по 110 ефимковъ, Беренту по 60 ефимковъ; да имъ же сверхъ того пить и ѣсть ево Иваново" [3]). Видно, что мастера нанимались не на государево дѣло, а на дѣло Сведена. Когда Сведенъ умеръ, оставшись должнымъ этимъ мастерамъ, то „недоплатныя заслуженныя договорныя деньги" взыскивались съ тѣхъ хозяевъ предпріятія, которые наслѣдовали его, какъ всякое частное имущещество, отъ Сведена. Наслѣдницею была вдова Сведена; съ нея и взыскивали эти деньги [4]). Она одно время сама управляла фабрикой и нанимала нужныхъ людей. Въ 1674 году порядился съ ней „к бумажному еѣ промыслу в работники Івашко турченин і запись с поруками ей на себя дал что ему Івашке по той своей записи і по договору у ней

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Англійскія дѣла. 1642 г. апрѣля 17—1651 г. декабря 12, № 1. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ ч. I, стр. 112.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла. 7160—1651 г. № 62. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ, ч. I, стр. 112.

[3]) Чтенія. 1907 г., кн. II, Смѣсь. 4, стр. 45.

[4]) ib., стр. 46.

работать безо всякие хитрости і не збежать а денги по договору взять у неѣ сполна“ [1]). Изъ всѣхъ этихъ документовъ безъ всякаго затрудненія можно заключить, что бумажная фабрика была частнымъ, а не казеннымъ дѣломъ.

Однако, нѣкоторые писатели сомнѣваются, особенно относительно содержателей желѣзныхъ заводовъ, въ ихъ частномъ характерѣ и говорятъ, что они были тоже, что и приказные люди, завѣдывавшіе государственными заводами, или приказчиками казны, ставившими все годное на государевъ обиходъ.

Къ такому мнѣнію склоняется, напр., проф. В. А. Удинцевъ. Онъ говоритъ, что „горнопромышленники заняли въ государевомъ дѣлѣ положеніе приказчиковъ, ставящихъ все годное на царскій обиходъ“, и затѣмъ прибавляетъ: „провести грань между горнопромышленниками, владѣвшими заводами государской милостью [2])—и мѣднаго или желѣзнаго дѣла приказными людьми, назначавшимися куда либо къ горному промыслу, довольно затруднительно [3]).

По этому поводу мы должны замѣтить, что мастера, особо приглашаемые государемъ „сыскивати руды“, какъ состоявшіе на службѣ, получали опредѣленное жалованье. Поэтому, призвавъ ихъ въ службу великаго государя, надо было учинить съ ними договоръ „по чему имъ давать великого государя жалованья мѣсячного корму или погодно“ [4]).

Мы имѣемъ очень много примѣровъ договоровъ нашего правительства съ подобными лицами, приглашенными на службу въ Россію. Примѣры тянутся черезъ всю исторію Московскаго государства со времени великаго князя Ивана Васильевича. Посылая въ 1484 году за границу извѣстнаго Юрія Траханіота, Иванъ Васильевичъ велѣлъ ему „добывати мастеровъ, рудника... да другова, который умѣетъ отъ земли

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла. 1675 г., августа 23, № 4.

[2]) Здѣсь подразумѣвается Акема.

[3]) Вс. Удинцевъ. Поссессіонное право, стр. 23. См. Его-же. Русское горноземельное право. 1909 г. стр. 79—84 и 109—113.

[4]) Памятники дипломат. сношеній, т. II, стр. 1362 и сл. A. Brückner. Die Europäisierung Russlands, стр. 368 и слѣд.

раздѣлити золото и серебро... А рядити тѣхъ мастеровъ на наемъ, покольку имъ найму на мѣсяцъ давати за все про все"[1]).

Но намъ интересно взять время болѣе позднее и случаи одновременные съ существованіемъ заводовъ Марселиса и Акемы. Въ этомъ отношеніи очень характерно хранящееся въ С.-Петербургскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ дѣло о службѣ въ Россіи рудознатца Крестьяна Дробиша. Въ этомъ дѣлѣ описана не только служба у насъ Дробиша, но приведены обстоятельства и предшествующія этой службѣ и, между прочимъ, приведенъ переводъ съ договора рудознатца Дробиша съ полковникомъ Николаемъ Стаденомъ, гдѣ подробно изложены условія службы[2]).

Въ нашемъ распоряженіи имѣются даже такіе случаѣ, когда государь, желая привлечь на свою службу иностранцевъ, обѣщалъ имъ участіе въ прибыляхъ предпріятія, но не правахъ компаніона государя, а въ видѣ особаго поощренія, сверхъ жалованья. „А что будетъ прибыли передъ заводомъ, говоритъ память, данная въ 1621 г. Юрію Родіонову, посланному за границу за мастерами, и излагающая условія найма этихъ мастеровъ, и государь его съ прибыли пожалуетъ четвертою долею золотомъ и серебромъ, что будетъ найдетъ" [3]).

Въ отличіе отъ такихъ лицъ, служившихъ непосредственно государю, или иначе, состоявшихъ на государевой службѣ, Марселисъ и Акема никакого жалованья не получали. Государь не могъ жаловать ихъ прибылью съ заводовъ, такъ какъ самъ въ этой прибыли не участвовалъ. Извѣстное количество выдѣлываемыхъ предметовъ они должны были ставить въ казну, но не даромъ, а за опредѣленную плату; все ненужное для казны могли продавать и не только въ Россіи, но и за границу.

---

[1]) Н. М. Карамзинъ. Ист. Госуд. Рос., т. VI, прим. 342. Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ, ч. I, стр. 2.

[2]) С.-Петербургскій Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ. XXVII, № 285. 1669—1670 г.

[3]) Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, т. II, стр. 1362 и слѣд.; т. IV, стр. 800.

Казнѣ приходилось торговаться съ заводчиками о цѣнѣ поставляемыхъ предметовъ, а не просто забирать ихъ, какъ свои [1]). Когда Марселисъ и Акема въ 1648 году хлопотали о концессіи на желѣзный заводъ, то противникомъ ихъ явился Виніусъ. Они побѣдили его тѣмъ, что объявили болѣе низкую цѣну за поставляемые въ казну предметы. Тогда ихъ призвали въ Пушкарскій Приказъ, и „по Государеву указу с Ондрѣемъ Виниюсомъ велено имъ дать очная ставка в пушкарскомъ приказе и на очной ставке с Ондрѣемъ Виниюсомъ Петръ и Ѳилимонъ передъ ево Ондрѣевымъ договоромъ в связномъ желѣзе цѣны убавили а в пушкахъ і въ ядрахъ і в доскахъ ставить имъ по послѣдней ево Ондрѣеве договорной ценѣ" [2]). Въ этотъ моментъ переговоровъ съ одной стороны казны, а съ другой—заводчиковъ, между первой и вторыми были отношенія не подчиненія, а свободы, которыя не могли бы имѣть мѣста, если бы заводчики были только приказчиками или мастерами государя.

Существованіе такихъ предпріятій было большой новостью въ Московскомъ государствѣ, и надо отмѣтить всю затруднительность для тогдашняго правительства разобраться въ юридическомъ положеніи ихъ владѣльцевъ.

Смѣшеніе въ то время публичнаго и частнаго моментовъ въ правѣ не только не способствовало разъясненію этого вопроса, а наоборотъ, еще хуже затемняло дѣло.

Цѣлый рядъ фактическихъ обстоятельствъ и условій учрежденія и существованія частныхъ промышленныхъ предпріятій иностранцевъ приводилъ къ выдѣленію хозяевъ этихъ предпріятій изъ общей массы частно-правныхъ субъектовъ и создавалъ для нихъ какое то привилегированное положеніе. Фактическія условія были таковы, что сами собой требовали для иностранныхъ промышленниковъ особыхъ помощи, льготъ и привилегій.

Фактическія обстоятельства учрежденія фабрикъ и за-

---

[1]) См., напр., Доп. Акт. Ист., т. V, № 9, а особенно № 77.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла. 1646—1650 г., № 4.

водовъ въ то время указывали на необыкновенную рискованность такихъ предпріятій.

Прежде всего надо отмѣтить полную неизвѣстность для предпринимателей условій страны, въ которой они хотѣли основать свое дѣло. Во вторыхъ, у насъ не было „мастеровыхъ людей," которыхъ можно было бы поставить на работу. Въ третьихъ, не было „снастей" для оборудованія фабрики или завода и снабженія ея всѣмъ необходимымъ. Наконецъ, часто не было и матеріала для даннаго производства. Вести все это изъ за границы было „убыточно". И вотъ, пріѣхавъ въ Москву для устройства той или иной фабрики или завода, иностранцы должны были возвращаться домой, не добившись цѣли.

Когда они пріѣзжали по приглашенію государя, на его службу, получали прогоны и содержаніе въ дорогѣ, когда имъ возмѣщались всѣ ихъ издержки, тогда неудача въ дѣлѣ учрежденія завода влекла только отказъ въ принятіи на службу. Но когда иностранецъ хотѣлъ основать данное предпріятіе на свой счетъ и въ этомъ не успѣвалъ, тогда ему грозило раззореніе. Поэтому основатели заводовъ и фабрикъ въ Россіи въ большинствѣ случаевъ принадлежали къ богатому купечеству, болѣе или менѣе уже давно знакомому съ Россіей. Въ XVI вѣкѣ канатную фабрику на Холмогорахъ держала знаменитая англійская компанія. Упомянутый нами выше, въ качествѣ владѣльца завода, англичанинъ Семенъ Дигби былъ агентомъ этой компаніи въ Россіи. Карпъ Демулинъ, владѣвшій на Холмогорахъ канатной фабрикой, былъ „Голанские земли гость", т. е. первостатейный купецъ. Мы имѣемъ свѣдѣнія объ его заводѣ отъ 1623 года. Но уже въ 1614 году онъ имѣлъ жалованную грамоту отъ государя за производившуюся имъ торговлю. Андрей Виніусъ такъ же, какъ и Демулинъ, былъ голландскимъ гостемъ. Тоже самое и Филимонъ Акема. Что же касается Петра Марселиса, то онъ принадлежалъ къ Гамбургскому торговому дому, издавна торговавшему въ Россіи. Не только Петръ Марселисъ торговалъ въ Россіи до 1637 года, когда онъ сдѣлался компаніономъ по желѣзному заводу, но еще раньше до Петра Марселиса торговалъ въ Россіи его отецъ Гавріилъ [1]).

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла. 1614 и

Тѣмъ изъ иностранцевъ, которымъ удавалось основать желаемое предпріятіе, по справедливости, принадлежала роль первыхъ изобрѣтателей. Московское правительство въ этомъ отношеніи совершенно правильно квалифицировало ихъ промышленное состояніе и надѣляло ихъ привилегіями именно для защиты изобрѣтеній. Въ 1634 году было дано разрѣшеніе уже извѣстному намъ иностранцу Ефиму Фимбранту устраивать заводы для выдѣлки лосиныхъ кожъ. Для того, чтобы обезпечить Фимбранта отъ конкуренціи, ему одному было предоставлено право имѣть такіе заводы, но не безконечно, а только въ теченіе 10 лѣтъ, „а въ тѣ десять лѣтъ инымъ никакимъ рускимъ и нѣмецкимъ людямъ, опричь его, на ту руку лосинныхъ кожъ въ нашемъ въ Московскомъ государствѣ никому не дѣлать". Послѣ того, какъ 10 лѣтъ пройдутъ изобрѣтеніе больше не защищается. Всякій можетъ такіе заводы строить и кожи дѣлать тѣмъ же самымъ способомъ, по тому же образцу, какъ и Фимбрантъ. Способъ Фимбранта становится общимъ достояніемъ. Само собою понятно, что здѣсь подъ способомъ надо понимать явленіе гораздо болѣе широкое, чѣмъ это понимается въ настоящее время. Здѣсь надо подразумѣвать подъ способомъ или образцомъ весь заводъ Фимбранта въ своей совокупности опредѣленнаго учрежденія, впервые являющагося въ Россіи. Вотъ это то и защищается въ теченіе 10 лѣтъ, а потомъ, видимо, само правительство желаетъ, чтобы русскіе это мастерство переняли. Грамота Фимбранту говоритъ: „и послѣ тѣхъ урочныхъ лѣтъ вольно съ того образца рускимъ людямъ, которые похотятъ мѣльницы и сушила ставить и лосинныя кожи дѣлать". Правительство даже заботится, чтобы русскіе люди воспользовались новостью[1]).

1615 г. г. № 5. Св. 1. Доп. Акт. Ист., т. III, №№ 55 и 116; т. V, № 9. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, №№ 109 и 118. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшнихъ сношеній, ч. I стр. 178 и слѣд., стр. 181, прим. 2. Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII вѣка. Сборникъ матеріаловъ. К. И. Якубовъ. Чтенія. 1898 г., кн. 1, стр. 429. Рус. Ист. Биб., т. VIII, № 10, XIX, XXIII. Сборникъ кн. Хилкова, № 82, стр. 247. A. Brückner. Die Europäisierung Russlands, стр. 386.

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 102.

А. А. Пиленко. Право изобрѣтателя. Т. I, 1902 г., стр. 139, гово-

Не всѣ заводы, принадлежавшіе въ Московское время иностранцамъ, выдѣлывали такія вещи, какъ лосиныя кожи, стекло и пр. Выше мы говорили о желѣзныхъ заводахъ Виніуса, Марселиса и Акемы. На этихъ заводахъ, кромѣ гвоздей, проволоки и т. п. предметовъ, выдѣлывались пушки и артиллерійскіе снаряды, ружейные стволы и холодное оружіе [1]). Родъ предметовъ, выдѣлывавшихся на заводѣ, налагалъ особую печать на все предпріятіе и его хозяевъ.

Наконецъ, надо отмѣтить еще одну черту такихъ заведеній иностранцевъ. Она уже проглядывала, когда мы говорили о привилегіи Фимбранта. Въ самой жалованной грамотѣ Фимбранту правительство не могло скрыть своего желанія, чтобы русскіе научились строить и заводить такія же предпріятія, какими были заводы Фимбранта. Это постоянное желаніе Московскаго правительства насадить техническія знанія западно-европейцевъ среди русскихъ людей, выражавшееся въ цѣломъ рядѣ фактовъ Московской исторіи, находило себѣ особенное мѣсто по отношенію къ разсматриваемымъ нынѣ предпріятіямъ. На заводчиковъ и фабрикантовъ правительство прямо возлагало, въ качествѣ опредѣленной обязанности, учить русскихъ людей своему дѣлу и мастерства отъ нихъ не скрывать. Это

ритъ, что „до воцаренія Петра I, въ Россіи не существовало ничего похожаго на современныя привилегіи. Это, конечно, является вполнѣ естественнымъ, такъ какъ промышленность до-Императорской Руси находилась въ слишкомъ зачаточномъ состояніи, не допускавшемъ даже и возникновенія вопроса о защитѣ техническихъ новинокъ. Всѣ тѣ акты, которые приведены въ Полномъ Собраніи Законовъ подъ общею рубрикою „привилегіи на промыслы, торговлю, изобрѣтенія въ ремеслахъ и художествахъ“ за періодъ, предшествующій воцаренію Петра I, —представляютъ лишь грамоты на безпошлинную и свободную торговлю, выданныя, въ большинствѣ случаевъ, иностранцамъ: „пошлинъ не брать“, „пропущати безо всякого задержанія“, „пропущать безо всякія зацѣпки“ и т. д.“

Намъ думается, что въ настоящее время мы вносимъ поправку въ приведенное мнѣніе.

[1]) См., напр., Доп. Акт. Ист., т. V, № 77, I. „Переводъ съ росписи, какову подалъ въ Посольскомъ Приказѣ Петръ Марселисъ, почему у него всякому желѣзу пудъ цѣною поставленъ въ Оружейномъ Приказѣ“.

было выражено въ грамотѣ Виніусу на устройство желѣзныхъ заводовъ 1632 года [1]). Въ грамотѣ Марселису и Акемѣ отъ 1644 года по этому поводу говорится: „а будетъ наше царское величество, говоритъ грамота, поволитъ всякому дѣлу желѣзнаго заводу научить рускихъ людей, и Петру и дѣтямъ его и Филимону людей нашего царскаго величества велѣть мастерамъ учить всякому желѣзнаго дѣла заводу ковать и плавить, и печи и заплоты и мельницы дѣлать, и ремества никакого отъ рускихъ людей не скрывать" [2]). Когда въ 1646 г. государь жаловался Голландскимъ Штатамъ на недобросовѣстное исполненіе Марселисомъ и Акемою многихъ условій договора, на которыхъ имъ былъ разрѣшенъ желѣзный заводъ, то писалъ, что „забывъ они Петръ і Ѳилимонъ отца его государева блаженные памяти великого государя его царского величества жалованье мимо свой договоръ чинили многие неправды... и рускихъ людей никакому желѣзному дѣлу мастеромъ учить не велѣли, а велѣли мастеромъ отъ рускихъ людей во всякомъ желѣзномъ дѣле скрыватца и мастерства никакова оказывать не велѣли и писали о томъ грамоты к мастеромъ своими руками" [3]).

Итакъ, мы замѣтили четыре черты въ положеніи иностранныхъ заводчиковъ. Во первыхъ—трудность ихъ положенія среди земли и обстоятельствъ имъ совершенно неизвѣстныхъ. Это одно уже давало имъ право на особыя попеченія правительства. Во вторыхъ, они являлись лицами, впервые насаждавшими данную отрасль въ странѣ. Поэтому они могли претендовать на особую охрану и привилегіи для ихъ промысла. Въ третьихъ, иногда самое свойство предметовъ, вырабатывавшихся на заводахъ иностранцевъ, ставило ихъ въ непосредственное отношеніе къ правительству. Достаточно указать на заводы, выдѣлывавшіе артиллерійскія орудія. Наконецъ, въ четвертыхъ, само правитель-

---

[1]) Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ, ч. I, стр. 181, прим. 2. В. А. Удинцевъ. Поссессіонное право, стр. 17.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 118.

[3]) Московъ. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла. 1646—1650, № 4.

ство, заставляя иностранцевъ обучать русскихъ людей ихъ знаніямъ и искусству, трактовало заводчиковъ и фабрикантовъ, какъ носителей культуры и ея распространителей среди русскихъ.

Все это вело къ тому, что Московское правительство не могло не относиться въ высшей степени покровительственно къ иностраннымъ заводчикамъ и фабрикантамъ и, дѣйствительно, выдѣляло ихъ изъ среды частныхъ лицъ. Оно смотрѣло на ихъ предпріятія скорѣе какъ на общественное дѣло или, сообразно тому времени, какъ на казенное—государево, чѣмъ какъ на частное, и потому, прежде всего, ставило ихъ въ положеніе концессіонируемыхъ.

При этомъ правительство, чтобы сохранить за собой еще бо́льшую свободу дѣйствій, разрѣшало то или иное производство лишь на опредѣленное количество лѣтъ. Всѣ перечисленные нами выше золяные и поташные промыслы получали концессіи лишь на 10 лѣтъ. Часто они возобновлялись, но опять на опредѣленный небольшой срокъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ „Тульскій желѣзный промыселъ" данъ былъ Виніусу, Марселису и Акемѣ на 10 лѣтъ. По истеченіи этого срока Марселисъ и Акема просили государя дать имъ промыселъ только двоимъ, съ исключеніемъ Виніуса, но на 20 лѣтъ, при этомъ они выставляли низшую цѣну предметовъ, поставляемыхъ въ казну. Согласіе на это послѣдовало. „І великій государь царь і великій князь Алексѣй Михаиловичъ всеа Русіи Тулскимъ желѣзнымъ промысломъ со всякими желѣзными заводами пожаловалъ их Петра и Ѳилимона сентября съ 1-го числа нынешняго 157 году сентября жъ по 1-е число 177 году на 20 лѣтъ безоброчно и безпошлинно оценя что они Петръ и Ѳилимонъ на очной ставке передъ Ондрѣевымъ договоромъ желѣзнымъ запасомъ цену поставили с убавкою, а по государеву указу тому желѣзному промыслу быть за ними и за ихъ за родимцы или за братьею или за детми и за племянники или за внучаты, до урочныхъ лѣтъ безповоротно. А какъ урочные годы выдутъ а укажетъ государь тому желѣзному промыслу быть за ними жъ и за их родимцы и тому желѣзному промыслу быть за ними и за их родимцы по тому договору какъ государь укажетъ а будетъ государь укажетъ тотъ

желѣзной промыслъ взять на себя государя или кому укажетъ государь мимо нихъ отдать и тотъ желѣзной заводъ и всякие желѣзные запасы взять у нихъ потому жъ оценя а имъ за то по цѣнѣ денги дать" [1]).

Здѣсь совершенно точно опредѣляется, что заводчики, хотя и частныя лица и ведутъ свое собственное дѣло, а не государево, но не иначе какъ съ соизволенія государя, даже по его пожалованію. Государь прямо и говоритъ, что онъ „пожаловалъ "Марселиса и Акему желѣзнымъ промысломъ. Хотя дальше изъ объясненія причинъ этого пожалованія оно значительно теряетъ свою цѣну. Даже совсѣмъ перестаетъ быть пожалованіемъ. Но это уже зависитъ оттого, что промыслы были частнымъ предпріятіемъ, а не казеннымъ, и что правительству при пожалованіи просто приходилось выбирать среди предпринимателей того, кто объявлялъ меньшую въ сравненіи съ другими цѣну за поставляемые въ казну предметы.

Пожалованіе государя даннымъ промысломъ обусловлено извѣстнымъ срокомъ. „А какъ урочные годы выйдутъ", говорили Марселису и Акемѣ, то государь опять опредѣляетъ дальнѣйшую судьбу завода и кому хочетъ, тому и даетъ его.

Въ полномъ согласіи съ этимъ началомъ, разрѣшеніе государя владѣть заводами носило личный характеръ, а потому дальше, въ тѣхъ же условіяхъ Марселису и Акемѣ прописывалось: „а владѣть Петру и Ѳилимону желѣзнымъ промысломъ самимъ а на сторону безъ государева указу никому не продать и не заложить и никому не отдать" [2]). Всякія измѣненія въ составѣ компаніи происходили не иначе, какъ съ разрѣшенія государя. „Въ помочь къ себѣ съ стороны товарыщевъ, говорили грамоты государя заводчикамъ, никого, безъ нашего великого государя указу, не припускать" [3]).

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла. 1646—1650 г., № 4.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла. 1646—1650 г., № 4.

[3]) Доп. Акт. Ист., т. V, № 9. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 103.

Столь ограничивая характеръ владѣнія иностранныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ ихъ предпріятіями, правительство за это компенсировало ихъ въ другихъ отношеніяхъ и, прежде всего, надѣляло ихъ казенными субсидіями.

При учрежденіи Виніусомъ желѣзныхъ заводовъ, ему было дано изъ казны 3000 р., какъ говоритъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій, „на заведеніе“ дѣла. Когда въ компанію съ Виніусомъ вступили Марселисъ и Акема, тогда они „просили изъ казны еще 3000 р, что и дано имъ“. [1]) Изъ дѣлъ этихъ заводовъ видно, что владѣльцамъ и впослѣдствіи неоднократно давались изъ казны ссуды, которыя они выплачивали постепенной поставкой въ казну извѣстныхъ предметовъ. [2]).

Въ 1673 г. въ Москвѣ существовала бумажная фабрика голландскаго купца Ивана фанъ-Сведена, Мы уже видѣли, что это была фабрика Сведена, а не казенная [3]). Не смотря на это, все оборудованіе фабрики было произведено на счетъ казны: „изъ доходовъ приказу Володимерские чети“ и другихъ [4]). Подрядчики и поставщики матеріаловъ и строительныхъ работъ заключали контракты не съ Сведеномъ, а съ казною [5]). Въ этихъ контрактахъ, а также въ своихъ челобитныхъ объ уплатѣ слѣдуемыхъ имъ денегъ, они даже называли свою работу „ево великого государя дѣломъ“ [6]).

Мы должны сказать, что Московскій государь со своей казной приходилъ на помощь иностраннымъ заводчикамъ и фабрикантамъ самымъ энергичнымъ образомъ. Не одни деньги получали иностранцы для своихъ фабрикъ и заводовъ. Англійской компаніи подъ желѣзные заводы и для ихъ нуждъ были отведены въ XVI вѣкѣ отъ казны боль-

---

1) Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ, ч. I, стр. 181, прим. 2.

2) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла. 1646—1650, № 4. Доп. Акт. Ист., т. V, № 77.

3) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ Дѣла Голландскія. 1675 г. авг. 23, № 4.

4) Чтенія. 1907 г., кн. II, Смѣсь, 4, стр. 47, 49, 52.

5) ibid., стр. 48—51, стр. 53—57.

6) ibid., стр. 48 и 57.

шія пространства земли съ лѣсомъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ. Карпъ Демулинъ, англійскій агентъ Дигби, полковникъ Краффортъ получили упомянутыя выше земли для нуждъ своихъ заводовъ безвозмездно. Ефиму Фимбранту было предоставлено право занимать подъ его мельницы какія угодно государевы порозжія земли, безъ всякаго вознагражденія. Точно также Марселису и Акемѣ—подъ ихъ заводы, по грамотѣ 1644 года.

Эти пожалованныя иностранцамъ недвижимости были „государевыми порозжими землями", и должны были оставаться въ рукахъ иностранцевъ таковыми. На нихъ нельзя было строить деревни и заводить крестьянъ. При пожалованіи это запрещеніе особенно выговаривалось въ грамотахъ, напр. въ грамотѣ 1644 г. Марселису и Акемѣ [1]).

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы такія лица не могли совсѣмъ владѣть крестьянами. Правительство въ своихъ попеченіяхъ о насажденіи промышленности въ Россіи не останавливалось и передъ надѣленіемъ промышленниковъ населенною землею. Для того, чтобы обезпечить заводы рабочимъ людомъ, къ нимъ приписывали, кромѣ пустошей, цѣлыя волости съ крестьянами. Такъ, при Михаилѣ Өеодоровичѣ, въ тридцатыхъ годахъ къ Тульскимъ и Каширскимъ желѣзнымъ заводамъ Виніуса, Марселиса и Акемы была приписана „великого государя дворцовая Соломенная волость со крестьяны и со всѣми угодьи".

Въ 1657 г. Марселису и Акемѣ къ Малоярославскимъ, на рѣчкѣ Угодкѣ желѣзнымъ заводамъ „изъ Помѣстнаго приказу, для рудного копанья къ желѣзному дѣлу и лѣсного угодья на заводное строеніе и для дровъ на угольесжженіе, отказано въ Ярославецкомъ же уѣздѣ Малого, въ розныхъ станѣхъ, изъ порозжихъ земель оброчныхъ сто пустошей, да три оселка, да полселца, да лугъ, да для работы дана Вышегородская волость со крестьяны" [2]).

Владѣніе заводчиковъ землями, а особенно крестья-

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 118.

[2]) Доп. Акт. Ист., т. V, № 9. Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ. ч. I, стр. 181, прим. 2.

нами, имѣло для нихъ громадное значеніе. Если какой изъ перечисленныхъ выше фактовъ и выдвигалъ ихъ изъ числа частныхъ лицъ и создавалъ имъ привилегированное положеніе, то это именно владѣніе крестьянами. Оно сближало ихъ съ лицами, исключительно занимавшимися государевымъ дѣломъ, съ государевыми служилыми людьми. Но это еще не все. Этимъ еще не ограничивалось выдѣленіе заводчиковъ изъ среды частныхъ лицъ.

Правовая сторона положенія предпринимателей изъ числа иностранныхъ купцовъ, намѣчавшаяся въ пользу расширенія ихъ правъ, не ограничивалась только приведеннымъ моментомъ. И при другихъ обстоятельствахъ правительство расширяло права заводчиковъ до правъ служилыхъ людей и ставило ихъ въ особое положеніе, именно лицъ, служившихъ государеву дѣлу.

Напр., въ 1675 г. Марселисъ и Фандергартенъ отправились отыскивать руду въ Олонецкомъ уѣздѣ, на Цыльмѣ и Пижмѣ рѣкахъ, въ Пустоозерскомъ уѣздѣ и въ другихъ мѣстахъ, и „тое руду плавить и ковать, своими денгами и проторми и наемными людми". Слѣдовательно это было ихъ частное предпріятіе. Но посмотримъ, какъ оно было обставлено. Для того, чтобы названнымъ лицамъ нигдѣ не чинили помѣшки и вездѣ пропускали ихъ и ихъ людей, посланныхъ для отыскиванія руды, имъ была дана проѣзжая грамота. Этой грамотой повелѣвалось всѣмъ, начиная съ бояръ и воеводъ и кончая крестьянами, оказывать „имъ иноземцомъ Петру Марселису и Еремѣю Фандергатену, или кто отъ нихъ поѣдетъ, въ сыску золотыя и серебреныя и иныхъ всякихъ рудъ, давать всякую повольность и про всякіе рудные мѣста имъ извѣщать и тѣхъ извѣтчиковъ, для прямого розыску и указыванья прямыхъ призначныхъ мѣстъ, имъ Петру и Еремѣю и ихъ присылщикомъ давать; а съ тѣми извѣтчики на тѣ мѣста посылать околныхъ понятыхъ людей, по сколку человѣкъ пригоже, и на тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ извѣтчики укажутъ, тѣхъ рудъ имъ Петру и Еремѣю искати, по сему нашему великого государя указу, безо всякихъ споровъ, на чьей землѣ ни прилучится; а на ослушниковъ имъ Петру и Еремѣю давати стрѣлцовъ и пушкарей и розсылщиковъ". Въ степныхъ мѣстахъ для бе-

реженья отъ воровъ давать имъ государевыхъ служилыхъ конныхъ или пѣшихъ людей, на водныхъ путяхъ давать суда и гребцовъ и кормщиковъ и провожатыхъ. Въ экстренныхъ случаяхъ они могутъ брать казенныя подводы, но должны платить за нихъ. Слѣдовательно, они ѣдутъ безусловно на свой счетъ. Ни съ нихъ самихъ, ни съ ихъ людей никакихъ пошлинъ не брать. Во все время производства изысканій „во всѣхъ городѣхъ на нихъ Петра и Еремѣя или кто въ тотъ сыскъ поѣдетъ, ни въ чемъ суда давать не велѣть, чтобъ имъ въ томъ рудяномъ сыску помѣшки не было". Правительство настолько увлекается въ квалифицированіи положенія этихъ иностранцевъ въ опредѣленную сторону, что все ихъ предпріятіе называетъ „нашимъ великого государя рудосыскнымъ дѣломъ" [1]).

Мы ни мало не ошибемся, если скажемъ, что трудно опредѣлить на какомъ правѣ владѣли иностранные купцы заводами и фабриками въ Московскомъ государствѣ. Въ ихъ положеніи лицъ, безусловно не состоявшихъ на правительственной службѣ, было много чертъ публичнаго права.

Мы ихъ служилыми не называемъ, но для насъ важно отмѣтить этотъ характеръ иностранныхъ предпринимателей. Для насъ, занятыхъ сейчасъ вопросомъ о владѣніи недвижимостью иностранцевъ, можно заключить, что указанный характеръ много способствовалъ тому, чтобы у иностранныхъ купцовъ, владѣвшихъ на Руси заводами, образовалось право владѣть и крестьянами. Это послѣднее право могло возникнуть на фонѣ общаго права на помѣстья служилыхъ людей, безразлично, какъ мы выше видѣли, русскихъ подданныхъ или иностранцевъ, и несомнѣнно, что характеръ владѣнія заводчиковъ, въ виду нѣкоторой общности ихъ положенія съ положеніемъ служилыхъ людей, могъ быть одинъ и тотъ же. По крайней мѣрѣ, отдѣльные факты владѣнія крестьянами заводчиковъ утверждаются на примѣрѣ помѣстнаго права служилыхъ.

Названныя выше волости съ крестьянами заводчики получили въ свое владѣніе безвозмездно, совершенно такъ

---

[1]) Доп. Акт. Ист., т. VI, № 24, XII, XIII, № 135.

же, какъ получали помѣстья и вотчины служилые люди. Помѣщики должны были заботиться о своихъ помѣстьяхъ: не пустошить ихъ и крестьянъ изъ деревень не разгонять. Заводчики должны были смотрѣть, чтобы „волостныхъ крестьянъ не разогнать". Строгое помѣстное право не допускало свободнаго распоряженія помѣстьемъ. Филимонъ Акема не долженъ былъ „Вышегородской волости со крестьяны на сторону, иноземцомъ и рускимъ людемъ, не продавать и не заложить, и на откупъ не отдавать". Помѣстье давалось для службы, и владѣніе помѣстьемъ обусловливалось службою, иначе отбиралось въ казну. Вышгородская волость была во владѣніи Акемы до тѣхъ поръ пока дѣйствовали его желѣзные заводы. Какъ только заводы „конечно всѣ за рудою станутъ и сыщется про то допряма,.... Вышегородскую волость, со крестьяны и со всѣми угодьи.... принять въ нашу великого государя казну".

На готовыхъ образцахъ помѣстнаго права служилыхъ людей утверждалось владѣніе крестьянами иностранныхъ заводчиковъ.

Помѣстное право служилыхъ людей изъ иностранцевъ во второй половинѣ XVII вѣка ликвидировало свои дѣла. Право заводовъ на владѣніе крестьянами, только что появлявшееся и то въ видѣ особыхъ рѣдкихъ случаевъ, наблюдалось среди иностранцевъ и во второй половинѣ XVII вѣка. Документы о Вышгородской волости, приписанной къ заводу Акемы, относятся къ 1665 году [1]).

Заводчики, кромѣ волостей съ крестьянами, владѣли еще казенными пустошами. Эти земли также отпускались заводчикамъ безвозмездно. Такъ, по крайней мѣрѣ, дали пустоши въ 1634 году Фимбранту. Въ томъ же году другому заводчику, а именно Елисею Коэту, нужныя ему земли для стекляннаго завода велѣли продать изъ Помѣстнаго Приказа. Разница между этими двумя владѣльцами сразу бросается въ глаза, но, по тщательному разсмотрѣнію, она не кажется такой значительной. Въ грамотѣ Фимбранту не значится, могъ ли онъ распоряжаться своими пу-

---

[1]) Доп. Акт. Ист., т. V, № 9.

стошами. Намъ думается, что едва ли могъ? Это наше предположеніе подкрѣпляется выясненіемъ тѣхъ условій, на которыхъ были проданы казенныя пустоши Коэту. Грамота Коэту говоритъ: „а владѣти ему тѣми пустошьми велѣли самому ему Елисею и дѣтямъ его, покамѣста они учнутъ жить на Москвѣ, а продавать и закладывать и поступаться никому ему не велѣли.... А какъ онъ Елисей поѣдетъ въ свою землю въ Свію, и у него тѣ пустоши велимъ взяти на себя по прежнему, а за тотъ его скляничный заводъ со всѣмъ строеньемъ велимъ заплатить деньги по разсмотрѣнію“. Видно, что Елисей Коэтъ не могъ распоряжаться купленными пустошами и владѣніе его ими ничѣмъ не отличалось въ этомъ отношеніи отъ владѣнія Акемы Вышгородскою волостью. Если при покупкѣ государевыхъ пустошей не было права распоряженія ими, и они настолько тѣсно были связаны съ положеніемъ заводчика, какъ таковаго, что отбирались въ казну при ликвидаціи имъ своего дѣла, то тѣмъ болѣе это должно было прилагаться по отношенію къ пустошамъ, отпущеннымъ, какъ помѣстья, безвозмездно [1]).

Безвозмездно были отпущены государевы пустоши и желѣзнымъ заводамъ Марселиса и Акемы. Эти пустоши также нельзя было ни продать, ни заложить, ни на откупъ дать. Съ ликвидаціей заводовъ, пустоши отбирались въ казну [2]).

Нарисованная нами картина владѣнія землею иностранными заводчиками, землею какъ населенною крестьянами, такъ и не населенною, достаточно опредѣленно говорила за то, что все право владѣнія этихъ иностранцевъ казенными землями во многомъ соотвѣтствовало помѣстному праву [3]). Это послѣднее предполагало публично-правовыя отношенія между государемъ и помѣщиками. Немного выше мы, разбирая положеніе иностранныхъ заводчиковъ въ Москов-

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, №, 102 и 103.

[2]) Соб. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 118. Доп. Акт. Ист., т. V, № 9.

[3]) Ср. проф. В. А. Удинцевъ. Русское горноземельное право. 1909, стр. 109—114.

скомъ государствѣ, пришли къ тому выводу, что ихъ положеніе было въ сильной степени окрашено публично-правовымъ оттѣнкомъ.

К. А. Неволинъ, когда говорилъ о земельномъ владѣніи иностранцевъ по особеннымъ разрѣшеніямъ и пожалованіямъ правительства, то подразумѣвалъ именно заводчиковъ и фабрикантовъ. Онъ называлъ ихъ земли вотчинами; говорилъ, что иностранцы могли владѣть вотчинами. Для насъ не совсѣмъ ясно, что понималъ подъ этимъ словомъ ученый. Если онъ понималъ подъ вотчинами собственныя земли, хотя бы и со всѣми оговорками недвижимой собственности того времени, то мы должны категорически заявить, что, на основаніи разсмотрѣннаго до сихъ поръ матеріала, невозможно признать за иностранными заводчиками и фабрикантами права собственности на уѣздныя земли. Этого права заводчики не пріобрѣтали ни въ какомъ случаѣ. Ихъ отношеніе къ землѣ, полученной отъ государя, все равно-безвозмездно или за деньги, было въ высшей степени условнымъ, подобно помѣстному праву.

Но, кромѣ того, надо замѣтить, что такое отношеніе ихъ къ недвижимостямъ въ уѣздѣ было единственно допустимымъ, за небольшимъ исключеніемъ. Это исключеніе, дѣйствительно, было небольшое, какъ въ виду того, что оно выражалось только въ одномъ возможномъ отношеніи заводчиковъ къ землѣ, такъ и въ виду того, что объемъ правъ въ этомъ случаѣ ограничивался правами простого нанимателя. Дѣло шло не о земляхъ казенныхъ, а о земляхъ частныхъ лицъ и о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя могли становиться иностранные заводчики къ такимъ землямъ. По совершенно категорическимъ заявленіямъ грамотъ, частныя земли заводчики могли только нанимать, „а куплею ни у кого никакихъ земель не покупать и подъ закладъ ни въ чемъ не имать“ [1]). До насъ дошелъ образецъ порядной, на основаніи которой нанималъ у подъячего

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, №№ 102 и 118. Доп. Акт. Ист., т. V, № 9.

Мартина Шестакова его землю подъ желѣзный заводъ Иванъ Акема, сынъ Филимона Акемы, въ 1684 году [1]).

Отсутствіемъ права пріобрѣтать къ своимъ заводамъ земли въ собственность эти иностранцы отличались отъ простыхъ купцовъ, которые, какъ мы увидимъ, имѣли право на недвижимую собственность въ городахъ.

Но и заводчики и фабриканты не имѣли права пріобрѣтать недвижимой собственности только въ качествѣ заводчиковъ и фабрикантовъ.

Тѣ же заводчики въ другомъ мѣстѣ, а не при своемъ заводѣ, могли владѣть недвижимой собственностью, но не въ качествѣ уже заводчиковъ, а въ качествѣ простыхъ купцовъ. Такъ, Петръ Марселисъ, которому строго запрещалось покупать въ собственность къ его заводамъ недвижимость, владѣлъ въ Москвѣ, на Паганомъ Прудѣ дворомъ, который потомъ перешелъ къ его наслѣдникамъ. [2])

Чѣмъ же, въ концѣ концовъ, могли владѣть на правѣ собственности заводчики по отношенію къ своимъ заводамъ? Казенныя земли давались имъ какъ бы на помѣстномъ правѣ. Частными землями они могли пользоваться только путемъ найма ихъ. Оставались заводскія строенія, инвентарь и выработанные предметы съ матеріаломъ для выработки. Вотъ этимъ всѣмъ они владѣли съ тѣмъ правомъ, которое походило на право собственности. Грамота 1665 года Акемѣ различаетъ землю отъ всего остального, что входитъ въ понятіе завода, и говоритъ, что Поротовскій заводъ Марселисъ и Акема купили, а землю къ тому заводу наняли. „Купили, говоритъ грамота, на рѣкѣ Поротвѣ, у боярина нашего у Ильи Даниловича Милославскаго, ветхой заводъ, да къ тому заводу наняли изъ оброку на пятнадцать лѣтъ земли". Заводъ названъ ветхимъ, потому что строенія и инвентарь, что понимали подъ заводомъ, были ветхими.

Въ полномъ согласіи съ выставленными положеніями грамоты описываютъ порядокъ ликвидаціи промышленныхъ

[1]) Акты Юридическіе. № 204.

[2]) Доп. Акт. Ист., т. VI, № 53, IV.

предпріятій. Когда заводы кончатъ свою дѣятельность, тогда земли берутся въ казну безъ всякихъ условій. Совсѣмъ иначе поступаютъ съ заводскими строеніями, снастями и запасами. „А что на тѣхъ заводѣхъ, въ то время (ликвидаціи) объявится у отдачи ихъ желѣза и ратныхъ запасовъ, въ отдѣлкѣ или не въ отдѣлкѣ, и желѣзныхъ всякихъ снастей и къ тѣмъ заводомъ всякого строенья, да буде что изъ того доведется у нихъ взять въ пашу великого государя казну, и имъ за то заплатить, изъ нашея великого государя казны, денги по оцѣнкѣ; а буде чего взяти въ нашу великого государя казну не доведется, и то все отдати ему Филимону и племянникомъ его". [1])

Теперь съ еще бо́льшимъ основаніемъ, чѣмъ прежде, мы можемъ говорить объ особомъ характерѣ владѣнія иностранныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ ихъ предпріятіями. Значеніе послѣднихъ, какъ общественныхъ учрежденій, проявляется настолько, что право собственности заводчика существуетъ, какъ минимумъ, который необходимъ и долженъ быть оберегаемъ, въ качествѣ источника частной инициативы и дѣятельности, болѣе сильныхъ и живучихъ, чѣмъ бюрократическія начинанія и производство.

Теперь мы еще съ бо́льшимъ основаніемъ можемъ утверждать, что, въ силу взгляда на заводчиковъ, какъ на людей, служившихъ „государеву дѣлу", ихъ надѣляли землями такъ же, какъ служилыхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Ихъ иностранное происхожденіе и подданство не мѣшали этому, какъ не мѣшали и служилымъ людямъ.

На всякій случай мы, всетаки, укажемъ, что владѣльцы заводовъ, несмотря на то, что пользовались у насъ землями какъ пустошами, такъ и съ крестьянами, не были русскими подданными и не становились таковыми. Правительство совершенно спокойно смотрѣло на ихъ иностранное подданство и не требовало принятія русскаго подданства.

Елисей Коэтъ имѣлъ право, въ силу жалованной гра-

---

1) Доп. Акт. Ист., т. V, № 9. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 103.

моты 1634 года, покупать казенныя пустоши для своего стекляннаго завода. „А владѣти ему тѣми пустошьми, гово-ворила грамота, самому ему Елисею и дѣтямъ его, покамѣста они учнутъ жить на Москвѣ". Если бы Елисей, въ качествѣ владѣвшаго землею, былъ обязательно русскимъ подданнымъ, то гдѣ же, какъ не въ Москвѣ, онъ могъ бы жить? Но Елисея никто не считалъ русскимъ подданнымъ, и потому предполагали возможнымъ, что онъ, поживя въ Россіи, захочетъ возвратиться и на родину, въ свою Швецію. Предусматривая этотъ случай, государь въ той же грамотѣ говорилъ: „а какъ онъ Елисей поѣдетъ въ свою землю въ Свію, и у него тѣ пустоши велимъ взяти на себя по прежнему" [1]).

Сохраняли иностранное подданство не только тѣ, кто владѣлъ пустошами, но и тѣ, кто владѣлъ деревнями. Въ тридцатыхъ годахъ, въ концѣ, къ заводамъ Виніуса, Марселиса и Акемы была приписана волость съ крестьянами. До этого времени, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда Виніусъ владѣлъ заводами безъ волости, онъ былъ иностранцемъ и офиціально назывался напр., въ 1634—1635 г.г. „голландской земли гостемъ" [2]). Послѣ приписки волости онъ также остался иностранцемъ и также назывался голландскимъ гостемъ [3]). Впослѣдствіи Виніусъ перешелъ въ русское подданство, но это было не ранѣе 1651 года [4]).

Относительно Петра Марселиса и Ѳилимона Акемы точно также дѣло совершенно ясно. Не смотря на то, что они владѣли крестьянами, ихъ ни въ какомъ случаѣ не считали русскими подданными. Въ 1646 г. Московское правительство, считая ихъ подданными Голландскихъ Штатовъ, жаловалось этимъ послѣднимъ на неисполненіе Марсели-

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 103.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла. 1634—1635 г. № 4.

[3]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла. 1642 г. февраля 9. № 2, св. 5.

[4]) Д. В. Цвѣтаевъ. Протестантство и протестанты въ Россіи, стр. 402 и слѣд.

сомъ и Акемою многихъ условій эксплуатированія желѣзныхъ заводовъ. Но оказалось, что и Голландское правительство сперва не захотѣло признать ихъ своими подданными, и нашимъ посламъ стольнику и намѣстнику Медынскому Милославскому и дьяку Байбакову, когда они были въ Голландіи, „Нидерлянские и Галанские земли у владѣтелей и къ его царского величества посломъ они владѣтели присылали товарыщевъ своихъ стат же и посломъ царскаго величества объявили, что Петръ Марселисъ амбурецъ а не ихъ Галанские земли подданной а Ѳилимона Ѳилимонова они не знаютъ итого не вѣдаютъ гдѣ родился и жилъ и нынѣ гдѣ живетъ и дѣла до него имъ никакова нѣтъ въ тѣхъ ихъ неправдахъ воленъ великій государь его царское величество что ни велитъ надъ ними учинить“ [1]). Точно также и въ грамотѣ своей къ великому государю „Галанские владѣтели и великій князь Оранской писали съ его царского величества послы толко бъ тѣ люди у нихъ были подъ ихъ владѣньемъ и они бъ того не отставили что имъ про то дѣло накрѣпко сыскать толко потому что они ныне не под ихъ судомъ і владѣньемъ живутъ и имъ неявляютца і они о томъ дѣле не могли учинить“ [2]).

Но не прошло и года, какъ Марселисъ и Акема сумѣли, повидимому, убѣдить Голландскія власти принять ихъ подъ свое покровительство и, въ виду хорошихъ отношеній Россіи съ Голландіей, повліять на русское правительство въ томъ смыслѣ, чтобы Марселису и Акемѣ позволили въ дальнѣйшемъ владѣть желѣзными заводами. Марселисъ, человѣкъ ловкій, успѣлъ убѣдить въ томъ же и Датскаго короля. У этихъ двухъ иностранцевъ оказалась цѣлая серія покровителей, которые, по какимъ-нибудь соображеніямъ, начали усиленно заступаться за нихъ, какъ за своихъ подданныхъ. И вотъ, когда въ 1647 году въ Москвѣ велись переговоры съ голландскимъ посломъ Конра-

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла. 1646—1650 г., № 4, листъ 16 и слѣд.

[2]) ib., листъ 17.

домъ Бурхомъ [1]), и посолъ, между прочимъ, говорилъ и о заводчикахъ Марселисѣ и Акемѣ, печалуясь за нихъ, какъ за голландскихъ подданныхъ, то наши приказные языкомъ въ высшей степени деликатнымъ, но въ то же время и не безъ ироніи, высмѣивали иностранныя правительства въ ихъ безпринципности въ вопросахъ о подданствѣ. Конраду Бурху говорили: послѣ того какъ было получено въ Россіи извѣщеніе Голландскихъ владѣтелей, что Марселисъ и Акема не голландскіе подданные, 25 февраля „писали къ великому государю нашему къ его царскому величеству они жъ владѣтели что имъ объявлено что они Ѳилимонъ и Петръ люди кампанѣи и земли ихъ і объ нихъ печалуютца а июня въ 20 день какъ у великого государя нашего у его царского величества ты посолъ былъ на посольстве и ты великому государю нашему его царскому величеству о Ѳилимонѣ да о Петрѣ Марселисѣ грамоту подалъ а въ грамоте написано тожъ что і въ прежнихъ грамотахъ писано і великому государю нашему его царскому величеству то великое подивленье какъ великій государь нашъ его царское величество с послы писалъ к нимъ честнымъ владѣтелемъ о Петрове и о Ѳилимонове неправдахъ и они владѣтели царскаго величества посломъ говорили что Петръ и Ѳилимонъ не их подданные а после того к великому государю нашему къ его царскому величеству в трех грамотахъ писано об нихъ что они их подданные печалуютца, а Датцкои Християнус король к великому государю нашему къ его царскому величеству писалъ что Петръ Марселисъ ево подданной и слуга“ [2]).

Достаточно добродушное, чтобы не заводить изъ за этого исторіи, Московское правительство въ концѣ концовъ перестало интересоваться подданствомъ Марселиса и Акемы и разрѣшило имъ эксплуатировать желѣзные заводы, пото-

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла въ книгахъ. 7155—1647, августа 7—5 сентября 1648 г., № 4, II.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла. 1646—1650 г., № 4, листы 17, 18 и слѣд.

му что они, по соображеніямъ чисто матеріальнаго характера, были болѣе подходящими, чѣмъ другія лица. Но во всякомъ случаѣ, для насъ важно, что во всемъ этомъ дѣлѣ Московское правительство нисколько ни претендовало па русское подданство заводчиковъ, владѣвшихъ и имѣющихъ владѣть въ будущемъ крестьянами и всякой недвижимостью въ Россіи. Марселисъ и Акема оставались иностранцами.

Городскія недвижимости иностранныхъ купцовъ.

I.

ГОСУДАРЕВЫ ГОСТИНЫЕ ДВОРЫ.

Къ вопросу о правѣ иностранныхъ купцовъ на недвижимости въ Московскомъ государствѣ мы подошли черезъ подробныя разсужденія о правѣ этихъ лицъ сперва на уѣздныя земли, населенныя крестьянами, а потомъ на уѣздныя же земли, но пустопорожнія. Права собственности ни на тѣ, ни на другія земли у иностранныхъ купцовъ мы не замѣтили. Отношенія этихъ лицъ къ землѣ были то аналогичны помѣстному праву, то соотвѣтствовали договорамъ аренды или найма. Когда мы разбирали эти отношенія, то называли субъектовъ ихъ не купцами, а заводчиками и фабрикантами. Это мы дѣлали, во первыхъ, потому, что не всѣ изъ этихъ заводчиковъ и фабрикантовъ были купцами, а, во вторыхъ и, главнымъ образомъ, потому, что они владѣли недвижимостью въ уѣздахъ не въ качествѣ купцовъ, а въ качествѣ хозяевъ промышленныхъ предпріятій. Но если мы откинемъ у иностранныхъ купцовъ эту ихъ случайную одежду промышленниковъ, то найдемъ ли мы у нихъ какія либо отношенія къ уѣздной недвижимости? Намъ не удалось найти слѣдовъ такихъ отношеній. Между тѣмъ, о владѣніи купцовъ недвижимостью въ городахъ намъ уже пришлось упомянуть, когда мы говорили о Мар-

селисѣ. Поэтому оставимъ уѣздную недвижимость и обратимся къ городской; тѣмъ болѣе, что уѣздная недвижимость входила въ сферу дѣйствія правъ даже заводчиковъ и фабрикантовъ въ очень ограниченныхъ формахъ, никакъ не доходя до понятія собственности. А заводчики и фабриканты, говорили мы, выполняли общественныя функціи. Для простыхъ купцовъ, по всему, не должно было быть самаго вопроса о владѣніи помѣстьями и вотчинами. Ихъ они не должны были и интересовать. Купцовъ занимала городская жизнь и все связанное съ нею, между прочимъ, и недвижимость въ городахъ.

Вопросъ о городской недвижимости иностранныхъ купцовъ близко подходитъ къ вопросу о мѣстѣ жительства этихъ лицъ и мѣстѣ ихъ торговли. Купецъ проявитъ то или другое отношеніе къ недвижимости или какъ къ опредѣленному мѣсту его фирмы и производства торговыхъ оборотовъ, или какъ къ опредѣленному мѣсту склада товаровъ. Для купца вопросъ о недвижимости, въ смыслѣ той или другой юридической квалификаціи его отношеній къ этому роду имуществъ, явится второстепеннымъ. Его не будетъ долго занимать вопросъ о томъ, на какомъ правѣ собственности или аренды онъ пользуется даннымъ помѣщеніемъ для лавки или склада товаровъ. Гораздо бо́льшее значеніе въ его глазахъ имѣетъ вопросъ о возможности устроить мѣсто торговли или склада товаровъ тамъ, гдѣ онъ этого желаетъ.

Послѣдній вопросъ, имѣющій большее значеніе и въ настоящее время, въ Московской Руси, въ виду цѣлаго ряда особыхъ обстоятельствъ общественности и государственности, имѣлъ еще бо́льшую важность.

Дѣло въ томъ, что уже изъ многихъ данныхъ, встрѣчавшихся намъ раньше, можно установить, что въ виду иновѣрія иностранцевъ, довольно послѣдовательно проводилась въ Москвѣ мысль о необходимости возможнаго изолированія иностранцевъ отъ русскихъ.

При Иванѣ Грозномъ это было формулировано по одному частному случаю въ совершенно опредѣленныхъ выраженіяхъ. Папскій посолъ къ Ивану Васильевичу іезуитъ Антоній Поссевинъ просилъ государя, чтобы онъ у себя въ государствѣ „не держалъ маистровъ люторскихъ нѣмецкихъ“,

а держалъ бы католическихъ ксендзовъ[1]). На это Поссевину отвѣчали: „ино въ нашей землѣ много всякихъ людей вѣръ, а живутъ своимъ обычаемъ, а къ нашимъ людемъ никоторымъ обычаемъ не пристоваютъ а хоти кто и захочетъ пристати, и мы имъ пристати не попускаемъ" [2]). Жить въ Россіи можно, но только въ полной изолированности, не приставая къ русскимъ „никоторымъ обычаемъ".

Въ виду этого, мы замѣчали запрещеніе иностранцамъ пользоваться услугами русскихъ людей. Встрѣчали такіе факты, какъ, напр., въ 1652 г., когда съ русскихъ, нанимавшихся на торговыя суда иностранцевъ ярыжками велѣли брать поручительство въ томъ, что съ иностранцами они не будутъ ни пить, ни ѣсть. Иностранцы, принявшіе православіе, т. е. новокрещены, по терминологіи того времени, охранялись отъ своихъ вчерашнихъ друзей и родныхъ, и послѣдніе по указу законодателя не должны были осквернять новокрещеновъ яствою и питьемъ своимъ[3]).

Немного позже мы увидимъ другіе факты, по которымъ также можно судить объ изолированіи иностранцевъ въ Московскомъ государствѣ, а теперь остановимся лишь на томъ явленіи въ этой области, которое непосредственно связано съ разбираемымъ вопросомъ о мѣстѣ жительства иностранцевъ. Этимъ явленіемъ было постоянно наблюдавшееся въ Москвѣ выдѣленіе иностранцевъ по мѣсту жительства.

Извѣстна исторія, такъ называемой, иноземской слободы въ Москвѣ. Явившись еще при Иванѣ Грозномъ, нѣмецкое селеніе на правомъ берегу рѣки Яузы, недалеко отъ устья ея, погибло въ Смутное время, и при Михаилѣ Өеодоровичѣ на мѣстѣ этого селенія и въ его окрестностяхъ виднѣлись одни пустыри, поля и огороды. Иностранцы же селились въ самой столицѣ, захватывая русскіе дома въ лучшихъ и наиболѣе спокойныхъ частяхъ города[4]).

---

[1]) Памятники дипломатич. сношеній древней Россіи съ державами иностранными, т. X, стр. 280.

[2]) ib., стр. 295.

[3]) Полн. Собр. Зак., № 1117.

[4]) Д. В. Цвѣтаевъ. Изъ Исторіи иностранныхъ исповѣданій въ

Противъ этого принимались свои мѣры. По крайней мѣрѣ, въ 1636 году государь приказалъ свой указъ записать въ Земскомъ Приказѣ: „которые люди впередъ учнуть продавати въ Китаѣ городѣ дворы свои иноземцомъ, и подъячимъ, и инымъ всякихъ чиновъ мелкимъ людямъ, и тѣхъ дворовъ за иноземцы и за подъячими и за иными мѣлкими людми записывать въ книги не велѣлъ" [1]).

Но, не смотря на это, разселеніе иностранцевъ по городу продолжалось. Объяснить это явленіе можно тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣстныя власти, подкупаемыя богатыми иностранцами, сами по себѣ склонны были бы смотрѣть снисходительно на разселеніе иностранцевъ въ городѣ и допускать, хотя бы и въ рѣдкихъ случаяхъ, исключенія изъ общаго правила. Даже редакція запретительнаго указа 1636 г. давала къ этому прямой поводъ. Изъ нея можно было заключить, что только мелкимъ людямъ запрещается пріобрѣтать недвижимость въ Китаѣ городѣ, а къ богатымъ и сильнымъ людямъ это запрещеніе не относится. Примѣры такой политики мы уже встрѣчали. Но, если власть допускала послабленія, то населеніе стояло на стражѣ своихъ интересовъ, напоминало о своихъ нуждахъ правительству и вынуждало его не отступать въ отдѣльныхъ случаяхъ отъ разъ принятой общей политики по отношенію къ иностранцамъ. Такъ, въ мартѣ 1643 года причты 11 московскихъ церквей жаловались государю, что, „въ ихъ приходѣхъ нѣмцы на своихъ дворѣхъ близко церквей поставили ропаты, и рускихъ людей нѣмцы у себя во дворѣхъ держатъ, и всякое оскверненіе рускимъ людемъ отъ тѣхъ нѣмецъ бываетъ, и тѣ нѣмцы, не дождався государева указу покупаютъ дворы въ ихъ приходѣхъ вновь, и вдовыя нѣмки, и держатъ у себя въ домѣхъ всякіе корчмы; и многіе прихожане, которые у нихъ въ приходахъ живутъ, хотятъ свои дворы продавать нѣмцомъ, потому что тѣ нѣмцы поку-

Россіи, стр. 57 и слѣд., стр. 81. Его же. Протестантство, стр. 54. Ив. Соколовъ. Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. 1880 г., стр. 20 и слѣд.

[1]) Акт. Ист., т. III, № 92. Дополнительныя Статьи къ Судебнику. XXVII.

паютъ дворы и дворовыя мѣста дорогою цѣною, передъ рускими людми вдвое и болши, и отъ тѣхъ нѣмецъ приходы ихъ пустѣютъ и государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ съ тѣхъ дворовъ нѣмецъ сослать, потому что они тѣ дворы купили безъ государева указу"[1]).

Изъ этой жалобы видно, что больше всего жалобщики старались, чтобы ихъ прихожане-домовладѣльцы русскіе люди не замѣнялись домовладѣльцами иностранцами, что дѣйствительно наблюдалось. Противъ этого то явленія и вооружались жалобщики. Чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, они устанавливали связь указываемаго ими явленія съ другими явленіями, которыя были бы особенно понятны правительству. Они указывали на близость нѣмецкихъ церквей отъ русскихъ, на оскверненіе русскихъ иностранцами, на нарушеніе этими послѣдними государевыхъ указовъ. Такіе аргументы были близки правительству и должны были оказать свое дѣйствіе. Въ томъ же 1643 году царскимъ указомъ велѣно „на Москвѣ въ Китаѣ, и въ Бѣломъ городѣ, и за городомъ въ слободахъ, дворовъ и дворовыхъ мѣстъ нѣмцамъ и нѣмкамъ вдовамъ у рускихъ людей не покупать, купчихъ и закладныхъ на то въ Земскомъ Приказѣ не записывать, а ропаты, которые у нѣмецъ поставлены на дворѣхъ близко рускихъ церквей, сломать"[2]). Этотъ указъ былъ внесенъ въ ст. 40 гл. XIX Уложенія 1649 г., а въ 1652 г. была возстановлена прежняя система изолированія иностранцевъ въ полной мѣрѣ. Въ этомъ году всѣхъ иностранцевъ, проживавшихъ въ Москвѣ, выселили за городъ, въ особую новую иноземскую слободу[3]).

Въ 1664 г. посолъ Голландскихъ Штатовъ Яковъ Борель напрасно добивался разрѣшенія нашего правительства владѣть голландскимъ купцамъ домами въ самомъ городѣ Москвѣ, а не въ Нѣмецкой слободѣ[4]).

---

[1]) Акт. Ист., т. III, № 92. Дополнит. Статьи къ Судебнику, XXXVI.

[2]) Акт. Ист., т. III, № 92. Дополн. Ст. къ Суд., XXXVI.

[3]) Полн. Собр. Зак., т. I, № 85.

[4]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла, въ книгахъ. 7173-1664, декабря-іюня № 6, II.

Общее правило оставалось неприкосновеннымъ, хотя и не безъ исключеній, особенно къ концу царствованія Алексѣя Михайловича, когда дома богатыхъ иностранцевъ опять начали появляться въ самой Москвѣ [1]).

На почвѣ этой общей политики изолированія иностранцевъ отъ русскихъ людей по мѣсту жительства покоятся и мѣры выдѣленія мѣстъ торговли иностранныхъ купцовъ. Въ основаніи этихъ послѣднихъ мѣръ лежали какъ соображенія общей политики, такъ и соображенія особенныхъ цѣлей, преслѣдовавшихся въ Москвѣ по отношенію къ торговлѣ иностранцевъ. Намъ приходилось уже отмѣчать такія спеціальныя соображенія въ этой области, напр., въ вопросѣ о правѣ пользованія иностранныхъ купцовъ услугами русскихъ людей въ торговыхъ оборотахъ. Будучи знакомы съ разнообразными побужденіями, клонившими въ ту или другую сторону взглядъ Московскаго правительства на иностранцевъ, мы нисколько не удивимся, если и въ разбираемомъ сейчасъ небольшомъ вопросѣ, увидимъ рядъ хитроумныхъ соображеній, въ качествѣ внутреннихъ мотивовъ, освѣщавшихъ политику правительства въ данномъ дѣлѣ.

Иностранные купцы въ Московскомъ государствѣ не могли выбирать мѣста для лавокъ и склада товаровъ тамъ, гдѣ они сами этого хотѣли.

Прежде всего, правительство преслѣдовало свои фискальные интересы и заставляло иностранныхъ купцовъ торговать и имѣть товары въ строго опредѣленныхъ мѣстахъ. Соединяя въ такое мѣсто цѣлыя группы купцовъ, правительство съ наименьшей затратой и наибольшей продуктивностью могло слѣдить за торговлей и взимать пошлины и сборы. Правительство строило для иностранцевъ особые дворы, гдѣ они должны были торговать и держать товары. „А окромѣ того двора нигдѣ товаровъ не держать и торговать не велѣть“, говорилъ государевъ наказъ Астраханскому воеводѣ. Такіе дворы вѣдали приказные люди, имѣя

---

[1]) Яковъ Рейтенфельсъ. Сказанія о Московіи Чтенія. 1905 г., кн. III, стр. 94. Соколовъ. Отношеніе протестантизма къ Россіи, стр. 21.

въ своемъ распоряженіи цѣлый рядъ цѣловальниковъ и караульщиковъ, для записи привозимыхъ и отвозимыхъ товаровъ; иначе ни на дворъ, ни съ двора товаровъ не пропускали. Взиманіе пошлинъ было главнымъ побужденіемъ такой строгости [1]).

Кромѣ того, назначая иностранцамъ для торговли опредѣленныя мѣста, изолируя ихъ отъ русскихъ купцовъ, старались обезопасить этихъ послѣднихъ отъ конкуренціи иностранцевъ. Выше мы указали, что иностранцамъ была предоставлена только оптовая торговля. Русскіе оптовые торговцы смотрѣли на себя, какъ на посредниковъ между иностранцами и всѣмъ остальнымъ русскимъ населеніемъ. Сдѣлки между иностранцами и русскими оптовыми торговцами составляли одну группу. Всѣ остальныя сдѣлки состовляли другую группу. Сдѣлки первой группы должны были происходить отдѣльно отъ сдѣлокъ второй группы. Только тогда роль, отводимая русскимъ оптовымъ торговцамъ, будетъ дѣйствительная, а не мнимая, и никто, кромѣ ихъ, ничего не узнаетъ и не услышитъ объ иностранныхъ купцахъ. Но если всѣ сдѣлки будутъ происходить въ одномъ мѣстѣ, тогда трудно будетъ уберечь иностранцевъ отъ знакомства и съ потребителями, и съ производителями, и съ русскими розничными торговцами. Посредническая роль русскаго оптоваго купечества упадетъ, и оно пострадаетъ. Но пострадаетъ и русское среднее купечество. Если иностранцы не будутъ изолированы отъ потребителя, то невозможно будетъ установить дѣйствительный контроль за тѣмъ, чтобы иностранцы вели только оптовую продажу. Помѣщаясь въ рядахъ съ розничными торговцами, они будутъ торговать врозницу и составятъ этимъ жестокую конкуренцію русскому среднему купечеству. Очень хорошо разсказываетъ объ этомъ князь Пронскій патріарху Никону, когда Никонъ вздумалъ предложить торговать нѣмцамъ вмѣстѣ съ рус-

[1]) Доп. Акт. Ист., т. VI, №№ 5, 21, 72. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Москов. Арх. Мин. Юстиціи, кн. XIII, ст. 542, II; кн. XII, ст. 210, I. П. П. Мельгуновъ. Очерки по исторіи русской торговли, стр. 181. Н. И. Костомаровъ. Очеркъ торговли, стр. 276.

скими людьми, въ рядахъ. „А толко, государь, нѣмцомъ въ рядехъ съ товары своими въ лавкахъ сидѣть, и отъ того Московскимъ лавочнымъ торговымъ людемъ въ промыслѣхъ болшая будетъ помѣшка и скудость, а нѣмцомъ отъ этого будетъ болщая прибыль, потому что въ рядѣхъ, государь, торговые люди товары всякіе продають врознь, а нѣмцы въ лавкахъ сидячи учнутъ товары продавать потомужъ врознь же; а государевъ указъ, по челобитью всѣхъ городовъ торговыхъ людей, иноземцомъ товаровъ своихъ врознь продавать и въ лавкахъ сидѣть не велѣно, а велѣно имъ товары свои продавать торговымъ рускимъ людемъ мѣстнымъ дѣломъ, а не врознь, чтобъ торговымъ рускимъ людемъ отъ ихъ нѣмецкіе рознишные продажи промыслъ не сталъ“ [1]).

Князь Пронскій довольно тонко оттѣняетъ разницу въ результатахъ совмѣстной торговли иностранцевъ съ русскими купцами для русскаго средняго и большого купечества. Розничныхъ торговцевъ онъ называетъ „лавочными торговыми людьми“ и говоритъ, что имъ нѣмцы своей конкуренціей учинятъ „помѣшку и скудость“, но русская розничная торговля отъ этого еще не остановится. Что же касается русскихъ оптовыхъ торговцевъ или, какъ ихъ называетъ князь, „торговыхъ людей“, то возможность непосредственныхъ сношеній иностранныхъ купцовъ какъ съ лавочными торговыми людьми, такъ и съ потребителями вырветъ изъ рукъ русскаго большого купечества ихъ роль посредниковъ. Поэтому князь Пронскій боится, какъ бы оптовый русскій промыселъ совсѣмъ не остановился. Здѣсь уже не помѣшка, а остановка.

Наконецъ, можно указать еще на одно соображеніе, заставлявшее держать иностранцевъ на государевыхъ гостиныхъ дворахъ. На дворахъ иностранцы находились подъ присмотромъ приказныхъ и стрѣльцовъ. Обстоятельство чрезвычайно важное для правительства, постоянно подозрѣвавшаго иностранцевъ въ коварныхъ замыслахъ

---

[1]) Доп. Акт. Ист., т. III, № 121. И. Я. Рудченко. Историческій очеркъ обложенія торговли и промысловъ въ Россіи. 1893 г., стр. 38.

Въ 1620 г. государь узналъ, что въ Казани въ татарской слободѣ живутъ уже нѣсколько лѣтъ тезики Кизыльбашскіе земли Мамеделѣй Авезовъ и Муминъ Бакѣевъ. Государь прежде всего приказалъ этихъ тезиковъ свести на гостиный дворъ, если они пожелаютъ ѣхать въ Персію, то ихъ отпустить, а на будущее время—разрѣшать торговать въ Казани шаховымъ людямъ только въ гостиномъ дворѣ, гдѣ и жить, а не въ татарской слободѣ, и вообще больше году жить не давать: какъ исторгуются, отпускать назадъ, „чтобъ они, живучи въ городе и въ остроге, никакихъ крѣпостей не розсматривали и вестей никакихъ не розвѣдывали“ [1]).

Но эти тайныя пружины нашей политики не объявлялись во всеуслышаніе. Наоборотъ, тѣ же мѣры, въ глазахъ иностранцевъ, оправдывались другими цѣлями. Напр., въ глазахъ иностранцевъ содержаніе стражи и приказныхъ при гостиныхъ дворахъ наше правительство оправдывало соображеніями пользы самихъ иностранцевъ. Такъ, русскимъ посламъ, отправленнымъ въ 1649 г. въ Швецію, было велѣно отвѣчать на жалобы шведовъ на притѣсненія сторожей шведскихъ дворовъ въ Новгородѣ и Псковѣ, что стража необходима для охраны шведскихъ купцовъ отъ всякихъ обидъ. „А будетъ учнутъ королевины думные люди говорити, писали въ наказѣ посламъ 1649 г., что жалуютца ругодивскіе и иванегородскіе торговые люди: какъ они въ Новгородъ или во Псковъ пріѣдутъ, и передъ ихъ дворомъ поставятъ сторожу и за ними по два человѣка стрѣлцовъ посылаютъ: а какъ они харчю себѣ купятъ, и у нихъ де харчь сторожи отнимаютъ, и чтобъ впредь сторожемъ не быть, также какъ и в ихъ Свѣйской землѣ ц. в-ва у торговыхъ людей сторожей не ставятъ,—и посломъ великимъ говорити: по указу в. государя нашего, ц. и в. к. А. М., всеа Русіи самодержца его ц. в-ва, в В. Новгородѣ и во Псковѣ у свѣйскаго двора у воротъ велѣно быть для всякого береженья десяти человѣкомъ стрѣлцомъ, чтобъ велеможные государыни ихъ Христины, королевы свѣйскіе, еѣ к-на в-ва, подданнымъ торговымъ людемъ ни отъ кого обидъ и насил-

---

[1]) Труды Вост. Отд. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXII, стр. 651 и слѣд.

ства не было, велѣно имъ того смотрить и беречь накрѣпко" [1]).

Такія и подобныя имъ обстоятельства и соображенія приводили къ тому, что иностранцы ставились на особыхъ государевыхъ гостиныхъ дворахъ.

„Уже при Іоаннѣ III запрещено было пріѣзжимъ гостямъ, какъ иностранцамъ, такъ и иногородцамъ, говоритъ Осокинъ, ставиться съ товаромъ внѣ гостиныхъ дворовъ". Вездѣ, гдѣ существовали „казенные гостиные дворы, поставлено было въ непремѣнную обязанность пріѣзжавшимъ съ товарами иноземцамъ и иногородцамъ являться на гостиныхъ дворахъ у большихъ дворниковъ и складывать свои товары въ казенные амбары и лавки" [2]).

Въ грамотѣ отъ 1586 года Ѳеодоръ Ивановичъ объяснялъ англійской королевѣ Елизаветѣ, что только одна англійская компанія имѣетъ собственные дворы, „а иныхъ земель гостемъ въ нашихъ государствахъ дворовъ никому не даютъ, а ставятца иныхъ земель гости съ товары своими и торгуютъ на гостиныхъ дворехъ, какъ ведетца въ нашихъ государствахъ издавна, и пошлины з дворовъ и съ амбаровъ даютъ" [3]).

Въ такихъ же почти выраженіяхъ говорили объ этомъ въ 1589 году англійскому послу Флетчеру. Ему, кромѣ того, сообщали перечень купцовъ тѣхъ національностей, которые должны ставиться на гостиныхъ дворахъ. Это были подданные: „Турского Салтана, Папы Римского, и Цесаря, и Короля Ишпанского, и Короля Францовского, и Короля Литовского" [4]).

Въ XVII вѣкѣ, когда торговля иностранцевъ въ Московскомъ государствѣ значительно разрослась, мы видимъ, напр., изъ описи города Архангельска отъ 1622 года, что государевъ гостиный нѣмецкій дворъ въ этомъ городѣ имѣетъ верхнихъ и исподнихъ 86 амбаровъ, а на томъ же дворѣ

---

[1]) Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII вѣка. Сборн. матеріаловъ, извл. Якубовымъ. Чтенія. 1897 г., кн. III, стр. 93, 133 и слѣд.

[2]) Е. Осокинъ. Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи. 1850 г., стр. 57, см. также стр. 56 и 59.

[3]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXVIII, стр. 165.

[4]) Статейный списокъ посольства Флетчера, стр. 16 и 17. Врем. Имп. Москов. Общ. Ист., т. VIII.

30 амбаровъ нѣмецкихъ заморскихъ гостей [1]). Трудно понять какая разница между первыми 86-ью амбарами и вторыми 30-ью; отчего одни поставлены особо отъ другихъ? С. Ѳ. Огородниковъ, который приводитъ эту опись, не даетъ объясненія. Когда объ этомъ предметѣ говоритъ Д. В. Цвѣтаевъ, то онъ называетъ амбары нѣмецкихъ заморскихъ гостей ихъ собственностью [2]). Намъ кажется, что объясненіе можно извлечь изъ тѣхъ документовъ, которые говорятъ, что иностранцы, пріѣзжая съ товарами въ Архангельскъ на время ярмарки, ставились на гостиномъ нѣмецкомъ дворѣ въ государевыхъ амбарахъ, нанимая эти амбары только на время ярмарки. Но по желанію, иностранцы могли законтрактовывать амбары и, на болѣе продолжительное время. Въ такихъ случаяхъ амбары, въ теченіе многихъ лѣтъ, числились за данными иностранцами, которые, когда бы ни пріѣхали въ Архангельскъ, имѣли тамъ свое помѣщеніе. Въ этомъ помѣщеніи они могли оставлять товары до слѣдующей ярмарки и, такимъ образомъ, избѣжать многихъ расходовъ. На эти амбары смотрѣли, какъ на личное имущество иностранцевъ, въ противоположность общимъ государевымъ амбарамъ. Конечно, юридической разницы между ними никакой не было. И тѣ, и другіе были наемными помѣщеніями и различались только срокомъ найма [3]).

Такъ, въ 1634 году голландскій купецъ Иванъ фанъ-Горелъ въ челобитной государю объяснялъ, что онъ пріѣзжаетъ изъ заграницы въ Архангельскъ, торгуетъ тамъ всякими товарами, платитъ пошлины и, между прочимъ, амбарную пошлину, ставится „на нѣмецкомъ гостиномъ дворѣ въ государевыхъ амбарехъ, а тѣ государевы амбары не строены и нутры въ нихъ не выдѣланы, а я иноземецъ, говоритъ купецъ, про себя амбару строити не смѣю потому что какъ которой годъ за чѣмъ ни буду опоздаю къ Архангельскому городу пріѣхать и тѣ строеные амбары заимываютъ иноземцы

---

[1]) С. Ѳ. Огородниковъ. Очеркъ исторіи г. Архангельска. Морской Сборникъ. 1889 г., № 9, стр. 118.

[2]) Д. В. Цвѣтаевъ. Протестантство, стр. 259 и слѣд., прим. 2.

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Выѣзды въ Россію 1625 г. марта 1, № 4. Ibidem, 1621 г. мая 1, № 3 и др.

которые напередъ и ранѣе пріѣдутъ". Видно, что голландецъ ѣздитъ въ Архангельскъ каждый годъ и постоянно нуждается въ особомъ амбарѣ, но не имѣетъ большого желанія для одного случая пріѣзда производить капитальный ремонтъ и передѣлки на свой счетъ съ тѣмъ, чтобы на будущій годъ съ другимъ амбаромъ повторилась та-же исторія. Поэтому фанъ-Горелъ, облюбовавъ себѣ на государевомъ дворѣ одинъ амбаръ, просилъ государя пожаловать его „дать свою государеву грамоту къ Архангельскому городу чтобъ въ томъ амбарце въ верху и въ низу опричь меня инымъ иноземцомъ не ставитца чтобъ мнѣ можно тотъ амбарецъ для своего покою устроить, а вели государь свою амбаршину имати съ меня по своему государеву указу".

Государь велѣлъ поступить въ данномъ случаѣ такъ же, какъ поступали раньше въ другихъ такихъ же случаяхъ.

Тогда въ Новгородской Четверти выписали для разрѣшенія даннаго дѣла примѣры.

Оказывается, что въ 1632 г. просили о томъ же двое голландскихъ купцовъ, которые пріѣзжали „изъ за моря къ Архангельскому городу со всякими товары много лѣтъ" и ставились „на государеве гостине дворѣ въ два амбары". Во время пожара эти амбары пострадали. Тогда голландцы „тѣ амбары для своего покою" вновь отремонтировали, устроили погребъ и просили амбары укрѣпить за ними. По челобитью этихъ лицъ была послана на Двину, къ воеводѣ государева грамота, въ которой объяснялось: „будетъ галанские земли торговые нѣмцы Исакъ Яковлевъ да Филимонъ Филимоновъ въ тѣхъ амбарехъ издавна торгуютъ и товары кладутъ и для своего покою подѣлываютъ и покрываютъ и оброкъ въ государеву казну платятъ и спору въ тѣхъ амбарехъ ни съ кѣмъ нѣтъ и имъ и въ передъ въ тѣхъ амбарехъ велено торговать и товары свои класть и тѣми амбары владѣть по прежнему а оброкъ съ тѣхъ амбаровъ велено имъ платить ежегодъ какъ напередъ сего плачивали".

Въ 1633 г. разрѣшено закрѣпить за голландскимъ купцомъ Томасомъ Сваномъ тѣ амбары, которые ему даны изъ оброку и „ему тѣми амбары велѣно владѣть по прежнему и оброкъ платить".

Въ 1634 г. было разрѣшено челобитье голландцевъ Си-

мона Семенова и Петра Алина, которые писали государю, что тѣ амбары, въ которыхъ они ставятся съ товарами на государевомъ гостиномъ дворѣ въ Архангельскѣ, сильно обветшали, протекаютъ настолько, что дождемъ испорчено много товаровъ, „а тѣхъ амбаровъ безъ государева указу строить не смѣютъ и государь бы ихъ пожаловалъ велѣлъ имъ тѣ амбары для ихъ покою строить чтобъ въ тѣхъ амбарехъ въ ихъ строенье мимо ихъ нихто не ставился а прежъ де сего въ тѣхъ амбарехъ акромѣ ихъ нихто не стаивалъ". Когда государь разрѣшалъ это челобитье, то приказывалъ воеводамъ на Двинѣ смотрѣть, чтобы нѣмцы платили „за тѣ оброчные амбары въ государеву казну по прежнему ежегодно и смотря по тамошнему дѣлу кабы государеве казнѣ прибылнѣе".

Этихъ примѣровъ было достаточно, чтобы разрѣшить въ положительномъ смыслѣ ходатайство фанъ-Горела, и 10 іюня 1634 г. послали на Двину, къ воеводѣ Плещѣеву и дьяку Демидову соотвѣтствующее распоряженіе [1]).

На сѣверѣ, въ Архангельскѣ, главную роль въ торговлѣ изъ иностранцевъ играли западно-европейцы. Они преимущественно занимали государевы амбары. Самый дворъ государевъ назывался нѣмецкимъ. На югѣ, въ Астрахани, ту же роль играли восточные народы. Въ Астрахани не было нѣмецкаго двора, но зато оказываются Гилянскіе и Бухарскіе дворы. По наказу Астраханскимъ воеводамъ отъ 1628 года „Кизылбашскихъ и Бухарскихъ и Гилянскихъ торговыхъ тезиковъ, которые учнутъ пріѣзжать въ Астарахань со всякими товары ставити на Гилянскомъ и на Бухарскомъ дворѣ" [2]). Наконецъ, въ Москвѣ мы видимъ нѣсколько дворовъ для иностранныхъ купцовъ. Одни изъ этихъ дворовъ посвящены западно-европейской торговлѣ, а другіе—восточноазіатской [3]).

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла. 7142-1634, іюня 10-го, № 7, св. 4.

[2]) Акт. Ист., т. III, № 154. Костомаровъ. Очеркъ торговли, стр. 299 и слѣд.

[3]) Яковъ Рейтенфельсъ. Сказанія Свѣтлѣйшему герцогу Тосканскому Козьмѣ Третьему о Московіи. Пер. А. Станкевичъ. Чтенія. 1905 г., кн. III, стр. 94 и слѣд. См. также Извлеченіе изъ этихъ сказаній. Пер.,

Этотъ порядокъ существованія государевыхъ гостиныхъ дворовъ поддерживается правительствомъ въ теченіе всего XVII вѣка. Въ наказѣ Архангельскому таможенному головѣ отъ 1649 года говорится, что голова долженъ „беречь на крѣпко чтобъ однолично пріѣзжіе люди мимо гостиныхъ дворовъ нигдѣ не ставились и особныхъ дворовъ и амбаровъ, опричь аглинскихъ гостей и галанцовъ, которымъ по имяннымъ государевымъ грамотамъ велѣно держать свои дворы и амбары, ни у кого не было" [1]). Это повторяется и въ 1654 году и въ 1667 году[2]). Въ Астрахани въ 1673 году велѣно наблюдать, чтобы гилянцы, бухарцы и индѣйцы ставились на особомъ гостиномъ дворѣ, „а окромѣ того двора нигдѣ товаровъ держать и торговать не велѣть" [3]).

Итакъ, въ Москвѣ издревле мы замѣчаемъ существованіе особыхъ дворовъ, содержимыхъ на средства казны, спеціально для пріѣзжихъ купцовъ. Сперва на этихъ дворахъ ставятся вообще пріѣзжіе купцы. Но потомъ, когда Москва вбираетъ въ себя всѣ окрестныя русскія княжества и противополагается не Новгороду и Твери, а исключительно Литвѣ, Ливоніи, Персіи и т. д., когда торговля купцовъ, пріѣзжихъ изъ этихъ послѣднихъ государствъ начинаетъ замѣтно увеличиваться и когда заботы правительства сосредоточиваются на ней отдѣльно,— тогда появляются и существуютъ государевы гостиные дворы, особые для пріѣзжихъ изъ указанныхъ мѣстъ.

Мы видимъ, что правительство поддерживаетъ это учрежденіе, въ качествѣ опредѣленнаго юридическаго института, обязательнаго для всѣхъ тѣхъ купцовъ, которые не пользуются правомъ на исключеніе и, въ случаѣ нарушенія этого правила, смиряетъ неповинующихся.

Такъ, упомянутые нами выше Мамеделѣй Авезовъ и Муминъ Бакѣевъ обзавелись въ Казани, въ татарской сло-

---

Тарнавы-Боричевскаго. Журн. Мин. Нар. Просв., 1839 г., ч. XXIII, стр. 21. Н. Костомаровъ. Очеркъ торговли, стр. 285 и слѣд., 288 и слѣд.

1) Доп. Акт. Ист., т. III, № 55.

2) Доп. Акт. Ист., т. III, № 55; т. V, № 40.

3) Доп. Акт. Ист., т. VI, № 72.

бодѣ своими дворами. Когда это стало извѣстнымъ государю, то онъ велѣлъ „жить имъ въ гостине дворѣ, а не въ татарской слободѣ,“ и на будущее время воеводамъ смотрѣть, чтобы такіе люди въ посадъ не принимались [1]).

Въ 1629 году новгородскіе воеводы жаловались на голландца Леонтьева, что Леонтьевъ живетъ въ Новгородѣ „на посадѣ въ тягломъ дворѣ, а владѣетъ тѣмъ дворомъ невѣдомо по чему, а на гостинѣ дворѣ, гдѣ велѣно ставиться иноземцомъ торговымъ людемъ, не ставится и товаровъ своихъ не кладетъ, а держитъ товары у себя на дворѣ, а для пошлинъ въ таможнѣ не являетъ“. Царь велѣлъ воеводамъ спросить нѣмчина, по какому указу онъ живетъ въ Новгородѣ; по какимъ крѣпостямъ владѣетъ тѣмъ тяглымъ посадскимъ дворомъ: купилъ ли у кого тотъ дворъ или за долгъ взялъ и будетъ купилъ, и кто ему тотъ дворъ купить поволилъ, и сколь давно;—есть ли у него жалованная грамота на пріѣздъ въ Россію и житье въ Новгородѣ? Если у него нѣтъ грамоты и дворъ купилъ безъ указу, то его изъ Новгорода выслать вонъ и впредь ему въ Новгородъ пріѣзжать не велѣть [2]).

Агентамъ правительства за всѣми усмотрѣть было невозможно. Тогда русскіе купцы, охраняя свои интересы, жаловались отъ себя государю на злоупотребленія иностранцевъ и, между прочимъ, на то, что иностранцы ставятъ свои дворы, кладутъ товары на своихъ дворахъ, а не на гостиномъ, и въ таможнѣ ихъ не являютъ [3]).

Всѣ приведенныя нами до сихъ поръ разсужденія и факты имѣли цѣлью установить существованіе въ Московскомъ государствѣ общаго закона, требовавшаго для иностранныхъ купцовъ устройства ихъ лавокъ и склада товаровъ въ строго опредѣленныхъ мѣстахъ, а именно на государевыхъ гостиныхъ дворахъ.

Если это требованіе было общимъ закономъ, то изъ

---

[1]) Труды Восточн. Отд. Имп. Рус. Арх. Общ., т. XXII, стр. 651 и слѣд.

[2]) Акт. Арх. Эксп., т. III, № 182.

[3]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла. 1627 г. № 25.

него допускались и исключенія. Мы выше видѣли, какъ Θеодоръ Ивановичъ писалъ Елизаветѣ англійской, что англійская компанія имѣетъ право ставиться на своихъ дворахъ. Изъ наказовъ Архангельскимъ таможеннымъ головамъ отъ второй половины XVII вѣка видно, что тѣмъ же правомъ пользовались, кромѣ англичанъ, и голландцы. Здѣсь подъ голландцами надо понимать не всѣхъ вообще голландскихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ въ Россію, а лишь опредѣленныя ихъ компаніи, какъ, напр., компанію Фоглера и Кленка и др., имѣвшихъ жалованныя грамоты. Точно также и подъ англичанами въ тѣхъ же документахъ надо понимать не всѣхъ англичанъ, а только членовъ англійской компаніи. Ни англичане, ни голландцы, въ составѣ своихъ націй, не могли держать у насъ своихъ дворовъ и амбаровъ. Поэтому постановленіе наказовъ о томъ, что никто изъ иностранныхъ купцовъ не можетъ держать своихъ дворовъ и амбаровъ, кромѣ англійскихъ гостей и голландцевъ, которымъ это разрѣшено по именнымъ государевымъ грамотамъ, надо понимать въ изъясненномъ нами смыслѣ и никакъ не иначе. Въ дальнѣйшемъ это станетъ совершенно ясно. А теперь замѣтимъ, что если опредѣленныя англійская и голландскія компаніи могли ставиться на своихъ особыхъ дворахъ и составляли исключенія изъ общаго правила торговли иностранцевъ на государевыхъ гостиныхъ дворахъ, то такія исключенія касались не только этихъ торговыхъ компаній, но и другихъ, и купцовъ нѣкоторыхъ государствъ въ цѣломъ ихъ составѣ, а также и отдѣльныхъ купцовъ изъ иностранцевъ. Исключенія выражались въ томъ, что субъекты, которыхъ касались исключенія, не были обязаны ставиться и торговать на общихъ гостиныхъ дворахъ, а могли торговать на своихъ особенныхъ.

Съ точки зрѣнія принципа изолированія торговли иностранцевъ, въ случаѣ допущенія такихъ исключеній, принципъ нисколько не нарушался. Купцы отдѣльныхъ національностей или торговыхъ компаній помѣщались въ опредѣленныхъ дворахъ, къ которымъ прилагались всѣ правила общихъ иностранныхъ дворовъ, т. е. надзоръ за привозомъ и отвозомъ товаровъ, платежемъ пошлинъ и проч. Ниже мы увидимъ, что всѣ шведскіе купцы, безразлично, имѣли право ставиться на своемъ отдѣльномъ дворѣ. Намъ уже встрѣ-

чалось упоминаніе о такихъ шведскихъ дворахъ въ Новгородѣ и Псковѣ, а теперь обратимъ вниманіе, что тогда рѣчь шла именно о стражѣ и стрѣльцахъ, стоявшихъ у шведскихъ дворовъ. Даже отдѣльные купцы, имѣвшіе право держать собственный дворъ, не нарушали гармоніи. Они жили и торговали именно на своихъ изолированныхъ дворахъ, а не вмѣстѣ съ русскими. Тамъ, гдѣ вообще иностранцевъ было много, напр. въ Архангельскѣ или въ Москвѣ, тамъ иностранные купцы жили въ особыхъ слободахъ. Слободы эти, состоявшія исключительно изъ иностранцевъ, строжайше проводили изолированіе ихъ отъ русскаго населенія; а, кромѣ того, на дворахъ купцовъ и въ слободахъ „стояли для торговли ихъ и обереганья" стрѣльцы. Когда патріархъ Никонъ въ 1654 году хотѣлъ перевести торговлю нѣмцевъ, жившихъ въ Москвѣ и въ иноземской слободѣ, съ ихъ дворовъ на общій русскій гостиный дворъ, то велѣлъ сказать торговымъ нѣмцамъ, которые торговали по своимъ дворамъ, чтобъ они товары свои перевезли „на гостинъ дворъ въ лавки, тотчасъ, и торговали бъ на гостинѣ дворѣ или по рядомъ въ лавкахъ, а на Московскихъ дворѣхъ и въ Новой слободѣ у себя жъ на дворѣхъ никакими товары не торговали и въ Новой своей слободѣ по дворамъ товаровъ не держали и не продавали, а стрѣлцовъ, которые поставлены у нихъ на дворѣхъ для торговли ихъ и обереганья, велѣти бъ съ дворовъ ихъ свесть" [1]).

Итакъ, указываемыя исключенія не вносили ничего новаго въ характеристику положенія иностранныхъ купцовъ съ точки зрѣнія ихъ изолированія отъ русскаго населенія. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы выдвигаемое нами явленіе не давало никакихъ новыхъ чертъ для характеристики положенія иностранцевъ въ иной области, чѣмъ отношенія ихъ къ русскимъ подданнымъ. Оно могло давать интересныя черты въ области вещныхъ правъ иностранцевъ. Собственно говоря, вопросъ о недвижимостяхъ иностранныхъ купцовъ только насъ и интересуетъ въ настоящее время. Между тѣмъ, можно думать, что мы уклонились отъ темы, когда заговорили объ обязан-

---

[1]) Доп. Акт. Ист., т. III, № 121.

ности иностранныхъ купцовъ производить торговлю и жить на государевыхъ гостиныхъ дворахъ. По крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе создается по первому взгляду; но при внимательномъ разсмотрѣніи оно исчезаетъ. Мы говорили и должны были говорить о государевыхъ гостиныхъ дворахъ для того, чтобы выяснить себѣ общее правило, регулировавшее отношеніе иностранцевъ къ лавкамъ и складамъ товаровъ, т. е. къ недвижимости, интересующей купцовъ. Теперь мы можемъ, съ бо́льшей или меньшей достовѣрностью утверждать, что иностранные купцы, если имѣли право владѣть въ Россіи недвижимостью, то только по исключенію. Необходимость установленія надзора за торговлею иностранцевъ, въ связи съ необходимостью изолированія ихъ отъ русскихъ купцовъ, требовала соединенія иностранцевъ въ большія группы на опредѣленныхъ мѣстахъ. Таковыми мѣстами и были государевы гостиные дворы. Въ этихъ учрежденіяхъ отношенія иностранныхъ купцовъ къ недвижимости, въ смыслѣ права собственности на нее, совершенно исключались. Единственное отношеніе, которое иностранцы могли имѣть внутри гостинаго двора къ недвижимому имуществу выражалось въ формахъ договоровъ найма или аренды. Объектомъ сдѣлокъ служило казенное имущество, а контрагентомъ иностранцевъ выступала казна. Выходитъ, что, въ видѣ общаго правила, отношенія иностранныхъ купцовъ къ праву на недвижимость въ Московскомъ государствѣ ограничивались правомъ пользованія казеннымъ имуществомъ. Это было общее правило. Затѣмъ слѣдовали исключенія. Субъекты, которыхъ касались эти исключенія, въ общихъ чертахъ, нами уже намѣчены. Къ нимъ мы и приступаемъ.

II.

ВЛАДѢНІЕ ДВОРАМИ ИНОСТРАННЫХЪ КУПЦОВЪ ВЪ СОСТАВѢ ЦѢЛЫХЪ НАЦІЙ.

1. Иностранныя купеческія факторіи древней Руси.

Теперь, когда мы высказали утвержденіе о томъ, что иностранные купцы, въ видѣ исключенія, пользовались въ Московскомъ государствѣ правомъ имѣть особые дворы какъ въ составѣ цѣлыхъ націй и компаній лицъ, такъ и отдѣльными индивидуумами, намъ, прежде всего, надо остановиться на первой группѣ субъектовъ и сказать объ иностранныхъ купцахъ, въ качествѣ подданныхъ опредѣленныхъ государствъ, пользовавшихся правомъ ставиться не на общихъ государевыхъ гостиныхъ дворахъ, а на особенныхъ.

Это явленіе не было созданіемъ Московскаго государства. Московское время получило его въ наслѣдство отъ древней Руси. Если въ Московскомъ государствѣ, какъ мы упомянули, оно было исключеніемъ, то въ древности это было, наоборотъ, общимъ правиломъ. Купцы одной и той же національности или изъ одной и той же земли обыкновенно жили на чужбинѣ всѣ вмѣстѣ, на особомъ дворѣ. Достаточно припомнить, какъ Русь проживала въ Греціи въ X вѣкѣ; какъ смольняне жили на Готландѣ, населяя особенную улицу; какъ въ Кіевѣ купцы каждой страны составляли особое общество, группируясь на дворѣ съ церковью; какъ новгородцы имѣли въ Кіевѣ особый дворъ; на-

конецъ, какъ по городамъ древней Руси проживали въ особыхъ дворахъ нѣмцы вообще и ганзейцы въ частности [1]).

Надо замѣтить, что право иностранныхъ купцовъ извѣстной національности, или точнѣе подданныхъ опредѣленнаго политическаго союза—становиться, по пріѣздѣ въ Россію, на своихъ особенныхъ дворахъ, для древности, въ сравненіи съ временемъ Московскаго государства, осложняется однимъ обстоятельствомъ, о которомъ намъ уже приходилось упоминать въ отдѣлѣ о закладняхъ. Этимъ обстоятельствомъ было самоуправленіе иностранныхъ купеческихъ факторій, процвѣтавшее въ древности и не находившее себѣ признанія въ Московскомъ государствѣ.

Самоуправленіе древнихъ факторій, понимаемое опредѣленнымъ образомъ, можетъ кардинально измѣнить все основаніе права иностранныхъ факторій пользоваться недвижимостью въ Россіи. Мы говоримъ о преемственности права иностранныхъ купцовъ останавливаться на особыхъ дворахъ въ Московскомъ государствѣ отъ такого же права этихъ субъектовъ въ древній періодъ. Но преемственности этой, при нѣкоторомъ пониманіи самоуправленія древнихъ факторій, можетъ и не быть, и даже обязательно не будетъ, если отношенія факторій къ занимаемымъ ими дворамъ и вообще недвижимости основывать на публичномъ правѣ. Въ такомъ случаѣ преемственности не будетъ, потому что въ Московскомъ государствѣ, какъ это мы увидимъ ниже, отводимые для купцовъ извѣстной національности дворы были недвижимымъ имуществомъ, какъ всякое частное учрежденіе. Между тѣмъ, говорить о преемственности между Московскимъ государствомъ и древней Русью можно только въ томъ случаѣ, когда заранѣе квалифицировать основаніе права древнихъ факторій на ихъ дворы въ сторону частнаго порядка.

На первый взглядъ, только такое направленіе и можетъ принять разрѣшеніе этого вопроса. Самое простое—смотрѣть

---

[1]) И. М. Красноперовъ. Очеркъ промышленности и торговли Смоленскаго княжества. Историческое обозрѣніе. т. VII. 1894 г., стр. 91. Е. Е. Голубинскій. Исторія русской церкви. Чтенія. 1904 г., кн. III, стр. 813, прим.

на земельный участокъ и всѣ постройки на немъ, составлявшія дворъ древней факторіи иностранныхъ купцовъ на Руси, какъ на недвижимое имущество такое же, какъ и всякое другое. Повидимому, такъ всѣ и смотрятъ, и въ этомъ вопросѣ нѣтъ разногласія въ литературѣ. Всѣ писатели признаютъ, что нѣмецкіе дворы или факторіи могли владѣть недвижимымъ имуществомъ. Собственностью общинъ, напр., въ Новгородѣ, называютъ участокъ земли подъ постройками и дворомъ, обнесеннымъ заборомъ, постройки, состоявшія изъ лавокъ, жилыхъ домовъ и церкви съ кладбищемъ, а также луга подъ городомъ. Владѣльцы недвижимостей должны были нести всѣ повинности, падающія на ихъ владѣнія. Въ Новгородѣ съ давнихъ поръ привлекали готовъ и нѣмцевъ къ участію въ мощеніи городскихъ улицъ, на которыя выходили иностранные дворы. Уставъ Ярослава о мостахъ такъ и говоритъ, что князю мостить „до нѣмѣчкого вымола, нѣмчемь до Иваня вымола, отъ Иваня вымола Гтомъ до Гералда вымола до задьнего“ [1]). Факторіи, какъ всякій собственникъ, могли и отчуждать свою недвижимость, и сдавать въ наемъ, какъ это, напр., и дѣлаютъ готы въ XIV вѣкѣ, въ Новгородѣ. Они сдаютъ свой дворъ въ наемъ Ганзѣ, и рядъ документовъ говоритъ намъ объ условіяхъ этого найма [2]).

---

[1]) Русскія Достопамятности., ч. II, стр. 293. И. Андреевскій. О правахъ иностранцевъ. стр. 91, 94. М. Бережковъ. О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка. 1879 г., стр. 58 и слѣд., прим. 16., стр. 61, 135, 196. Н. Костомаровъ. Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада, т. II, 1863 г., 197.

[2]) Рус. Лив. Акты. № CLXXXV. Гильдебрандъ. Отчетъ о розысканіяхъ. Прилож. къ XXIX т. Зап. Имп. Академіи Наукъ № 3. 1877 г., стр. 53 № 281, стр. 61, №№ 375 и 424.

Н. Костомаровъ. Сѣверно-Русскія народоправства, т. II, 1863 г., стр. 183 говоритъ, что, „готскій дворъ былъ отданъ въ пользованіе нѣмецкому купцу.“ Это не вѣрно, такъ какъ документы говорятъ, что контрагентами были съ одной стороны Готландъ, а съ другой—община нѣмецкихъ купцовъ Ганзы; отдѣльныя же лица были только уполномоченными этихъ субъектовъ. И самъ Костомаровъ сейчасъ же сходитъ на правильную позицію, когда говоритъ: „такимъ образомъ, готскій или готландскій дворъ былъ уже не особое торговое учрежденіе, а только зданіе, принадлежавшее нѣмецкому двору.

Для насъ, занятыхъ исключительно временемъ Московскаго государства, совершенно достаточно ограничиться сказаннымъ по отношенію къ древнему времени. Для того, чтобы разобрать вопросъ о томъ, на какомъ правѣ владѣла, напр., Ганза, въ Московскомъ государствѣ своими особыми отъ государевыхъ гостиныхъ дворовъ дворами, совершенно достаточно упомянуть, что въ древнее время Ганза владѣла своимъ дворомъ на правѣ собственности и вообще пользовалась правомъ на недвижимости. Исходя изъ этого положенія, можно развивать и всѣ дальнѣйшія измѣненія, происшедшія въ этомъ правѣ Ганзы въ Московскомъ государствѣ. Это было бы совершенно естественно. Но дѣло въ томъ, что нѣкоторые изъ изслѣдователей, признающихъ земельные участки факторій съ постройками на нихъ за недвижимую собственность факторій и, такимъ образомъ, квалифирующихъ право факторій, въ качествѣ частнаго права, въ то время, когда начинаютъ говорить о самоуправленіи факторій, то забываютъ этотъ частный характеръ земли подъ факторіей, квалифицируютъ ее публичнымъ правомъ и, вмѣсто того, чтобы называть ее недвижимостью, называютъ уже территоріей. Такъ, проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ говоритъ, „что внутреннія права и вообще устройство двора были основаны на принципѣ полной экстерриторіальности: это было какъ бы государство внутри другого" [1]).

Точно также А. И. Никитскій говоритъ: „Контора образовала въ Новгородѣ какъ бы государство въ государствѣ, и мѣстныя власти не имѣли ни малѣйшаго права на вмѣшательство во внутреннія дѣла факторіи" [2]).

Если сама факторія была государствомъ, то участокъ земли, на которомъ стояли ея учрежденія, былъ не простой недвижимостью, а государственной территоріей.

Такой оборотъ дѣла заставляетъ насъ остановиться подробнѣе на опредѣленіи того, что же, собственно, представлялъ изъ себя древній купеческій дворъ, недвижимость или территорію?

---

[1]) Обзоръ исторіи, стр. 385.

[2]) Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода, стр. 131.

Посмотримъ, что въ устройствѣ и въ правахъ иностранныхъ факторій на Руси было особеннымъ, что давало возможность дѣлать заключенія, подобныя только что изложеннымъ.

Мы возьмемъ для примѣра нѣмецкую контору въ Новгородѣ, которая была главнымъ мѣстомъ всей ганзейской торговли на Руси; другія конторы, какъ напр., въ Псковѣ, въ Полоцкѣ зависѣли отъ нея; многія постановленія ганзейскаго права, касающіяся Новгородской конторы, служили руководственными указаніями для нѣмецкихъ обществъ въ другихъ русскихъ городахъ [1]).

Общій характеръ нѣмецкихъ конторъ на Руси состоялъ въ томъ, что въ нихъ не жило постоянныхъ купцовъ, какъ напр., въ Лондонѣ, Бергенѣ и другихъ европейскихъ городахъ. Иностранные гости пріѣзжали на свои дворы въ Русь съ товарами, главнымъ образомъ, дважды въ годъ: въ началѣ навигаціи и въ концѣ ея. Между отъѣздомъ перваго поѣзда и пріѣздомъ второго могъ пройти нѣкоторый промежутокъ времени, въ который никого изъ иностранцевъ не было на дворѣ; въ такихъ случаяхъ дворъ запирался и ключи передавались въ особыя учрежденія. Такой распорядокъ не былъ результатомъ только одной силы обстоятельствъ; сама Ганза настаивала на томъ, чтобы гости жили въ Новгородѣ лишь опредѣленное время: а именно—лѣтніе гости до послѣдней навигаціи, зимніе—до послѣдняго зимняго пути; никто не имѣлъ права оставаться долѣе двухъ компаній. Кромѣ того, всякій, продавшій свои товары, не могъ оставаться во дворѣ съ цѣлью ожиданія къ себѣ под-

---

[1]) И. Андреевскій. О правахъ иностранцевъ, стр. 27 и 108. Н. Костомаровъ. Сѣверно-русскія народоправства. т. II, стр. 198 и слѣд. Ѳ. Фортинскій. Приморскіе Вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе Ганзейскаго союза до 1370 г., 1877 г. стр. 367. М. Бережковъ. О торговлѣ Руси съ Ригою. Журн. Минист. Народн. Просвѣщ., 1877 г., февраль, стр. 345 и слѣд. Его же. О торговлѣ Руси съ Ганзою, стр. 107. Голубовскій. Исторія Смоленской земли, стр. 134 и слѣд., прим. 1. R. Hausmann. Zur Geshichte des Hofes von St. Peter in Nowgorod. Baltische Monatschrift. 1904 Band 58, Heft. 7—8, стр. 203, прим. 2.

воза новыхъ товаровъ. Виновные въ нарушеніи этихъ постановленій платили пеню[1]).

Итакъ, иностранныя факторіи на Руси лишь посѣщались въ опредѣленные сроки, причемъ гости добирались до дворовъ не въ одиночку, а цѣлыми караванами, партіями. Во время пути гостямъ приходилось на морѣ терпѣть отъ морскихъ разбойниковъ, а на сушѣ встрѣчаться съ цѣлыми ватагами, нападавшими на путешественниковъ; кромѣ того, имъ приходилось вѣдаться какъ съ мѣстными властями, такъ съ цѣлымъ рядомъ такихъ лицъ, въ услугахъ которыхъ нуждался караванъ въ цѣломъ; это были содержатели мелкихъ транспортныхъ судовъ, члены лоцманскихъ артелей и т. п.; наконецъ, среди самихъ гостей могли возникать споры и недоразумѣнія. Ясно, что была настоятельная необходимость въ лицахъ, которыя могли бы взять на себя дѣло веденія переговоровъ съ посторонними купеческому каравану лицами, разбирать споры въ средѣ самихъ членовъ каравана, а при случаѣ даже предводительствовать въ схваткахъ съ грабителями. Ясно, что была необходимость въ организаціи каравана, хотя бы и самой элементарной. Такая организація наблюдалась и состояла, главнымъ образомъ, въ томъ, что купцы выбирали двухъ ольдермановъ, которые съ своей стороны выбирали себѣ 4 помощниковъ. Одинъ изъ ольдермановъ являлся преимущественно носителемъ власти, а другой завѣдывалъ хозяйственною частью. Всѣ же вообще купцы, самостоятельные хозяева, объединялись въ совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ перваго изъ ольдермановъ[2]).

---

1) Древнѣйшая скра Новгородская, ст. ст. 89, 91 и 92. И. Андреевскій. О договорѣ Новгорода. Прилож. I. Н. Костомаровъ. Назв. соч., т. II, стр. 193 и 201. Фортинскій. Приморскіе Вендскіе города, стр. 367. Дм. Цвѣтаевъ. Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованіи, стр. 22. Никитскій. Исторія экономическаго быта, стр. 110, 117, 137 и слѣд. R. Hausmann. Zur Geschicte des Hofes von St. Peter, стр. 201.

2) Древнѣйшая Новгородская скра, ст. ст. 2. 4. 6. Третія Новгородская скра (ок. 1325 г.) Чтенія. 1905, кн. IV, § I, содержитъ нѣкоторыя измѣненія въ сравненіи съ древнимъ порядкомъ выбора и назначенія должностныхъ лицъ, но для насъ эти измѣненія, какъ позднѣй-

Разъ получивъ организацію, купцы могли, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, пользоваться ею и по достиженіи мѣста назначенія, т. е. въ Новгородѣ. Доказывать желательность для купцовъ сохраненія такой организаціи въ Новгородѣ не приходится: кто откажется отъ помощи и совѣта своихъ соотечественниковъ или единомышленниковъ на чужбинѣ, среди населенія подчасъ очень враждебно настроеннаго противъ пришельцевъ потому ли, что населеніе это еще очень грубо, или потому, что эти пришельцы своимъ эксплуатированіемъ и наглостью выводятъ изъ терпѣнія туземцевъ? Цѣлый рядъ другихъ причинъ и, между прочимъ, спеціальныхъ соображеній торговаго характера, приводили къ тѣмъ же результатамъ [1]). Однимъ словомъ, купцы должны были желать организаціи, и яркимъ выраженіемъ стремленій къ ней купечества служатъ для насъ постановленія скры, подробно регламентирующія это дѣло.

Мы уже сказали о выборахъ ольдермановъ и другихъ должностныхъ лицъ, которыя, по пріѣздѣ въ Новгородъ, продолжали свою функцію суда и управленія. Далѣе, скры говорятъ о порядкѣ размѣщенія новоприбывшихъ гостей во дворѣ, о томъ, что гости могутъ привести съ собою священника и на чей счетъ онъ содержится, каковы его права и обязанности и пр.; какія отношенія должны быть между самостоятельными купцами и ихъ приказчиками и слугами. Этимъ послѣднимъ дается своя организація. Скры подробно опредѣляютъ органы и функціи по охранѣ двора, даютъ цѣлый рядъ правилъ о производствѣ торговли; устанавливаютъ сборы съ купцовъ въ общую казну двора; наконецъ, содержатъ цѣлый кодексъ преступленій и правонарушеній

шія, не имѣютъ значенія и интереса. Въ XV и XVI вѣкахъ наблюдаются дальнѣйшія измѣненія по этому предмету, но опять таки они насъ не интересуютъ. См. М. Бережковъ. О торговлѣ Руси съ Ганзой. стр. 145 и слѣд. Фортинскій. Приморскіе Вендскіе города, стр. 373. Никитскій. Исторія экономическаго быта, стр. 242—248.

[1]) См., напр., А. С. Лаппо-Данилевскій. Критическій разборъ соч. А. И. Никитскаго. Исторія экон. быта. Великаго Новгорода. Журн. Минист. Народн. Просвѣщ. 1895 г., ч. 302, декабрь, стр. 393.

съ соотвѣтствующими наказаніями за нихъ, а также и правила судопроизводства.

Если принять во вниманіе, что, по постановленіямъ искры, дворовый судъ имѣлъ право налагать на всѣхъ принадлежавшихъ къ составу двора лицъ разныя наказанія вплоть до смертной казни включительно, то мы должны сознаться, что самоуправленіе двора было широкимъ и полнымъ. Но при этомъ мы не должны упускать изъ виду, что управленіе двора было продолженіемъ управленія дорожной компаніи и мѣнялось въ немъ съ каждой навигаціей. Лѣтніе гости со своимъ управленіемъ не отвѣчали за зимнихъ гостей и наоборотъ [1]).

Все до сихъ поръ сказанное относилось къ порядкамъ, взглядамъ и стремленіямъ иностранцевъ, которые могли достигать фактически большого развитія и имѣть широкое приложеніе. Но насъ интересуютъ не порядки, взгляды и стремленія въ этомъ дѣлѣ иностранцевъ, а квалификація ихъ со стороны русскихъ правительства и народа. Эти послѣднія могли стремленіямъ иностранцевъ полагать опредѣленныя границы и, признавая иностранцевъ управомоченными лишь на извѣстныя дѣйствія, опредѣлять въ порядкахъ иностранцевъ юридически то, что вначалѣ было только фактическимъ состояніемъ.

Дѣйствительно, вѣдь вся эта обстановка жизни нѣмцевъ въ Новгородѣ, насколько она не была признана русской властью, насколько она не соотвѣтствовала правосознанію Руси, если не входила въ конфликтъ съ этими факторами права на Руси,—была простымъ фактомъ. Только тогда поднимался вопросъ о правѣ, когда самоуправленіе иностранцевъ, по той или другой причинѣ, квалифицировалось съ точки зрѣнія Руси. Насъ интересуетъ именно эта послѣдняя квалификація.

Посмотримъ, какъ реагировало на всѣ эти явленія самоуправленія иностранныхъ купеческихъ факторій русское право.

---

[1]) А. И. Никитскій. Назв. соч., стр. 119. Buck. Der Deutsche Handel in Nowgorod bis zur Mitte des XIV Iahrhunderts. 1895 г., стр. 33.

Во первыхъ, на Руси совершенно ясно сознавали необходимость путешествій купцовъ цѣлыми караванами и соглашались съ тѣмъ, что даже организація нѣмцевъ не можетъ ихъ обезпечить отъ всѣхъ напастій въ пути. Поэтому въ договорѣ Новгорода съ нѣмцами, заключенномъ при Александрѣ Невскомъ, новгородцы предлагаютъ нѣмцамъ, при путешествіяхъ ихъ въ Новгородъ и обратно, пользоваться содѣйствіемъ новгородцевъ, которые, сопровождая караванъ, могли бы предупреждать столкновенія его съ туземцами. Если нѣмецкіе гости, продолжаетъ договоръ, поѣдутъ одни, то Новгородъ не отвѣчаетъ за ихъ безопасность [1]). Въ общемъ это постановленіе подтверждается п. I договора новгородцевъ съ нѣмцами въ 1270 г. [2]).

Далѣе, Новгородъ признаетъ и самый порядокъ путешествія нѣмцевъ два раза въ годъ. Въ договорѣ 1270 г. находится такого рода постановленіе: „если возникнетъ ссора во время лѣтняго поѣзда то зимнему поѣзду до нея дѣла нѣтъ; въ случаѣ ссоры въ зимнемъ поѣздѣ лѣтнему поѣзду до нея дѣла нѣтъ“ [3]). Принимая это постановленіе, Новгородъ опредѣлялъ свое отношеніе къ факту періодическихъ поѣздокъ нѣмцевъ въ Русь лѣтомъ и зимою и говорилъ, что онъ признаетъ полную раздѣльность лѣтнихъ и зимнихъ каравановъ и ихъ самостоятельность, говорилъ, что каждый поѣздъ отвѣчаетъ только за себя и въ глазахъ Новгорода представляется нѣкоторымъ цѣлымъ.

Признавая дорожную организацію нѣмецкихъ гостей, Новгородъ не противился и ихъ дворовой организаціи; тѣмъ болѣе, что это явленіе было самымъ обыкновеннымъ на Руси.

Дѣло было только въ юридической квалификаціи его.

Что касается этой послѣдней, то она была такова, что

---

[1]) Договоръ говоритъ буквально слѣдующее: „А зимнии гость оже не поиметь нашего посла, ни новгородцьскихъ купець из Новагорода, или съ Гъцького берега, а что ся учинить ис Котлингъ до Новагорода, или из Новагорода до Котлингъ немецкъму гости, оже бес посла поидуть, то Новугороду тяжя не надобе, въ старыи миръ“. Рус. Лив. Акты, № XVI.

[2]) И. Андреевскій. О договорѣ Новагорода, стр. 20 и слѣд.

[3]) И. Андреевскій. О договорѣ Новагорода, стр. 30, ст. XV.

не давала сомнѣній въ признаніи за нѣмецкимъ дворомъ правъ юридическаго лица. Это слѣдуетъ изъ того, что нѣмецкій дворъ мыслился на Руси учрежденіемъ, независящимъ отъ составляющихъ его лицъ. Мы говорили выше, что на дворѣ въ данную минуту могло никого не быть, но дворъ, какъ опредѣленное лицо гражданскаго права, продолжалъ существовать. Ему принадлежали извѣстныя гражданскія права, какъ напр. владѣнія недвижимостью, онъ могъ пріобрѣтать такія имущества путемъ купли или пользоваться ими на основаніи договора найма, какъ это было съ недвижимостью готландцевъ, могъ имѣть собственные долги и пр. [1]). На него, какъ на всякое лицо возлагались общегражданскія повинности, напр. содержанія мостовой около своихъ владѣній. Это цѣлое, какъ опредѣленное учрежденіе, имѣло свои органы, являвшіеся дѣйствующими лицами за цѣлый дворъ; съ этими органами двора велись переговоры, по дѣламъ двора, съ русскими властями и населеніемъ тогда, когда настояла необходимость веденія переговоровъ русскихъ не съ отдѣльными членами двора, а съ дворомъ, какъ съ цѣлымъ учрежденіемъ. Русское правосознаніе отличало такихъ, облеченныхъ особымъ положеніемъ во дворѣ, лицъ отъ простыхъ его членовъ. Ст. XXIII договора 1270 г. устанавливала за убійство ольдермана двора штрафъ вдвое бо́льшій, чѣмъ за убійство простого купца [2]). Наконецъ, Русь предоставляла полную свободу во внутреннихъ дѣлахъ двора и, между прочимъ, судъ по дѣламъ двора надъ всѣми его членами. Этотъ судъ, какъ мы ранѣе указали, могъ оканчиваться постановленіемъ смертныхъ приговоровъ. Но и независимо отъ этого, многочисленность статей въ Новгородскихъ скрахъ, касающихся наложенія наказаній на купцовъ дворовымъ судомъ и организаціи этого послѣдняго [3]), указываютъ намъ на значительную дѣятельность двора въ

---

[1]) Гильдебрандъ. Отчетъ. стр. 33, № 26.

[2]) М. Андреевскій. О договорѣ Новагорода, стр. 33.

[3]) Въ скрахъ, по изданію Андреевскаго, ст. ст. 14—18, 21, 25—30, 32—75, 83, 84, 87, 103, 104, 110. Такимъ образомъ, изъ 110 статей болѣе половины (61 ст.) трактуютъ о разбираемомъ нами предметѣ.

этой области. Самый кодексъ преступленій, за которыя судилъ дворовый судъ, чрезвычайно разнообразный, заключающій въ себѣ не только крупныя проявленія преступности и злой воли, но и самыя мелкія, свидѣтельствовалъ о томъ, что судъ двора былъ явленіемъ обыкновеннымъ, постояннымъ, ничего особеннаго въ себѣ не заключающимъ.

Нельзя удивляться столь широкимъ полномочіямъ юридическихъ лицъ гражданскаго права въ то время, когда самое понятіе публичнаго и частнаго моментовъ въ правѣ различалось очень нетвердо и когда государство еще далеко не дошло до нормальнаго развитія своихъ функцій. Монополизація принужденія, характеризующая современное государство, совсѣмъ не обязательно мыслилась въ древнее время. Органы государственной власти, на ряду съ своей дѣятельностью, съ удовольствіемъ допускали конкуррирующую дѣятельность всевозможныхъ лицъ и союзовъ, среди которыхъ всякія соединенія иностранцевъ занимали не послѣднее мѣсто.

На основаніи ст. 16 договора Смоленска съ нѣмцами 1229 года, можно положительно утверждать, что въ Смоленскѣ также судебныя дѣла между иностранцами предоставлялись въ полное ихъ распоряженіе. Статья 16 говоритъ: „Аже Латинескии гость биеться межю събою оу Роускои земли любо мьчемь, а любо деревъмь, князю то не надобѣ, межю събою соудити“ [1]).

Русское правительство того времени не только не интересовалось внутренними дѣлами иностранцевъ другъ съ другомъ, но даже приравнивало къ иностранцамъ жителей другихъ русскихъ княженій. Въ концѣ подтвердительной грамоты Смоленскаго князя договора 1229 г. князь дѣлаетъ оговорку, что онъ не будетъ разбирать ссоръ между нѣмцами и людьми того князя, который бы въѣхалъ въ Смоленскъ, а также ссоръ нѣмцевъ съ гостями изъ другихъ русскихъ городовъ: „аже въѣдетъ братъ мои которыи въ Смольньскъ, а учинится вамъ свада съ ихъ мужьми, вам ся вѣдати с ними самѣмъ; или гость ис кото-

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Христоматія, Вып. I, стр. 101.

рое земле придеть въ мои Смолньскъ, а будѣть вы с нимь свада, а вѣдаите ся с ними сами“ [1]).

Если этимъ постановленіямъ можно придавать разный смыслъ и объяснять ихъ особыми политическими соображеніями даннаго момента [2]), то ничѣмъ инымъ, кромѣ какъ нежеланіемъ вмѣшиваться въ неинтересное для себя дѣло, можно объяснить ст. 11 договора 1195 г. Новгорода съ нѣмцами. Эта статья сперва постановляетъ, что предъявленіе новгородцемъ иска къ нѣмцу не можетъ задержать послѣдняго въ Новгородѣ, если тому надо ѣхать на родину; но тяжба съ отъѣздомъ нѣмца не оканчивается, и на слѣдующій годъ искъ долженъ быть удовлетворенъ отвѣтчикомъ, иначе истецъ за свой долгъ можетъ забрать имущество отвѣтчика, заявивъ объ этомъ князю и людямъ. Далѣе статья указываетъ, что ея постановленія относятся только къ тяжбамъ нѣмцевъ съ новгородцами; если же нѣмецъ будетъ имѣть тяжбу съ русскими изъ другихъ земель и городовъ, то ему слѣдуетъ „у тѣхъ свое тяже прошати искати Новугороду не надобе. А тяжа на городы, а нѣмчинъ свободь и новогородци“ [3]).

Всѣ эти постановленія производятъ одно и то же впечатлѣніе. На основаніи ихъ можно судить о томъ, что власти даннаго княжества одинаково равнодушно относились къ дѣламъ, не затрагивающимъ спеціальныхъ мѣстныхъ интересовъ, касались ли эти дѣла нѣмцевъ, или же русскихъ изъ другихъ княженій.

Итакъ, мы можемъ положительно утверждать, что самоуправленіе нѣмецкихъ факторій было не только фактическимъ состояніемъ, но и ясно выраженнымъ правомъ иностранцевъ на Руси, что это право иностранцевъ въ правосознаніи русскаго народа находило себѣ признаніе и занимало соотвѣтствующее мѣсто.

---

[1]) Рус. Лив. Акт., стр. 453.

[2]) См., напр., Голубовскій. Исторія Смоленской земли, стр. 151 и слѣд. М. Бережковъ. О торговлѣ Руси съ Ганзой, стр. 99.

[3]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія. Вып. I, договоръ 1195 г., ст. 11.

Доказывая несомнѣнность самоуправленія иностранныхъ факторій на Руси, въ качествѣ правоваго явленія, не ломимся ли мы въ открытыя двери? Вѣдь мы раньше привели по этому вопросу мнѣнія проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова и А. И. Никитскаго. Мнѣніе названныхъ ученыхъ гораздо опредѣленнѣе формулируетъ сущность самоуправленія нѣмецкихъ дворовъ, чѣмъ это сдѣлано нами. Они прямо говорятъ, что нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ былъ государствомъ въ государствѣ. Проф. Владимірскій-Будановъ не приводитъ доказательствъ въ подтвержденіе этого положенія, но А. И. Никитскій старается его обосновать. Онъ говоритъ буквально слѣдующее:

„Что же касается до отношеній конторы къ Новгороду, то, какъ во всѣхъ другихъ нѣмецкихъ факторіяхъ, мы и здѣсь встрѣчаемся съ стремленіемъ къ національному праву и автономіи внутренней жизни. Скажемъ больше: контора образовала въ Новгородѣ какъ бы государство въ государствѣ, и мѣстныя власти не имѣли ни малѣйшаго права на вмѣшательство во внутреннія дѣла факторіи. Право издавать законы и постановленія принадлежало нѣмецкому купечеству на Готландѣ и новгородскому нѣмецкому стевену. Разборъ тяжбъ между членами конторы производился ольдерманами по собственному праву, и Новгородскій судъ не имѣлъ въ этой области ни малѣйшей компетенціи. Даже и тогда, когда старшина двора собственными силами не могъ привести въ исполненіе своего приговора, даже и на этотъ случай въ скрѣ не встрѣчалось постановленія, дозволявшаго обращаться за помощью къ новгородскимъ властямъ. Наконецъ, въ видахъ полнѣйшаго сохраненія своей внутренней самостоятельности, контора даже и внѣшнія свои отношенія къ Новгороду старалась поставить такъ, чтобы они не могли угрожать двору никакими затрудненіями. Для этой цѣли въ сношеніяхъ съ Новгородцами контора старалась являться обыкновенно замкнутымъ цѣлымъ. Въ случаѣ какихъ либо переговоровъ съ Новгородомъ, контора отряжала отъ себя ольдермана съ помощниками, которые, явившись на дворъ св. Іоанна Предтечи, рѣшали дѣло вмѣстѣ съ новгородскими властями. Отдѣльнымъ членамъ всѣ подобные переговоры были строго запрещены: привилегіи и преимущества могли пріобрѣтаться только

цѣлой общиной, и кто отваживался искать ихъ только для себя, тотъ подвергался высокой денежной пенѣ и лишенію права посѣщать дворъ. Даже въ судебной сферѣ нѣмцы старались выговорить себѣ нѣкоторыя преимущества. Въ тѣхъ случаяхъ именно, когда отвѣтчикомъ былъ нѣмецъ, гости желали, чтобы никто не могъ налагать на него своей руки, кромѣ старшины двора: только тотъ могъ подвергнуть его суду. Но вопреки этому желанію, судъ по взаимнымъ тяжбамъ остался въ исключительномъ вѣдѣніи новгородцевъ" [1]).

Мы нарочно привели полностью все, что говоритъ А. И. Никитскій по разбираемому вопросу для того, чтобы можно было составить себѣ общее впечатлѣніе объ его аргументаціи. Намъ не кажется она достаточно убѣдительной.

Попробуемъ въ подробности разобрать доказательства А. И. Никитскаго.

Высказавъ мысль, что „контора образовала въ Новгородѣ, какъ бы государство въ государствѣ", А. И. Никитскій смягчаетъ это утвержденіе тѣмъ, что продолжаетъ: „и мѣстныя власти не имѣли ни малѣйшаго права на вмѣшательство во внутреннія дѣла факторіи". Это не одно и тоже.

Далѣе, ученый, позабывъ мысль о государствѣ, думаетъ, что доказываетъ второе утвержденіе объ отсутствіи у русскихъ права на вмѣшательство во внутреннія дѣла факторій. На самомъ же дѣлѣ далѣе идетъ рѣчь о томъ, что какъ въ дѣлѣ изданія правилъ внутренняго распорядка, такъ и разбора тяжбъ между членами двора, иностранные гости вѣдались собственными силами. А. И. Никитскому кажется, что въ пользу ограниченія мѣстной власти компетенціей двора, служитъ то обстоятельство, что, „когда старшина двора собственными силами не могъ привести въ исполненіе своего приговора, даже и на этотъ случай въ скрѣ не встрѣчалось постановленія, дозволявшаго обращаться за помощью къ Новгородскимъ властямъ"; Отсутствіе такого постановленія не только въ скрахъ, которыя могли быть совершенно неизвѣстны новгородцамъ и, во всякомъ случаѣ, знакомство съ коими не было для новгородцевъ обязательно, но даже и отсутствіе

---

[1]) Исторія экономическаго быта В. Новгорода, стр. 131 и слѣд.

такого постановленія въ новгородскомъ правѣ не доказывало бы, что новгородцы должны были воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ жизнь купцовъ. „Наконецъ, говоритъ А. И. Никитскій, въ видахъ полнѣйшаго сохраненія своей внутренней самостоятельности, контора даже и внѣшнія свои отношенія къ Новгороду старалась поставить такъ, чтобы они не могли угрожать двору никакими затрудненіями. Для этой цѣли, въ сношеніяхъ съ Новгородцами контора старалась являться обыкновенно замкнутымъ цѣлымъ". Далѣе говорится, что всѣ сношенія съ Новгородомъ у конторы происходили не такъ, чтобы всѣ купцы, бывшіе въ данное время въ Новгородѣ скопомъ выходили изъ своего двора и скопомъ же вели переговоры, а такъ, что въ переговорахъ участвовали со стороны двора лишь одни его представители. Послѣднее совершенно ясно и понятно. Въ этомъ и состоитъ сущность юридическаго лица, которое есть „замкнутое цѣлое". Но если одинъ субъектъ права „замкнутое цѣлое", то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы другой субъектъ права, лежащій въ другой плоскости, какъ въ данномъ случаѣ съ одной стороны нѣмецкій дворъ, а съ другой—русское государство, не имѣлъ право на воздѣйствіе. Можетъ быть необыкновенно „замкнутое цѣлое", и, всетаки, ему, столкнувшись съ государственнымъ общеніемъ и его властью, не сохранить „своей внутренней самостоятельности".

Чтобы кончить съ доказательствами А. И. Никитскаго, приведемъ его послѣдній аргументъ, который, по нашему мнѣнію, говоритъ скорѣе противъ него, чѣмъ за него.

Упомянувъ о внутренней самостоятельности конторы, выражавшейся въ организаціи ея, какъ всякаго юридическаго лица, въ доказательство того, что мѣстныя власти не имѣли ни малѣйшаго права на вмѣшательство во внутреннія дѣла факторіи, А. И. Никитскій говоритъ, что "даже въ судебной сферѣ нѣмцы старались выговорить себѣ нѣкоторыя преимущества". Изъ послѣдней фразы можно заключить, что всѣ до сихъ поръ описанныя права факторіи были не ея собственнымъ правомъ, какъ у государства, а „нѣкоторыми преимуществами", которыя удалось выговорить нѣмцамъ у мѣстной государственной власти, которая одна только и могла регулировать правовые вопросы. И вотъ,

оказывается, что нѣмцы старались выговорить себѣ преимущества даже въ судебной сферѣ, т. е. получить еще какія то права, которыхъ до сихъ поръ они, значитъ, не имѣли. При такомъ ходѣ мыслей рѣчь о факторіи, какъ о государствѣ, должна быть совсѣмъ оставлена, и мы правильно предусмотрѣли, что А. И. Никитскій и не думалъ доказывать того своего положенія, что факторія—государство. Въ такомъ случаѣ остается его второе положеніе, о которомъ онъ думаетъ, что оно равнозначуще съ первымъ. Это второе положеніе о томъ, что „мѣстныя власти не имѣли ни малѣйшаго права на вмѣшательство во внутреннія дѣла факторіи“. Доказывая эту мысль, А. И. Никитскій старается и судебную сферу привлечь къ общему хору доказательствъ и говоритъ, что даже въ этой сферѣ нѣмцы старались получить преимущества. Въ тѣхъ случаяхъ именно, когда отвѣтчикомъ былъ нѣмецъ, гости желали, чтобы никто не могъ налагать на него своей руки, кромѣ старшины двора: только тотъ могъ подвергнуть его суду. Но вопреки этому желанію, судъ по взаимнымъ тяжбамъ остался въ исключительномъ вѣдѣніи новгородцевъ“. Не имѣютъ ли всѣ эти доказательства тотъ смыслъ, что вопреки желаніямъ нѣмцевъ на невмѣшательство русскихъ въ ихъ дѣла, исполненія этихъ желаній не послѣдовало, и что нельзя говорить, основываясь на подобныхъ доказательствахъ, о томъ, что „мѣстныя власти не имѣли ни малѣйшаго права на вмѣшательство во внутреннія дѣла факторіи“?

Если трудно обосновать послѣднее утвержденіе, то тѣмъ большую еще представляетъ трудность обоснованіе мнѣнія о факторіяхъ, какъ о государствахъ. Это невозможно произвести не только на подробностяхъ существованія факторій на Руси, но и на общихъ принципахъ ихъ организаціи. Для бытія государства надо другіе элементы, чѣмъ это было у купеческихъ факторій.

Прежде всего и, что самое главное для насъ, у купеческихъ факторій не было территоріи, а была недвижимая собственность, право на которую регулировалось ни постановленіями скры, ни законами Ганзейскаго союза, а русскими правосознаніемъ и положительнымъ правомъ. Дорожныя компаніи купцовъ, которыя временно посѣщали нѣ-

мецкіе дворы, никакъ не могутъ подходить подъ понятіе населенія государства. Всѣ члены этихъ компаній были уже подданными опредѣленныхъ государственныхъ общеній и, являясь на Русь, не пріобрѣтали второго подданства. Наконецъ, у этихъ компаній, за исключеніемъ территоріальной власти Руси, не было другой верховной государственной власти, кромѣ какъ оставленной на родинѣ, за границей Руси. Что это послѣдняя власть дѣйствовала на подвластныхъ ей лицъ, членовъ купеческихъ факторій на Руси, доказываетъ цѣлый рядъ неопровержимыхъ данныхъ. Мы не будемъ ихъ приводить, такъ какъ въ нашу задачу не входитъ доказываніе факта непрерываемости отношеній путешествующихъ на чужбинѣ купцовъ съ ихъ отечествомъ.

Утвержденія М. Ф. Владимірскаго-Буданова и А. И. Никитскаго о факторіи, какъ о государствѣ, или, по крайней мѣрѣ, о полной экстерриторіальности ея, можетъ быть и были бы справедливыми, если бы факторія имѣла всѣ тѣ права, которыхъ она домогалась [1]).

---

[1]) Въ свое время Костомаровъ, Сѣверно-русскія народоправства, т. II, 1863 г., стр. 186 и слѣд., не различалъ строго правъ нѣмцевъ въ Новгородѣ, которыми нѣмцы обладали въ дѣйствительности, отъ тѣхъ правъ, обладать которыми они хотѣли бы. Такъ, говоря о новгородской ганзейской конторѣ, Костомаровъ замѣчалъ, что „изъ многихъ ганзейскихъ конторъ, находившихся въ разныхъ городахъ Европы, ни одна не была настолько изолирована отъ мѣстнаго общества, какъ новгородская. Тогда какъ въ Лондонѣ и Брюгге встрѣчались случаи когда торгующіе члены союза могли обращаться къ посредству мѣстной управы по своимъ дѣламъ, въ новгородской конторѣ такихъ случаевъ не представлялось. Новгородскій подвойскій и биричь не смѣли войти въ нѣмецкій дворъ. Если новгородецъ имѣлъ дѣло до нѣмца, онъ долженъ былъ обращаться къ начальству нѣмецкаго двора, выборному альдерману, и только тогда, когда былъ недоволенъ судомъ его, обращался къ своему правительству, но не иначе, какъ къ высшимъ правителямъ“. Это утвержденіе Костомарова совершенно не соотвѣтствовало дѣйствительности и происходило оттого, что Костомаровъ не совсѣмъ отдѣлялъ права Ганзейцевъ, какими они рисовались по проекту договора между ними и новгородцами 1270 г., отъ тѣхъ правъ, которыя значились въ самомъ договорѣ 1270 г. Послѣдующіе писатели, какъ напр., уже Ѳ. Фортинскій, Приморскіе Вендскіе города, 1877 г., стр. 370 и слѣд., избѣгаютъ этой ошибки. А. И. Никитскій. Назв. соч., стр. 137. Buck. Der deutsche Handel in Nowgorod, стр. 32.

Напр., нѣмецкіе гости, при самомъ своемъ вступленіи караваномъ въ русскую землю, хотѣли бы судить своимъ судомъ не только членовъ своей компаніи—каравана, но и лицъ къ ней непричастныхъ, но попавшихся въ воровствѣ у компаніи. Это требованіе они выставляли въ своемъ проектѣ договора 1270 г. Какъ видно изъ текста ст. III самого договора, это требованіе было отвергнуто, и такихъ воровъ судили въ Ладогѣ или въ Новгородѣ по ихъ „пошлинѣ" [1]).

Далѣе нѣмцы добивались того, чтобы русскіе, имѣвшіе искъ или жалобу на нѣмца, обращались прежде всего къ ольдерману двора. Новгородцы заявили, что они признаютъ только судъ тысячскаго [2]).

Нѣмцы хотѣли, чтобы ольдерманъ ихъ участвовалъ въ новгородскомъ судѣ при разбирательствѣ дѣлъ „о ссорѣ между нѣмцами и новгородцами". Новгородъ отказалъ ольдерману въ такомъ участіи [3]).

Въ своемъ проектѣ договора 1270 г. нѣмцы предлагали Новгороду признать за нѣмецкимъ дворомъ право убѣжища для всякаго скрывавшагося во дворѣ; а также признать, что всякій силою вломившійся въ нѣмецкій дворъ и нанесшій нѣмцамъ обиду подлежитъ суду двора, и новгородскія власти не имѣютъ права вступаться за преступника. На всѣ эти претензіи Новгородъ отвѣчалъ принятіемъ ст. XII договора 1270 г., гласящей, что всякій виновный въ преступленіи противъ гостей внутри ихъ двора будетъ преданъ суду и наказанъ по закону [4]).

Приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы судить о томъ, какъ хотѣли нѣмцы устроиться въ Новгородѣ, чтобы видѣть, что они хотѣли основаться на Руси „на принципѣ полной экстерриторіальности"; но этихъ же данныхъ достаточно, что-

---

[1]) И. Андреевскій. О договорѣ Новагорода, стр. 22 и слѣд., прим. 80.

[2]) Андреевскій. Назв. соч., стр. 27, ст. X дог. 1270 г., прим. 89.

[3]) Назв. соч., стр. 27, ст. XI дог. 1270 г., прим. 90.

А. И Никитскій, Исторія эконом. быта, стр. 22, 34, 132 и слѣд., говоритъ, что составъ суда „оставался всегда исключительно новгородскимъ".

[4]) Назв. соч., стр. 28, прим. 91.

бы понять, что это не удалось нѣмцамъ и что русское правосознаніе квалифицировало самоуправленіе нѣмцевъ не экстерриторіальнымъ, а подчиненнымъ русскимъ законамъ [1]).

Не будучи государствами, факторіи могли быть только субъектами частнаго права. Вся внутренняя жизнь факторій поскольку не входила въ соприкосновеніе, а тѣмъ болѣе въ конфликтъ, съ русскимъ міромъ, оставлялась этимъ послѣднимъ въ покоѣ или, попросту, игнорировалась. Но самое это игнорированіе съ точки зрѣнія юридической было соизволеніемъ территоріальной государственной власти на опредѣленный кругъ неприкосновенности даннаго общенія. Внутри этого круга создавалось самоуправленіе. Но это самоуправленіе было самоуправленіемъ въ частномъ интересѣ даннаго общенія. Только тогда можно говорить о самоуправленіи купеческихъ факторій на публичномъ правѣ, когда это самоуправленіе осуществляло тѣ или другія государственныя функціи по довѣренности отъ государства и отъ его лица. Но когда государство игнорировало всю внутреннюю жизнь даннаго общенія, какъ неинтересную для себя, то тогда можно было говорить только о частномъ правѣ, о субъектѣ, въ жизнь котораго государство по тѣмъ или инымъ причинамъ не вторгалось. Припомнимъ, что въ то время самая месть, на сколько ея осуществленіе касалось туземныхъ подданныхъ, совершалась по довѣрію государства. Въ такомъ случаѣ можно говорить о выполненіи частнымъ лицамъ государственныхъ функцій или считать мстителя органомъ государства. Но это явленіе зато было не только признано, но и регулировалось государствомъ въ подробностяхъ, и никоимъ образомъ не игнорировалось, какъ внутренній судъ и расправа членовъ иностранныхъ факторій.

Мы не видимъ основаній для признанія дѣйствій факторій публичными съ точки зрѣнія мѣстной государственной власти. Этотъ характеръ факторій долженъ былъ быть особенно доказанъ. За это мы не беремся. Наоборотъ, мы стоимъ за частноправный характеръ этихъ учрежденій, по преимуще-

---

[1]) Объ экстерриторіальности см., напр., проф. П. Е. Казанскій. Учебникъ международнаго права. 1904 г., стр. 178 и слѣд., 206 и слѣд.

ству. Чрезвычайное разнообразіе функцій этого юридическаго лица частнаго права, даже прямое вторженіе, съ нашей точки зрѣнія, въ сферу дѣятельности государства, въ то время не представляло ничего особеннаго и обусловливалось очень малымъ разграниченіемъ сферъ дѣйствій государственной власти и частныхъ лицъ. Но изъ этого еще не слѣдовало, чтобы причислять факторіи къ субъектамъ публичнаго права, а тѣмъ болѣе считать государствами.

Довольно кружнымъ путемъ мы пришли къ той самой мысли, которую высказали вначалѣ, а именно, что иностранныя купеческія факторіи на Руси были субъектами правъ въ частной области и обладали недвижимостью наравнѣ со всякими другими частными лицами. Субъектами правъ на недвижимости были не отдѣльные купцы изъ иностранцевъ, а факторіи въ ихъ цѣломъ.

2. Гостиные дворы иностранныхъ купцовъ въ Московскомъ государствѣ.

Въ древности, какъ это мы только что видѣли, нѣмецкимъ дворомъ назывался участокъ земли съ постройками на немъ. Владѣніе этой землей было подчинено русскимъ законамъ, и сама земля была простая недвижимая собственность. Кромѣ этого, нѣмецкимъ дворомъ называлось цѣлое учрежденіе, состоявшее изъ личнаго и матеріальнаго субстрата. Выше мы усиленно настаивали на томъ, что нѣмецкій дворъ, въ его послѣднемъ значеніи, былъ лицомъ гражданскаго права, въ качествѣ таковаго обладалъ указанной недвижимостью и, если обладалъ еще нѣкоторыми правами по внутреннему управленію, необычайными для частныхъ лицъ нашего времени, то только потому, что въ древней Руси недостаточно различались частное и публичное начала, и государство, еще не сознавшее всѣхъ своихъ функцій, допускало частныхъ лицъ выполнять такія дѣйствія, которыя могли заставить насъ предполагать объ офиціальномъ положеніи субъектовъ. Но въ дѣйствительности эти

субъекты, не смотря на ихъ кругъ дѣйствій, оставались выразителями частныхъ интересовъ, а не органами публичнаго порядка.

Такъ было въ древности.

Публичное и частное начала плохо различались и въ Московскомъ государствѣ. Но въ Московскомъ государствѣ, въ противоположность древнему времени, отъ этого страдало частное начало. Московское государство, въ сравненіи съ древней Русью, уже подозрительно относилось ко всякому субъекту, вздумавшему конкурировать съ нимъ въ его дѣлахъ, особенно если это были иностранцы. Московскому государю, разгромившему и новгородцевъ, и ганзейцевъ, не приходилось предлагать тѣхъ условій договоровъ, которыя были вполнѣ возможны между Ганзой и прежнимъ Новгородомъ. Да Московскіе государи и не договаривались съ Ганзой. Они считали это ниже своего достоинства.

Въ видѣ пережитка отъ древняго времени Иванъ Грозный надѣлилъ англійскую компанію правами, подобными ганзейскимъ въ древности. Но пользованіе компаніей такими правами продолжалось недолго. Мы останавливались на этомъ вопросѣ въ отдѣлѣ о закладняхъ. Такое надѣленіе компаніи совершенно частнаго характера для царя Ивана Васильевича можетъ быть объяснено далеко не въ его пользу. Во многихъ случаяхъ—чисто государственный умъ,—въ этомъ дѣлѣ онъ проявилъ непростительную слабость. Обыкновенно наблюдавшіеся у него эксцессы въ другую сторону, легко объяснялись неуравновѣшенностью и болѣзненностью его натуры. Но этотъ фактъ съ англійской компаніей, совершенно противоположный его общему государственному смыслу, можетъ быть причисленъ къ исключительнымъ случаямъ его политики.

За исключеніемъ неудачнаго опыта съ англійской компаніей, въ Московскомъ государствѣ, какъ мы объ этомъ уже говорили, не было вопроса о правахъ иностранцевъ на собственный судъ между ними. Одинъ только русскій судъ и одно русское право имѣли примѣненіе на территоріи Московскаго государства. Поэтому говорить о публичныхъ правахъ иностранцевъ въ Московское время представляется излишнимъ. Въ Московскомъ государствѣ иностранные купцы пользовались исключительно частными правами.

Съ такими исключительно частными правами наблюдаются въ Московское время торговые дворы лифляндскихъ городовъ, Ганзы, датчанъ и шведовъ. Подъ вліяніемъ происходящей перемѣны во всей конструкціи правовыхъ отношеній въ Московскомъ государствѣ, а также подъ вліяніемъ и спеціальныхъ условій пребыванія иностранцевъ, понятіе иностранныхъ купеческихъ дворовъ перестаетъ фигурировать въ двухъ значеніяхъ. Нѣтъ помину о самоуправленіи дворовъ. Нѣтъ помину и объ ихъ конституціи, какъ юридической личности. Еще въ XVI вѣкѣ кое какъ доживаетъ это понятіе въ приложеніи къ дворамъ лифляндскихъ городовъ или Ганзы, что объясняется доживающей традиціей; но въ XVII вѣкѣ иностранные дворы Ганзы, датчанъ, шведовъ означаютъ не болѣе, какъ участокъ земли съ постройками на немъ, въ которыхъ могутъ останавливаться купцы даннаго государства въ отличіе отъ другихъ, обязанныхъ ставиться на государевыхъ дворахъ. Подъ дворомъ понимается только недвижимое имущество. Съ такими именно понятіями мы вступаемъ въ исторію Московскаго государства.

Новгородъ, когда вошелъ въ составъ Московскаго государства, то передалъ ему и нѣкоторыя свои отношенія къ Лифляндіи. Поэтому въ договорахъ 1509 г. и 1521 г., заключенныхъ съ Лифляндіей „Nha den Willen Gottes und nha Bevell des Grothen Herschoppers Wassilien, van Godes Gnaden Keyssers aller Russen“, встрѣчается древнее право Лифляндскихъ купцовъ торговать на своихъ дворахъ „по старинѣ“ [1]).

Тоже мы видимъ и по отношенію къ Ганзѣ въ договорѣ отъ 1514 года [2]). Въ дальнѣйшемъ Ганза не имѣетъ договоровъ съ Русью, но ея право имѣть свой особый торговый дворъ въ Новгородѣ и Псковѣ поддерживается жалованными грамотами нашихъ государей. Такъ, въ 1548 году Новгородскіе намѣстники увѣдомляли Ливонскую землю, что государь всея Руси пожаловалъ посадниковъ и ратма-

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. V, № 57. Рус. Лив. Акты, № CCCLXIX, стр. 334.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. V, № 65. Гильдебрандъ. Отчетъ о розысканіяхъ, произведенныхъ въ Рижскихъ и Ревельскомъ архивахъ, стр. 73, №№ 511 и 515.

новъ всѣхъ 72 городовъ и велѣлъ Новгородскимъ намѣстникамъ дать купцамъ 72 городовъ„ дорогу торговати на обѣ стороны безбоязнено и безо всякие зацѣпки, по старинѣ, в Великій Новгородъ". Государь разрѣшилъ нѣмцамъ пользоваться и своимъ дворомъ въ Новгородѣ, выстроить его и торговать въ немъ. „Да и дворомъ неметцкимъ, писали намѣстники въ Колывань, что въ Новгородѣ в Великомъ данъ вамъ на приѣздъ, тѣмъ дворомъ великій государь нашъ васъ пожаловалъ: дворъ вамъ неметцкой велѣлъ дѣлати и торговати в немъ по старинѣ" [1]). Здѣсь довольно ясно проглядываетъ та мысль, что подъ нѣмецкимъ дворомъ понимаютъ простую недвижимость, а не учрежденіе или субъекта какихъ нибудь правъ. Жалованныя грамоты Ганза получаетъ и въ XVII вѣкѣ. При Михаилѣ Θеодоровичѣ купцы просили, кромѣ Новгородскаго и Псковскаго дворовъ, разрѣшить завести имъ особый дворъ и въ Москвѣ, но въ этомъ было отказано. Поэтому въ г. Москвѣ ганзейцы останавливались и торговали на общихъ государевыхъ гостиныхъ дворахъ [2]).

Въ Московскомъ государствѣ, кромѣ упомянутыхъ купцовъ, право владѣть недвижимостью, строить на ней дворы и торговать въ нихъ, имѣли датчане и шведы.

Въ 1516 году Василій Ивановичъ заключилъ договоръ съ датскимъ королемъ Христіаномъ II. Въ этомъ договорѣ ничего не говорится объ особыхъ дворахъ для датской торговли въ Россіи [3]). Но въ слѣдующемъ году была дана великимъ княземъ датчанамъ жалованная грамота на постройку дворовъ въ Новгородѣ и въ Ивангородѣ и отведены мѣста подъ дворы. Въ грамотѣ значилось: „мы великій князь, по прошенію брата нашего Крестьяна, Короля Дат-

---

[1]) Русскіе Акты Ревельскаго городского архива. № 62. Рус. Ист. Библ., т. XV, стр. 109 и слѣд.

[2]) Supplementum ad Historica Russiae Monumenta, LXXXVIII и LXXXIX, XCIX и CV. Н. М. Карамзинъ. Исторія Госуд. Рос. т. XI, гл. I, стр. 47—49, прим. 108. Ф. Аделунгъ. Критико-литературное обозрѣніе, ч. II, стр. 82—84. Д. В. Цвѣтаевъ. Протестантство, стр. 155.

[3]) Рус. Акт. Копенгагенскаго Госуд. Архива. Рус. Ист. Библ., т. XVI, № 8.

цкаго, пожаловали ево земли Датскіе торговыхъ людей и дали имъ мѣсто въ нашей отчинѣ въ Великомъ Новгородѣ у Волхвы рѣки, противъ Любеницъ, длиною шестьдесятъ саженъ, а поперешнику тридцать саженъ а въ Иванѣ-городѣ такожь указали имъ мѣсто дать на посадѣ за вѣсчею избою подъ горою противъ стрѣлницы и воротъ, которыми въ городъ ѣздятъ, длинику тридцать саженъ, поперечнику, двадцать саженъ" [1]). Можно думать, что эта грамота стоитъ въ связи съ договоромъ 1516 года. Непосредственное изданіе ея за договоромъ, упоминаніе въ грамотѣ, что она дается по прошенію датскаго короля, дѣлаютъ впечатлѣніе, что постановленія грамоты—дальнѣйшіе выводы изъ постановленій договора и коренятся въ этихъ послѣднихъ. Но повторяемъ, договоръ 1516 года не говоритъ ничего о дворахъ. Зато въ слѣдующемъ договорѣ Россіи съ Даніей отъ 1562 года значится, что „дворы даны купцомъ Датцкіе земли въ Великомъ, Новѣгородѣ и на Иванегородѣ" [2]).

Это право датчанъ, обезпеченное теперь уже договоромъ, переходитъ и въ XVII вѣкъ. Въ самомъ началѣ XVII вѣка оно расширяется въ своемъ объемѣ, но, повидимому, не надолго. Въ 1603 году Борисъ Годуновъ въ отвѣтномъ извѣщеніи, врученномъ отъ его имени бояриномъ С. В. Годуновымъ датскому послу Акселю Гильденштерну, пишетъ королю датскому Христіану, что онъ пожаловалъ его торговыхъ людей дворами въ Новгородѣ, Псковѣ, Ивангородѣ и царствующемъ градѣ Москвѣ [3]). Количество дворовъ увеличилось вдвое. Но это увеличеніе послѣдовало въ порядкѣ односторонняго волеизъявленія русскаго правительства, а не двусторонняго трактата. Кромѣ того, въ смутное время, вмѣстѣ съ царемъ Борисомъ, погибло и право

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. V, № 79. Рус. Акт. Копенгаг. Гос. Арх., Рус. Ист. Биб., т. XVI, № 9.

[2]) Рус. Акт. Копенгаг. Госуд. Архива. Рус. Ист. Библ., т. XVI, № 20, стр. 74. Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 119. Гамель. Начало политическихъ и торговыхъ сношеній между Англіей и Россіей. Журн. Мин. Нар. Пр., 1856 г. т. 89, стр. 129.

[3]) Рус. Акт. Копенгаг. Госуд. Архива. Рус. Ист. Библ., т. XVI, № 90, стр. 386.

Даніи на дворы въ Псковѣ и Москвѣ. Осталось только то, что было обезпечено договоромъ. По крайней мѣрѣ, въ инструкціи отъ 10 апрѣля 1631 года датскаго короля его послу въ Россію Мальте Юлю, предписывающей заключить съ русскими торговый договоръ, которымъ подтверждались бы прежнія привилегіи датскихъ купцовъ въ Россіи и выговаривались бы новыя, значится требованіе добиваться разрѣшенія поставить дворы не только въ Новгородѣ, но и въ Псковѣ, Москвѣ и другихъ городахъ [1]). Значитъ, въ этихъ мѣстахъ датчане не могли имѣть дворовъ. Такъ какъ договоръ не состоялся, то датчане и послѣ 1631 года остались въ прежнемъ положеніи [2]).

Если мы еще упомянемъ о шведахъ, то этимъ окончимъ перечень иностранныхъ купцовъ, въ составѣ цѣлыхъ націй, имѣвшихъ право на особые дворы.

Шведы, на основаніи дополнительной статьи, внесенной въ Новгородскій договоръ въ 1526 году, имѣли право на особый дворъ только въ Новгородѣ [3]). Такъ продолжалось почти до самого конца XVI вѣка, до Тявзинскаго договора 1595 года. По Тявзинскому договору, шведскіе купцы, гдѣ имѣли до 1595 года дворы, должны были владѣть ими, а въ тѣхъ городахъ, гдѣ „прежде дворовъ не было, должно безпрекословно отводить оные для того, чтобы они (шведы) могли складывать свое имущество“ [4]).

По точному смыслу приведеннаго постановленія договора 1595 года, шведы могли владѣть особыми торговыми дворами во всѣхъ городахъ Московскаго государства. Это безусловно было новостью, и тѣмъ болѣе разительною, что до 1595 года шведы могли владѣть дворомъ только въ Новгородѣ. Самый договоръ 1595 г. можетъ ввести на этотъ счетъ въ заблужденіе и дать поводъ заключить, что до 1595 года дворы у Шведовъ были не только въ Нов-

---

[1]) Датскій Архивъ. № 743, стр. 203. Чтенія. 1893 г., кн. I.

[2]) ibid, № 750, стр. 205. См. также. Д. В. Цвѣтаевъ. Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи. 1885 г. Приложеніе XIV.

[3]) Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ, ч. IV, стр. 117.

[4]) Переводъ съ подлинника, находящагося въ Шведскомъ Государственномъ Архивѣ, А. А. Чумикова. Чтенія. 1868 г., кн. II стр. 4.

городѣ, но и въ Москвѣ, Псковѣ и другихъ мѣстахъ. Договоръ говоритъ: „подданнымъ шведскаго государства должны быть предоставлены тѣ дома въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и другихъ мѣстахъ въ Русіи, которыми домами и дворами они прежде владѣли со всѣми угодьями и вольностями“ [1]). Въ такую именно ошибку впадаютъ С. М. Соловьевъ и Н. И. Костомаровъ, но Д. В. Цвѣтаевъ подробно доказываетъ, что приведенное постановленіе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Не только, какъ говоритъ договоръ въ „другихъ мѣстахъ въ Русіи“, но и въ Москвѣ и въ Псковѣ не было у шведовъ дворовъ въ теченіе всего XVI вѣка даже и послѣ Тявзинскаго договора и впервые мѣста, подъ дворы были отведены шведамъ въ силу Столбовскаго договора 1617 года. Шведамъ не могли быть „предоставлены“ тѣ дома съ дворами, которыми они прежде не „владѣли“ [2]).

Самъ Столбовскій договоръ констатируетъ, что шведскіе „подданные торговые люди имѣли вольный торговый дворъ въ Новгородѣ“ [3]). И только. Если бы торговые дворы были и въ другихъ городахъ, то они обязательно попали бы въ договоръ. Это сейчасъ намъ станетъ ясно изъ дальнѣйшаго текста договора 1617 года, который буквально постановляетъ, что къ тому мѣсту и двору въ Новгородѣ, „такожъ и въ его царскаго величества городѣхъ на Москвѣ и во Псковѣ такіе жъ торговые дворы дати“ [4]).

Во всякомъ случаѣ, если по Тявзинскому договору шведы могли владѣть особыми дворами во всѣхъ городахъ, то въ силу Столбовскаго договора это право было ограничено Москвой, Новгородомъ и Псковомъ. Шведы хотѣли, чтобы дворъ имъ дали и въ Ярославлѣ, и въ этомъ смыслѣ шведскіе послы настаивали передъ русскими уполномоченными при заключеніи Столбовскаго договора. Но государевы послы шведскимъ

1) Чтенія. 1868 г., кн. II, стр. 4.

2) См. Д. Цвѣтаевъ. Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи. 1885 г., стр. 17—24. Его же. Протестантство, стр. 150—153.

3) Полн. Собр. Зак., т. I, № 19, стр. 185.

4) ib.

посламъ говорили, что „в Ярославлѣ, свѣйскіе торговые люди с торги не бывали“, а потому не для чего тамъ и дворъ давать. Шведы спорили, но концѣ концовъ государевы послы „отговорили“ шведовъ отъ Ярославля [1]).

Въ 1618 году шведскіе послы прислали въ Посольскій Приказъ „писмо о литовскомъ королѣ“, т. е. проектъ союзнаго договора противъ Польши, и въ ст. 5 этого проекта выговаривалось право шведовъ имѣть дворы въ Ярославлѣ и въ Нижнемъ Новгородѣ. „Чтобъ его королевского величества подданнымъ, говорила ст. 5 проекта, поволили в Ярославлѣ и в Нижнемъ-Новѣгородѣ гостиные дворы для торговыхъ промысловъ поставити“ [2]). Въ Москвѣ отвергали это домогательство и отвѣчали: „и какъ о торговлѣ торговымъ людемъ и о дворѣхъ написано в посолскихъ договорныхъ записяхъ и в государскихъ подтверженныхъ грамотахъ, и нынѣ быти по томужъ, а чего прежъ сего не бывало, тому и нынѣ быти не пригожъ“ [3]).

Право шведовъ ставиться на своемъ особомъ дворѣ въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ было подтверждено договоромъ 1658 года, а въ 1661 году къ тремъ перечисленнымъ городамъ былъ прибавленъ Переяславль. Постановленія договора 1661 года было подтверждено въ 1666 году, причемъ было добавлено, чтобы „торговыхъ людей не принуждать въ иныхъ дворѣхъ стоять, и постоялое платить“ [4]).

Таковы фактическія данныя. Разберемся теперь въ основаніяхъ и въ существѣ правовой стороны этихъ фактовъ.

Изъ тѣхъ документовъ, которые мы здѣсь приводили, это все были преимущественно международные договоры. Поэтому первое впечатлѣніе остается такого рода, что, для существованія и обезпеченія права иностранныхъ купцовъ останавливаться не на общихъ гостиныхъ дворахъ, а на

---

[1]) Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII в. Чтенія. 1897 г., кн. III, стр. 10 и слѣд.

[2]) ibidem, стр. 87.

[3]) ibidem, стр. 91.

[4]) Полн. Собр. Зак., т. I, № 240, стр. 472. № 301, стр. 540, № 395. стр. 645 I. де Родесъ. Размышленія о русской торговлѣ въ 1653 г. Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій. 1858 г. т. V, стр. 255. Прим. Эверса.

своихъ особенныхъ, необходимы, во первыхъ, формальныя опредѣленія, а, во вторыхъ, съ той санкціей, которую имѣютъ за собой международные договоры. Отсюда слѣдуетъ дальнѣйшій выводъ тотъ, что объемъ трактуемаго права въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ заранѣе извѣстенъ и всякое измѣненіе въ правѣ можетъ быть произведено только тѣмъ же путемъ международныхъ соглашеній, вылившихся въ формальномъ договорѣ.

Дѣйствительно, согласно постановленію Столбовскаго договора 1617 г., шведы имѣли право на постройку и содержаніе торговыхъ дворовъ въ трехъ городахъ: Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ. Но шведы дворовъ не строили, дожидались когда ихъ построитъ московское правительство на свой счетъ, потому что такъ хотѣли толковать постановленіе Столбовскаго договора. Въ 1626 г. шведскіе послы просили ускорить постройку обѣщанныхъ дворовъ въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ, и разрѣшить еще новые въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Астрахани, Ярославлѣ, Вологдѣ, на Бѣлоозерѣ, и въ Архангельскѣ. Бояре на это отвѣчали, что новое ходатайство исполнить нельзя, такъ какъ объ этомъ ничего не говорилось въ Столбовскомъ договорѣ [1]). Въ Москвѣ отчетливо представляли себѣ формальную силу разбираемаго права шведовъ. Также и впослѣдствіи, когда въ 1649 году стольники, стряпчіе, дворяне, дѣти боярскіе, гости и торговые люди просили государя ограничить торговлю иностранцевъ одними порубежными городами. Государь, выслушавъ челобитье и докладъ по челобитью, указалъ допросить выборныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, и гостей, и торговыхъ и посадскихъ людей: „толко, по ихъ челобитью заморскихъ нѣмецъ съ Москвы и изъ иныхъ городовъ Московскаго государства выслать, и впередъ ихъ къ Москвѣ и въ иные городы не пропущать, а велѣть съ ними рускимъ людемъ торговать у Архангелского города, и оттого съ нѣмецкими государствы у Московскаго государства нелюбья не будетъ ли? Да у нѣмецъ же на Москвѣ и въ городѣхъ устроены дворы; и толко на тѣ

---

[1]) Д. В. Цвѣтаевъ. Протестантство, стр. 151.

нѣмецкіе дворы купцовъ не будетъ, и за тѣ дворы нѣмцамъ кому жъ платить денги"? Государь поступалъ очень предусмотрительно; но онъ всегда былъ въ самомъ центрѣ международныхъ сношеній. Посмотримъ, что отвѣчали ему простые люди. Они согласно отвѣчали: „по вѣчному де доканчанью и по утверженной грамотѣ, велѣно въ Московскомъ государствѣ торговать однимъ свійскимъ нѣмцомъ; а опричь де свійскихъ нѣмецъ, ни съ которымъ съ нѣмецкимъ государствомъ о торговыхъ промыслѣхъ у государя вѣчного доканчанья нѣтъ". Поэтому выборные считали, что должны остаться неприкосновенными права шведскихъ купцовъ, а также и ихъ дворы. „А которые дворы, говорятъ дѣти боярскіе и торговые люди, въ Новгородѣ и во Псковѣ свейскихъ нѣмецъ поставлены по вѣчному доканчанью, и тѣмъ дворомъ быти и впередъ". Что же касается дворовъ остальныхъ иностранцевъ, „и только де укажетъ государь тѣ ихъ дворы со всѣмъ строеньемъ оцѣнить, чего тѣ дворы стоятъ, и за тѣ де дворы гости и торговые люди денги по цѣнѣ нѣмцамъ заплатятъ міромъ" [1]. Заподозрить Московское правительство въ желаніи перевести это исключительное право нѣкоторыхъ субъектовъ въ общее или, по крайней мѣрѣ, расширять его объемъ для пользующихся уже имъ субъектовъ, не позволяютъ приведенные выше случаи со шведскими домогательствами въ 1618 и 1628 г.г. Да и вообще въ Москвѣ считали, что это право должно быть ограничено, по мѣрѣ возможности. Въ XVI вѣкѣ датчане, въ силу договора 1562 года, имѣли право торговать во всѣхъ городахъ Московскаго государства; но тѣ же датчане, какъ мы видѣли, могли имѣть свои дворы только въ Новгородѣ и въ Ивангородѣ [2]. Въ XVII вѣкѣ ганзейцы имѣли право торговать въ Москвѣ, но двора тамъ не имѣли, какъ мы видѣли выше, просили объ этомъ, но своего не добились. Изъ изложеннаго выше совершенно ясно, что шведы въ XVII вѣкѣ могли имѣть свои дворы

---

[1]) Сборн. кн. Хилкова, № 82, стр. 238, 249 и 255.

[2]) Рус. Акт. Копенгаг. Госуд. Архива. Рус. Ист. Биб., т. XVI, №20, стр. 73 и слѣд.

только въ нѣкоторыхъ городахъ, и это въ то самое время, когда они могли торговать во всѣхъ городахъ [1]).

Теперь мы съ бо́льшимъ основаніемъ, чѣмъ ра́ньше, можемъ утверждать, что, дѣйствительно, право тѣхъ или иныхъ иностранцевъ по пріѣздѣ въ Россію для торговли останавливаться не на общихъ казенныхъ дворахъ, а на своихъ особенныхъ, есть исключеніе изъ общаго порядка.

Попробуемъ опредѣлить его ближе.

Когда правительство одной изъ перечисленныхъ выше національностей заключало съ Московскимъ правительствомъ договоръ и выговаривало въ немъ для своихъ купцовъ пользованіе особымъ дворомъ въ тѣхъ или иныхъ городахъ Россіи, тогда для нашего правительства возникала обязанность отвести мѣсто подъ такой дворъ, и только. Никакихъ другихъ обязательствъ на русское правительство не возлагалось; а если и заходила въ дальнѣйшемъ рѣчь по поводу такихъ дворовъ, то дебатировались вопросы о постройкѣ зданій на отведенномъ участкѣ земли и о содержаніи ихъ. Иностранцы интересовались исключительно вопросомъ о томъ, на какой источникъ падутъ эти расходы? Мы и займемся этимъ.

Изъ приведенной выше жалованной грамоты Василія Ивановича датчанамъ отъ 1517 года видно, что датчанамъ отвели въ двухъ городахъ недвижимости, обозначенныя исключительно мѣрою ихъ площади и мѣстонахожденіемъ. Ясно, что отводилась одна земля. Когда зашла рѣчь о томъ же предметѣ въ договорѣ между Россіей и Даніей 1562 года, то отведенные въ 1517 году два двора называются „твои Фредериковы королевы датцкого два двора купецкіе“ и по отношенію къ нимъ устанавливается обязанность Россіи ихъ очистить: „и мнѣ великому государю тѣ старые дворы очистити“, а затѣмъ привести въ порядокъ постройки должны сами датчане: „а тѣ дворы купцемъ и гостемъ ставити самимъ“ [2]). Этотъ договоръ

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. I, № 19, стр. 185; № 240, стр. 471; № 395, стр. 644; т. II, № 1076, стр. 622.

[2]) Рус. Акт. Копенгагенскаго Госуд. Архива. Рус. Ист. Биб. т. XVI, № 20, стр. 74.

еще больше укрѣпляетъ въ мысли, что русскимъ правительствомъ предоставлялась одна земля подъ дворы. Но, кромѣ этого, договоръ даетъ возможность предполагать, что эта земля предоставлялась, во первыхъ, русскимъ правительствомъ, а во вторыхъ, самому королю датскому, т. е. датскому правительству. Немного неясно, кто возводитъ постройки: датское правительство или частныя лица изъ датчанъ. По договору можно судить скорѣе о послѣднемъ. Но вотъ въ 1564 году датскій король пишетъ русскому намѣстнику въ Нарвѣ и проситъ его покровительства и содѣйствія датскому посланнику въ Россіи Фелингу, направляющемуся на нѣкоторое время въ Нарву по королевскимъ дѣламъ,—главнымъ образомъ съ цѣлью выстроить тамъ домъ для датскихъ купцовъ [1]. Оказывается, что посланникъ ѣдетъ по королевскимъ дѣламъ, среди которыхъ главное—постройка купеческаго двора. Изъ этого факта надо заключить, что постройка двора скорѣе правительственное, чѣмъ частное дѣло.

Далѣе, Ганзѣ въ 1603 году отвели мѣста подъ дворы, но заявили, что дворы должны быть заведены своимъ иждивеніемъ, а не государевымъ [2].

Въ 1618 г. русскому послу въ Швеціи князю Барятинскому заявляли, что по Столбовскому договору шведы должны имѣть на Москвѣ торговые дворы и чтобы „нынѣ государь свѣйскимъ торговымъ людемъ на Москвѣ подъ дворъ мѣсто очистить велѣлъ“ [3]). Барятинскій отвѣчалъ, что „подъ дворы мѣста даны будутъ“ [4]). Въ 1626 г. шведы опять возбуждали вопросъ о дворахъ. На это имъ изъ Россіи отвѣчали: „по царского величества указу и по посолскому мирному договору государя вашего торговымъ людемъ при послѣхъ государя вашего при Густавѣ Стенбукѣ съ товарыщи, подъ дворы мѣста даны... и государя вашего торговые люди тѣхъ дворовъ на готовыхъ мѣстѣхъ и по ся мѣ-

---

[1]) Датскій Архивъ, № 178, стр. 55. Чтенія. 1893 г., кн. I.

[2]) Н. М. Карамзинъ. Ист. Госуд. Росс., т. XI, гл. I, стр. 48 и слѣд., прим. 108.

[3]) Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII в. Сборн. Якубова. Чтенія. 1897 г., кн. III, стр. 53.

[4]) ib., стр. 54; см. стр. 58, ст. 2.

ста не строятъ" [1]). Здѣсь совершенно ясно, что русское правительство отводитъ одну землю, а постройки должны возводить сами иностранцы. На тотъ же источникъ падаетъ и содержаніе дворовъ. Объ этомъ совершенно опредѣленно говорятъ какъ русскіе источники, напр. наказъ, данный русскимъ посламъ въ Швеціи въ 1649 г., такъ и шведскіе историки торговли въ Россіи въ пятидесятыхъ годахъ XVII вѣка; при чемъ разрѣшается и послѣднее наше сомнѣніе, а именно на счетъ правительства иностранныхъ купцовъ или на счетъ ихъ самихъ, т. е. частныхъ лицъ, строились и содержались торговые дворы. Изъ наказа видно, что дворъ шведскихъ купцовъ въ Новгородѣ „коруны свѣйской проторми поставленъ". По словамъ шведскихъ историковъ, дворы имѣлись у шведовъ только въ Новгородѣ и Москвѣ и содержались на счетъ шведской короны [2]).

Итакъ, изъ всего сказаннаго объ этихъ дворахъ мы можемъ извлечь слѣдующіе выводы.

Право имѣть особые дворы, на которыхъ останавливались бы купцы извѣстнаго государства въ отличіе отъ прочихъ, останавливающихся на общихъ гостиныхъ дворахъ, принадлежало государствамъ, а не отдѣльнымъ купцамъ. Въ виду тенденціи Московскаго правительства ограничивать примѣненіе этого права, по мѣрѣ возможности, иностраннымъ государствамъ ничего не оставалось иного, какъ вносить упоминаніе объ этомъ правѣ въ международные договоры. Только такимъ путемъ они обезпечивали его существованіе. Иначе односторонні распоряженія мѣстнаго правительства всегда могли быть измѣнены ко вреду иностранцевъ. Силу международныхъ договоровъ намъ пришлось наблюдать особенно въ исторіи владѣнія дворами датчанъ и шведовъ.

Праву даннаго государства на особый дворъ для сво-

---

[1]) Д. В. Цвѣтаевъ. Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи, стр. 48, Приложеніе XII. См. также относительно 1628 г. Н. Н. Бантышъ-Каменскій, ч. IV, стр. 154.

[2]) Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII ст. Чтенія. 1897 г. кн. III, стр. 138. І. де Родесъ. Размышленія о русской торговлѣ, въ 1653 году. Магазинъ Землевѣдѣнія, т. V, стр. 255. Прим. Эверса.

ихъ купцовъ соотвѣтствовала обязанность русскаго правительства отвести землю подъ дворъ. Постройки возводились на счетъ иностраннаго правительства, на средства котораго падало и содержаніе двора. Видно, что здѣсь дѣйствующими лицами все время являлись государства, въ лицѣ ихъ правительствъ, или, вѣрнѣе, казны. Имущество, по поводу котораго проявлялись дѣйствія этихъ субъектовъ, состояло изъ земельнаго участка, собственности русской казны, и построекъ на этомъ участкѣ, собственности казны иностранныхъ государствъ. Отношенія между указанными субъектами ограничивались дѣйствіями по этому недвижимому имуществу и характеризовались исключительно частнымъ правомъ. Сами иностранные купцы, какъ частныя лица, никакихъ правъ на дворы не имѣли. У нихъ только одно право пользованія казеннымъ имуществомъ. Въ этомъ отношеніи они ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ купцовъ, которые стояли на государевыхъ гостиныхъ дворахъ. И тѣ, и другіе пользовались казеннымъ имуществомъ, на одинаковыхъ основаніяхъ договора найма или аренды.

Итакъ, мы пришли къ выводу, что здѣсь, передъ нами, въ вопросѣ о владѣніи особыми гостиными дворами въ Московскомъ государствѣ, какъ и въ первомъ случаѣ, когда мы говорили объ общихъ государевыхъ гостиныхъ дворахъ, нѣтъ рѣчи о правѣ собственности иностранныхъ купцовъ на городскія недвижимости.

III.

НЕДВИЖИМАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ТОРГОВЫХЪ КОМПАНІЙ И ОТДѢЛЬНЫХЪ КУПЦОВЪ.

До сихъ поръ мы старались разрѣшить вопросъ о томъ, имѣли ли право иностранные купцы владѣть недвижимостью въ Московскомъ государствѣ, и до сихъ поръ не пришли къ окончательному выводу. Мы установили, что иностранные купцы, пріѣзжая въ Россію, должны были ставиться на государевыхъ гостиныхъ дворахъ. Эта обязанность существовала, въ качествѣ общаго правила, и допускала иной порядокъ только въ видѣ исключенія. Одно изъ такихъ исключеній мы видѣли. Такъ, купцы нѣкоторыхъ національностей имѣли право останавливаться на особыхъ дворахъ, содержимыхъ казною ихъ отечества. Общее правило и это первое изъ него исключеніе говорили, что иностранные купцы имѣли право заключать сдѣлки только по найму недвижимости и то съ опредѣленными заранѣе контрагентами. Изъ общаго правила можно было сдѣлать тотъ выводъ, что только по исключенію иностранные купцы могли быть собственниками недвижимости. Первое исключеніе, уже разобранное нами, не подтверждало этого. Остается обратиться ко второму исключенію, которое мы уже намѣтили при разборѣ общаго правила и въ которое входили опредѣленныя торговыя компаніи и отдѣльные купцы изъ иностранцевъ. И тѣ и другіе, по исключенію, имѣли право останавливаться на особыхъ дворахъ, каковыми отнюдь не

были ни общіе государевы дворы, ни дворы перечисленныхъ выше государствъ. Эта послѣдняя группа торговыхъ компаній и отдѣльныхъ лицъ изъ иностранцевъ только и можетъ намъ дать разрѣшеніе вопроса о томъ, могли ли иностранные купцы имѣть недвижимую собственность въ городахъ Московскаго государства. Къ разсмотрѣнію этой послѣдней группы, въ которую могли входить и собственники недвижимыхъ имуществъ, мы и обращаемся.

Оставаясь на исторической почвѣ, мы не можемъ не оглянуться на древность и не поискать въ древней Руси корней этихъ возможныхъ собственниковъ Московскаго государства.

Въ древней Руси, въ виду общаго правила ставиться иностраннымъ гостямъ на своихъ особенныхъ для каждаго народа дворахъ, не могло быть сильно развито владѣніе недвижимостью отдѣльныхъ купцовъ. Такіе собственники могли попадаться сравнительно рѣдко въ общей массѣ гостей, останавливающихся на общихъ дворахъ. Но изъ этого факта еще нельзя было вывести правила о недоступности для иностранныхъ купцовъ въ древнее время права собственности на землю. Однако, проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ приходитъ къ мнѣнію о томъ, что „о правахъ иностранныхъ купцовъ пріобрѣтать недвижимыя имущества нѣтъ и не можетъ быть рѣчи"; нѣмецкіе дворы или факторіи могли владѣть недвижимымъ имуществомъ, но отдѣльныя лица не имѣли права [1]).

Если считать, что въ древности иностранные купцы не имѣли права владѣть недвижимостью, то предстоящая намъ картина такихъ собственниковъ въ Московскомъ государствѣ должна развернуться передъ нами въ томъ смыслѣ, что Московское государство впервые ввело у себя институтъ права собственности на недвижимости иностранныхъ купцовъ, впервые допустило это право для указанныхъ субъектовъ. Это какъ то не вяжется съ тѣмъ представленіемъ, которое мы имѣемъ о порядкахъ Московскаго времени. Ско-

---

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 384 и слѣд.

рѣе можно было бы предполагать, что Московское государство внесло ограниченія въ свободное до тѣхъ поръ право иностранцевъ. Весь интересъ, который возбуждаетъ въ насъ этотъ вопросъ, заставляетъ насъ остановиться на правѣ владѣнія недвижимостью иностранныхъ купцовъ въ древней Руси и попробовать установить такое право для того, чтобы факты, хотя бы и исключительнаго владѣнія иностранныхъ купцовъ недвижимостью въ Московскомъ государствѣ, не явились висящими въ воздухѣ, а нашли бы себѣ основаніе въ исторіи. Итакъ, обратимся къ древности.

Мы знаемъ уже, что факторіи владѣли недвижимостью. Если бы документы говорили только о факторіяхъ, какъ о субъектахъ тѣхъ или иныхъ отношеній къ недвижимости, то дѣло было бы очень просто и объ отдѣльныхъ купцахъ изъ иностранцевъ, какъ о владѣльцахъ недвижимости, не пришлось бы говорить вовсе. Но оказывается, что имѣются нѣкоторыя данныя, которыя заставляютъ предполагать, что отношенія членовъ факторій не ограничивались простымъ пользованіемъ имуществомъ факторій. Напр., въ Смоленскѣ нѣмцы занимали не одинъ дворъ, а неопредѣленное количество дворовъ и домовъ, состоявшихъ въ полномъ распоряженіи нѣмцевъ. „А что немечкыхъ дворовъ и дворищь оу Смолѣнеске коуплѣнъхъ, говоритъ памятникъ XIII вѣка, и цркве ихъ мѣсто, не надобе никомоуже, комоу дадять или посадять кого немци, то по своеи воли; а на которомь подвории стоять немци, или гость немьцкыи, не поставити на томь дворе князю ни татарина, ни иного которого посла“ [1]). Здѣсь какъ бы распылялось, то право собственности на недвижимость одного исключительнаго субъекта-факторіи, столь, повидимому, твердое въ Новгородѣ. Въ томъ же Смоленскѣ иногда число пріѣзжихъ нѣмцевъ было такъ велико, что они не могли помѣститься на своихъ дворахъ и останавливались на смоленскихъ подворьяхъ [2]). Это уже совсѣмъ расшатывало представленіе о необходимости пользоваться нѣмцамъ на Руси только общей недвижимой собственностью. Если въ Смоленскѣ

---

[1]) Русско-Ливонскіе Акты. Anhang № 1, стр. 443 и слѣд.

[2]) П. В. Голубовскій. Исторія Смоленской земли, стр. 135.

такое явленіе было исключеніемъ, то въ Полоцкѣ общимъ правиломъ. Въ Полоцкѣ нѣмецкіе купцы жили не на собственномъ дворѣ, а по квартирамъ у полочанъ [1]).

Можно думать, что послѣднія явленія были принадлежностью всякихъ другихъ городовъ, но не Новгорода. въ которомъ иностранное купечество, особенно многочисленное, твердо сплоченное, жило въ особенныхъ факторіяхъ и не нарушало стройной картины отношеній иностранныхъ купцовъ къ недвижимости, только въ качествѣ членовъ купеческихъ факторій и черезъ послѣднія.

Но оказывается, что и въ Новгородѣ было не все такъ стройно, какъ это кажется съ перваго взгляда. Въ XIV вѣкѣ и въ Новгородѣ нѣкоторыя зданія, принадлежавшія нѣмцамъ и построенныя или пріобрѣтенныя нѣмцами разновременно, не входили въ ограду факторіи или двора [2]). Можетъ быть эти зданія были пріобрѣтены на имя отдѣльныхъ нѣмцевъ, а можетъ быть и на имя цѣлаго двора. Это неизвѣстно.

Въ началѣ XV вѣка мы встрѣчаемся въ Новгородѣ съ тѣмъ самымъ явленіемъ, которое мы видѣли въ Смоленскѣ. За недостаткомъ помѣщеній въ самой факторіи, купцы разселяются по новгородскимъ дворамъ. Въ половинѣ XV вѣка въ Новгородѣ, кромѣ нѣмецкаго двора, купцами снято до 10 или 12 русскихъ домовъ, въ которыхъ нѣмцы размѣстились по своему усмотрѣнію. Но въ такихъ случаяхъ оказывается, что контора считаетъ лицъ, поселившихся на особыхъ отъ общаго дворахъ, потерявшими корпоративныя права двора и не принимаетъ ихъ обратно въ свою корпорацію [3]). Изъ этихъ фактовъ мы совершенно точно можемъ заключить, что противъ непосредственныхъ отношеній къ недвижимости отдѣльныхъ иностранныхъ купцовъ членовъ факторій были именно власти факторій. Что же касается мѣстнаго законодательства, то оно по этому случаю не выражало никакихъ

---

[1]) М. Бережковъ. О торговлѣ русскихъ съ Ригою. Журн. Мин. Народн. Просв., 1877 г., февраль, ч. 189, стр. 344. Его-же. О торговлѣ Руси съ Ганзой, стр. 107.

[2]) Рус. Лив. Акты. № LXXV. Бережковъ О торговлѣ Руси съ Ганзой, стр. 137 и слѣд.

[3]) А. И. Никитскій. Исторія эконом. быта, стр. 111, 177 и 258.

взглядовъ. Утверждать о запрещеніи имъ владѣнія недвижимостью отдѣльнымъ купцамъ изъ иностранцевъ надо съ большою осторожностью. Наоборотъ, изложенные факты даютъ возможность заключить, что на Руси для нѣмцевъ мыслились отношенія ихъ къ недвижимости не только въ видѣ правъ на таковую ихъ факторій, но и въ видѣ непосредственныхъ отношеній отдѣльныхъ лицъ.

Нельзя предположить, что въ древности на Руси торговали и жили только одни купцы, замкнувшіеся въ общины, что не было совсѣмъ купцовъ, проживавшихъ самостоятельно. Даже изложенная нами выше исторія ганзейской торговли указывала, что среди ганзейскихъ купцовъ находились такія лица, которыя не укладывались въ рамки союзнаго строя и поэтому выходили изъ Ганзы. Трудно, если не невозможно, предполагать, что всѣ эти лица, изъ которыхъ нѣкоторыя могли быть очень богатыми, жили у насъ обязательно на наемныхъ квартирахъ, а не въ собственныхъ домахъ, обязательно нанимали помѣщенія для склада товаровъ, а не пріобрѣтали ихъ въ собственность путемъ покупки или постройки вновь на собственныя средства.

Особенно это должно было относиться къ иновѣрцамъ, нехристіанамъ. Духовенство проповѣдывало, чтобы православные чуждались невѣрныхъ. Чѣмъ шире распространялось христіанство, чѣмъ глубже проникало оно въ нравы, тѣмъ скорѣе могли надѣяться проповѣдники на исполненіе народомъ ихъ предписаній. Въ XII вѣкѣ, въ такихъ центрахъ, какъ Кіевъ, христіанство могло быть уже достаточно крѣпко, и православные могли чуждаться невѣрныхъ. Эти послѣдніе съ большими затрудненіями могли находить для себя наемныя помѣщенія у православныхъ и серьезно нуждаться въ собственныхъ домахъ. О такихъ иновѣрцахъ, которые обладали бы собственными домами, говоритъ лѣтопись только объ евреяхъ. Объ этомъ можно заключить изъ описанія лѣтописью еврейскаго погрома въ Кіевѣ по смерти Святополка, когда были разграблены дома евреевъ [1]).

Все до сихъ поръ сказанное нами о недвижимой соб-

---

[1]) Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. II, стр. 4.

ственности иностранныхъ купцовъ въ древней Руси есть не болѣе, какъ предположеніе. Само по себѣ оно не имѣло бы значенія, если бы не было болѣе положительныхъ данныхъ; въ связи съ такими данными, оно можетъ считаться матеріаломъ, подготовляющимъ хорошую почву для воспріятія полнаго убѣжденія въ трактуемомъ правѣ иностранцевъ. Это убѣжденіе даетъ намъ одно изъ постановленій Орѣховскаго договора Новгородцевъ съ Шведами. Въ 1323 году Новгородъ, распредѣляя по Орѣховскому договору между собой и Швеціей Карелію такъ, что западная часть ея отходила къ Швеціи, а восточная—къ Новгороду [1]), требовалъ, чтобы шведы не только не предпринимали дальнѣйшихъ завоеваній этой области и не строили бы новыхъ укрѣпленій въ ней, но чтобы и мирнымъ путемъ не распространяли своего вліянія на русскую часть Кареліи и для этого не пріобрѣтали бы тамъ недвижимости. Латинскій оригиналъ договора говоритъ: „Terram vel aquam non debent Svevi emere de Karelis Nogardis, neque e converso" [2]). По изданію Я. К. Грота соотвѣтствующія постановленія Орѣховскаго договора гласятъ: „По семъ миру городов не ставити ко корѣльскои землѣ ни вамъ ни намъ... А землѣ и воды у новогородскои Корѣлы некупити Свеямъ и выборяномъ" [3]).

Изъ приведенныхъ постановленій видно, что дѣло идетъ о недвижимой собственности, которую шведы не имѣютъ права пріобрѣтать въ русской Кареліи. Изъ этого, въ

---

[1]) Ив. Забѣлинъ. Замѣтка о мирномъ договорѣ Шведовъ съ Новгородцами въ 1323 году. Чтенія. 1880 г., кн. II, стр. 51.

[2]) Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves, éditées par la societé royale des Antiquaires du Nord. T. II. Copenhague. 1852. Traite d'Orekhovetz de l'an 1323, original latin, p. 491.

[3]) Я. К. Гротъ. Орѣховецкій договоръ. Приложеніе къ XXXI тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ. 1877 г., стр. 3 и слѣд.

Въ Чтеніяхъ, 1880 г., кн. I, А. Чумиковъ сообщаетъ переводъ съ латинскаго съ мирнаго договора (около 1351 г.) о рубежѣ между Швеціей и Новгородомъ, заключеннаго въ царствованіе короля Магнуса Эриксона 8 сентября. Соотвѣтствующее постановленіе этого перевода гласитъ: „Шведы не должны пріобрѣтать зе́мли и во́ды въ Кореліи, а Новгородцы по ту сторону".

противность проф. М. Ф. Владимірскому-Буданову, надо заключить, что въ древней Руси не представлялось невозможнымъ владѣніе иностранцевъ недвижимымъ имуществомъ, если въ договорахъ надо было спеціально оговаривать о запрещеніи такого владѣнія въ извѣстныхъ случаяхъ. Въ силу буквальнаго смысла приведеннаго постановленія договора 1323 г., тѣ же шведы могли имѣть недвижимости въ самомъ Новгородѣ и его окрестностяхъ, только не въ Кареліи.

Заканчивая картину древности, мы сошлемся въ заключеніе на самого проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, который, когда разсказываетъ объ извѣстномъ фактѣ большого прилива иностранцевъ въ землю Галицкую и Волынскую въ XIII вѣкѣ, то замѣчаетъ, что за вновь прибывшими иностранцами „было признано право пріобрѣтать недвижимую собственность“ [1]). Народъ, за которымъ было признано такое право, былъ все мелкій. Лѣтопись такъ описываетъ его: „Яко Богу поспѣвающу мѣсту тому нача призывати прихожанъ нѣмцѣ и русь, иноязычникы и ляхы; идяху день и во день, уноты и мастерѣ всяціи бѣжаху изъ татаръ, сѣдѣльници, и лучници, тулпици, и кузницѣ желѣзу, и мѣди и сребру“ [2]).

Послѣ всего изложеннаго, когда мы встрѣчаемся въ Московскомъ государствѣ съ владѣніемъ иностранныхъ купцовъ недвижимымъ имуществомъ, то можемъ съ большею или меньшею достовѣрностью утверждать, что Московское время не устанавливало впервые для иностранныхъ купцовъ права собственности на недвижимости, а, встрѣтившись съ этимъ институтомъ изъ старины, ограничивало его примѣненіе и обставляло пользованіе имъ цѣлымъ рядомъ условій.

Въ 1555 году, во второй пріѣздъ Ченслера въ Москву, царь Иванъ Васильевичъ подарилъ англійской компаніи въ Москвѣ домъ на Варваркѣ, въ Китаѣ городѣ, близъ церкви св. Максима, а въ Вологдѣ и Холмогорахъ разрѣшилъ ку-

---

[1]) Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 385.

[2]) Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. II, стр. 196.

пить дома и построить склады для своихъ товаровъ [1]).

Эта англійская компанія на всѣ тѣ права, которыя она имѣла въ Россіи, получала жалованныя грамоты. Часто случалось, что данное право уже использовано, а грамота повторяетъ его,... для крѣпости. Такъ, въ грамотѣ компаніи отъ 1563 года значилось, что царь разрѣшаетъ ей „купить дворъ на Вологде у на Колмогорахъ или в иномъ мѣсте, въ которомъ гдѣ себѣ выберутъ пристань морскую добру и они себѣ въ томъ мѣсте дворъ поставятъ собою“ [2]). Также въ грамотѣ 1584 года, кромѣ Вологды и Холмогоръ, вспомнили о Московскомъ дворѣ на Варваркѣ и прибавили еще дворы въ Ярославлѣ и у монастыря св. Николая, пріобрѣтенные компаніей до 1581 года [3]). Въ 1589 г. Флетчеръ просилъ еще разъ подтвердить ненарушимость владѣнія англичанъ дворами и ему оффиціально заявляли: „дворовъ у нихъ, на Москвѣ и въ Ярославлѣ, и на Вологдѣ, и на Двинѣ, на посадѣ, отнимать государь не велитъ“ [4]).

Изъ приведенныхъ фактовъ слѣдуетъ, что московскій дворъ былъ пожалованъ государемъ, а остальные по просту куплены, но съ разрѣшенія государя.

Въ XVII вѣкѣ англичане продолжаютъ расширять свои владѣнія. Такъ, въ 1628 г. „по государеву указу проданъ агенту Томасу на Вологде дворъ галанскихъ бѣглыхъ нѣмецъ Констентина Корнилова да Ивана Выдерса а взято на немъ за тотъ дворъ въ государеву казну шестьдесятъ два рубли тритцать одинъ алтынъ четыре денги и даная ему на тотъ дворъ дана что ему тѣмъ дворомъ владѣть“ [5]). Въ 1635 г. государь велѣлъ сказать англичанамъ,

---

1) Д. В. Цвѣтаевъ. Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ, стр. 11.

2) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXVIII, стр. 94. С. М. Середонинъ. Англійскія извѣстія о Россіи во второй половинѣ XVI вѣка. Чтенія. 1884 г., кн. IV, стр. 92.

3) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXVIII, стр. 48, 59, 144, 178. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. V, № 141. С. Н. Середонинъ. Англійскія извѣстія о Россіи во второй половинѣ XVI в. Журн. Мин. Нар. Пр., 1885 г., декабрь, стр. 128.

4) Стат. спис. Флетчера. Времен., кн. VIII, стр. 28.

5) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Англійскія дѣла. 1634 г. іюня—сентября, № 2.

чтобы они „жили б на Москвѣ на одномъ на аглинском дворѣ", т. е. у Максима исповѣдника, на Варваркѣ, „да к тому строили другой двор, которой у нихъ по государеву указу куплен в Китае городе, а в рознь бы по инымъ двором ни у кого не ставилися" [1]). Здѣсь опять видимъ разрѣшеніе государя на покупку двора. Какъ изъ грамоты 1563 года видно, что англійская компанія на собственныя средства пріобрѣла землю подъ строенія въ Вологдѣ и Холмогорахъ и поставила тамъ дворъ „собою", такъ же и изъ только что приведеннаго случая 1635 года видно, что въ Китаѣ городѣ куплено компаніей одно мѣсто, которое она должна застроить. Въ слѣдующемъ году компанія купила новый дворъ въ Москвѣ, въ Бѣломъ городѣ [2]).

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что вся эта недвижимость была собственностью англичанъ; поэтому когда ихъ въ 1649 г. выселили изъ Москвы, то не просто отобрали у нихъ дворы, а велѣли ихъ продать. Постройки на дворѣ, въ Москвѣ, у св. Максима, были проданы окольничему И. А. Милославскому по цѣнѣ, назначенной правительственными оцѣнщиками, въ 123 р. 18 алтынъ, 4 деньги, такъ какъ англичане хотѣли непомѣрно высокую цѣну, около 535 р. По отношенію же къ самому дворовому мѣсту возникли сомнѣнія, представляетъ ли оно собственность компаніи, какъ купленное ею, или находилось только въ пользованіи компаніи, какъ пожалованное государемъ. По справкамъ оказалось, что мѣсто пожаловано царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Поэтому оно было отобрано безденежно. Далѣе, дворъ въ Бѣломъ городѣ, составлявшій собственность англичанъ, былъ взятъ на государя за долгъ компаніи въ 3000 р.; вологодскій дворъ былъ отданъ купцу Давиду Рутцу также за долгъ компаніи, и т. д. [3]).

Кромѣ англійской компаніи, дворами владѣла въ нѣсколькихъ городахъ Россіи голландская компанія Фоглера и Кленка. Права на дворы этой компаніи также заносились

---

1) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Англійскія дѣла. 1635 г., № 1.

2) Д. В. Цвѣтаовъ. Протестантство, стр. 156—158.

3) ib., стр. 159—163.

въ жалованныя грамоты ей и также шли отъ XVI вѣка. Грамота отъ 1614 года, подтверждавшая прежнія привилегіи компаніи, данныя еще Θеодоромъ Ивановичемъ, относительно дворовъ говорила: „а которые у нихъ дворы поставлены на пріѣздъ въ нашихъ государствахъ, на Москвѣ, на Вологдѣ, на Колмогорахъ, въ Архангельскомъ городѣ, въ Устьколѣ, и тѣ имъ дворы свои держати за собою, по нашему царьскому жалованью, по прежнему“ [1]).

Въ 1634 году появилась въ Россіи голштинская торговая компанія, которая, на основаніи договора Россіи съ Голштиніей, могла имѣть въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ говоритъ договоръ „указныхъ городѣхъ“, свои дворы [2]).

Въ 1634 году, по челобитью голландской земли гостя Андрея Виніуса, было разрѣшено ему имѣть въ Псковѣ свой дворъ [3]).

Торговый домъ гамбургскихъ купцовъ Марселисовъ давно торговалъ въ Россіи. За неоднократныя заслуги принциналовъ этого дома государь жаловалъ его разными привилегіями и, между прочимъ, правомъ владѣть недвижимостью въ городахъ. По царской грамотѣ 1638 года, данной Петру Марселису, взамѣнъ прежней, данной его отцу Гаврилѣ и сгорѣвшей въ Московскій пожаръ, если Петръ Марселисъ „похочетъ себѣ на пріѣздъ въ нашихъ государствахъ, у корабельной пристани, и на Двинѣ въ Колмогорскомъ городѣ, и въ Устьколѣ, и на Вологдѣ, и въ Ярославлѣ и въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ дворы поставити, и ему въ тѣхъ городѣхъ дворы себѣ поставити по нашему царскому указу, гдѣ мы укажемъ“ [4]).

Въ 1672 году была дана жалованная грамота съ гости-

---

[1]) Акт. Арх. Эксп., т. III, № 17. Грамота отъ 1614 года напечатана также въ Приложеніи № 11 къ статьѣ И. Я. Гурлянда. Иванъ Гебдонъ, коммиссаріусъ и резидентъ.

О подтвержденіи своихъ привилегій компанія просила въ 1659 г. Бантышъ-Каменскій, ч. I, стр. 185.

[2]) Акт. Ист., т. III, № 181.

[3]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла. 1634 и 1635 годовъ, № 4.

[4]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 109.

нымъ именемъ Ѳомѣ Келлерману, и въ этой грамотѣ, когда дѣло дошло до дворовъ, то государь, освобождая дворы Келлермана отъ всякихъ податей и сборовъ, все-таки перечислялъ тѣ города, а именно: Архангельскъ, Вологду, Ярославль, Москву, въ которыхъ „гость Томасъ похочетъ дворы поставить“ [1]).

Послѣ этихъ примѣровъ мы можемъ утверждать, что въ Московскомъ государствѣ частныя лица, юридическія или физическія, владѣли недвижимостью. Но посмотримъ, какія основанія были у нихъ для этого права.

Прежде всего, мы видимъ жалованныя грамоты, въ которыхъ прописываются даже города, въ которыхъ иностранные купцы могли пріобрѣтать недвижимость. Точное указаніе городовъ, какъ, напр., въ грамотѣ англійской и голландской компаніямъ, Петру Марселису, означаетъ, что правительство склонялось къ мысли возможнаго ограниченія примѣненія разъ дарованнаго права. Далѣе, недвижимость пріобрѣталась иностранцами „по государеву указу“, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые изъ приведенныхъ выше случаевъ. Наконецъ, мы имѣемъ случай дарения государемъ двора для иностранцевъ. Здѣсь мы подразумѣваемъ англійскій дворъ въ Москвѣ, на Варваркѣ.

Всѣ эти основанія, которыя были необходимы для того, чтобы по праву владѣть недвижимостью въ Московскомъ государствѣ, сводились, собственно говоря, къ одному, а именно—къ полученію особаго разрѣшенія на владѣніе недвижимостью; при этомъ, разрѣшеніе испрашивалось на каждый случай пріобрѣтенія недвижимости, т. е. каждая конкретная покупка недвижимости должна была быть разрѣшена правительствомъ.

Лучше всего и яснѣе всего это видно изъ жалованной грамоты англійской компаніи отъ 1628 г., которая по этому поводу постановляетъ: „а жити аглинским гостем пріезжая к Москвѣ на англинскомъ па старомъ дворѣ, а будетъ имъ того ихъ прежнего двора для розные их торговли мало и всѣм вмѣститися будетъ не мочно і имъ о

[1]) Доп. Акт. Ист., т. VI, № 53, III.

томъ пріскав мѣсто подле того двора или иные гдѣ пригоже бити челомъ нашему царскому величеству и отцу нашему великому государю святѣйшему патріарху, и мы великій государь и отецъ нашъ великій государь святѣйшій патріархъ Ѳиларетъ Никитичъ Московскій и всеа Русіи по ихъ челобитью пожалуемъ велимъ купить, а без нашего государского повелѣнья врознь дворовъ не ставити и не покупати“ [1]).

Ниже мы увидимъ, что въ 1635 г. въ Москвѣ приказали произвести слѣдствіе о самовольной покупкѣ иностранцами дворовъ „безъ государеву указу“ [2]).

Выходитъ, что всякій случай пріобрѣтенія недвижимости иностранными купцами обусловливался разрѣшеніемъ правительственной власти и, въ виду своеобразной централизаціи Москвы, даже разрѣшеніемъ государя. Мы можемъ сказать больше. Не только требовалось разрѣшеніе на покупку недвижимости, т. е. на первоначальное пріобрѣтеніе даннымъ иностранцемъ права собственности въ опредѣленной вещи, но и на измѣненія въ этомъ правѣ, напр. на измѣненіе субъектовъ. Въ 1674 г. Томасъ Келлерманъ просилъ государя записать дворъ Петра Марселиса за сыномъ его и пасынкомъ просителя въ Земскомъ Приказѣ, объясняя, что „по роздѣлу, государь, съ пасынкомъ моимъ, Петромъ Петровымъ сыномъ Марселисомъ, отца его Петра дворъ, на Поганомъ прудѣ, достался пасынку жъ моему, а его Петрову меншому брату Петру жъ; а за тѣмъ моимъ меншимъ посынкомъ, тотъ его отцовской дворъ, въ Земскомъ Приказѣ, въ книгу не записанъ“ [3]).

Разрѣшенія государя требовали не только отношенія собственниковъ къ недвижимости. Иностранные купцы могли стоять на особыхъ дворахъ безъ того, чтобы эти дворы были ихъ собственностью. Постройки могли быть ихъ собственностью, но земля могла быть наемной или пожалованной государемъ во временное пользованіе. Такъ было, напр., съ англійской компаніей и съ ея домомъ въ Москвѣ, на Варваркѣ. Англійская компанія только пользовалась зем-

---

[1]) Приложеніе, № 1.

[2]) Приложеніе, № 4.

[3]) Доп. Акт. Ист., т. VI, № 53, IV.

лею, но не владѣла ею по праву собственности. Были и другіе случаи, и тогда иностранцы такъ же, какъ и собственники, стояли на особыхъ дворахъ и такъ же нуждались для этого въ особомъ разрѣшеніи или пожалованіи правительства. Безъ этого разрѣшенія, если они не были, напр., шведами, они должны были бы стоять на общихъ государевыхъ дворахъ. Примѣровъ и такихъ исключительныхъ отношеній къ недвижимости имѣется въ Московское время достаточно.

Прежде всего укажемъ на безвозмездное предоставленіе казною участковъ земли нѣкоторымъ изъ иностранныхъ купцовъ или потому, что эти купцы стояли въ тѣхъ или иныхъ непосредственныхъ отношеніяхъ къ казнѣ, напр., были откупщиками ея, или потому, что, по своему богатству и вліянію, могли добиваться отъ правительства разныхъ льготъ и, между прочимъ, дарового предоставленія мѣстъ подъ дворы.

Въ 1634 г. голландскіе купцы Петръ фанъ-Коленъ и Янъ Пелекорнъ просили государя, чтобы онъ далъ имъ въ Архангельскѣ „подъ амбаръ порозжее мѣсто противъ таможни на берегу идучи съ нѣмецкого двора мостомъ на правой сторонѣ“ срокомъ на 4 года. Ни въ челобитной купцовъ, ни въ послѣдовавшей затѣмъ въ разрѣшеніе челобитной грамотѣ государя на Двину къ воеводѣ не значится, что казна отдавала бы просимое мѣсто въ наемъ. Можно думать, что оно давалось иностранцамъ безвозмездно. Объяснить это можно тѣмъ обстоятельствомъ, что фанъ-Коленъ и Янъ Пелекорнъ были откупщиками икряного промысла на указанные 4 года и просили мѣсто для амбара, гдѣ бы икру ставить и разбивать и опять крѣпить [1]). Точно такой же случай былъ съ голландскимъ купцомъ Елисѣемъ Ульяновымъ въ 1637 г., которому была дана на откупъ на срокъ продажа смолы и который просилъ о мѣстѣ у Архангельскаго города, на Жабьѣ болотѣ для амбара, гдѣ смолу ставить [2]).

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла. 1634 г. мая 19, № 18, св. 67

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла. 7145-1637, іюля 8, № 30, св. 100.

Какъ въ исторіи съ англійской компаніей мы видѣли, что она владѣла на правѣ собственности недвижимостью въ одномъ мѣстѣ и пользовалась безвозмездно отведеннымъ казною участкомъ земли—въ другомъ, такъ точно было и съ другими субъектами. Несомнѣнно, что издавна торговавшая еще въ XVI вѣкѣ въ Россіи богатая голландская фирма Фоглера и Кленка владѣла недвижимостью, имѣла право пріобрѣтать ее въ собственность, пользуясь такой привилегіей наравнѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ привилегій, которыми было обставлено пребываніе ея въ Россіи. Мы объ этомъ уже имѣли случай заключить изъ жалованныхъ грамотъ, приводившихся неоднократно выше по поводу тѣхъ или иныхъ привилегій компаніи. Но теперь замѣтимъ, что эта компанія, въ виду совершенно понятнаго желанія, не затрачивать капитала на пріобрѣтеніе участка земли въ томъ случаѣ, когда такой участокъ можно было пріобрѣсти безвозмездно, хотя и не въ собственность, а лишь въ пользованіе, всѣми силами старалась достигнуть послѣдняго. Пользуясь своимъ вліяніемъ, а, можетъ быть, даже и не безъ подкупа администраціи, представители компаніи подавали государю челобитныя объ отводѣ имъ нужныхъ для постройки амбаровъ участковъ земли отъ казны и получали удовлетвореніе. Такъ, въ 1634 году голландскій гость Юрій Клинкинъ просилъ государя вновь отвести для его амбара въ Архангельскѣ добавочный участокъ земли. Онъ уже пользовался этимъ участкомъ ранѣе, такъ какъ основное его дворовое мѣсто, отведенное по государеву указу, „мало и тесно с товары вмѣститца нѣгде“. Но амбаръ, построенный на дополнительномъ участкѣ сгорѣлъ, а компанія не застроила его почему то сразу же послѣ пожара. Участокъ лежалъ незанятымъ. И вотъ, въ 1634 г. Кленкъ, сообщая о томъ мѣстѣ, что оно „лежитъ порозжее“, просилъ государя пожаловать его „иноземца тѣмъ прежнимъ мѣстечкомъ“ и разрѣшить ему на немъ поставить амбаръ. Государь разрѣшилъ, если все изложенное въ прошеніи Кленка соотвѣтствуетъ дѣйствительности [1]). Гово-

---

[1]) Приложеніе, № 5.

рить о правѣ собственности купцовъ на это мѣсто не приходится, потому что оно было отведено въ свое время казною, обратно вернулось въ казну, какъ видно, само собой и во второй разъ отводилось безвозмездно; по крайней мѣрѣ, въ разрѣшеніи государя, ни однимъ словомъ не было упомянуто объ условіяхъ продажи или найма.

Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ—безвозмезднымъ полученіемъ въ пользованіе нужной земли—отличались сильные и важные субъекты, въ родѣ англійской компаніи или голландской, отъ сравнительно мелкихъ иностранныхъ купцовъ Такимъ купцамъ, если они успѣвали получить право ставиться и торговать на своихъ особенныхъ дворахъ, надо было, если они не хотѣли пріобрѣтать мѣста подъ дворы въ собственность, нанимать или арендовать нужные участки. Такъ, въ 1662 г. 1 сентября, по государеву указу, было дано въ Архангельскѣ на оброкъ голландскому купцу Андрею Иванову Грунту подъ дворъ порожжее мѣсто въ длину двадцать пять саженъ, а въ ширину десять саженъ. За это мѣсто Грунтъ долженъ былъ платить ежегодно въ казну. „Оброку и пошлинъ ему Андрею съ того мѣста, говоритъ списокъ съ данной на него, великого государя въ казну на Двинѣ въ съѣзжую избу платить съ нынѣшнего 171-го сентября съ 1-го числа впередъ по вся годы по полтинѣ на годъ безпереводно и на томъ мѣстѣ ему Андрею дворъ построить а дороги не тѣснить“ [1]).

Итакъ, строили ли иностранные купцы себѣ дворы на собственныхъ участкахъ земли, или на наемныхъ, или на пожалованныхъ въ пользованіе, все равно—это происходило не иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія власти. Обладать своими дворами, гдѣ бы складывать товары и торговать, иностранные купцы могли только по исключенію. Въ видѣ общаго правила иностранцы должны были ставиться на государевыхъ гостиныхъ дворахъ и „мимо гостиныхъ дворовъ нигдѣ не становиться, чтобы особныхъ дворовъ и анбаровъ ни у кого не было“ [2]).

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Голландскія дѣла. 1662 г. сентября 10, № 2, св. 14.

[2]) См., напр., Доп. Акт. Ист., т. V, № 40.

Теперь становится понятнымъ указаніе актовъ, запрещавшихъ ставиться иностранцамъ мимо государевыхъ гостиныхъ дворовъ, на тѣ государевы грамоты, которыя допускали исключеніе изъ этого порядка. Тотъ же самый документъ, а именно наказъ Двинскому таможенному гостю 1667 г., который предписываетъ: „беречь накрѣпко жъ, чтобъ одноличнo пріѣзжіе торговые люди мимо гостиныхъ дворовъ нигдѣ не становились, и особныхъ дворовъ и анбаровъ ни у кого не было", говоритъ сейчасъ же, „опричь тѣхъ анбаровъ, которымъ по государевымъ грамотамъ велѣно держать свои дворы и анбары" [1]). Эти государевы грамоты, по которымъ велѣно держать свои дворы и амбары, и есть тѣ приведенные нами документы, которые давались англійской компаніи, голландской, Марселису и др. Наказъ Архангельскому таможенному головѣ отъ 1649 г., вмѣсто того, чтобы говорить объ исключительномъ владѣніи дворами въ общихъ выраженіяхъ наказа 1667 года, прямо указываетъ на „аглинскихъ гостей и галанцовъ", которымъ по государевымъ грамотамъ велѣно держать свои дворы [2]).

Изъ всего этого слѣдуетъ, что выведенное нами положеніе объ исключительности права нѣкоторыхъ иностранцевъ на недвижимости въ городахъ подтверждается не только всѣми тѣми фактами и соображеніями, которыя приведены нами выше, но и только что приведенными правительственными актами, носящими всѣ необходимые намъ признаки общеобязательности. И общее, и частное свидѣтельствовали объ одномъ и томъ же.

На этомъ мы кончаемъ картину права владѣнія иностранцевъ недвижимостями въ городахъ и переходимъ къ картинѣ факта того же владѣнія. Это мы должны сдѣлать съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что картина факта не соотвѣтствуетъ картинѣ права.

По праву иностранные купцы могли владѣть недвижимостью только въ видѣ исключенія. Особое разрѣшеніе государя давало основаніе къ владѣнію. Но въ дѣйстви-

---

[1]) Доп. Акт. Ист., т. V, № 40.

[2]) Доп. Акт. Ист., т. III, № 55.

тельности многіе иностранцы покупали себѣ дворы и владѣли ими безъ всякихъ разрѣшеній. Московское правительство не могло справиться съ такими нарушителями порядка. Общіе указы не помогали въ частныхъ случаяхъ, а усмотрѣть за отдѣльными лицами не было возможности, въ виду продажности администраціи. Правительству приходилось опираться на тѣхъ естественныхъ хранителей опредѣленныхъ тенденцій въ законодательствѣ, которыхъ мы видѣли среди населенія, когда разбирали, напр., права иностранцевъ на личныя услуги русскихъ людей по договору найма или по холопству. Въ данной области первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимали русскіе купцы. Они стояли за полное сохраненіе существующаго порядка, въ виду соображеній чисто коммерческаго характера. Съ жалобами ихъ на нарушеніе иностранцами этого порядка мы уже встрѣчались; съ взглядами ихъ мы уже знакомы. Далѣе выступало духовенство, которое подъ флагомъ защиты интересовъ православія претендовало, чтобы дома иностранцевъ не строились подлѣ православныхъ церквей. Такой фактъ въ свое время мы видѣли. Наконецъ, мелкое посадское тяглое населеніе требовало отъ правительства, чтобы оно не разрѣшало иностранцамъ покупать тяглые участки и тѣмъ выводить ихъ изъ обложенія. Объ этомъ мы будемъ говорить немного ниже. Но теперь замѣтимъ, что эти случаи протеста населенія противъ правъ иностранцевъ не характеризовали принципіальнаго отрицанія такихъ правъ за иностранцами. Изъ этихъ случаевъ можно даже вывести, что населеніе, въ принципѣ, соглашалось на владѣніе иностранцами дворами въ городахъ, по крайней мѣрѣ, не имѣло ничего противъ этого, если только иностранцы, согласно съ желаніями купечества, пользовались правомъ ставиться на особыхъ дворахъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, строго регламентированныхъ, согласно съ желаніями духовенства, жили далеко отъ православныхъ храмовъ, или, согласно съ желаніями тяглыхъ, пріобрѣтая ихъ участки земли, платили тягло.

Видно, что постояннымъ союзникомъ правительства, боровшимся съ нарушеніями иностранными купцами выведеннаго нами выше порядка отношеній ихъ къ недвижимо-

сти и общаго, и особеннаго было только одно русское купечество. Духовенство иногда выступало вмѣстѣ съ иностранцами противъ русскаго купечества, по крайней мѣрѣ, противъ его непосредственныхъ интересовъ. Такой случай мы видѣли съ патріархомъ Никономъ.

Въ результатѣ владѣнія иностранцевъ недвижимостями постепенно расширялись и изъ факта грозили перейти въ право.

На указаніи этихъ фактовъ и на сопутствующей имъ дѣятельности правительства мы сейчасъ и остановимся.

Жалованныя грамоты англійской компаніи, какъ мы видѣли, старались перечислять тѣ города, въ которыхъ компанія могла обладать домами. Мы тогда же отмѣтили преднамѣренность такого перечисленія съ цѣлью зафиксировать владѣніе недвижимостью только въ опредѣленныхъ городахъ. Перечисленія были въ XVI вѣкѣ, когда компанія только что обзаводилась дворами. Перечисленія наблюдаются и въ XVII вѣкѣ, когда компаніи оставалось только пользоваться пріобрѣтеннымъ. Такъ, въ грамотѣ 1614 г. значатся тѣже города, что и въ XVI в.: „да Аглинские жъ земли гостей и купцовъ пожаловали есмя прежним их аглинским двором на Москвѣ у Максима ст҃го за торгом и онѣ на нем жывут по старинѣ, да у них же аглинских гостей дворы по городом двор въ Ярославле, двор на Вологде, двор на Колмогорах, двор у пристанища морского в Архангелском городе, и тѣ имъ дворы за собою держати по нш҃ему цр҃скому жалованью по прежнему“ [1]). Это все повторяется и ничего болѣе не прибавляется и въ грамотѣ отъ 1628 года [2]).

Видно, что правительство держится опредѣленной политики строгаго учета мѣстъ, гдѣ англійская компанія владѣетъ дворами. Раньше мы указали, что въ той же Москвѣ, гдѣ уже есть дворъ, оно разрѣшаетъ купить другой не иначе, какъ по указу государя. Поэтому не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы англійская компанія имѣла право строить

---

[1]) А. С. Мулюкинъ. Пріѣздъ иностранцевъ. Приложеніе, № 6.
[2]) Приложеніе, № 1.

дворы въ другихъ городахъ, кромѣ перечисленныхъ. Однако, дворы компаніи находятъ въ Новгородѣ, Псковѣ, Шуѣ, Устюгѣ и др. городахъ[1]). Въ 1646 году русскіе торговые люди, жалуясь государю на притѣсненія иностранцами русской торговли, спеціально говорятъ объ англійской компаніи и, среди другихъ нарушеній ею закона, указываютъ на повсемѣстное владѣніе дворами. Жалобщики говорятъ, что англичане при Михаилѣ Өеодоровичѣ подкупомъ получили изъ Посольского Приказа жалованную грамоту на торговлю въ Россіи 23 человѣкамъ. „А какъ взяли они нѣмцы грамоту изъ Посольского Приказу и съ тѣхъ мѣстъ почали пріѣзжать въ Московское государьство аглпчанъ торговыхъ людей человѣкъ по штидесять, и по семидесять, и болши, и построили и покупили себѣ у Архангельского города, и на Колмогорахъ и на Вологдѣ, и въ Ярославлѣ, и на Москвѣ, и въ иныхъ городѣхъ, дворы многіе и анбары, и построили полаты и погребы каменныя, и почали жить въ Московскомъ государьствѣ безъ съѣзду, такъ же какъ и въ своей земли“[2]).

Дѣло обстояло бы не такъ плохо, если бы только одни англичане-члены богатой компаніи—нарушали правительственный порядокъ. Извѣстно, что эту компанію въ 1649 году лишили всѣхъ ея привилегій[3]). Ея исторія оканчивается именно этимъ годомъ. Но, кромѣ ея, въ Россіи торговали другіе иностранцы, не отстававшіе отъ англичанъ въ указываемомъ направленіи. Къ 1635 году прецедентовъ такого рода набирается столько, что правительство принимаетъ противъ нихъ свои мѣры.

Въ 1635 году государь издаетъ указъ, въ которомъ объясняетъ, что воеводы „для своея корысти“ пропускаютъ иностранныхъ купцовъ изъ пограничныхъ городовъ внутрь Россіи и въ Москву безъ государевыхъ жалованныхъ и проѣзжихъ грамотъ. Въ результатѣ цѣлый рядъ иностранцевъ является въ Москву, живетъ въ ней, пріобрѣтаетъ недвижимую собственность, „строится болшим строеньемъ“,

---

[1]) Д. В. Цвѣтаевъ. Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи. Русскій Вѣстникъ. 1885 г., т. 177, стр. 822.

[2]) Акт. Арх. Эксп., т. IV, № 13,

[3]) Полн. Собр. Зак., т. I, № 9. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 137.

а правительство, въ лицѣ Посольскаго Приказа, обязаннаго слѣдить за учетомъ иностраннаго населенія, не имѣетъ никакого понятія о вновь прибывшихъ и проживающихъ. „Въ посолскомъ приказе про них невѣдомо“, пишетъ государь. Это не можетъ быть терпимо, и государь приказываетъ переписать всѣхъ иностранцевъ, чтобы узнать, кто изъ нихъ поступаетъ по праву, а кто самовольствомъ. „Всѣхъ переписати подлинно по рознь сколь давно хто в московском государстве торгует и почему хто торгует и дворы на Москве покупая строят по какому государеву указу и кому за какую службу велено в московском государстве торговати, да у которых аглинских у галанских и у амбурскихъ и иныхъ государствъ у гостей и у торговыхъ людей есть государевы жаловалные грамоты и дворы на Москвѣ купити имъ велено и тѣхъ писати особными статями. А у которыхъ государовыхъ жаловалныхъ и проѣзжихъ грамотъ нѣтъ, а дворы на Москвѣ покупили или хто на чюжихъ на съѣзжихъ дворехъ приезжая живутъ самоволствомъ и тѣхъ потомужъ писат особными статьями и допрашивати ихъ подлинно сколь давно они пріѣжая к Москвѣ торгують безъ государевыхъ жаловалныхъ и без проѣзжихъ грамотъ и для чево они къ Москве пріѣзжаютъ и дворы себѣ покупили безъ государеву указу самоволствомъ хто имъ позволилъ“. Всѣхъ такихъ велѣно отдать на поруки съ записями въ томъ, что „имъ до государева указу съ Москвы не съѣхать“ [1]).

Этотъ указъ съ виду такой грозный ничего не измѣнилъ въ разбираемомъ нами вопросѣ. Послѣ этого указа мы наблюдаемъ въ 1643 году приведенную выше жалобу причтовъ 11 московскихъ церквей на пріобрѣтеніе иностранцами недвижимостей въ г. Москвѣ, причемъ жалобщики объясняли, что „тѣ нѣмцы, не дождався государева указу покупаютъ дворы въ ихъ приходѣхъ вновь“ и просили государя „съ тѣхъ дворовъ нѣмецъ сослать, потому что они тѣ дворы купили безъ государева указу“ [2]). Не смотря на

[1]) Приложеніе, № 4.

[2]) Акт. Ист., т. III, № 92. Дополнительныя статьи къ Судебнику, XXXVI.

приведенныя нами выше соотвѣтствующія распоряженія правительства, послѣдовавшія, въ виду этой жалобы духовенства, не смотря на то, что соотвѣтствующее постановленіе было внесено въ Уложеніе 1649 года, уже къ 1652 году иностранцевъ въ Москвѣ оказывается такъ много, что ими населяютъ цѣлую Новую Иноземскую Слободу; при этомъ „торговымъ нѣмцамъ и вдовамъ" нарѣзываютъ въ слободѣ участки земли „примѣриваяся къ прежнимъ ихъ московскимъ дворамъ" [1]). Это означало, что иностранные купцы владѣли недвижимостью въ Москвѣ, въ качествѣ собственниковъ, и что ихъ пришлось вознаграждать за потерю ихъ собственности. По переписи дворовъ Новоиноземской Слободы въ 1665 году значится 23 двора торговыхъ иностранцевъ [2]). Къ концу царствованія Алексѣя Михаиловича дома иностранныхъ купцовъ появляются и внѣ слободы, опять въ самой Москвѣ [3]). Въ правленіе Софьи купцы владѣли въ городѣ магазинами, лавками. Жизнь въ такихъ случаяхъ въ слободѣ представляла большія неудобства, въ виду отдаленности слободы. Поэтому начавшееся еще при Алексѣѣ Михаиловичѣ обратное движеніе иностранцевъ изъ слободы въ городъ при Софьѣ находитъ свое выраженіе въ томъ, что тогда изъ домовъ иностранцевъ въ городѣ преимущественно наблюдаются дома купцовъ [4]).

Послѣ Москвы, средоточія торговли, одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ Архангельскъ. Если въ Москвѣ мы видимъ цѣлую слободу, населенную иностранцами и, между ними, купцами, то и въ Архангельскѣ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ. Архангельская слобода была меньше Московской, но и тамъ она разрослась къ концу разсматриваемаго періода настолько, что много домовъ иностранцевъ появилось среди

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. I, № 85.

[2]) П. Н. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Часть III, вып. 1, стр. 103. Эта перепись, въ извлеченіяхъ, приводится Д. В. Цвѣтаевымъ. Протестантство, стр. 256, прим. 2.

[3]) Рейтенфельсъ. Сказанія. Чтенія. 1905 г., кн. III, стр. 94. Соколовъ. Отношеніе протестантизма., стр. 21.

[4]) Д. В. Цвѣтаевъ. Протестантство въ правленіе Софьи., стр. 41.

посадскихъ домовъ русскихъ жителей [1]). Такъ же, какъ въ Архангельскѣ жили иностранные купцы и въ Вологдѣ Въ 1675 году однихъ голландскихъ купцовъ насчитывалось въ Вологдѣ болѣе 20 человѣкъ [2]).

Выше намъ пришлось упомянуть, какъ правительство иногда реагировало на пріобрѣтеніе иностранцами недвижимости безъ разрѣшенія; какъ оно выслало изъ Новгорода голландца Леонтьева, купившаго себѣ дворъ на посадѣ безъ государева указа. Теперь замѣтимъ, во первыхъ, что Леонтьевъ купилъ себѣ тяглое мѣсто, а во вторыхъ, что случай, подобный съ Леонтьевымъ и въ его время, т. е. начала XVII вѣка, былъ не исключительнымъ, а въ серединѣ вѣка и въ концѣ его сталъ очень распространеннымъ.

Такъ, еще въ 1627 году русскіе купцы жаловались государю, что иностранцы ѣздятъ изъ Архангельска по городамъ и ставятъ въ нихъ свои дворы, „покупая у посадскихъ людей тяглые земли" [3]).

Въ 1638 г. жаловались русскіе купцы государю, что въ Вологдѣ иностранцы владѣютъ большими участками земли, на которыхъ и ставятъ свои дворы. Жалобщики обращали вниманіе правительства, что, по свѣдѣніямъ многихъ вологодскихъ торговыхъ людей, дворовыя мѣста иностранцевъ раньше были тяглыми [4]).

Въ шестидесятыхъ годахъ приходится выслушивать такія же жалобы Алексѣю Михаиловичу. „Жалоба наша, государь, пишутъ ему архангельцы, на торговыхъ иноземцевъ Голландской, Гамбурской и Бременской земель. Живутъ они, иноземцы, у Архангельскаго города въ рядъ съ нами, посадскими людьми; кромѣ того, что на твоихъ гостиныхъ дворахъ построили себѣ дворы, они поставились своими выста-

---

[1]) С. Ѳ. Огородниковъ. Очеркъ исторіи г. Архангельска. Морской Сборникъ. 1889 г., № 9, стр. 120. Д. В. Цвѣтаевъ. Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи, стр. 266 и слѣд.

[2]) Д. В. Цвѣтаевъ. Протестантство, стр. 264.

[3]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла. 1627 г. 13. іюля, № 25, св. 57.

[4]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Англійскія дѣла 368 г., № 11.

вочными домами на наши тяглыя мѣста, чѣмъ заперли нашу искони мірскую дорогу, пѣть ни намъ ни скотамъ нашимъ ходу, а прохожій мостъ они разломали и разбросали; этихъ выставочныхъ дворовъ на нашей тяглой землѣ восемнадцать, и всѣ они съ амбарами, погребами, выносными поварнями, мѣрою подъ каждымъ дворомъ по сорока саженъ и больше; да двое иноземцевъ заперли проходъ къ нашимъ мяснымъ лавкамъ: одинъ поставилъ рядомъ съ ними два амбара, а другой выстроилъ за ними, къ рѣкѣ, поварню для топленія говяжьяго сала и сушенія кожи. И между тѣмъ какъ они, иноземцы, отъ сдачи въ кортому своей братьѣ, торговымъ иноземцамъ, всѣхъ этихъ зданій корыствуются, намъ отъ нихъ одинъ вредъ; твоихъ государевыхъ податей съ нами не платятъ, и мы обнищали и задолжали. Милосердый государь, вели имъ съ тяглыхъ нашихъ мѣстъ, которыми они завладѣли подъ свои дворы, твои всякія подати съ нами платить наравнѣ, чтобы намъ отъ ихъ выставочныхъ дворовъ, отъ дорожнаго и лавочнаго запора, захватовъ нашихъ тяглыхъ мѣстъ не погибнуть въ конецъ и не разбрестись врозь". 12 марта 1664 г. двинскому воеводѣ было приказано удовлетворить челобитчиковъ и иноземскіе дворы, поставленные на тяглыхъ дворовыхъ мѣстахъ безъ государева указа и причиняющіе тѣсноту снести, съ тѣхъ жъ дворовъ, которые можно оставить, иностранцы должны платить тягло въ міръ сверхъ оброка, если платятъ его. „Послѣ того, замѣчаетъ Д. В. Цвѣтаевъ, иноземцы, занимавшіе новыя мѣста, платили тягло по уговору съ посадскими людьми" [1]).

Итакъ, мы замѣчаемъ ростъ недвижимости иностранныхъ купцовъ, идущій не закономѣрнымъ путемъ, а имен-

---

[1]) С. Ѳ. Огородниковъ. Очеркъ исторіи г. Архангельска стр. 136. Д. В. Цвѣтаевъ. Протестантство, стр. 261 и слѣд.

Теперь мы можемъ внести небольшое дополненіе въ мнѣніе проф. Н. П. Загоскина, въ своемъ сочиненіи о правѣ владѣнія городскими дворами въ Московскомъ государствѣ. Ученыя Записки Импер. Казанскаго Университета, 1877 г., № 1, стр. 50, 59 и слѣд., стр. 61, склонявшагося думать, что иностранные купцы владѣли только бѣлыми дворами.

но съ нарушеніемъ закона. Если изъ примѣра съ голландцемъ Леонтьевымъ надо вывести, что правительство старалось возстановить правопорядокъ путемъ репрессіи и разрушить незаконное владѣніе отнятіемъ недвижимости отъ такого владѣльца, то изъ послѣдняго примѣра въ Архангельскѣ мы должны заключить, что правительство мирится съ фактическимъ расширеніемъ вліянія иностранцевъ въ разбираемой области, и въ тѣхъ случаяхъ, когда такое вліяніе никому тѣсноты не причиняетъ, переводитъ фактическое состояніе въ правовое своей послѣдующей санкціей.

Если бы такое направленіе правительственной дѣятельности представляло что нибудь особенное въ то время, тогда мы обязаны были бы трактовать его исключеніемъ и, какъ на исключеніе, не имѣющее историческаго значенія, не обращать вниманія. Но все дѣло въ томъ, что XVII вѣкъ имѣлъ такихъ исключеній множество, свидѣтельствуя, что и правительство не крѣпко держалось за свой порядокъ. Такъ, еще до Архангельской исторіи въ Москвѣ голландецъ Давидъ Рутцъ купилъ на Покровкѣ два дома: одинъ въ 1628 году у вдовы дьяка Григорьева, а другой—въ 1631 году у князя Елецкаго. По оффиціальнымъ даннымъ „записаны тѣ дворы за нимъ по купчимъ, а имяново государева указа о томъ не написано“. Это означаетъ, что Рутцъ купилъ дворъ безъ всякаго разрѣшенія. Однако, когда правительству пришлось встрѣтиться съ этимъ фактомъ, оно не затруднилось признать за Рутцомъ право собственности безъ всякихъ оговорокъ, какъ будто бы дома были пріобрѣтены совершенно правильно [1]).

Или еще случай. Въ Архангельскѣ въ 1667 году былъ пожаръ, на которомъ сгорѣло нѣсколько церквей. Въ 1672 году на мѣстѣ этихъ церквей оказались „три нѣмецкіе анбары“. Мѣстное духовенство не знало „по какому великого государя указу тѣ анбары поставлены“. Что же касается иностранцевъ, владѣльцевъ этихъ амбаровъ, то они заявили, „что онѣ поставили тѣ анбары на церковныхъ мѣстехъ собою, не бивъ челомъ великому государю, и великого госу-

---

[1]) Д. В. Цвѣтаевъ. Протестантство, стр. 166—169, прим.

даря указу у нихъ о томъ никакого нѣтъ". Ясно, что передъ нами одинъ только фактъ владѣнія недвижимостью, а не право. Какъ же правительство реагируетъ на него? Узнавъ объ этомъ изъ донесенія воеводы и узнавъ, кромѣ того, что упомянутые амбары поставлены „на олтарныхъ мѣстехъ, гдѣ приносилося святая Христова животворящая тайна" и что подлѣ тѣхъ амбаровъ „поставлены отходы", государь пишетъ воеводѣ и дьяку, что, если все изложенное вѣрно, то „вы бъ тѣ анбары иноземцомъ съ церковныхъ мѣстъ и съ кладбищъ велѣли снесть на иные мѣста, гдѣ пристойно" [1]).

Намъ никакъ нельзя было ожидать, чтобы такъ мирно кончилось это дѣло. Здѣсь идетъ рѣчь и о святынѣ, и о незаконномъ владѣніи недвижимостью. Религіозное чувство могло быть удовлетворено снесеніемъ этихъ амбаровъ. Но гнѣвъ государя на ослушниковъ его распоряженій, поставившихъ амбары безъ его разрѣшенія, повидимому, не имѣлъ мѣста. Государь совершенно спокойно отнесся къ этому факту. Мы можемъ сказать даже болѣе: онъ призналъ за иностранцами ихъ право и велѣлъ воеводѣ и дьяку отвести имъ новыя мѣста подъ амбары „гдѣ пристойно". Для непосвященнаго наблюдателя выходитъ, что иностранцы неудачно выбрали себѣ мѣсто подъ амбары, и только.

Такъ незамѣтно, превращая въ отдѣльныхъ случаяхъ фактъ въ право, само правительство нарушало свою систему и готовилось изъ исключеній сдѣлать общее правило.

---

[1]) Доп. Акт. Ист., т. VI, 51.

Свобода передвиженія иностранныхъ купцовъ.

I.

ПЕРЕДВИЖЕНІЕ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Право свободнаго передвиженія по территоріи даннаго государства, хотя необходимо для всѣхъ профессій, но наиболѣе живо чувствуется торгующими. Торговля главнѣйшимъ образомъ состоитъ въ перемѣщеніи товаровъ. Торгующій классъ, какъ посредникъ между производителемъ и потребителемъ, все свое назначеніе видитъ въ обращеніи между ними товаровъ. Для поддержанія опредѣленныхъ отношеній между спросомъ и предложеніемъ товаровъ возможность безпрепятственнаго передвиженія первое условіе. Только тогда торговля и классъ торгующихъ и будетъ играть свою роль необходимаго и желательнаго посредника между производителемъ и потребителемъ, когда это посредничество будетъ являться безпрепятственно туда, гдѣ будетъ въ немъ надобность.

Для насъ, занятыхъ исключительно иностранною торговлей въ Московскомъ государствѣ, имѣетъ значеніе вопросъ о правѣ передвиженія не всѣхъ торгующихъ, а только одниxъ иностранцевъ. Но зато для правильнаго пониманія этого частнаго вопроса по отношенію ко времени Московскаго государства намъ надо затронуть предыдущее время и, хотя заранѣе мы можемъ сказать, что въ древней Руси этотъ вопросъ рѣшался въ противоположномъ смыслѣ,

чѣмъ въ Московскомъ государствѣ, однако, установленія Московскаго времени въ этой области имѣютъ прямое основаніе въ таковыхъ же древняго времени.

Въ древности иностранные купцы совершенно свободно могли циркулировать по русскимъ владѣніямъ. Особенно это нигдѣ не постановлялось и въ договорахъ Руси съ иностранцами не значилось. Это правило было достояніемъ обычнаго права. Исключеніе составлялъ одинъ Великій Новгородъ, но и тотъ только по отношенію по времени XIV и XV вѣковъ, когда онъ, дѣйствительно, провозглашалъ свободу передвиженія иностранцевъ по своимъ владѣніямъ. Но, если не было надобности въ формулировкѣ всѣмъ извѣстнаго и всѣми признаваемаго начала свободы передвиженія иностранцевъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, то признавали нужнымъ оговаривать это начало въ случаяхъ чрезвычайныхъ, когда можно было думать, что оно не будетъ примѣняться. Это также мы видимъ въ Новгородѣ. Ст. XVIII договора Новгорода съ нѣмцами и Готландомъ 1270 года предусматриваетъ случай войны „между новгородцами и странами окрестными", ставитъ вопросъ о томъ, какъ тогда быть съ свободой передвиженія нѣмецкихъ купцовъ въ новгородскихъ владѣніяхъ, и разрѣшаетъ его совершенно опредѣленно въ томъ смыслѣ, что и тогда „гость долженъ безпрепятственно ѣздить водою и сухимъ путемъ, такъ далеко, какъ простирается господство Новгородцевъ" [1]).

Другихъ указаній, подобныхъ приведенному, не имѣется, но изъ договора великаго князя Александра Невскаго и новгородцевъ съ нѣмецкими послами о взаимныхъ торговыхъ сношеніяхъ (1257—1259 г.), а также изъ ст. I договора 1270 можно заключить, что нѣмцы могли ѣздить для торговли по всѣмъ новгородскимъ владѣніямъ и даже въ мѣстности полузамиренныя, населенныя дикарями; въ послѣднемъ случаѣ съ Новгорода слагалась только всякая отвѣтственность за безопасность купцовъ. „Оже кто гостить в Корѣлоу, говоритъ договоръ Александра Невскаго, или

---

[1]) И. Андреевскій. О договорѣ Новагорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, стр. 31.

нѣмци или гтяне, а что ся оучинить, а то Новоугородоу тяжя не надобе" [1]). „Если какой-нибудь нѣмецъ или готландецъ, говоритъ ст. I договора 1270 г., для торговыхъ дѣлъ отправится въ Карелію, и ему тамъ что либо приключится, то новгородцамъ до того дѣла нѣтъ" [2]).

Начиная съ XIV вѣка идутъ уже формальныя указанія на свободу повсемѣстной торговли. Такъ, по договору 1326 г. новгородцевъ съ норвежцами, „гости норвежскіе должны имѣть свободный и безпрепятственный пріѣздъ въ Новгородъ и Заволочье" [3]). Тоже самое и въ XV вѣкѣ. Въ мирномъ договорѣ Ливонскихъ городовъ съ Новгородомъ и Псковомъ около 1448—49 г., особенно упоминается какъ самый городъ Новгородъ, такъ и остальная часть территоріи Новгородской республики. Въ договорѣ читаемъ: „послы и и гости и купцы могутъ ѣздить въ великій Новгородъ и его владѣнія". Послѣдняя прибавка о владѣніяхъ Новгорода внесена не для красоты слога, а имѣетъ реальное значеніе. Когда тотъ же договоръ опредѣляетъ порядокъ подсудности обоюдныхъ подданныхъ договаривающихся державъ, то предполагаетъ, что бѣда можетъ стрястись съ нѣмцами или съ русскими не только въ главныхъ городахъ, но вообще гдѣ бы то ни было во владѣніяхъ контрагентовъ, очевидно, предполагая, что нѣмцы ѣздятъ по всей Новгородской землѣ, а русскіе нѣмецкой [4]). Такъ это въ дѣйствительности и было. Извѣстно, напр., что нѣмцы пріѣзжали на Неву ловить осетровъ, а когда Ганза стала запрещать торговлю солью съ русскими, то нѣмецкіе купцы, переставъ

---

[1]) Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV вѣкѣ. 1857 г. Рус. Лив. Акт., № XVI.

[2]) И. Андреевскій. О договорѣ Новагорода, стр. 21. Его-же. О правахъ иностранцевъ, стр. 106.

[3]) Собр. Гос. Гр. и Дог., г. V, № 108. Датскій Архивъ, № 1. Чтенія. 1893 г., кн. I, стр. 155.

[4]) „Случится какое дѣло нѣмцу въ Новгородѣ или въ его владѣніяхъ съ новгородцемъ или новгородцу съ нѣмцемъ, въ землѣ магистра или въ одномъ изъ его городовъ, то должно судить"... Акты Ревельскаго городского архива, сообщенные А. Чумиковымъ. Чтенія. 1900 г., кн. III, стр. 2.

привозить ее въ Новгородъ, стали продавать ее новгородцамъ на Невѣ, куда нѣмцы привозили соль подъ предлогомъ необходимости солить ловимую тамъ рыбу [1]).

Итакъ, въ Новгородѣ всегда было у иностранныхъ купцовъ право передвиженія по всѣмъ новгородскимъ владѣніямъ. До XIV вѣка это было обычное право, а съ XIV вѣка писанное.

Совершенно иного мнѣнія держится по тому же самому вопросу А. И. Никитскій. На стр. 147 своего сочиненія „Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода" А. И. Никитскій нѣсколько предположительно говоритъ, что „самое право торговли нѣмецкихъ гостей чуть ли не было ограничено нѣкоторыми пунктами, главнымъ образомъ самимъ Великимъ Новгородомъ", а на стр. 149 того же труда уже опредѣленно утверждаетъ, что новгородцы ограничивали торговую дѣятельность иностранцевъ однимъ главнымъ городомъ.

Доказательства, приводимыя А. И. Никитскимъ въ пользу своего мнѣнія, несложны. Они состоятъ исключительно въ опроверженіи мнѣнія Ризенкампфа и Бережкова. „Нѣмцы не то чтобы не имѣли права торговать по всей Новгородской землѣ, а только не пользовались имъ", въ виду чисто фактическихъ препятствій, излагаетъ А. И. Никитскій мнѣніе названныхъ писателей и добавляетъ, что факты, приводимые ими, ни мало не свидѣтельствуютъ въ пользу вѣроятности ихъ мнѣнія. А. И. Никитскій говоритъ, что оба изслѣдователя невѣрно толкуютъ одно свидѣтельство латинскаго извода грамоты 1269—70 года. Мы не будемъ разбираться въ этомъ свидѣтельствѣ, такъ какъ сами не ссылались на него въ подтвержденіе нашего мнѣнія, и оно ничего не говоритъ въ нашу пользу. Точно также не будемъ останавливаться на другомъ свидѣтельствѣ источниковъ, приводимомъ однимъ Ризенкампфомъ и неправильно имъ толкуемомъ, по словамъ А. И. Никитскаго. Мы также на это свидѣтельство не ссылались и не думаемъ ссылаться. Наконецъ, А. И. Никитскій опровергаетъ соображенія одного Бережкова и говоритъ, что „они не всегда даже относятся къ дѣлу. Г. Бережковъ, на-

---

[1]) А. И. Никитскій. Исторія экономич. быта, стр. 8 и 159.

примѣръ, увѣряетъ, что якобы по нѣмецкой редакціи договора 1269—1270 года нѣмецкіе гости могли безпрепятственно ѣздить водою и сухимъ путемъ всюду, куда простирается господство Новгорода. А между тѣмъ для непредубѣжденнаго взгляда ясно, что договоръ говоритъ только о безопасномъ возвращеніи нѣмцевъ домой, о томъ, именно, что, въ случаѣ войны Новгорода съ сосѣдями, гости безпрепятственно могутъ ѣхать горой и водой до самой границы Новгородскихъ владѣній. Подобнымъ образомъ, продолжаетъ А. И. Никитскій, и статью о поручительствѣ, гласящую, что если поручитель находится внутри страны, т. е. „сколь далеко господство Новгорода сюда простирается", то онъ долженъ быть представленъ въ теченіе 14 дней, слѣдуетъ понимать не такъ, чтобы онъ могъ быть въ любомъ краю Новгорода, а только такъ, что онъ могъ находиться на прямомъ или обратномъ пути въ Новгородской землѣ".

Здѣсь мы видимъ ссылки на два свидѣтельства источниковъ, изъ которыхъ первое свидѣтельство было приведено нами выше въ доказательство нашего мнѣнія о свободѣ передвиженія иностранцевъ въ Новгородской землѣ, а о второмъ свидѣтельствѣ, хотя оно и въ нашу пользу, мы еще не упоминали; поэтому остановимся на ихъ толкованіи А. И. Никитскимъ.

Припомнимъ постановленіе договора 1270 г. Полностью оно гласитъ слѣдующее: „въ случаѣ вражды (войны) между новгородцами и странами окрестными, гость долженъ безпрепятственно ѣздить водою и сухимъ путемъ, такъ далеко, какъ простирается господство новгородцевъ. Такъ, приходящій въ Неву долженъ итти далѣе по Невѣ; приходящій сухимъ путемъ долженъ безпрепятственно этимъ путемъ ѣхать далѣе" [1]).

Отчего, согласно съ мнѣніемъ проф. Никитскаго, „для непредубѣжденнаго взгляда ясно, что договоръ говоритъ только о безопасномъ возвращеніи нѣмцевъ домой, о томъ, что, въ случаѣ войны Новгорода съ сосѣдями, гости безпре-

---

[1]) И. А. Андреевскій. О договорѣ Новагорода, стр. 31, ст. XVIII

пятственно могутъ ѣхать горой и водой до самой границы новгородскихъ владѣній"?

Изъ приведеннаго текста этого совсѣмъ не видно. Подъ странами окрестными, сосѣдними, не обязательно слѣдуетъ подразумѣвать страны, лежащія на пути нѣмцевъ изъ Новгорода въ ихъ отечество. Война у Новгорода можетъ возгорѣться совсѣмъ съ другой стороны и купцы нѣмецкіе своевременно могутъ выѣхать изъ города Новгорода. Зачѣмъ же для такихъ случаевъ постановленіе вродѣ приведеннаго? А кромѣ того, развѣ обязателенъ выѣздъ нѣмецкихъ купцовъ, въ случаѣ войны Новгорода съ кѣмъ бы то ни было? Вѣрнѣе, что нѣмецкіе купцы, не обращая вниманія на войну Новгорода съ кѣмъ либо изъ третьихъ державъ, но не отечества купцовъ, пожелаютъ продолжать въ Новгородскихъ владѣніяхъ свои торговыя операціи. Тогда, сообразно съ нравами эпохи, они нуждаются въ приведенномъ постановленіи договора. Иначе новгородское войско въ пылу борьбы первыхъ можетъ ограбить этихъ купцовъ. Чтобы предотвратить это и, такъ сказать, нейтрализовать своихъ подданныхъ, нѣмцы вносятъ въ договоръ съ Новгородомъ условіе о неприкосновенности нѣмецкихъ купцовъ. Здѣсь именно условіе о томъ, что гость и во время войны „долженъ безпрепятственно ѣздить", т. е. торговать, а не можетъ быть ограбленъ въ прямомъ смыслѣ или въ переносномъ, когда этого гостя, вмѣсто продолженія его торговли, заставятъ итти на войну въ рядахъ новгородцевъ. Что послѣднее не было невозможно и даже наблюдалось въ дѣйствительности, показываетъ ст. 31 договора Смоленска съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами отъ 1229 г. Эта статья прямо запрещаетъ насильно заставлять нѣмецкихъ гостей участвовать въ русскихъ походахъ: „Латинескомоу не ехати на вьиноу съ княземъ, ни съ Роусию, аже самъ хъчьть, тоть едеть" [1]).

Изъ общаго смысла разбираемой статьи договора 1270 г. никакъ нельзя вывести, чтобы она подразумѣвала одно только возвращеніе нѣмцевъ домой. Противъ такого ея пони-

---

[1]) Владимірскій-Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права. Вып. I, стр. 104.

манія и ея буквальной текстъ, который говоритъ не объ отъѣзжающихъ гостяхъ, а какъ разъ наоборотъ, о „приходящихъ въ Неву“ или о „приходящихъ сухимъ путемъ“. Правильность такого толкованія этихъ выраженій находитъ себѣ основаніе и въ ст. 2 того же договора. Эта статья говоритъ о лицахъ, прибывающихъ въ Неву, и подразумѣваетъ подъ ними, именно, направляющихся въ Новгородъ, а никакъ не удаляющихся отъ него. Въ такомъ случаѣ постановленіе ст. XVIII мы должны распространить не только на гостей, уже находящихся на новгородской территоріи и застигнутыхъ на ней войной, можетъ быть, врасплохъ, но и на вновь прибывающихъ въ Новгородскія владѣнія и знающихъ, что въ Новгородѣ война. Правильность этого заключенія мы можемъ подтвердить дошедшей до насъ перепиской Новгорода съ Ревелемъ, которая велась во время войны Новгорода съ Швеціею. Новгородцы извѣщали Колыванцевъ, чтобы они продолжали ѣздить въ Новгородъ, но „новгородчкимъ путемъ“, а не на Псковъ, гдѣ Новгородцы не ручаются за безопасность Колыванцевъ [1]).

Изъ сдѣланнаго до сихъ поръ разбора мнѣнія А. И. Никитскаго по поводу толкованія имъ ст. XVIII договора 1270 г. получилось впечатлѣніе еще большаго, чѣмъ прежде, укрѣпленія насъ въ занятой позиціи, и теперь мы съ большимъ правомъ можемъ утверждать, что новгородскій договоръ 1270 г. предоставляетъ нѣмцамъ, въ случаѣ войны Новгорода съ третьими державами, полное продолженіе прежнихъ торговыхъ сношеній по всей новгородской землѣ, куда только ни простирается господство Новгорода.

Если такъ неудачно было толкованіе А. И. Никитскимъ договора 1270 г., то еще менѣе удачно его толкованіе статьи и поручительствѣ. Эта статья формально содержитъ въ себѣ постановленіе не русскаго права и не договорнаго права между Русью и Нѣмцами, а права чисто нѣмецкаго. Это постановленіе скры. Она говоритъ слѣдующее: „Если кто обѣщаетъ представить за себя поручителя, и если поручи-

---

[1]) Неизданные русскіе акты XV—XVI в.в. Ревельскаго городского архива, сообщенные А. Чумиковымъ. Чтенія. 1897 г., кн. II.

тель, котораго онъ назвалъ по имени, находится въ странѣ, то онъ долженъ его представить въ теченіе четырнадцати ночей; если онъ внѣ оной, то онъ долженъ его представить въ теченіе шести недѣль; если же онъ заморемъ,— въ теченіе года и дня“ [1]).

Видно, что этимъ постановленіемъ, сдѣланнымъ нѣмецкимъ купечествомъ для Новгородскаго нѣмецкаго двора, опредѣляются сроки представленія поручителей въ зависимости отъ мѣста нахожденія послѣднихъ; причемъ мѣсто нахожденія поручителей опредѣляется слѣдующимъ образомъ: 1) поручитель „находится въ странѣ“, т. е. въ Новгородскихъ владѣніяхъ, такъ какъ постановленіе сдѣлано для нѣмецкой факторіи въ Новгородѣ; 2) поручитель—„внѣ оной“ и 3)—„заморемъ“. Именно эти три термина: въ странѣ, внѣ оной и заморемъ далѣе той же статьей опредѣляются ближе. Статья продолжаетъ: „внутри страны значитъ, сколь далеко господство Новагорода сюда простирается; внѣ земли значитъ, отъ этой страны до Риги и по всѣмъ восточнымъ землямъ (Остзейскимъ); за моремъ суть земли, по сю сторону лежащія“ [2]).

По нашему мнѣнію, надо искусственно ограничить примѣненіе этой статьи на Новгородской территоріи, если принять толкованіе ея А. И. Никитскимъ, т. е., если выраженіе „сколь далеко господство Новагорода сюда простирается“ понимать, что нѣмецъ могъ находиться только на прямомъ или обратномъ пути въ Новгородской землѣ. Такое ограничительное толкованіе должно быть особенно доказано; между тѣмъ, у А. И. Никитскаго мы ничего подобнаго не видимъ. Высказавъ эту мысль А. И. Никитскій оканчиваетъ ею и всѣ свои аргументы за ограниченіе торговли ино-

---

[1]) И. Андреевскій. О договорѣ Новагорода. Приложенія. Новгородскія скры, стр. 72, ст. 58. Тоже постановленіе находится въ § 32 скры, изданной П. Талемъ. Чтенія. 1905 г. кн. IV, стр. 29.

[2]) Въ скрѣ, изд. П. Талемъ, это мѣсто редактировано (рус. пер.) слѣдующимъ образомъ: „Внутри страны значитъ: настолько близко, насколько простирается сюда (?) владычество Новгорода. Внѣ страны— означаетъ мѣстности отсюда (?) до Риги и всю Эстляндію. За моремъ— это страны, лежащія по ту сторону моря“.

странцевъ однимъ главнымъ городомъ Новгородомъ. Между тѣмъ, понимать опредѣленія мѣстъ нахожденія поручителей на Руси въ томъ смыслѣ, что поручители могли быть въ любомъ краю Новгородскихъ владѣній, заставляетъ дальнѣйшее опредѣленіе мѣстъ нахожденій поручителей, а именно объясненіе термина: „внѣ земли". „Внѣ земли", говоритъ скра, означаѣтъ нахожденіе поручителя въ мѣстностяхъ „отъ этой страны до Риги и по всѣмъ восточнымъ землямъ (Остзейскимъ)". Неужели это значитъ, что поручитель должень былъ находиться обязательно въ пути къ опредѣленному центру? Неужели поручитель не могъ спокойно жить и торговать въ какомъ нибудь мѣстѣ Эстляндіи, и такихъ лицъ нельзя было и выбирать? Это было бы ограниченіе нѣмцевъ въ правѣ выбора поручителей, ничѣмъ разумно не вызываемое. Еще яснѣе выступаетъ правильность нашего толкованія этого мѣста изъ текста третьей Новгородской скры, около 1325 г.; она говоритъ: „внѣ страны— означаетъ мѣстности отсюда до Риги и всю Эстляндію" [1]). Съ нашей точки зрѣнія свободы передвиженія нѣмцевъ въ Новгородской землѣ, вполнѣ объяснимо это постановленіе нѣмецкаго права, предусматривающаго возможность выбора поручителей какъ среди лицъ, находящихся за границей Новгородскихъ владѣній, такъ и внутри ихъ; въ первомъ случаѣ дается срокъ для представленія поручителя въ шесть недѣль (если только данное лицо находится не за моремъ, тогда цѣлый годъ), а въ послѣднемъ случаѣ дается срокъ въ двѣ недѣли, хотя бы лицо, выставляемое въ качествѣ поручителя, находилось на самой границѣ „сколь далеко господство Новгорода сюда простирается". И какъ за границей предполагалось, что нѣмцы находятся „по всѣмъ землямъ", такъ не возникало мысли и объ ограниченіяхъ ихъ въ Новгородѣ опредѣленнымъ мѣстомъ [2]).

О свободѣ передвиженія иностранныхъ купцовъ въ древней Руси можно судить не только по однимъ даннымъ,

---

[1]) Чтенія. 1905 г., стр. 29.

[2]) См. И. Андреевскій. О правахъ иностранцевъ, стр. 95. І. М. Кулишеръ. Эволюція прибыли съ капитала. т. I, 1906 г., стр. 278 и слѣд.

относящимся къ Новгороду. Изъ документовъ, касающихся Смоленской земли, можно также вывести, что иностранные купцы и тамъ безпрепятственно торговали по всей землѣ. Такъ, ст. 28 договора Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами въ 1229 г. говоритъ: „Роуспноу не звати Латинеского на иного князя соудъ, лише предъ Смольнеского князя; аже самъ въсхочете тъ ть идеть" [1]. Эта статья предоставляетъ иностранцамъ выборъ суда Смоленскаго князя или князей пригородовъ Смоленской земли, предполагая, очевидно, мѣсто совершенія сдѣлокъ иностранцами, за которыя они могутъ быть привлечены къ отвѣтственности, по всей Смоленской территоріи.

П. В. Голубовскій, когда говоритъ про намеки источниковъ на измѣненіе въ политическомъ строѣ Смоленской земли, на моментъ образованія удѣловъ и стремленія ихъ къ полной автономіи, тогда подразумѣваетъ добавочное постановленіе къ договору 1229 года, разъясняющее вопросъ о томъ, „какъ поступать купцамъ нѣмецкимъ или кривицкимъ, если кому нибудь изъ нихъ приходилось доискиваться своего товара у должника не въ Смоленскѣ, въ Ригѣ, на Готландѣ, а въ другомъ городѣ. Добавочная статья, говоритъ П. В. Голубовскій, не отвѣчаетъ прямо на этотъ вопросъ: она только предупреждаетъ нарушеніе торговыхъ отношеній, которое могло бы произойти отъ подобныхъ недоразумѣній, предоставляя истцу отправиться въ тотъ городъ, гдѣ живетъ отвѣтчикъ, и тамъ производить взысканіе на основаніи мѣстныхъ городскихъ законовъ" [2]. Для насъ безразлично, сколько бы удѣловъ ни возникало въ Смоленской землѣ, но для насъ очень важно, что П. В. Голубовскій признаетъ возможность нахожденія нѣмецкихъ купцовъ во всѣхъ городахъ Смоленской земли и свободу передвиженія ихъ по дѣламъ судебнымъ.

Если по судебнымъ дѣламъ иностранные купцы могли

---

[1]) Владимірскій-Будановъ. Христоматія по исторіи рус. права. Вып. I, стр. 104, прим. 36.

[2]) Рус. Лив. Акт., стр. 435. D. E. F. 23. П. В. Голубовскій. Исторія Смоленской земли. 1895 г., стр. 154.

свободно переѣзжать въ Смоленской землѣ съ мѣста на мѣсто, то можно думать, что и торговыя сдѣлки, неисполненіе которыхъ имѣло своимъ слѣдствіемъ судъ, должны были совершаться по всему княжеству. А для этого должна была существовать свобода передвиженія. Указаній на нее мы никакихъ не имѣемъ, но изъ этого мы выводимъ, что при наличности свободы передвиженія по одному частному роду дѣлъ и при отсутствіи какихъ бы то ни было ограниченій ея въ общихъ формахъ, свобода передвиженія существовала, въ качествѣ института обычнаго права, неподлежащаго никакому сомнѣнію, не нуждавшагося въ особомъ провозглашеніи.

Когда мы говоримъ о правѣ передвиженія иностранныхъ купцовъ, существовавшемъ въ древней Руси, то подразумѣваемъ, какъ это и видно изъ вышеизложеннаго, право передвиженія внутри даннаго княжества—земли, а не право передвиженія вообще по русской землѣ того времени. Это послѣднее право касалось бы проѣзда и выѣзда иностранцевъ изъ того или иного княженія. Такъ какъ княженія обладали правами государствъ, то выѣздъ изъ каждаго изъ нихъ трактовался выѣздомъ изъ предѣловъ государства. Формальное подтвержденіе свободы выѣзда изъ княженій мы находимъ въ договорѣ Смоленска съ нѣмцами 1229 г., статья 26 котораго говоритъ: „аже Латинескии оусхочеть ехати и Смольнеска своимь товаромь вьиноу стороноу, про-то его князю не дѣржати, ни иномоу никомоу же".

Надо ли видѣть въ томъ обстоятельствѣ, что признали нужнымъ особенно оговорить въ договорѣ право свободнаго отъѣзда, отсутствіе до договора этого права у иностранцевъ? М. Ф. Владимірскій-Будановъ по поводу этой статьи замѣчаетъ, что „очевидно были случаи, когда пріѣхавшихъ гостей заставляли силою и съ меньшею для нихъ выгодою продавать товары, не позволяя везти ихъ дальше" [1]). Что нарушеніе права иностранцевъ на свободный отъѣздъ было возможно и случалось въ дѣйствительности, доказываетъ также и новгородская практика. Нѣмцы постоянно жалова-

---

[1]) Христоматія. Вып. I, стр. 105, примѣч. 33.

лись на Новгородцевъ, не позволявшихъ выѣзжать нѣмецкимъ гостямъ изъ Новгорода въ военное время. Для предупрежденія этого даже еще въ договоръ 1195 г. была внесена особая статья, говорившая, что „Аче боудеть соудъ князю новгородцкъмоу Новѣгородѣ или нѣмецкъмоу въ нѣмчьихъ, а въ томь мироу ити гостю домовь бесъ пакости“. Изъ этого постановленія видно, что право выѣзда существовало у иностранцевъ даже во время войны. Тѣмъ болѣе оно должно было быть въ мирное время. И оно было.

Насколько принципъ свободы отъѣзда иностранцевъ въ то время имѣлъ значеніе, доказываетъ постановленіе того же договора 1195 г. о томъ, что даже и тяжбы не служили препятствіемъ къ выѣзду гостей; ст. 11 договора 1195 г. говоритъ; „оже родится тяжа въ Нѣмцехъ Новгородцю, любо Нѣмчину Новѣгородѣ; то рубежа не творити, на другое лѣто жаловати; оже не правять, то князю явя и людемъ, взяти свое у гостя“. Это право, хотя и въ другихъ выраженіяхъ, подтверждается и въ 1270 г. [1]).

Другой вопросъ, что отъѣздъ гостей могли задерживать на нѣкоторое время, но это могло случаться, какъ злоупотребленіе мѣстной власти; противъ этого и могла постановлять ст. 26 договора 1229 года.

Если бы всѣ такъ, а не иначе, толковали приведенную ст. 26, то намъ совсѣмъ не было бы надобности и упоминать о ней, такъ какъ она касалась выѣзда иностранцевъ изъ предѣловъ даннаго княженія и не имѣла отношенія къ праву иностранцевъ на передвиженіе въ предѣлахъ того же княженія. Но такое толкованіе ст. 26 принимается не всѣми историками. П. В. Голубовскій совсѣмъ иначе смотритъ на значеніе ст. 26 договора 1229 г. и говоритъ, что при Мстиславѣ Давидовичѣ, т. е. договоромъ 1229 года, было уничтожено ограниченіе права нѣмцевъ на свободный проѣздъ во всѣ сосѣдніе города и области, добавляя, что это ограниченіе было вновь возстановлено Всеволодомъ Мстиславичемъ, которому приписываютъ проектъ подтвер-

[1]) М. Владимірскій-Будановъ. Хрестоматія, стр. 95, прим. 16. И. Андреевскій. О договорѣ Новагорода. Ст. ст. XVI и XVII.

дительнаго договора [1]). Въ объясненіе этого приводится слѣдующее. „Прежде всего и раньше всего явилось для нѣмцевъ затрудненіе въ торговлѣ по всѣмъ городамъ Смоленской земли. Тутъ происходило тоже самое, что мы видимъ гораздо позже въ Московскомъ государствѣ, купцы котораго не хотѣли допустить иностранцевъ внутрь страны для мелочной торговли. Для иностранцевъ важна была не столько мелочная торговля, сколько расширеніе поля дѣятельности и торговаго вліянія, а главное скупка сырыхъ продуктовъ изъ первыхъ рукъ. Послѣднее невыгодно отзывалось на смоленскомъ купечествѣ, изъ рукъ котораго ускользала внутренняя торговля, да и трудно было уберечь населеніе отъ эксплуатаціи. Надо предполагать, что протесты смольнянъ и повели за собою ограниченіе права у нѣмцевъ на внутреннюю торговлю при Мстиславѣ Романовичѣ. Княжеское правительство рѣшило наблюдать за ними: если нѣмецкій купецъ хотѣлъ ѣхать изъ Смоленска съ товарами въ другую область, то онъ долженъ былъ обратиться за разрѣшеніемъ къ князю, а послѣдній по своей волѣ и по своимъ соображеніямъ „по доумѣ“ могъ ихъ отпустить. „А како боудеть Немѣчьскыи гость Смоленьскѣ, а почьнѣть ся кто ѿт нихъ просити выноую землю, то како то было при моемь о҃ци при Мьстиславѣ при Романовиці и при моемь братѣ, при Мьстиславѣ, о немъ ся прашати, а мнѣ е по доумѣ поущати.“ Это стѣснительное для иностранцевъ правило было уничтожено договоромъ Мстислава Давидовича“ [2]).

Такимъ образомъ, П. В. Голубовскій изъ двухъ приведенныхъ текстовъ договора 1229 года и подтвердительнаго договора позднѣйшаго выводитъ заключеніе о томъ, что эти постановленія относятся къ праву передвиженія иностранныхъ купцовъ въ предѣлахъ Смоленской земли, причемъ позднѣйшій текстъ указываетъ и на практику до 1229 года. По мнѣнію П. В. Голубовскаго, только договоръ 1229 года признаетъ свободу передвиженія, а время до этого договора и послѣ подтвердительнаго договора—ее отрицаетъ.

---

[1]) Исторія Смоленской земли, стр. 152.

[2]) Назв. соч., стр. 138.

Намъ думается, что разсужденіе П. В. Голубовскаго не относится къ тѣмъ мѣстамъ источниковъ, на которыхъ онъ строитъ это разсужденіе. Договоръ 1229 года говоритъ про отъѣздъ готландцевъ и нѣмцевъ изъ Смоленска „въ иноу стороноу", т. е. въ страну какую нибудь другую, не Смоленскую. Такое объясненіе особенно находитъ себѣ подтвержденіе въ параллельномъ постановленіи о свободномъ отъѣздѣ русскихъ изъ Готланда. Ст. 26, послѣ постановленія о нѣмцахъ и готландцахъ, продолжаетъ: „тако Роусиноу ехати изъ Гочкого бѣрѣга дъ Травны." Если признавать установленіе договоромъ 1229 г. соотвѣтствія правъ русскихъ у латинянъ, и латинянъ у русскихъ, то при признаніи права русскихъ на отъѣздъ изъ Готланда до Травы, каковое право не есть право простого передвиженія по Готланду, придется признать и право иностранцевъ не на простое передвиженіе въ предѣлахъ Смоленской земли, а на выѣздъ изъ нея въ другую землю. Также трудно подразумѣвать ту же Смоленскую землю и ограниченіе права передвиженія въ ея предѣлахъ и изъ текста подтвердительнаго договора, который совершенно опредѣленно говоритъ, что нѣмецкій гость захочетъ ѣхать изъ Смоленска „выноую землю", а не захочетъ передвигаться въ той же Смоленской землѣ. Повидимому и самъ П. В. Голубовскій въ другихъ случаяхъ понимаетъ подъ „землею" совершенно отдѣльныя земли-княженія, а не удѣльныя княженія Смоленской земли. Когда П. В. Голубовскій приводитъ слѣдующее постановленіе подтвердительнаго договора: „гость ис которое земле придетъ въ мои Смолньскъ, а боудѣтъ вы (нѣмцы) с нимъ свада, а вѣдаите ся с нимп сами", то понимаетъ подъ гостемъ „ис которое земле" Суздальцевъ и Новгородцевъ и противополагаетъ Смоленскъ, въ качествѣ цѣлаго княжества, „которой землѣ" также самостоятельному княжеству[1]).

Если мы остановились на вопросѣ о правѣ отъѣзда иностранцевъ изъ предѣловъ русскихъ областей, то исключительно въ виду ст. 26 Смоленскаго договора 1229 года, которая, по мнѣнію П. В. Голубовскаго, характеризуетъ не

---

[1]) Исторія Смоленской земли, стр. 152 и слѣд.

право отъѣзда, а право передвиженія. Если согласиться съ нашимъ толкованіемъ этой статьи и признать, что она касается отъѣзда, тогда весь вопросъ снимается съ очереди. Вопросъ объ отъѣздѣ не имѣетъ значенія для передвиженія. Другое дѣло право пріѣзда иностранцевъ въ ту или другую русскую землю. Свободный пріѣздъ можетъ оказать свое вліяніе и на право передвиженія; тѣмъ болѣе тогда, когда ихъ не различаютъ съ той отчетливостью, какъ въ настоящее время.

Припомнимъ, что древняя Русь была мѣстомъ обмѣна азіатскихъ товаровъ на европейскіе и черезъ нее шелъ знаменитый путь изъ Варягъ въ Греки. Сперва коренному населенію еще слишкомъ слабому и мало организованному волей неволей приходилось терпѣть пріѣзды и проѣзды иностранцевъ. Потомъ эта постоянная фактическая возможность появленія на Руси иностранцевъ превращается не безъ содѣйствія цѣлаго ряда другихъ факторовъ въ право иностранцевъ. При полной свободѣ пріѣзда иностранцевъ, которая, какъ извѣстно, наблюдалась въ древней Руси [1]), сама собой могла существовать и свобода передвиженія. Эти два явленія, какъ пріѣздъ, такъ равно и передвиженіе пріѣзжавшихъ—родственны. Каждый иностранецъ, безъ спросу являвшійся въ любую мѣстность данной земли изъ за границы, едва ли различалъ движеніе отъ границы къ данному городу отъ простого передвиженія по той же территоріи. Это были такія тонкости, которыя едва ли были возможны для того времени. Если это было именно такъ, то право пріѣзда и право передвиженія строго не различались. Иностранцевъ могли задерживать при отъѣздѣ, могли грабить при передвиженіи, но какъ доступъ на русскую территорію, такъ и право передвиженія по ней оставались неприкосновенными [2]).

---

[1]) А. С. Мулюкинъ. Пріѣздъ иностранцевъ, стр. 1—30.

[2]) Buck. Der deutsche Handel in Nowgorod bis zur Mitte des XIV jahrhunderts. 1895 г., стр. 11, Arthur Winckler. Die deutsche Hansa in Russland. Berlin. 1886 г., стр. 14—говорятъ, что запрещалось какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Псковѣ входить иностраннымъ купцамъ въ городъ. Ничего особеннаго въ этомъ видѣть нельзя, если понимать подъ го-

Изъ того, что русская земля въ древнее время была доступна для иностранцевъ, и они могли безпрепятственно курсировать по ней, еще не слѣдовало, чтобы иностранцамъ были предоставлены какія нибудь удобства путешествія и даже элементарная безопасность. Выше мы говорили, какъ,

---

родомъ укрѣпленное мѣсто. Въ настоящее время совершенно подобное явленіе мы видимъ въ недоступности крѣпостей для частныхъ лицъ.

Въ виду того, что въ древности города иногда могли совершенно не служить пунктомъ поселеній и не имѣть никакого другого значенія, кромѣ укрѣпленнаго мѣста, не можетъ быть принято мнѣніе И. А. Андреевскаго (О правахъ иностранцевъ, стр. 35, 77), о томъ, что въ удѣльный періодъ иностранцамъ запрещалась торговля въ селахъ. Высказывая такую мысль, ученый полагалъ возможнымъ уже для древняго періода точное разграниченіе городовъ отъ селъ. Между тѣмъ, В. И. Сергѣевичемъ. (Древности русскаго права. т. I, 1909 г., стр. 339, 353 и слѣд.), доказано, что не только въ древности, но даже и въ XVI вѣкѣ, города и посады не обособлены отъ селъ; что торговля никоимъ образомъ не была у насъ пріурочена къ городамъ, развивалась и внѣ городовъ, въ поселеніяхъ, которыя и впослѣдствіи городами не дѣлались. Организація таможеннаго сбора должна была повести къ ограниченію мѣстъ торговли. „Таможенные сборы устраивались въ такихъ пунктахъ, гдѣ существовала сколько нибудь развитая торговля. Учрежденіе въ такихъ мѣстахъ таможенниковъ вызывало иногда переносъ торговли въ новое мѣсто, гдѣ таможенниковъ не было. Это причиняло подрывъ государевой казнѣ, и вотъ вслѣдствіе этого-то мы и находимъ въ таможенныхъ грамотахъ дозволеніе торговли въ однихъ мѣстахъ и запрещеніе ея въ другихъ. Но при этомъ и рѣчи нѣтъ объ исключительномъ пріуроченіи торговли къ городамъ. И въ концѣ XV-го и въ теченіе всего XVI-го вѣка торговля разрѣшается какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ". Если мы къ этимъ словамъ В. И. Сергѣевича, сказаннымъ послѣ тщательнаго изученія фактовъ, которые затѣмъ и приводятся въ доказательство основной мысли, прибавимъ, что регулированіе мѣстъ торговли въ цѣляхъ неуклоннаго сбора таможенныхъ пошлинъ подмѣчалось въ таможенныхъ грамотахъ, относящихся ко времени не ранѣе конца XV вѣка, то должны будемъ признать, что и для такихъ ограниченій мѣстъ торговли въ древнее время у насъ нѣтъ данныхъ.

Въ Московскомъ государствѣ, если исключалась для иностранцевъ возможность торговли въ селахъ и деревняхъ, то потому, что иностранцы не имѣли права торговать съ помѣщиками и крестьянами, и вообще съ производителями, а только съ оптовыми русскими купцами. Поэтому мы встрѣчаемъ жалобы на то, что иностранцы торгуютъ „по селамъ и деревнямъ", „ѣздятъ по селамъ и деревнямъ само-

именно въ виду отсутствія безопасности, иностранные купцы предпочитали двигаться караванами. Изъ большинства только что приведенныхъ документовъ, касавшихся и не касавшихся свободы передвиженія, можно усмотрѣть, что обезпеченіе безопасности иностранныхъ купцовъ составляло преобладающую заботу ихъ правительствъ. Мы не будемъ разсматривать всѣхъ мѣръ, принимавшихся по этому случаю, но на нѣкоторыхъ должны остановиться, потому что онѣ разъясняютъ намъ право передвиженія.

Въ 1301 году Ганза получила отъ новгородскаго князя Андрея Александровича грамоту, которая обезпечивала нѣмецкимъ купцамъ свободный проѣздъ по тремъ сухопутнымъ и одной рѣчной дорогамъ и говорила буквально слѣдующее: „дахомъ имъ҃г пути горнии по своеи волости, а четвертый в рѣчкахъ; гости ехати бесъ пакости, на Божии ручѣ, и на княжи, и на всего Новагорода. Оже будеть не чисть путь в рѣчкахъ, князь велить своимъ мужемъ проводити сии гость, а вѣсть имъ пѣдати“ [1]).

Изъ этой грамоты видно, что Новгородъ обезпечиваетъ или предоставляетъ иностранцамъ только 4 пути, которыми иностранцы могутъ пользоваться.

Не только приведенная нами грамота, но и договоръ 1270 г., говоритъ за то, что существовали какія то дороги, имѣвшія для иностранцевъ официальное значеніе. Договоръ 1270 г., въ ст. I, именно такимъ образомъ упоминаетъ о какомъ то старинномъ уже извѣстномъ пути, который вклю-

---

вольствомъ и украдомъ“, „торгуютъ по волостямъ“. Встрѣчаются и запрещенія такой торговли, но не принципіальныя и безусловныя, а только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ и имѣются одни производители или гдѣ мѣста пустыя и потому нѣтъ правительственныхъ учрежденій. Но если въ села и деревни являются торговые русскіе люди, организовываютъ ярмарки, правительство собираетъ пошлины, то и въ этихъ мѣстахъ иностранцы такъ же могутъ торговать, какъ и въ такихъ мѣстахъ, какъ Новгородъ, Архангельскъ и пр. Акт. Моск. Госуд., т. II, № 159. Акт. Арх. Эксп., т. Ш, № 180. Доп. Акт. Ист., т. Ш, №№ 55, 116 т. V, № 1, IV, 13, № 40. Е. Осокинъ. Внутрен. таможен. пошлины, стр. 41 и слѣд., 51, 104. С. Ѳ. Огородниковъ. Очеркъ исторіи г. Архангельска. Морской Сборникъ. 1889 г., № 9, стр. 136.

[1]) Рус. Лив. Акт., № XLVIII, стр. 24 и слѣд.

чался въ древніе договоры и который въ 1270 году лишь подтверждается. Договоръ опредѣляетъ, что между Готландомъ и Новгородомъ—„старый миръ о пути“ [1]).

Такимъ образомъ несомнѣнно, что существовали опредѣленныя дороги для купеческихъ каравановъ, назначавшіяся правительствами.

Литература, въ лицѣ Лешкова и Костомарова, дѣлаетъ дальнѣйшій выводъ изъ факта существованія такихъ дорогъ. Лешковъ говоритъ, что отклоненіе отъ опредѣленной дороги купцовъ и купеческихъ каравановъ подвергало нарушителей пени, если они не могли доказать, что заблудились на сухомъ пути или ихъ отнесло вѣтромъ на водномъ [2]). Костомаровъ же, перечисливъ главные пути въ Новгородъ, говоритъ, что кромѣ этихъ путей запрещалось возить товары другими путями; и всякій другой, самовольно избранный путь, наказывался какъ контрабанда [3]). Къ сожалѣнію, ни Лешковъ, ни Костомаровъ не даютъ объясненій, на какомъ основаніи они вывели такія заключенія.

Между тѣмъ, мы совсѣмъ не стоимъ на ихъ точкѣ зрѣнія, тѣмъ болѣе, что это шло бы вразрѣзъ съ вышеизложенной свободой передвиженія въ древнее время.

Настаивать на опредѣленныхъ дорогахъ для Новгорода имѣло смыслъ, главнымъ образомъ, въ виду избѣжанія тѣхъ непріятностей съ иностранными правительствами, которыя поднимались каждый разъ, какъ случалось убійство или ограбленіе иностранныхъ купцовъ. Требованія удовлетворенія за убитыхъ и ограбленныхъ предъявлялись самымъ энергичнымъ образомъ и вели къ крайнимъ осложненіямъ. Избѣжать всего этого русское правительство могло только указаніемъ опредѣленныхъ дорогъ и принятіемъ на себя отвѣтственности за безопасность иностранцевъ только на этихъ дорогахъ. Поэтому и договоръ 1270 г., опредѣляя путь между Готландомъ

---

[1]) См. А. Энгельманъ. Рецензія на соч. И. Андреевскаго о правахъ иностранцевъ въ Россіи и о договорѣ Новагорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ. Отечественныя Записки—т. С, 1855 г. № 5, Май, стр. 17.

[2]) О древней русской дипломатіи. 1847 г., стр. 53.

[3]) Сѣверно-Русскія Народоправства, т. II, стр. 190.

и Новгородомъ, согласно прежнему договору „старому миру о пути“, добавляетъ, что „если гостю тамъ что либо приключится“, то отвѣчаютъ князь съ новгородцами; отсюда прямой выводъ, что если поѣдутъ гости по другому пути, то Новгородъ слагаетъ съ себя отвѣтственность; существовали даже цѣлыя мѣстности у Новгородцевъ, за безопасность въ которыхъ они не ручались передъ иностранцами; таковой была, напр., Карелія.

Въ разное время существовали разные пути, которыми могли являться въ Русь иностранцы, и съ теченіемъ времени офиціальное признаніе получало все большее число ихъ [1]).

Это мы видимъ даже изъ упомянутыхъ нами документовъ. Договоромъ 1270 г. утверждается какъ бы одинъ путь, а въ 1301 г. на лицо уже цѣлыхъ четыре, и Новгородъ обязуется вездѣ помогать гостямъ и во время извѣстить ихъ объ опасности. „Гости ехати бесъ пакости, на Божии ручѣ, и на княжи, и на всего Новагорода, говорить грамота 1301 года, оже будеть не чисть путь в рѣчкахъ, князь велить своимъ мужемъ проводити сии гость, а вѣсть имъ пъдати [2]).

Дальнѣйшая эволюція этого вопроса состоитъ въ томъ, что заинтересованныя правительства въ XIV вѣкѣ въ цѣломъ рядѣ договоровъ никакихъ путей не назначаютъ, а просто говорятъ, что купцы могутъ ѣздить по владѣніямъ „горою и водою“. Это мы видимъ въ договорѣ 1326 г. между русскими и норвежцами [3]); въ договорѣ Новгорода съ ганзейскими городами 1392 г. [4]); въ договорѣ Ливонскихъ городовъ съ Новгородомъ и Псковомъ около 1448—49 г. [5]).

---

[1]) Славянскій. Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новагорода съ Готландіею и Любекомъ. 1847 г., стр. 72. Н. И. Костомаровъ Сѣверно-русскія народоправства, т. II, стр. 190. А. И. Никитскій. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода, стр. 105—108.

[2]) Рус. Лив. Акт., № XLVIII, стр. 24 и слѣд. И. Андреевскій. О правахъ иностранцевъ, стр. 88.

[3]) Собр. Гос. Гр. и Дог., г. V, № 108. Датскій Архивъ, № 1, Чтенія. 1893 г. кн. I.

[4]) Рус. Лив. Акт. № CXV, стр. 87.

[5]) Акты Ревельскаго городского архива, сообщенные А. А. Чумиковымъ. Чтенія. 1900 г., кн. III, стр. 2.

Объясненіе этого явленія можно найти только въ томъ фактѣ, что правительства извѣрились въ цѣлесообразности офиціальнаго назначенія путей. Дѣйствительно, при свободѣ передвиженія, назначеніе опредѣленныхъ путей имѣло смыслъ принятія отвѣтственности мѣстной власти за ущербъ и вредъ, понесенный иностранцами на этихъ путяхъ. Могли путешествовать и въ дѣйствительности путешествовали иностранцы и по другимъ всевозможнымъ дорогамъ, но считалось, что правительство данной страны уже не отвѣчаетъ за ихъ безопасность. Но это именно только считалось. Въ дѣйствительности и въ такихъ случаяхъ возникали серьезные конфликты; причемъ, все съ большимъ упорядоченіемъ государственной и общественной жизни проводили все большую отвѣтственность правительствъ за безопасность иностранцевъ на ихъ территоріи. Отсюда не было смысла охранять на нѣкоторыхъ путяхъ, когда требовалось повсемѣстная охрана. Такъ понемногу и исчезъ институтъ опредѣленныхъ дорогъ для иностранцевъ. Но на смѣну ему уже готовъ былъ другой. Это были опасныя грамоты. Какъ въ томъ случаѣ, когда купецъ ѣхалъ по назначенной ему дорогѣ, онъ могъ расчитывать на свою безопасность, такъ какъ мѣстная власть заранѣе объявляла, что только на этой дорогѣ безопасно или, по крайней мѣрѣ, она будетъ отвѣчать за вредъ и убытокъ, понесенный купцомъ на данной дорогѣ, точно также и опасныя грамоты въ рукахъ данныхъ лицъ свидѣтельствовали о принятой на себя правительствомъ, выдавшимъ грамоты, обязанности отвѣчать за безопасность обладающихъ грамотами. Опасныя грамоты имѣли иногда значеніе обезпеченія пріѣзжаго отъ немилости властителя: послѣдній въ опасной грамотѣ именно обѣщалъ защиту отъ своего гнѣва. По самому своему характеру такія грамоты не могли быть обыденнымъ явленіемъ въ древности, не смотря на всю нужду въ нихъ въ то время. Выдача ихъ должна была быть исключеніемъ, для лицъ особенныхъ. Для рядовыхъ же иностранцевъ достаточно было указать путь, гдѣ они безопасно могли проѣхать.

„Съ конца XIII вѣка, говоритъ Лешковъ, встрѣчаемъ въ Новгородѣ проѣзжія, которыя были выдаваемы иностранцамъ для спокойнаго возвращенія въ ихъ отечество" [1]. По мысли

[1]) Русскій народъ и государство, стр. 545.

Лешкова, безопасность возвращенія и есть цѣль полученія этихъ грамотъ иностранцами.

Въ концѣ XIV вѣка, въ 1392 году, мы находимъ упоминаніе объ опасныхъ грамотахъ, которыя просила Ганза у Новгорода для своихъ пословъ и купцовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда между Ганзой и Новгородомъ были непріязненныя отношенія, а послы и купцы все таки хотѣли пріѣхать въ Новгородъ [1]). Здѣсь опасныя грамоты ясно выступаютъ со всѣмъ своимъ значеніемъ документовъ, выдаваемыхъ территоріальнымъ правительствомъ въ его ручательствѣ за безопасность пріѣзжихъ.

Въ началѣ XV вѣка „опасы" становятся уже обыкновеннымъ явленіемъ, которое сопровождаетъ путешествующаго [2]).

Демократизировавшись, опасныя грамоты совершенно незамѣтно теряютъ свое первоначальное значеніе предоставленія безопасности. Съ одной стороны всѣ путешественники съ грамотами, а съ другой—всѣмъ имъ предоставляется безопасность не въ силу именно этихъ грамотъ, а въ силу опредѣленнаго устанавливающагося порядка въ государствѣ. Грамоты пріобрѣтаютъ значеніе учета населенія и констатированія личности проѣзжающихъ.

Акты XVII вѣка объ этомъ говорятъ совершенно опредѣленно. Такъ, наказами Астраханскимъ воеводамъ отъ 1625 и 1628 г.г. предписывается: „а гилянцомъ, тезикомъ и иныхъ городовъ Шахъ Аббасовы области, и бухарцомъ, и юргенцомъ велѣти о томъ говорити накрѣпко, чтобъ они и впередъ въ Астарахань торговать ѣздили, а имали бъ изъ тѣхъ городовъ, изъ которого города кто поѣдетъ, у воеводъ и у приказныхъ людей проѣзжіе грамоты, имянно, кто которого города, и съ чѣмъ поѣдетъ, и сколко людей, а мимо бъ проѣзжихъ грамотъ они иныхъ земель людей одноличпо съ собою не имали, и таемъ за свои не провозили; а кто изъ нихъ впередъ учнетъ пріѣзжать безъ проѣзжихъ

---

[1]) Рус. Лив. Акт., № CXV. Бережковъ. О торговлѣ Руси съ Ганзой, стр. 212.

[2]) Неизданные русскіе акты XV - XVII вв. Ревельскаго городского архива, сообщенные А. Чумиковымъ. Чтенія. 1897 г., кн. II.

грамотъ или иныхъ земель людей учнутъ съ собою тайно провозить, и имъ впередъ вѣрити не учнутъ, и торговати имъ въ Астарахани не дадутъ, и отсылати ихъ учнуть назадъ, кто отколѣво пріѣдетъ, для того, что съ ними пріѣзжаютъ всякіе люди иныхъ земель пролыгаясь и называючись гилянцы, и кизылбашцы, и бухарцы, и юргенцы, а они ихъ въ томъ укрываютъ; и кто будетъ изъ нихъ впередъ иныхъ земель людей утая провезетъ, и тѣмъ людемъ за то быти отъ государя кажненнымъ"[1]). Также въ наказѣ, данномъ русскимъ посламъ въ Швецію въ 1649 г., значится слѣдующее: „а будетъ королевины думные люди учнутъ говорить: какъ де королевина величества подданные изъ которого города в царского величества землю ѣхать похотятъ, и ихъ де задерживаютъ, пока мѣста имъ проѣзжую дадутъ..., и посломъ говорити: по указу великого государя нашего, его царского величества, велѣно велеможной государыни ихъ, еѣ королевина величества, подданнымъ торговымъ людемъ давать проѣзжіе грамоты, для того чтобъ имъ нигдѣ никакіе зацѣпки и задержанья не было, а безъ проѣзжихъ имъ ѣздить в царского величества землѣ нелзѣ, для того что многіе воры учнутъ ѣздить в царского величества сторону и называтца королевина величества подданными торговыми людьми, а знать ихъ будетъ не по чему, а торговыхъ людей еѣ королевина величества безъ проѣзжихъ грамотъ по тому жъ знать будетъ не по чему"[2]).

Очутившись на такой почвѣ, грамоты, смотря по стремленіямъ правительства, могли служить ему и для другихъ цѣлей. При опредѣленной тенденціи грамотами можно было воспользоваться, какъ средствомъ, препятствующимъ свободному передвиженію. Стоило только съ вопросомъ о выдачѣ грамоты связать вопросъ о правѣ просителя на передвиже-

---

[1]) Акт. Ист., т. III, №№ 134 и 154. См. также Акт. Ист., т. IV, №№ 11 и 82.

[2]) Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII в. Сборн. Якубова. Чтенія. 1897 г., кн. III, стр. 136.

ніе и, отрицая въ принципѣ такое право, разрѣшать передвиженіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что Московское государство, имѣя въ своихъ рукахъ власть выдавать проѣзжія грамоты, воспользовалось ею въ указанномъ смыслѣ, чтобы при выдачѣ грамотъ разрѣшать передвиженіе. Въ такихъ случаяхъ права на передвиженіе уже не было и возможность передвиженія зависѣла отъ усмотрѣнія власти.

II.

ПЕРЕДВИЖЕНІЕ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Время русской исторіи, называемое эпохой Московскаго государства, настолько опредѣленно характеризуется въ цѣломъ рядѣ явленій государственной и общественной жизни временемъ правительственной опеки, что въ вопросѣ о правѣ передвиженія, затрогивающемъ одинъ изъ основныхъ моментовъ самодѣятельности личности, едва ли можно ожидать отъ Московскаго правительства предоставленія свободы. Дѣйствительно, это такъ и было, но нашло себѣ полное выраженіе только по отношенію къ иностранцамъ. „Русскіе подданные, какъ говоритъ проф. В. Ѳ. Дерюжинскій, пользовались правомъ безпрепятственнаго перехода и переѣзда по всей Россіи.... и это право до начала XVIII вѣка не подвергалось, вообще, никакимъ ограниченіямъ“ [1]).

Могли ли быть ограниченія въ этой области для туземцевъ въ то время, когда высшія сословія имѣли право отъѣзда, а крестьянство право перехода? Свободная циркуляція населенія по всей территоріи тогдашней Руси была необходимымъ условіемъ для осуществленія упомянутыхъ двухъ правъ. Право отъѣзда было совсѣмъ не то, что право передвиженія, точно также и право перехода, но и право отъѣзда, и право перехода предполагали свободу передвиженія, какъ нѣчто данное, уже готовымъ.

---

[1]) В. Ѳ. Дерюжинскій. Полицейское право. 1908 г., стр. 38 и слѣд.

Пока существовали право отъѣзда и право перехода, до тѣхъ поръ рано было возбуждать вопросъ о правѣ передвиженія. Поэтому такого вопроса и не было въ Москвѣ. Но если Москва не могла и не думала разрѣшать въ желаемомъ ей смыслѣ вопроса о передвиженіи, то разрѣшила такъ, какъ хотѣла, вопросы объ отъѣздѣ и переходѣ. Этимъ были устранены препятствія для дальнѣйшихъ ограниченій и въ правѣ передвиженія. Но пока неторопливымъ шагомъ исторіи это все еще только шло къ туземному населенію, иностранцы испытывали на себѣ въ полной мѣрѣ. Иностранцы были тѣмъ объектомъ, надъ которымъ можно было производить правительственные эксперименты наиболѣе удобно и свободно.

Иностранцы были тѣмъ лишкомъ въ государствѣ, безъ котораго можно было и обойтись при случаѣ. Правда, иностранцевъ русское правительство само приглашало въ Россію, но параллельно этому и иностранцы стремились къ намъ, по собственной иниціативѣ. Въ конечномъ результатѣ, въ бóльшей степени иностранцы желали Россіи, чѣмъ Россія ихъ. Поэтому создавалась привилегія не въ пользу иностранцевъ. Въ Москвѣ учитывали это и не церемонились съ пріѣзжими. Правительство, заставляя иностранцевъ служить своимъ цѣлямъ, какъ оно ихъ понимало, въ большинствѣ случаевъ безъ стѣсненія ограничивало иностранцевъ въ самыхъ важныхъ правахъ и, между прочимъ, въ правѣ передвиженія. Разрѣшая вопросъ о правѣ передвиженія иностранныхъ купцовъ въ самомъ ограничительномъ для нихъ смыслѣ, правительство руководствовалось цѣлымъ рядомъ соображеній какъ общаго, такъ и спеціальнаго характера.

Общая политика, которой руководствовалось Московское правительство по отношенію къ иностранцамъ, имѣла въ своемъ основаніи недовѣріе къ иностранцамъ и опасеніе вреда отъ нихъ, и потому выражалась въ стремленіи постояннаго изолированія иностранцевъ отъ русскихъ; спеціальныя же соображенія, которыми руководствовались въ Москвѣ при разрѣшеніи даннаго вопроса, лежали въ торговой области: правительство играло своимъ правомъ надѣлять иностранцевъ разрѣшеніями на переѣздъ по Россіи съ цѣ-

лью регулировать самую торговлю, какъ экономическое явленіе.

Красной нитью проходитъ по всѣмъ отношеніямъ Московскаго правительства къ иностранцамъ стремленіе изолировать иностранцевъ отъ русскаго населенія. Все, начиная съ религіозной сферы отношеній и кончая внѣшними условіями образа жизни иностранцевъ, должно было быть отдѣльно для русскихъ, отдѣльно для иностранцевъ.

Напомнимъ вкратцѣ главнѣйшіе изъ этихъ моментовъ.

Прежде всего, никакого общенія между иностранцами и его духовенствомъ съ одной стороны и православными и православнымъ духовенствомъ съ другой стороны не допускалось. Самыя церкви иностранныя должны были строиться „отъ церквей Божіихъ въ дальнихъ мѣстѣхъ“. Запретъ общенія между православными русскими подданными и иностранцами доходилъ до того, что пріѣзжавшимъ къ намъ съ Востока духовнымъ лицамъ, напр., патріархамъ и епископамъ, было время, запрещали даже служить въ Россіи, а мірянамъ, напр., греческимъ купцамъ—входить въ православные храмы. Даже на бывшихъ русскихъ подданныхъ, православныхъ, жившихъ въ уступленныхъ Швеціи областяхъ, когда они являлись, напр., въ Новгородъ, смотрѣли настолько подозрительно, что не пускали ихъ не только въ Новгородѣ въ соборъ, но и на посадѣ, въ церкви [1]).

---

[1]) Памятники дипломат. сношеній, т. X, стр. 331. Акт. Ист., т. III, № 92. Дополн. Статьи къ Судебн., XXXVI. Уложеніе 1649 г., ст. 40 гл. XIX. Рафаэль Барберини. Путешествіе въ Московію въ 1565 г. Пер. Любичъ-Романовичъ. 1843 г., стр. 16. А. Олеарій. Описаніе путешествія, стр. 309. Л. П. Рущинскій. Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей. Чтенія. 1871 г., кн. III, стр. 205, 218, 278 и слѣд. М. Красноженъ. Иновѣрцы на Руси. т. I, 1903 г., стр. 74—82. Соколовъ. Отношеніе протестантизма къ Россіи, стр. 5, 6 и слѣд., 46, 161. Кузнецовъ. Управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ его историческомъ развитіи, стр. 31 и слѣд., 34 и слѣд. Амфіанъ Лебедевъ. Вѣроисповѣдное положеніе армянъ въ Россіи. Чтенія. 1909 г., кн. IV, Приложеніе I, стр. 15. Д. В. Цвѣтаевъ. Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій, стр. 78, прим., 178, 292 и слѣд., 294 и слѣд. Его-же. Иностранцы въ Россіи. Русскій Вѣстникъ. 1887 г., декабрь, стр. 9. Его-же. Въ исторіи изученія вопроса объ иностранцахъ въ Россіи.

Конечно, вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ былъ разрѣшенъ въ Московскомъ государствѣ въ отрицательномъ смыслѣ. Мы не будемъ передавать его исторіи. Отмѣтимъ лишь, какъ это мы сдѣлали и въ первомъ случаѣ, самый яркій моментъ ея, заключающійся въ томъ, что Москва, не допуская сочетаній православныхъ съ неправославными, совершенно послѣдовательно признавала свободными отъ брачныхъ узъ тѣхъ изъ супруговъ неправославнаго брака, которые принимали православіе. Чаще всего въ такихъ случаяхъ за однимъ супругомъ переходилъ въ православіе и другой, а тогда ихъ снова подвергали обряду вѣнчанія. Въ 1647 году жена переводчика „турскаго и крымскаго языка", объясняя, что мужъ ея крестился въ православную вѣру, просила государя не разлучать ее съ мужемъ и велѣть крестить также и ее въ православную вѣру: „пожалуй меня рабу свою не вели государь меня разлучить с мужемъ і вели государь меня крестит в православную християнскую вѣру" [1]) Послѣ принятія извѣстными супругами Лесли православія они снова вѣнчались между собою и праздновали свадьбу въ домѣ крестнаго отца И. Д. Милославскаго [2]).

Но не обязательно оба супруга должны были принимать православіе, одинъ могъ оставаться при своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ, но зато другой считалъ себя отъ него свободнымъ. Указанная нами выше жена переводчика турскаго и крымскаго языковъ усиленно просила поскорѣе крестить ее въ православную христіанскую вѣру, такъ какъ, очевидно, боялась, какъ бы ея мужъ, уже крестившійся, не воспользовался случаемъ и не покинулъ ея. Въ 1664 году объясняли англійскому посланнику графу Карлейлю, что нѣкая Франциска Розе, жена одного изъ англичанъ, жившихъ въ Россіи, какъ принявшая православіе, свободна отъ власти мужа. Мужъ

1891 г., стр. 4 и слѣд. Его-же. Протестантство и протестанты въ Россіи, стр. 23 и слѣд., 25, прим., 26, 42, 46, 48, прим. 3 и 4, стр. 56, прим. 2, стр. 113 и слѣд., 180, 198, 332 и слѣд.

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла $\frac{7155}{1647}$ № 62.

2) Цвѣтаевъ. Обрусѣніе иноземцевъ. Русскій Вѣстникъ. 1886 г., августъ, стр. 585.

ея, какъ англичанинъ, можетъ выѣхать изъ Россіи, но она, какъ православная, не должна выѣзжать изъ Россіи [1]).

Въ нашей исторіи есть и иное отношеніе правительства къ этому вопросу не при такихъ же точно, но при похожихъ обстоятельствахъ. Этотъ случай имѣлъ мѣсто съ семействомъ француза барона Пьера де Ремона, который прибылъ на службу къ Михаилу Ѳеодоровичу, женился на англичанкѣ, ревностной кальвинисткѣ, и имѣлъ отъ нея дѣтей. Отецъ этой англичанки, по фамиліи Бернзли, давно проживалъ въ Россіи. Но вотъ баронъ Пьеръ принялъ православіе, крестилъ также и своихъ дѣтей и уговаривалъ жену къ тому же; жена хотѣла остаться кальвинисткой. Никакія убѣжденія, никакія обѣщанія на нее не дѣйствовали. Собственно говоря, ей должны были бы предоставить свободу. Можно думать, что если бы ее стало требовать англійское правительство, то ее выдали бы ему, особенно если бы ея не задерживали ея родные и мужъ въ Россіи. Тогда это былъ бы случай совершенно похожій на случай съ мужемъ Франциски Розе. Но дѣло въ томъ, что разстаться съ баронессой де Ремонъ, урожденной Анной Бернзли, не хотѣлъ ни ея мужъ, человѣкъ вліятельный при дворѣ, особенно послѣ принятія православія, ни отецъ, жившій въ Россіи. Оставаться кальвинисткой и быть женою барона, принявшаго имя Ивана, было невозможно. Тогда она была крещена насильно [2]). Смѣшанные браки были признаны лишь при Петрѣ Великомъ.

Возможность вредныхъ вліяній была не только при брачныхъ отношеніяхъ между неправославными и православными людьми. Въ случаяхъ отношеній частной зависимости однихъ отъ другихъ, какъ, напр., при холопствѣ или при личномъ наймѣ опасность была не меньше. Поэтому мы выше видѣли, что одни изъ этихъ отношеній безусловно не допускались, другія допускались лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

---

[1]) Цвѣтаевъ. Протестантство, стр. 413.

[2]) Цвѣтаевъ. Протестантство, стр. 392, 394, 413. Его же. Положеніе.., стр. 97 и слѣд. Олеарій. Описаніе, стр. 321. Цвѣтаевъ. Обрусѣніе иностранцевъ. Русскій Вѣстникъ, 1886 г. т. 185, стр. 636, 637, примѣчаніе.

Рѣзко проявилась эта политика изолированія иностранцевъ въ назначеніи имъ особыхъ отдѣльныхъ отъ русскаго населенія мѣстъ жительства, мѣстъ торговли, склада и храненія товаровъ.

Старанія правительства оградить русскихъ отъ иностранцевъ, выдѣлить этихъ послѣднихъ въ особую группу, ясно замѣтную и по всему отличную отъ туземцевъ, простирались даже на такія мелочи и подробности жизни иностранцевъ, какъ внѣшній ихъ видъ въ одеждѣ, прическѣ и пр. Иностранцамъ строжайше было запрещено носить русское платье[1], а русскимъ—подражать иностранцамъ. Въ 1675 г. велѣно князя Кольцова-Мосальскаго изъ стряпчихъ написать по жилецкому списку за то, что „онъ на головѣ волосы у себя подстригъ". Въ то же время государь указалъ стольникамъ. стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ, чтобы они „иноземскихъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали, волосовъ у себя на головѣ не постригали, тако жъ и платья, кафтановъ и шапокъ, съ иноземскихъ образцовъ не носили, и людемъ своимъ потомужъ носить не велѣли". Ослушникамъ указа государь грозилъ своей опалой[2]). Видно, что молодежь высшаго класса, особенно придворная, не прочь была завести новую моду, позаимствовавъ ее у иностранцевъ, но правительство, строго соблюдая черту различія между русскими и иностранцами, помимо и другихъ соображеній, быстро пресѣкло первую же попытку нововведеній снизу.

При описанныхъ выше условіяхъ иностранцы представляли изъ себя въ Россіи особое изолированное общество, которому строжайше было запрещено смѣшиваться съ русскими. Понятно становится выраженіе Павла Алеппскаго, что иноземецъ остается между Мускобами всегда иноземцемъ, будь онъ даже Александръ Великій.

Выдѣленіе иностранцевъ въ особую группу не только

---

[1]) Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи. Изд. Ѳ. Аделунгомъ. Пер. съ нѣмецкаго. 1827 г., стр. 259. Олеарій. Описаніе, стр. 163. Д. В. Цвѣтаевъ. Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ 1886 г., стр. 100—102. См. Рущинскій. Религіозный бытъ русскихъ, стр. 231.

[2]) П. С. З., № 607.

предупреждало всякій вредъ, могущій быть нанесеннымъ иностранцами русскимъ людямъ, но и облегчало правительству надзоръ и контроль надъ иностранцами. А съ своей точки зрѣнія оно имѣло особенныя основанія постоянно слѣдить за иностранцами и не выпускахъ ихъ изъ глазъ. Дѣло въ томъ, что Московское государство, окруженное со всѣхъ почти сторонъ непримиримыми врагами, боялось съ ихъ стороны шпіонства, которому могли предаваться иностранцы. Было ли такое шпіонство или нѣтъ—для насъ не интересно. Для насъ важенъ тотъ фактъ, что московское правительство допускало его возможность и принимало свои мѣры. За эти мѣры оно даже заслужило похвалу Павла Алеппскаго, который такъ восхвалялъ ихъ: „какое сравненіе между плохимъ управленіемъ грековъ... и здѣшнимъ умѣньемъ управлять, такъ что иностранцу невозможно утаиться между ними, ни шпіону проникнуть въ ихъ страну“ [1]).

Недовѣріе русскаго правительства къ иностранцамъ и боязнь съ ихъ стороны шпіонства заставляло принимать чрезвычайныя мѣры. Внутрь Московскаго государства никого не пропускали безъ разрѣшенія государя. „Никто не въѣзжаетъ въ Московію, говоритъ Даніилъ Принцъ, чтобы объ этомъ тотчасъ не было донесено великому князю; если кто-нибудь прибудетъ безъ дозволенія (absque salvo conductu), тотъ подвергаетъ себя величайшимъ опасностямъ и нѣкоторымъ образомъ задерживается, какъ плѣнникъ до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ точнѣе, какое онъ имѣетъ намѣреніе“ [2]).

Сообразно съ этимъ, въ Московскомъ государствѣ для иностранцевъ допускали только два рода занятій: службу государеву и торговлю. Если кто не торговалъ и не состоялъ на службѣ государевой, тотъ не могъ и жить въ Россіи. Это правило проводилось настолько послѣдовательно, что

---

[1]) Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію. Чтенія. 1898 г., кн. IV, стр. 20 и слѣд.

[2]) Даніилъ Принцъ. Начало и возвышеніе Московіи. Перев. съ латин. И. А. Тихомирова. Чтенія. 1876 г., кн. IV, стр. 73.

купцы, распродавшіе свои товары, должны были немедленно выѣзжать за границу [1]).

Во время своего пребыванія въ Россіи служилые люди изъ иностранцевъ находились подъ постояннымъ надзоромъ своего непосредственнаго начальства, и это послѣднее отвѣчало за ихъ поведеніе въ политическомъ отношеніи.

Другое дѣло купцы. Они нуждались въ строгомъ надзорѣ со стороны общей администраціи. Центральное правительство, понимая это, постоянно указывало воеводамъ, чтобы они смотрѣли за пріѣзжими иностранными купцами и предупреждали всякое съ ихъ стороны шпіонство. Въ 1620 г. писали изъ Москвы Казанскимъ воеводамъ, чтобы они иностраннымъ купцамъ жить въ Казани „много одноличчно не давали, чтобы они, живучи въ городе и въ остроге, никакихъ крепостей не розсматривали и вестей никакихъ не розвѣдывали“ [2]).

Въ такихъ городахъ, какъ Астрахань, куда пріѣзжалъ съ Востока народъ все дикій и мало надежный, правительство, чтобы обезопасить городъ отъ возможнаго нечаяннаго захвата со стороны пріѣзжихъ, не впускало ихъ въ неограниченномъ числѣ. Такъ, наказомъ Астраханскимъ воеводамъ отъ 24 мая 1625 г. было поручено смотрѣть, чтобы нагайскіе и всякіе люди вдругъ, въ большемъ количествѣ въ городъ и въ острогъ не въѣзжали, а понемногу, а также вообще смотрѣть, „чтобъ одноличчно отъ иноземцовъ въ Астарахани какіе порухи не учинилось“ [3]).

Наказомъ Астраханскимъ воеводамъ 1628 г. предписывается „ко всякимъ иноземцомъ... держати ласку и привѣтъ... а шатости въ нихъ провѣдывати всякими мѣрами тайно, чтобъ имъ было неявно, а въ комъ въ иноземцахъ... какую шатость и измѣну почаютъ, и имъ тѣхъ всякихъ людей роспрашивати и про нихъ всякими сыски сыскива-

---

[1]) А. С. Мулюкинъ. Проѣздъ иностранцевъ, стр. 31—40, стр. 60 и слѣд., стр. 87—91.

[2]) Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей, т. III, стр. 650—652. Труды Восточн. Отдѣл. Импер. Русскаго Археологическаго Общества, т. XXII.

[3]) Акт. Ист., т. III, № 134.

ти; да будетъ по роспросу и по сыску русскіе люди и иноземцы, черные люди... кто въ чемъ дойдетъ до пытки, тѣхъ велѣти и пытати, да о томъ о всемъ отписати къ государю къ Москвѣ" [1]).

Въ 1649 г. наказъ тѣмъ же воеводамъ говорилъ: „розсматривати въ Астарахани нагайскимъ людемъ и всякимъ иноземцомъ городовыхъ всякихъ крѣпостей не давать" [2]).

Указы государя воеводамъ по отдѣльнымъ случаямъ постоянно упрекаютъ воеводъ, что они мало смотрятъ за иностранцами, что иностранцы ѣздятъ подъ видомъ купцовъ „не для торгу для провѣдыванья вѣстей", а этого воеводы „не берегутъ" и государю о томъ не пишутъ. Какъ бы „дурна и лазучества не было" въ такихъ случаяхъ, говорятъ указы" [3]).

Когда иностранные купцы возбуждали подозрѣніе властей въ своихъ намѣреніяхъ, съ которыми они явились въ Россію, то ихъ хватали. Такъ, въ 1586 году датскій король просилъ царя сыскать и отпустить въ Данію датчанъ Юрія Герса, съ товарищами съ торговыми людьми, поѣхавшихъ къ царскаго величества къ Зеленой землѣ, но той земли не нашедшихъ, а попавшихъ на Новую землю и тамъ схваченныхъ. Царь на просьбу короля отвѣчалъ: „и намъ было того человѣка и сыскивати непригоже для того, что тотъ человѣкъ ѣздилъ караблемъ въ чужой землѣ лазучествомъ, и такихъ вездѣ, имая, казнятъ [4]). Въ теченіе 1621 и 1622 гг. продолжалась большая переписка между датскимъ и русскимъ дворами по поводу задержанія осенью 1620 года приказными Кольскаго городка датчанина Климента Блуме. Михаилъ Θеодоровичъ оправдывалъ передъ

---

[1]) Акт. Ист., т. III, № 154.

[2]) Акт. Ист., т. IV, № 32.

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла. $\frac{7133}{1625}$ № 32. $\frac{7143}{1635}$ № 18.

[4]) Рус. Акт. Копенг. Госуд. Арх., № 57. Рус. Ист. Библ., т. XVI, стр. 236 и слѣд.

датскимъ королемъ Христіаномъ IV дѣйствія русскихъ властей тѣмъ, что „присталъ деи тотъ датцкой карабль въ нашемъ государствѣ х Колскому городку въ осень, а ходилъ де тотъ карабль къ нашимъ сѣвернымъ землямъ къ Пустоозеру, а начальной человѣкъ на томъ кораблѣ былъ вашего государства торговой человѣкъ Климъ Юрьевъ (Блуме), а товаровъ на томъ кораблѣ не было никакихъ, кромѣ съѣстного, без чево быти нелзѣ, тѣмъ дѣломъ кабы они приходили лазучествомъ къ нашей царского величества землѣ чего провѣдывать“ [1]).

Въ настоящее время у насъ не остается никакихъ сомнѣній въ томъ, что Московское правительство, въ силу изложенныхъ обстоятельствъ, никогда не должно было выпускать иностранцевъ изъ своихъ глазъ, каждый шагъ ихъ долженъ былъ быть на виду у правительства. Поэтому если иностранецъ хотѣлъ ѣхать, то онъ долженъ былъ заявить куда, зачѣмъ и получить проѣзжую грамоту. Всякая возможность безконтрольнаго передвиженія исключалась.

Къ такому выводу мы пришли послѣ разсмотрѣнія общей политики Московскаго правительства. Между тѣмъ, не надо забывать, что на разрѣшеніе вопроса о свободѣ передвиженія купцовъ могла, вліять въ сильной степени торговая политика. Она могла приводить къ тому, что иностранные купцы нуждались въ разрѣшеніи на передвиженіе съ товарами съ мѣста на мѣсто, такъ какъ не всѣмъ и не вездѣ была разрѣшена торговля.

По общему правилу, дѣйствовавшему въ теченіе всей исторіи Московскаго государства, иностранные купцы имѣли право пріѣзжать въ Россію для торговли и останавливаться только въ пограничныхъ городахъ, напр., въ Новгородѣ, Архангельскѣ, Астрахани и др. [2]). Для такихъ лицъ, составлявшихъ подавляющее большинство всѣхъ торговавшихъ въ Россіи иностранцевъ, вопросъ о правѣ передвиженія даже не существовалъ. У нихъ не было такого права со-

---

[1]) Рус. Акт. Копенг. Госуд. Арх., Рус. Ист. Биб., т. XVI, №№ 110, и 113, стр. 551—556, 571—582.

[2]) См. А. С. Мулюкинъ. Пріѣздъ иностранцевъ, стр. 31—38, 60—62.

всѣмъ. Не имѣя права проѣхать далѣе пограничнаго города, вглубь Россіи, иностранные купцы являлись въ пограничный городъ, открывали тамъ свою торговлю и, распродавъ все привезенное съ собою, уѣзжали обратно. Такой порядокъ торговли станетъ тѣмъ болѣе понятнымъ, если мы припомнимъ, что торговля въ то время производилась преимущественно на ярмаркахъ, которыя особенно даже учреждались для иностранцевъ и имѣли принудительный характеръ въ томъ смыслѣ, что торговля внѣ ярмарочнаго срока не допускалась. [1]) Нѣкоторые указы до того усердствовали въ томъ, чтобы иностранцы соблюдали сроки ярмарокъ, что назначали пріѣзжающимъ послѣ указнаго срока для торговли жестокое наказаніе [2]). „Русскіе люди и иноземцы, говорятъ документы за 1671—1674 годы, у Архангельскаго города, въ ярмонку живутъ малое время, всего недѣли по четыре, а послѣ ярмонки вскорѣ всѣ разъѣзжаютца по домомъ, и гостиные дворы станутъ оставатца безъ людей, для того что у Архангельского города зимою торговъ не бываетъ и въ городѣ и на гостиныхъ дворѣхъ жить некому“ [3]). Сами иностранцы иногда хлопотали объ установленіи точныхъ сроковъ ярмарокъ, послѣ которыхъ не могла бы продолжаться торговля. Такъ, въ 1675 г. голландскій посолъ говорилъ, „чтобъ впредь у города ярманке быть до сентября мѣсяца, а въ сентябрѣ бъ и въ октябрѣ мѣсяцахъ отнюдь не торговать, потому что за осеннимъ временемъ въ отъѣздѣ имъ іноземцомъ на море бываетъ великое страхованіе, замерзаютъ на дорогѣ, а до урочныхъ мѣстъ не доходятъ“ [4]).

При такихъ условіяхъ и въ полномъ соотвѣтствіи съ ними

---

[1]) См., напр., Доп. Акт. Ист., т. V, № 1, IV, 11; XI, XII. Примѣчаніе Эверса къ статьѣ I. де-Родеса. Размышленія о русской торговлѣ. Магазинъ Землевѣдѣнія, т. V, стр. 255. Огородниковъ. Очеркъ исторіи г. Архангельска. Морской сборникъ. 1889 г., № 10, стр. 128 и слѣд.

[2]) Акт. Ист., т. IV, № 242. Акт. Арх. Эксп., т. IV, № 141.

[3]) Доп. Акт. Ист., т. VI, № 21, XIV.

[4]) Посольство Кунраада фанъ-Кленка. Изд. Археогр. Ком. 1900 г., стр. CLIV.

ничего не стоило выработаться упомянутому выше правилу, по которому иностранные купцы не могли проживать у насъ, „какъ и въ своей землѣ“, а, распродавъ товары, должны были уѣзжать обратно.

Для всѣхъ этихъ купцовъ, торговавшихъ только въ однихъ пограничныхъ городахъ, самого вопроса, какъ мы выше сказали, о правѣ передвиженія по Россіи не существовало. Кромѣ этихъ купцовъ, торговавшихъ только въ пограничныхъ городахъ, были еще другіе купцы, которые имѣли право вести повсемѣстную торговлю. Изъ этихъ купцовъ первую группу составляли подданные тѣхъ государствъ съ правительствами которыхъ у Россіи были заключены договоры о безпрепятственной торговлѣ по всѣмъ городамъ Московскаго государства.

Такъ, въ XVI вѣкѣ, начиная съ договора 1503 г. между великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ и королемъ польскимъ Александромъ, всѣ „земли“, какъ тогда выражались, Московскаго государства были открыты для торговли польскихъ купцовъ, какъ польскіе земли были открыты для русскихъ. Договоры въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ устанавливали одинаковое право для подданныхъ договаривающихся державъ. Въ XVII вѣкѣ поляки уже не имѣли этого права [1]).

Въ XVII вѣкѣ Московское государство вынуждается предоставить всю свою территорію безъ ограниченій подъ торговлю шведскихъ купцовъ и то же право получаетъ для своихъ подданныхъ въ Швеціи. Это начинается съ Тявзинскаго договора 10 мая 1595 года [2]).

Недолго, сравнительно съ поляками и шведами, пользовались правомъ повсемѣстной торговли датчане и итальянцы. Первые, въ силу договора 1562 г., а вторые—въ силу

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Об., т. XXXV, стр. 401, 746 и слѣд., т. LIX, стр. 128, 192, 305, 409, 513. т. LXXI, стр. 483, 729. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. V, №№ 39, 97, 102. С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. IX, 1866, стр. 245, 262.

[2]) Переводъ съ подлинника, находящагося въ Шведскомъ Государственномъ Архивѣ, А. А. Чумикова. Чтенія, 1868 г. кн. II, стр. 3 и слѣд. Полн. Собр. Зак., т. I, №№ 19. 240. 301. 395. 1076.

пожалованія царя Ивана Васильевича. Въ XVII вѣкѣ право тѣхъ и другихъ уже кончилось [1]).

По обычаю, торговали не только въ пограничныхъ, но и во внутреннихъ городахъ, греки. Въ 1647 г. имъ была запрещена внутренняя торговля, и съ той поры греки, если и торговали не только въ однихъ пограничныхъ городахъ, то это допускалось или временно или для нѣкоторыхъ категорій лицъ, но не въ качествѣ постояннаго и общаго правила [2]).

Кромѣ упомянутыхъ купцовъ, имѣли право торговать по всему Московскому государству иностранцы, владѣвшіе жалованными грамотами. Въ грамотахъ, дававшихся за какія нибудь заслуги, прописывался цѣлый рядъ льготъ и, между прочимъ, это право торговли по всѣмъ городамъ Московскаго государства.

Это было совершенно понятно. Въ то время, когда общее правило не допускало иностранцевъ до внутренней торговли, ничѣмъ инымъ, какъ исключеніемъ, особой привилегіей, надо было считать предоставленіе права внутренней торговли. Такъ какъ общее правило существовало не только въ XVII вѣкѣ, но и въ XVI вѣкѣ, то вполнѣ естественно заключить, что и упомянутое исключеніе изъ него болѣе или менѣе ему одновременно. Дѣйствительно, торговые русскіе люди въ своей жалобѣ государю на торговлю иностранцевъ въ 1646 году указывали, что еще при царѣ Иванѣ Васильевичѣ пропускали во внутреннія города Московскаго государства лишь тѣхъ иностранцевъ, которые правдой или неправдой получили жалованныя грамоты, а остальные иностранцы могли торговать только въ порубежныхъ городахъ [3]). Въ 1627 году государь, подтверждая прежніе указы, разрѣшалъ пропускать изъ Архангельска и Холмогоръ къ

---

[1]) Рус. Акт. Копенг. Гос. Арх., № 20. Рус. Ист. Библ., т. XVI, стр. 73. Памятник. диплом. сношен., т. X, стр. 367 - 369. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. V, № 119.

[2]) Полн. Собр. Зак., №№ 457, 659, 693, 818. Акт. Арх. Эксп., т. IV, № 214. Н. Каптеревъ. Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку, стр. 267, 269 и слѣд.

[3]) Акт. Арх. Эксп., т. IV, № 13. Сборн. кн. Хилкова, № 82, стр. 252.

Москвѣ и въ иные города только тѣхъ иностранныхъ купцовъ, у которыхъ будутъ жалованныя грамоты за красною печатью[1]). Это постановленіе о жалованныхъ грамотахъ буквально помѣщается въ ст. 85 Новоторговаго Устава 1667 года[2]).

Въ частности, мы можемъ упомянуть здѣсь объ извѣстной англійской компаніи, которая получила жалованную грамоту отъ царя Ивана Васильевича и торговала повсемѣстно въ Московскомъ государствѣ какъ въ XVI вѣкѣ, такъ и въ XVII вѣкѣ, вплоть до 1649 г., когда торговля ея была ограничена одними порубежными городами и члены компаніи были сравнены со всѣми другими иностранными купцами[3]). То же право повсемѣстной торговли, какъ и англійской компаніи, принадлежало голландской компаніи Фоглера и Кленка, армянской компаніи Лусикова, отдѣльнымъ купцамъ Карпу Демулину, Аврааму Горкому, Петру Марселису и др.[4]).

Видно, что торговля иностранцевъ была до крайности ограничена. На внутреннюю торговлю имѣли право иностранцы только по исключенію. Если въ XVI вѣкѣ мы видимъ торгующими по всему Московскому государству иностранцевъ нѣсколькихъ націй въ полномъ ихъ составѣ, то въ XVII вѣкѣ на ихъ мѣстѣ мы наблюдаемъ однихъ шведовъ[5]). Кромѣ шведовъ имѣютъ право торговать по всему

---

[1]) Моск. Гл, Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла. 1627 г., № 25.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 408.

[3]) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 137. ч. V №№ 122, 141. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXVIII, стр. 94 и слѣд., 142 и слѣд., 176 и слѣд. Н. М. Карамзинъ. Ист. Гос. Рос., VIII, стр. 144; т. IX, прим. 382. Замысловскій. Очеркъ сношеній Россіи съ Англіей. Древняя и Новая Россія. 1876 г., т. II, стр. 171 и слѣд. Ю. Толстой. Замѣтка по поводу статьи господина Полуденскаго: „Русская исторія Мильтона". Чтенія. 1874 г., кн. III, стр. 22. А. С. Мулюкинъ. Пріѣздъ иностранцевъ. Приложеніе, № 6.

[4]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла. 1627 г., № 25. Рус. Ист. Библ., т. VIII, № 10, XXX. Полн. Собр. Зак., №№ 409, 539. Доп. Акт. Ист., т. VI, № 80, I.

[5]) Мы въ данномъ случаѣ не обращаемъ вниманія на два факта. Первый фактъ касался пожалованія Борисомъ Годуновымъ въ 1601 г. рижскимъ купцамъ права торговли во внутреннихъ городахъ. Рус. Лив. Акт. № CCCXCIX, стр. 402. Второй фактъ относился къ подданнымъ курфюрста Бранденбургскаго, которымъ было дано то же право, что и

Московскому государству субъекты, обладающіе жалованными грамотами. Но количество и такихъ купцовъ съ половины XVII вѣка значительно уменьшается, такъ какъ многочисленная англійская компанія въ 1649 г. теряетъ свои привилегіи.

Объясненіе столь значительнаго ограниченія правъ иностранцевъ можно видѣть въ болѣе или менѣе согласныхъ дѣйствіяхъ русскихъ правительства и купечества. Послѣднее постоянно старалось выставить правительству всю убыточность для русскихъ людей даже такой ограниченной, какъ тогда наблюдалось, торговли иностранцевъ. Населеніе стремилось въ полному устраненію конкуренціи иностранной торговли, по крайней мѣрѣ, внутри государства, т. е. къ полному запрещенію передвиженія иностранныхъ купцовъ по Россіи. Населеніе допускало возможность торговать иностранцамъ только въ однихъ пограничныхъ городахъ. Предположеніе о такомъ ограниченіи существовало еще въ 1589 году [1]); объ этомъ просили государя въ 1627 году, въ 1646 году, въ 1649 году [2]). Въ 1653 году І. де-Родесъ говорилъ, что „гости Его Царскаго Величества хотятъ, чтобы всѣ иностранные купцы, сколько ихъ ни есть въ Москвѣ, жили бы здѣсь (въ Холмогорахъ), и не допускались далѣе внутрь страны“ [3]).

Если мы одновременно съ желаніемъ населенія, ярко выраженнымъ въ сторону ограниченія торговли иностранныхъ купцовъ одними порубежными городами, постараемся подмѣтить общій тонъ правительственныхъ распоряженій, то найдемъ, что правительство въ данномъ дѣлѣ сознательно или безсознательно, но стремилось къ цѣли, поставленной русскимъ купечествомъ.

рижанамъ, но въ 1688 году. Полн. Собр. Зак., № 1326. Первый случай имѣетъ значеніе только для самого начала XVII вѣка, а второй—только для самого конца его.

1) Флетчеръ. О государствѣ русскомъ. Изд. 2. 1905 г., стр. 56.

2) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла 1627 г., № 25. Акт. Арх. Эксп., т. IV, № 13. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. IX, 1866 г., стр. 418, т. X, 1860 г., стр. 143—145. Сборникъ кн. Хилкова, № 82, стр. 238—241.

3) Размышленія о русской торговлѣ въ 1653 г. Магазинъ Землевѣдѣнія, т. V, стр. 247 и слѣд.

Въ качествѣ общаго правила, допуская торговлю иностранцевъ только въ пограничныхъ городахъ, правительство въ то же время терпѣло, въ силу международныхъ соглашеній, повсемѣстную торговлю иностранцевъ, подданныхъ нѣкоторыхъ государствъ, и разрѣшало, въ видѣ исключенія, торговымъ компаніямъ и отдѣльнымъ лицамъ изъ иностранцевъ повсемѣстную торговлю. Московское правительство какъ будто бы слѣдовало той самой политикѣ, которую мы неоднократно наблюдали при обсужденіи другихъ правъ иностранцевъ. Поставленное между двумя противоположными желаніями: населенія и иностранцевъ, правительство допускало исполненіе желаній послѣднихъ, въ видѣ исключенія. Этимъ до нѣкоторой степени удовлетворялись и та, и другая сторона. Мы могли бы сказать, что та же самая политика проводилась и въ данномъ дѣлѣ, если бы одно обстоятельство не показывало намъ, что уступая натиску иностранцевъ и допуская нѣкоторую ихъ торговлю во внутреннихъ городахъ, правительство, всетаки обнаруживало тенденцію совершенно склониться на сторону русскаго населенія, а не иностранцевъ. Этимъ обстоятельствомъ была таможенная политика Московскаго государства, которая точнымъ образомъ фотографировала степени желательности распространенія торговли постороннихъ купцовъ въ глазахъ Московскаго правительства. Таможенный тарифъ Московскаго государства довольно ясно говорилъ, что всякій пріѣзжій торговецъ былъ нежелателенъ. Чѣмъ дальше приходился пріѣзжій торговецъ мѣстнымъ купцамъ, тѣмъ онъ былъ нежелательнѣе. Иностранные купцы были самыми непріятными гостями. Если это дѣйствительно было такъ, то оказывалось, что въ сторону ограниченія торговли иностранныхъ купцовъ дѣйствовали не только прямыми средствами, такими, какъ запрещенія посѣщать извѣстныя мѣстности, но и косвенными—большимъ обложеніемъ направлявшихся въ эти мѣстности. Не смотря на такой общій тонъ, царствовавшій въ воззрѣніяхъ правительства въ теченіе исторіи Московскаго государства, способъ выраженія антипатіи правительства къ иностранцамъ былъ въ XVI вѣкѣ не тотъ же, что и въ XVII вѣкѣ. Причиной этому была большая или меньшая степень цен-

трализованности Московскаго государства. Децентрализація XVI вѣка давала совсѣмъ другую окраску тому же самому явленію въ сравненіи съ XVII вѣкомъ, который характеризовался уже достаточно успѣвшей обнаружиться централизаціей.

Для того, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго, обратимся къ таможенной политикѣ и разсмотримъ нѣкоторыя изъ торговыхъ пошлинъ того времени.

Головщина, одна изъ проѣзжихъ пошлинъ, взимавшаяся не съ возовъ и судовъ съ товарами, какъ мытъ, а съ людей, находившихся на судахъ или при возахъ, была личною пошлиною. Величина головщины колебалась въ зависимости отъ того, кто облагался ею: свои жители даннаго города, иногородніе или иностранцы. Первые платили менѣе вторыхъ, послѣдніе болѣе. Такъ, по новгородской таможенной грамотѣ 1571 г., новгородецъ—городской человѣкъ или окологородецъ, пріѣзжавшій на суднѣ съ товаромъ въ Новгородъ, платилъ съ каждаго человѣка на суднѣ по полуденьгѣ Новгородской; купецъ изъ другихъ городовъ Новгородской земли платилъ въ такихъ случаяхъ по деньгѣ Новгородской, а съ литвина и всякаго иностранца брали по 2 деньги за каждаго человѣка на суднѣ [1]).

Съ точки зрѣнія этой таможенной грамоты иностранцы бюли самыми нежелательными торговцами и ихъ появленіе затрудняли.

Но зато, когда тѣ же иностранцы отправлялись во свояси, то имъ не чинили затрудненій. На обратномъ пути взимали пошлину, называвшуюся задніе колачи. Эта пошлина равнялась по полуденьгѣ съ человѣка, безразлично съ русскихъ или иностранцевъ. Видно, что иностранцевъ не задерживали [2]).

Далѣе, всѣмъ купцамъ, пріѣзжавшимъ на торги, надо было являться въ таможни, объявлять тамъ свои товары и платить явочную пошлину. При обложеніи этой пошлиной пріѣзжихъ проявлялась та же тенденція, что и при обложеніи

---

[1]) Акт. Арх. Экс., т. I, № 282. Осокинъ. Внутреннія таможенныя пошлины, стр. 30 и слѣд.

[2]) Осокинъ. Внутреннія тамож. пошл., стр. 32.

головщиной. Во первыхъ, явочную пошлину платили преимущественно пріѣзжіе иногородцы и иностранцы, хотя и не вездѣ; въ Новгородѣ платили и мѣстные купцы. Во вторыхъ, при взиманіи явки различали между городскими жителями, иногородцами, иноземцами, вообще между торговцами ближними и торговцами дальнихъ странъ. Такъ, въ Орѣшкѣ въ 1563 году 1) съ Новгородца городского человѣка брали явки по деньгѣ Московской, 2) съ пригородныхъ людей Новгородской земли и со Псковитянъ по деньгѣ Новгородской, 3) съ другихъ иногородцевъ съ головы по 2 деньги Новгородской, 4) съ литвина и всякаго иностранца по алтыну [1]. Были, впрочемъ, мѣста, которыя не представляли никакой постепенности въ величинѣ явки для ближнихъ и дальнихъ торговцевъ, и тамъ, однако же, иностранцы платили явки болѣе, чѣмъ русскіе. Въ Новгородѣ, по таможенной откупной грамотѣ Новгородцу Ивану Филатову отъ 1586 г., брали явки по 4 московки съ головы и съ Орѣховцевъ и съ Ладожанъ и съ Москвичей и съ другихъ иногородцевъ; но „съ иноземцовъ, съ Литвы, и съ Турчанъ, съ Арменъ и съ иныхъ иноземцовъ, опричь нѣмецъ“ брали явки по 2 алтына съ человѣка [2].

Тоже можно сказать относительно такихъ пошлинъ, какъ вѣсчее и пятно. Величину этихъ пошлинъ также различали въ нѣкоторыхъ городахъ, смотря по тому, кто облагался ими: городскіе жители, иногородцы или иностранцы. Послѣдніе платили вдвое болѣе первыхъ [3].

О послѣдней пошлинѣ, о которой мы должны упомянуть, это о тамгѣ. О ней такъ говоритъ Осокинъ. „Неизвѣстно, существовало ли ранѣе конца 15 столѣтія различіе въ величинѣ тамги для городскихъ жителей, иногородцевъ и иноземцовъ“. „Что это различіе дѣйствительно существовало въ концѣ 15 столѣтія и въ послѣдующихъ вѣкахъ,— это доказывается всѣми таможенными грамотами, отъ Бѣло-

---

[1]) Доп. Акт. Ист., т. I, № 116. Осокинъ. Назв. соч., стр. 54.

[2]) Акт. Арх. Эксп., т. I, № 332. Осокинъ. Назв. соч., стр. 54.

[3]) Акт. Арх. Эксп., т. I, №№ 235, 282 и 332, т. II, № 65. Доп. Акт. Ист., I, № 116. Осокинъ. Назв. соч., стр. 69-83.

зерской 1497 г. до грамоты 1652 г. Изъ нихъ мы видимъ, что иногородцы платили обыкновенно болѣе тамги, чѣмъ городскіе жители, иноземцы еще болѣе. Иногда, впрочемъ, съ иноземцевъ брали такую же пошлину, какъ съ иногородцевъ. Величина тамги мало измѣнялась съ теченіемъ времени и не зависѣла также отъ того, была ли она собираема въ городѣ или въ селѣ; но въ разныхъ городахъ и селахъ брали тамгу въ различномъ количествѣ. Мѣстные купцы въ нѣкоторыхъ городахъ и селахъ платили $^{1}/_{2}$ деньги, въ другихъ деньгу, въ другихъ $1^{1}/_{2}$, въ очень немногихъ 2 деньги съ рубля. Иногородцы платили въ большей части мѣстъ 4 деньги, рѣдко 3 деньги, еще рѣже 6 или 7 денегъ.... Иноземцы платили большею части 7 денегъ съ рубля, даже 10 денегъ съ вѣсчихъ товаровъ и 8 съ невѣсчихъ, иногда, впрочемъ и алтынъ, но рѣже" [1]).

Иностранцевъ постигало не только бо̀льшее обложеніе пошлинами за право торговли въ данной мѣстности, въ сравненіе съ жителями этой мѣстности, но и большіе штрафы за уклоненіе отъ платежа пошлинъ. Напр., по Новгородской таможенной грамотѣ 1571 года, иностранцы платили промыта 2 рубля и лишались товара, „которой товаръ промытилъ"; что же касается русскихъ подданныхъ, то они платили штрафу вдвое менѣе, чѣмъ иностранцы, и не лишались своего товара [2]).

По разсмотрѣніи всѣхъ этихъ пошлинъ мы можемъ сдѣлать то заключеніе, что въ XVI вѣкѣ таможенной политикой старались оказать вліяніе на торговлю въ томъ смыслѣ, чтобы затруднить появленіе въ данной мѣстности чуждыхъ ей купцовъ, будутъ ли то русскіе или иностранцы. Для таможеннаго политика XVI вѣка торговые центры Московскаго государства были одинаково равноцѣнны и одинаково охранялись отъ чуждыхъ элементовъ, особенно отъ иностранцевъ Поэтому весь вопросъ о тарифахъ сводился для

---

[1]) Внутреннія таможенныя пошлины стр. 103 и слѣд. Ср. Мамонтовъ. Тамга. Москов. Унив. Извѣстія. 1871 г. № 7, стр. 388.

[2]) Акт. Арх. Эксп., т. I, № 282. Ср. т. II, № 65, а также Осокинъ. Назв. соч., стр. 50 и слѣд.

него къ вопросу о соотвѣтственномъ обложеніи, въ сравненіи съ мѣстными жителями, гостей дальнѣйшихъ слѣдованій, иногородцевъ и иноземцевъ. Политикъ отправлялся отъ лицъ, подлежащихъ обложенію и болѣе или менѣе пріятныхъ и желательныхъ, въ качествѣ торгующихъ, въ данной мѣстности. Выходило, что по отношенію къ пріѣзжимъ каждая данная мѣстность защищалась. Въ результатѣ, иностранцы были нежелательны повсемѣстно, но зато почти вездѣ въ равной мѣрѣ. Еще Осокинъ замѣтилъ, что „по величинѣ тамга съ иноземныхъ купцовъ въ пограничныхъ городахъ не отличалась отъ тамги, взимаемой внутри государства“ [1]).

Полнѣйшій контрастъ порядкамъ Московскаго государства представляетъ древняя Русь. Тогда иностранцы свободно пріѣзжали въ русскую землю и безъ затрудненій двигались по ней. Свобода пріѣзда и передвиженія иностранцевъ была закономъ древней Руси. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ закономъ пошлины, налагавшіяся на иностранцевъ, были настолько ничтожны, что иностранцы считали русскую торговлю безпошлинной. Иногда и совсѣмъ никакихъ пошлинъ не было для иностранцевъ [2]).

---

[1]) Назв. соч., стр. 106.

[2]) М. Бережковъ. О торговлѣ Руси съ Ганзой, стр. 157. Голубовскій. Исторія Смоленской земли, стр. 136, прим. 3. Костомаровъ. Сѣверно-русскія народопр., т. II, стр. 189. Фортинскій. Приморскіе Вендскіе города, стр. 366.

Другого мнѣнія придерживается по этому вопросу И. Мамонтовъ. Тамга. Московскія Университетскія Извѣстія. 1871 г., № 7, стр. 388, который говоритъ о порядкѣ обложенія пошлинами XVI вѣка въ Московскомъ государствѣ, какъ объ идущемъ издревле. Онъ излагаетъ, что различіе въ платежѣ пошлинъ для мѣстныхъ жителей, иногороднихъ и иноземцевъ „точно обозначается съ конца 15 вѣка, т. е. съ 1497 г., со времени появленія въ нашихъ источникахъ первой таможенной грамоты. Можно навѣрное сказать, что раздѣленіе существовало и ранѣе этого времени, такъ какъ иначе зачѣмъ было допускать подобныя раздѣленія только съ 16 вѣка, когда причиною этого было существованіе раздробленности владѣнія, а съ 16 вѣка именно и началось уничтоженіе этой раздробленности. Таможенныя грамоты новаго въ этомъ отношеніи не создали, а лишь по вышеобъясненнымъ причинамъ, подтверждали происшедшее“.

Въ XVII вѣкѣ централистическія стремленія, поддерживаемыя второе столѣтіе, достаточно опредѣляютъ отношенія центра къ окраинамъ, достаточно выясняютъ, что окраины играютъ служебную роль по отношенію къ центру. Поэтому въ XVII вѣкѣ не обращаютъ уже такого вниманія, какъ въ XVI вѣкѣ, на возвышеніе пошлинъ вообще при дальнихъ слѣдованіяхъ, а защищаютъ особо лишь опредѣленныя мѣстности. По отношенію къ иностраннымъ купцамъ такими мѣстностями являются центральныя и вообще внутреннія, каждое путешествіе къ которымъ особо облагается пошлинами.

Наказъ астраханскимъ воеводамъ отъ 1628 года говоритъ о проѣзжей пошлинѣ, налагаемой на восточныхъ купцовъ въ томъ случаѣ, если они пожелаютъ пробраться въ Россію далѣе пограничной Астрахани, въ такихъ выраженіяхъ, будто это передвиженіе восточныхъ купцовъ по Россіи совершенно нежелательное явленіе. Наказъ говоритъ, что воеводы могутъ отпустить купцовъ, если они „учнутъ проситься изъ Астарахани въ Верхъ въ Казань или въ иные городы";—но какими условіями должно быть обставлено это дальнѣйшее путешествіе? Воеводы должны съ купцовъ „велѣти пошлины имати проѣзжіе, а въ которой городъ они съ товары поѣдутъ, и въ тѣ городы къ воеводамъ писати и досмотру товаромъ ихъ росписи посылати, чтобъ съ нихъ потомужъ, гдѣ они станутъ торговати въ которомъ городѣ, пошлины имати болшіе, а гдѣ товаровъ своихъ не продадутъ и съ тѣхъ ихъ товаровъ имати пошлина отвозная.... а не взявъ пошлинъ... торговати и изъ Астарахани въ Верхъ отпущати ихъ не велѣти, будетъ пошлинъ не заплатятъ" [1]). Это повторяется и въ наказѣ тѣмъ же воеводамъ отъ 1649 года [2]). Во второй половинѣ XVII вѣка на затрудненія иностранцевъ указываетъ Новоторговый Уставъ 1667 г. По статьямъ 56, 77 и 80 Устава иностранные купцы, желающіе везти свои товары изъ пограничныхъ городовъ внутрь страны, въ отличіе отъ русскихъ подданныхъ, платятъ проѣзжую пошлину по гривнѣ съ рубля [3]).

[1]) Акт. Ист. т. Ш, № 154.

[2]) Акт. Ист., т. IV, № 32,

[3]) Полн. Соб. Зак., т. I, № 408. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. IV, № 55.

Теперь, когда нами установлены и дальнѣйшія и ближайшія условія передвиженія иностранныхъ купцовъ въ Московскомъ государствѣ, попробуемъ точнѣе очертить границы и порядокъ осуществленія этого права.

Общія условія жизни иностранцевъ въ Россіи въ то время не представляли возможности для свободнаго безконтрольнаго передвиженія. Когда мы стали разсматривать спеціальную обстановку, въ который должна была протекать торговля иностранцевъ, то она оказалась еще менѣе благопріятной для свободнаго циркулированія по странѣ иностранныхъ купцовъ съ ихъ товарами. И вотъ, въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ какъ общей, такъ и торговой политики, создается опредѣленная картина разбираемаго нами явленія, которую мы сейчасъ и приведемъ безъ дальнѣйшихъ уже объясненій.

Въ отношеніи къ праву передвиженія наблюдаются въ Московскомъ государствѣ двѣ группы иностранныхъ купцовъ. Одна имѣетъ это право; другая его не имѣетъ. Мы видѣли изъ какихъ именно субъектовъ состояли эти группы. Теперь, не повторяя сказаннаго, замѣтимъ, что и члены той группы, которая имѣла право торговли по всему Московскому государству, не могли, въ силу общихъ условій пребыванія иностранцевъ въ Россіи, передвигаться безконтрольно, а потому всѣ должны были брать проѣзжія грамоты.

Такъ какъ члены этой группы состояли изъ купцовъ, имѣвшихъ право повсемѣстной торговли на основаніи международныхъ договоровъ или жалованныхъ грамотъ, то лучшее доказательство необходимости и для нихъ передвиженія не иначе, какъ съ проѣзжими грамотами, находится именно въ документахъ, служившихъ основаніемъ ихъ правъ въ Россіи.

Въ самихъ международныхъ договорахъ прописывалась обязанность брать проѣзжія и являться при пріѣздѣ и отъѣздѣ изъ данной мѣстности приказнымъ людямъ. Такъ, это было постановлено въ Веліесарскомъ договорѣ между Россіей и Швеціей 1658 года или въ Кардисскомъ договорѣ 1661 г. между тѣми же государствами[1]). Въ ука-

[1]) Полн. Собр. Зак., №№ 240 и 301.

захъ русскихъ властей, издававшихся во исполненіе постановленій международныхъ договоровъ, значились тѣ же правила, что и въ договорахъ. Напр., Новгородскіе воеводы въ инструкціяхъ архимандриту Тихвинскаго монастыря или игумену Свирскаго монастыря о наблюденіи за торговлею на ярмаркахъ при этихъ монастыряхъ подтверждаютъ необходимость брать шведскимъ купцамъ при всякихъ передвиженіяхъ проѣзжія грамоты. Съ грамотами пріѣзжаютъ шведы на эти ярмарки, а „какъ исторговався похотятъ къ себѣ ѣхать, и имъ давать новые проѣзжіе памяти на всякіе ихъ покупные товары, чтобъ имъ великого государя ото всякихъ чиновъ людей никоторого задержанья и помѣшки не было“ [1]. Задержки, которыя сопровождали полученіе проѣзжихъ грамотъ, вызывали шведское правительство на представленія объ ихъ упраздненіи. Такъ, Швеція возбудила этотъ вопросъ въ 1649 году, но русское правительство, какъ мы уже видѣли, настаивало на необходимости для шведскихъ подданныхъ при всякомъ передвиженіи въ Россіи брать проѣзжія грамоты. Эти грамоты, объясняли бояре шведамъ, служили для установленія личности проѣзжающихъ, для пользы ихъ самихъ, и безъ грамотъ никого не пропускали.

Точно также и субъектамъ, обладавшимъ жалованными грамотами, приходилось хлопотать о проѣзжихъ на каждую поѣздку. Соотвѣтствующіе пункты въ самыхъ жалованныхъ грамотахъ говорили объ этомъ [2]). Когда Флетчеръ просилъ избавить членовъ англійской компаніи отъ выборки проѣзжихъ грамотъ на каждую поѣздку, то ему отвѣчали, что это невозможно [3]). Поэтому и въ XVII вѣкѣ проѣзжія грамоты обязательны для англичанъ, какъ и для другихъ иностранцевъ. Выше мы не разъ встрѣчались съ проѣзжей грамотой, данной англійскому гостю Фабину Ульянову въ 1619 г. на проѣздъ изъ Москвы въ Псковъ для покупки льна [4]).

---

1) Доп. Акт. Ист., т. IV, №№ 115 и 117.

2) См., напр., жалованныя грамоты англійской компаніи, голландской компаніи и др.

Образецъ такой проѣзжей см. Приложеніе, № 7.

3) Статейный списокъ посольства Флетчера. Временникъ, кн. VIII, стр. 30.

4) Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 49.

Въ 1632 г. государь писалъ Вологодскому воеводѣ Александру Воейкову съ товарищами о непропускѣ къ Архангельску торговыхъ англичанъ и голландцевъ безъ государевыхъ изъ Посольскаго Приказа грамотъ, напоминалъ, что „о томъ писано от нас въ Ярославль и на Вологду к прежнимъ воеводамъ многажды не одинова", но что теперь „вѣдомо намъ учинилось что многие иноземцы торговые люди... поѣхали с Москвы без нашихъ проѣзжихъ грамотъ самоволно"; всѣхъ такихъ государь велѣлъ задержать и объяснить имъ правила, выговорить имъ, что „по нашему царскому жалованью велѣно имъ торговать в нашемъ государстве и на Москвѣ и у архангельского города а ѣздить имъ велено съ Москвы к Архангельскому городу и отъ Архангельского города к Москве с нашими проѣзжими грамотами [1]) а без проѣзжихъ грамот ѣздить имъ не велено а имали они наши проѣзжие грамоты въ посолскомъ приказе и ныне учинили они самоволствомъ поѣхали с Москвы самоволствомъ и нашихъ проѣзжихъ грамотъ у нихъ нѣтъ и по нашему указу такихъ у кого нашихъ грамотъ нѣтъ пропуску давать не велено также и Московскимъ торговымъ иноземцомъ у которыхъ нашихъ проѣзжихъ грамотъ нѣтъ выговорили б есте по сему жъ нашему указу а выговоря сказали имъ всѣмъ что ныне по нашему указу велено имъ чтобы гости прописались а толко впередъ учнутъ такъ дѣлать самоволствомъ с Москвы или къ Москвѣ учнутъ ѣздить безъ нашихъ проѣзжихъ грамот и по нашему указу велено имъ..... у которыхъ иноземцовъ проѣзжихъ нашихъ жаловалныхъ грамотъ не будетъ и к Москвѣ пропущать вамъ не велѣно и имъ задержанье будет от себя и они б.... прежнево не дѣлали без проѣзжих грамот не ѣздили" [2]).

Въ 1635 г. глава англійской компаніи просилъ государя дать проѣзжую грамоту, какъ и „прежъ сего даваны намъ

---

[1]) Изъ этихъ словъ видно, что это все были привилегированные гости и торговые люди, имѣвшіе право торговли не только въ пограничныхъ городахъ.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Англійскія дѣла. 1632 г., № 6.

аглинскимъ гостемъ твои государевы проезжие грамоты вездѣ по городомъ и назадъ до Москвы“ [1]).

Въ 1635 году правительствомъ было предпринято цѣлое обслѣдованіе злоупотребленій иностранцевъ и покрывавшихъ ихъ приказныхъ людей, между прочимъ, и въ дѣлѣ предоставленія иностранцамъ правъ торговли во внутреннихъ городахъ. По правиламъ, тѣ изъ иностранцевъ, которые имѣли жалованныя грамоты, всетаки, должны были на каждую поѣздку брать проѣзжія грамоты. Въ нарушеніе этихъ правилъ, заявляло правительство въ 1635 году, воеводы пропускали иностранцевъ безъ проѣзжихъ грамотъ, „а по государеву указу у которыхъ государевы и жаловалные грамоты есть и тѣмъ велено ѣздить с проѣзжими грамотами а грамоты велено имъ имать в посолскомъ приказе“ [2]).

Хотя по государеву указу и было велѣно брать проѣзжія грамоты въ Посольскомъ Приказѣ, но въ дѣйствительности это наблюдалось только тогда, когда купцы ѣхали изъ Москвы. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ дѣйствовали мѣстныя власти. Цѣлый рядъ документовъ и въ XVI, и въ XVII вѣкѣ говоритъ о томъ, что проѣзжія выдавались воеводами. Проѣзжія грамоты, выданныя пограничными воеводами, имѣли силу въ предѣлахъ даннаго воеводства, а кромѣ того, и внѣ его предѣловъ, но зато исключительно на территоріи иностраннаго государства. Зато и пограничные воеводы терпѣли въ предѣлахъ своихъ воеводствъ иностранцевъ съ проѣзжими грамотами иностранныхъ властей [3]). Что же касается проѣзжихъ грамотъ, выдававшихся воеводами внутреннихъ мѣстностей, то сила этихъ грамотъ ограничивалась предѣлами даннаго воеводства; внѣ его требовалась новая грамота. Иностранцы должны были ѣхать въ Россіи „по проѣзжимъ грамотамъ, имая проѣзжіе грамоты у воеводъ, отъ города до города“ [4]).

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Англійскія дѣла. 1635 г. генваря—іюня 7, № 3.

[2]) Приложеніе, № 4.

[3]) См. напр., Рус. Лив. Акт., № CCCXCIV, стр. 395 и слѣд., Акт. Арх. Эксп., т. III, № 184. Акт. Ист., т. III, №№ 134 и 154; т. IV, №№ 11, 38 и 82.

[4]) Труды Вост. Отд. Имп. Рус. Арх. Общ., т. XXII, стр. 73.

Каждый купецъ, пріѣхавъ въ данный городъ или уѣзжая изъ него, долженъ былъ явиться къ мѣстнымъ властямъ. Правительство Θеодора Ивановича заявляло въ 1589 г. Флетчеру о нарушеніи этого правила однимъ изъ членовъ англійской компаніи, который, „пріѣхавъ въ Ярославль и не явясь государя нашего приказнымъ людемъ", проѣхалъ далѣе въ Казань и пр. [1]).

Въ томъ случаѣ, когда субъектъ, получившій грамоту на путешествіе въ извѣстную мѣстность, этой грамотой своевременно не воспользовался, а затѣмъ захотѣлъ поѣхать туда же, то долженъ былъ получить новую грамоту [2]).

Проѣзжія грамоты, служа для удостовѣренія личности проѣзжающихъ, имѣли исключительный личный характеръ. Проѣзжая грамота, данная мужу съ женою и съ дѣтьми, была дѣйствительна только для опредѣленнаго состава даннаго семейства. Поэтому, мать семейства, оставшись вдовой и желая провести тѣ же товары съ своимъ братомъ, хлопотала у государя о новой проѣзжей грамотѣ, гдѣ вмѣсто мужа былъ бы названъ братъ просительницы [3]).

Кромѣ иностранцевъ, имѣвшихъ право торговать во внутреннихъ городахъ Московскаго государства, въ эти города пріѣзжали иногда и тѣ купцы, которые имѣли право

---

[1]) Стат. спис. посольства Флетчера. Временникъ, кн. VIII, стр. 24.

[2]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла. 7145—1637 г. съ 22 марта по 9 іюня. № 11, Св. 97, лист. 8. „Царю государю и великому князю Михаилу Θедоровичю всеа Русіи бьетъ челомъ иноземецъ Голанскіе земли торговой человѣкъ Елисѣйка Ульяновъ в прошломъ государь во 145 году по твоему государеву указу даны мнѣ иноземцу твоему государевы двѣ грамоты изъ Устюжской четверти на Тотму и на Устюгъ великій для смоляной покупки и я иноземецъ на Тотму и на Устюгъ великій для смоляной покупки въ томъ году не ѣздилъ а тѣ твои государевы грамоты у меня залежались милосердый государь и великій князь Михайло Θедоровичъ всеа Русіи пожалуй меня иноземца вели государь мнѣ нынѣ дати противъ тѣхъ грамотъ на Тотму и на Устюгъ великій для смоляной покупки свои государевы другія грамоты царь государь смилуйся пожалуй. (На оборотѣ) 146 г. іюля въ 3 день велѣть прежніе грамоты взявъ и справиться с отпускомъ и велѣть переписать."

[3]) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ. 7125—1617, № 1, св. 6.

торговли только въ пограничныхъ городахъ. Это совершалось при условіи полученія разрѣшенія отъ самого государя.

Такъ, въ 1620 г. пріѣхалъ въ Архангельскъ голландецъ Варѳоломей Крехтинъ съ товарами, но въ Архангельскѣ всѣ товары распродать не успѣлъ и потому просилъ пропустить его къ Москвѣ. Царь пожаловалъ и разрѣшилъ, давъ проѣзжую грамоту; но разрѣшеніе и грамота имѣли силу, какъ это ясно видно изъ всего текста ея, только на данный случай [1]).

Въ 1622 г. Новгородскіе воеводы доносили государю, что пріѣхавшіе въ Новгородъ голландскіе купцы съ образцами своихъ товаровъ, годныхъ на государевъ обиходъ, просятся отпустить ихъ въ Москву, но не имѣютъ государевыхъ ни жалованныхъ, ни проѣзжихъ грамотъ. Видно, что эти голландцы имѣли право торговать только въ пограничныхъ городахъ. Поэтому воеводы и не могли пропустить ихъ собственной властью, а спрашивали разрѣшенія государя. При этомъ воеводы, въ оправданіе своихъ дѣйствій ссылались на государевы указы. „Въ прошломъ государь во 129 году марта въ 13 день, писали воеводы, въ твоей государеве грамоте... писано къ намъ холопемъ твоимъ какъ государь впередъ учнутъ въ великій Новгородъ иноземцы изъ которыхъ государствъ пріѣзжать и учнутъ просится къ Москве... а твоихъ государевыхъ жаловалныхъ и проѣзжихъ грамотъ за приписьями твоихъ государевыхъ посольскихъ дьяковъ у нихъ не будетъ.... и намъ бы государь холопемъ твоимъ писати къ тебѣ ко государю напередъ ихъ а безъ твоего государева указа къ Москве пускати ихъ не велѣти“ [2]).

Совершенно ясно, что только одинъ государь могъ пропустить этихъ купцовъ внутрь Россіи. Обыкновенно это и бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда явившіеся въ пограничный городъ купцы привозили интересные для государя товары или вообще были съ большими товарами.

---

[1]) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Выѣзды въ Россію. 1620 г., октября 22, № 5.

[2]) Приложеніе, № 6.

Право на передвиженіе предоставлялось разрѣшеніемъ государя, въ силу котораго выдавали проѣзжую грамоту тѣ правительственныя учрежденія или агенты, которымъ это именно поручалось въ данномъ случаѣ. Если государь давалъ такое порученіе воеводамъ, то грамота составлялась и выдавалась воеводами. Когда въ 1622 г. государь разрѣшилъ пропустить внутрь Россіи голландскихъ купцовъ съ ихъ образцами товаровъ, то увѣдомилъ объ этомъ новгородскаго воеводу и дьяковъ и приказалъ воеводѣ дать голландцамъ проѣзжую грамоту „и проѣзжую грамоту, писалъ государь, ты бояринъ нашъ и воевода далъ, чтобы ихъ пропускали по городомъ вездѣ не задерживая“ [1]). Видно, что въ этомъ случаѣ воевода составлялъ такую грамоту, которая безпрепятственно открывала иностранцу весь путь отъ Новгорода до Москвы. Она никоимъ образомъ не равнялась обыкновенной проѣзжей грамотѣ. Проѣзжія грамоты права передвиженія не предоставляли. Государевъ указъ на Двину отъ 1627 года категорически подтверждалъ это, когда говорилъ, что тѣхъ иностранцевъ, которые „пріѣзжают по проѣзжим грамотам и тѣх иноземцов от Архангелского города к Москве и выные наши городы отпускат есмя не велѣли“ [2]).

Въ грамотѣ же, выданной воеводой голландцамъ, было то повелѣніе государя, которое давало купцамъ новое для нихъ право передвиженія. Называясь проѣзжей грамотой, она знаменовала не только желаніе правительства прослѣдить за путешественникомъ и не упустить его изъ виду, но и начало, и основаніе всего права путешественника на передвиженіе. Внѣ проѣзжей грамоты купецъ не имѣлъ и права.

Итакъ, въ одномъ только этомъ случаѣ проѣзжія грамоты были истиннымъ разрѣшеніемъ на передвиженіе, а во всѣхъ остальныхъ—служили удостовѣреніемъ личности проѣзжихъ.

Еще отъ древности получивъ эту свою послѣднюю роль, проѣзжія грамоты пронесли ее черезъ всю исторію Москов-

---

1) Приложеніе, № 6.

2) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла. 1627 г., № 25.

скаго государства, не смотря на то, что обстоятельства измѣнились къ худшему, что право на передвиженіе не составляло необходимой принадлежности иностранцевъ и должно было быть особенно добыто. Однако, въ виду одновременнаго существованія двухъ типовъ проѣзжихъ грамотъ, проѣзжія, выдававшіяся иностранцамъ, имѣвшимъ право на передвиженіе, могли быть легко смѣшиваемы съ тѣми проѣзжими, которыя выдавались иностранцамъ, права на передвиженіе не имѣвшимъ.

Отъ такого смѣшенія могли сильно страдать заинтересованныя лица. Въ древности также можно было наблюдать разныя значенія проѣзжихъ, а именно—удостовѣренія личности и предоставленія безопасности. Но эти два момента древнихъ проѣзжихъ не затемняли значенія одинъ другого и могли мирно уживаться рядомъ. Было даже выгодно, если за проѣзжей признавали значеніе не только удостовѣренія личности, но и принятой государствомъ обязанности обезпечить безопасность. Въ Московскомъ же государствѣ, при смѣшеніи двухъ типовъ проѣзжихъ, цѣлая категорія лицъ могла оказаться лишенной своего права.

Въ заключеніе интересно отмѣтить, что, не смотря на то, что опасныя грамоты древней Руси должны были бы потерять всякое значеніе факторовъ, предоставлявшихъ безопасность, всетаки, въ Московскомъ государствѣ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же самымъ явленіемъ, хотя и измѣненнымъ, сообразно обстоятельствамъ.

Мы выше видѣли, какъ въ Новгородѣ воевода долженъ былъ, согласно особому распоряженію государя, беречь толмача Карклина отъ мѣстнаго дьяка, завѣдывавшаго надзоромъ за питейнымъ дѣломъ и необыкновенно сердитаго и строгаго, и какъ воевода долженъ былъ не давать этого толмача въ обиду дьяку. Такъ точно и теперь, разсказывая о проѣзжихъ грамотахъ, должны замѣтить, что онѣ служили иногда въ подобныхъ случаяхъ, совершенно для нихъ неподходящихъ. Новое ихъ значеніе достаточно обрисовалось, чтобы не ворочаться въ старинѣ. Однако это было.

Такъ, въ 1635 г. агентъ англійской торговой компаніи жаловался государю на таможенныхъ головъ и цѣловальниковъ, которые, не обращая вниманія на жалованную грамоту

компаніи, освобождавшую ее отъ разныхъ тягостей и, между прочимъ, отъ платежа пошлинъ, брали пошлины и чинили англичанамъ всякое насильство; поэтому агентъ просилъ государя оповѣстить объ этомъ по городамъ властей и запретить чинить насильство англичанамъ компаніи. Тогда государь написалъ, по общему шаблону проѣзжихъ грамотъ, проѣзжую грамоту, въ которой излагались причины ея выдачи, а именно приведенная выше жалоба, и содержался государевъ указъ воеводамъ и всякимъ приказнымъ людямъ не нарушать привилегій англійской компаніи и не причинять ей никакихъ незаконныхъ задержекъ въ торговлѣ. Грамота была отдана агенту, который могъ показывать ее воеводамъ и другимъ приказнымъ людямъ. Эти послѣдніе, читая грамоту, должны были удерживаться отъ насилій [1]).

Хотя эта грамота и была названа самимъ государемъ проѣзжей, но она, по признакамъ сдѣланной нами квалификаціи проѣзжихъ грамотъ, меньше всего могла быть названа проѣзжей въ смыслѣ XVII вѣка. Эта грамота воскрешала прежнія традиціи опасныхъ грамотъ. Только опасныя грамоты защищали преимущественно отъ воровъ, эти же грамоты государя защищали отъ его приказныхъ или не въ мѣру усердныхъ, или очень корыстолюбивыхъ.

---

[1]) Приложеніе, № 8.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

№ 1.

Англійскія дѣла. 1628 г., іюня 12, № 2.

Два списка жалованной грамоты Государя царя Михаила Ѳедоровича и Патріарха Филарета данной аглинскимъ гостемъ Книхту с товарыщи о безпошлинномъ въ Россіи купечествѣ. Тутъ же и выписки съ оной грамоты.

(л. 1) Списокъ з государевы царевы (т) и отца его государева великого государя Святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Русіи з жаловалные грамоты какова дана аглинскимъ гостемъ въ нынѣшнемъ во 136 году.

Бога единого безначалнаго и безконечнаго невидимаго неописаннаго страшнаго и неприступнаго превыше небесъ пребывающаго живущаго въ свѣте неприступнемъ владущаго небесными силами і единымъ безсмертнымъ словомъ премудрости своея видимая и невидимая вся содержащаго и животворящимъ и божественнымъ духомъ вся оживляющаго и недреманнымъ окомъ на землю призирающаго и всяческая на ней устрояющаго и утѣшенія (л. 2) благая всѣмъ человѣкомъ подающаго его жъ трепещутъ и боятца небесная и земная и преисподняя того единого Бога нашего в тріех лицех прославляемаго и во единстве покланяемаго милостію и неизреченнымъ промысломъ благоволившаго возпріяти скиѳетръ православія великія Росіи в славу святаго и страшнаго имени его в наслѣдіе великихъ государей ца-

рей и великихъ князей Російскихъ ко благоугодію землѣ к потребе людемъ в месть врагомъ в похвалу добродѣемъ мы великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всея Русіи самодержецъ Владимерскій Московскій Новгородцкій царь Казанскій царь Астраханскій царь Сибирскій государь Псковскій і великій князь Смоленскій Тверскій Югорскій Пермскій Вятцкій Болгарскій і иныхъ государь і великій князь Новагорода Низовские земли Черниговскій Резанскій Полотцкій Ростовскій Ярославскій Белоозерскій Удорскій Обдорскій Кондинскій і всея Сѣверные страны повелитель и государь Іверские земли Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинские земли Черкаскихъ и Горскихъ князей и иныхъ многихъ великихъ государствъ государь и обладатель и по плотцкому рожденію отецъ нашъ по духовному жъ чину отецъ и пастырь и учетель и превысочайшій святитель великій государь Святѣйшій Ѳиларетъ Никитичъ Божіею милостію патріархъ царствующаго града Москвы і всея великия Росіи пожаловали есмя брата нашего любительнаго великого государя Карлуса короля Аглинского и Шкотцкого Ѳранцужского и Хибирского и иныхъ его королевского величества аглинские земли гостей Сер Джана Мерика и Нихта Сер Вилима Руселя Кнехта Хоамарили Андраман Книхта Раѳ Ѳримана Алдрамана Ролента Хелен Алдрамана Роборта Батмана Клементья Харби Джоба Харбей Ѳабяна Смита агента Ѳранцуса Ѳлиера Бенжемена Декиря Джорча Струва Томаса Симанса Джана Бланда Джана Бедлы Томаса Сома Томаса Ѳримана Килоѳета Руселя Рыцеря Свиѳта Томоса Вича Джемса Кокса Антоній Пенистона Ульяна Роля всего двatцати трехъ человѣкъ что писалъ къ нашему царскому величеству братъ нашъ любителный великій государь Карлусъ король съ посланникомъ своимъ съ рыцаремъ с Виѳтомъ что из аглинскихъ гостей из дватцати из дву человѣкъ которые были написаны в нашей и отца нашего великого государя святѣйшаго патріарха прежней жаловалной грамоте выбыло семь человѣкъ іные померли а иные от торгу отстали и нашему б царскому величеству и отцу нашему великому государю Святѣйшему (л. 4) патріарху пожаловати в тѣх выбылых мѣсто в жаловалную грамоту велѣти написати

наслѣдников их иных аглинских гостей а кого имянем в жаловалную грамоту приписат і имена тем гостем подастъ агентъ Ѳабянъ Смит да братъ же нашъ любителный великій государь Карлусъ король писалъ к нашему царскому величеству в соборной грамоте что учал в нашемъ царского величества в Московскомъ государстве торговать его королевского величества подданной Ульянъ Роля и нашему б царскому величеству для прошенья и челобитья его королевского величества пожаловати того Роля такою жъ поволностью какъ і иные его королевского величества поданные аглинские гости пожалованы поволною торговлею а велѣти б аглинскимъ гостемъ торговати всякому особно врознь и поволити б имъ приходити на караблѣхъ в наше государство к Архангельскому городу со всякими товары и от морские пристани до царствующаго града Москвы и по городомъ нашего государства в великій Новгородъ и во Псковъ и в ыные городы и торговати всякими товары безпошлинно по прежнему обычею и для ихъ волные торговли пожаловати б аглинских гостей велѣти имъ дати нашу царскую и отца нашего великого государя Святѣйшаго патриарха (л. 5) новую жаловалную грамоту с нашимъ царскимъ и отца нашего великого государя Святѣйшаго патриарха именованиемъ таковужъ каковы даваны жаловалные грамоты аглинскимъ гостемъ прародителей нашихъ великихъ государей царей і великихъ князей Російских и какова наша царского величества и отца нашего великого государя Святѣйшаго патріарха жаловалная грамота аглинскимъ гостемъ дана в прошломъ во 134 году И мы великій государь царь і великій князь Михайло Федоровичъ (т) и по плотцкому рожденію отецъ нашъ а по духовному чину отецъ и пастырь и учитель и превысочайшій святитель великій государь Святѣйшій Патріархъ Ѳиларетъ Никитичъ Московскій и всеа Русіи хотя быти з братомъ нашимъ любителнымъ с Карлусомъ королемъ вперед в крѣпкой братцкой дружбе и любви его королевского величества поданныхъ аглинскихъ гостей Сер Джана Мерика Книхта с товарыщи дватцати трех человѣкъ которымъ гостемъ имена подал нашего царского величества приказнымъ людемъ его королевского величества агентъ Фабянъ Смитъ и что писалъ королевское величество

о Ульяне Роле в особной грамоте для прошенья его королевского величества пожаловали поволили имъ торговати в нашихъ государствахъ поволною торговлею а приходити на караблѣх къ нашему государству въ Двинскую землю к Архангелской пристани (л. 6) по прежнему гдѣ преж сего приезжали а от пристани ѣздити имъ нашею землею по городам на Устюгъ великій и на Вологду и въ Ярославль и къ царствующему граду Москвѣ і в великій Новгородъ и во Псковъ и в иные городы со всякими товары и торговати всякими товары поволною торговлею и пошлинъ таможенные и за мытныи и свалные и проѣзжие и судовые и головщины и мостовщины и явки и перевозов и всяких наших пошлин с них и съ их товаров имати есмя не велѣли и аглинскимъ гостем Сер Джану Мерику с товарыщи по сей нашей государской жаловалной грамоте торговати в нашемъ государстве безпошлинно своими товары а привозити имъ съ собою в наше государство всякие товары сукна и камки и отласы и таѳты добрые по прежнему какъ бывало наперед сего чтоб камки и таѳты были тѣлны и сукна густы и в мѣре не малы и в моченье не бегучи какъ бывало наперед сего а не так как в нынѣшних годѣх не в давном времени учали они агличане привозити сукна і иные товары не добрые не противъ прежнего каковы были преж сего настраѳили добрые и кострыши а нынѣ и лундыши не таковы такъ же и иные товары перед прежним во всемъ хуже, а из Московского государства товары всякие вывозят во всемъ противп режняго ни чем не переменилися и в нашу царского величества (л. 7) казну узорочные всякие товары, которые в нашего царского величества казну годятца, отдавати прямою цѣною по своей цѣнѣ, а чюжихъ товаровъ за свои товары с собою не привозити и закупней руских людей у себя не держати и товаровъ их аглинскими товары не называти да и іных государствъ иноземцовъ с собою не имати ж и у архангелского города иных земель торговыхъ людей товаровъ для пошлинъ за себя не имати, опрочѣ прямой торговли и товаровъ их аглинскими товары не называти ж, чтоб въ томъ нашей таможной пошлинѣ убытковъ не было и того всего имъ аглинскимъ гостемъ остерегати и нашего царского жалованья и отца нашего

великого государя святѣйшаго патриарха такими негодными статьями не нарушати и з братомъ нашимъ съ Карлусом королемъ тѣмъ меж насъ нелюбья не чинити, а жити аглинским гостемъ пріезжая к Москвѣ на аглинскомъ на старомъ дворѣ, а будетъ имъ того ихъ прежнего двора для розные их торговли мало и всѣмъ вмѣститися будет не мочно і имъ о томъ пріискав мѣсто подле того двора или иные гдѣ пригоже бити челомъ нашему царскому величеству и отцу нашему великому государю Святѣйшему Патріарху, и мы великій государь и отецъ нашъ великій государь Святѣйшій патриархъ Ѳиларетъ Никитичъ Московскій и всеа Русіи по их челобитью пожалуем велимъ купить, а без нашего (л. 8) государского повелѣнья врознь дворовъ не ставити и не покупати, а торговати агличаном в нашем государстве тѣмъ, которые в сей нашей жаловалной грамоте написаны имянно по сей нашей жаловалной грамоте, а судити аглинских гостей, по прежнему нашему указу, в посолскомъ приказе дьякомъ нашимъ, а будетъ имъ до кого дѣло до нашихъ людей или нашимъ людемъ до нихъ или межъ собя в каких дѣлех в торговле и взаймѣх нам о том бити челом о судѣ и о розправе в посолскомъ же приказе, а самим собою не судитеся, а началнику у них в торговых дѣлех быти по ихъ прошенью агенту Ѳабяну Смиту, а по немъ вперед кому королевское величество укажетъ, и агенту Ѳабяну того всего над аглинскими гостьми, которые учнутъ приѣзжати в наше государство к Архангельскому городу и к Москвѣ и въ ыные городы нашего государства того всего смотрити и во всемъ остерегати, чтоб было все по нашему царскому и отца нашего великого государя Святѣйшаго патриарха милосердому жалованью, а мимо б нашего жалованья, чево не указано, того не дѣлали, а которые агличане торговые люди учнут приѣзжат в Московское государство сверхъ сеѣ нашие жаловалные грамоты и по нашему указу по городом бояром нашимъ и воеводам и приказным людем у тѣх людей товаровъ их осматривати и переписывати (л. 9) и пошлины с тѣх их товаровъ имати потому жъ, как и на иныхъ иноземцахъ, потому что они учнут приезжат сверхъ сеѣ нашие жаловалные грамоты, а гдѣ в которой город сами аглинские гости

или их прикащики и люди их с своими товары приѣдутъ и имъ свои товары продавати и нашихъ государствъ товары покупати поволно, а коли приѣдут в нашу отчину в великій Новгород и во Псков или в ыные в которые городы, и наше бояре воеводы и всякие наши приказные люди по нашей царской грамоте велят имъ потому жъ торговати поволно на всякой товар і исторговався отпущают их без задержанья, а пошлинъ съ них и съ их товаровъ никаких не емлют, опричь прибылых аглинских людей, которые учнуть пріѣзжати сверхъ сеѣ нашие жаловалные грамоты, а гдѣ аглинские гости, которые в сей нашей грамоте описаны, поѣдут с торгомъ проѣздомъ, а товаровъ не купят и своих не продают и в тѣх городѣх по тому жъ таможенныхъ и всяких пошлин с них не имат по сей нашей царской жаловалной грамоте, а будет аглинские гости гдѣ похотятъ торговати или меняти товары своими с нашими гостьми и торговыми людьми і они товар на товар меняют и свои товары продают мѣстнымъ дѣлом, а порознь аглинским гостемъ своих товаров и врозвѣсъ и в аршинъ на своем дворѣ в городѣх нигдѣ не продавать ни мѣнять, а продавать и мѣнять мѣстнымъ дѣломъ сукна кипами и поставы а камки бархаты косяками (л. 10) и поставцы, а не въ аршинъ а вѣщей всякой товаръ продавать потому жъ мѣстнымъ дѣломъ берковцы а не в розвѣсъ а питье заморское продавати мѣстным же дѣломъ бочками болшими беременными и полубеременными и куѳами, а врознь питья в вѣдра и в стопы не продавати и торговати аглинскимъ гостемъ в нашемъ государствѣ товары свои мѣняти и продавати и руские товары покупати самимъ, а рускимъ людемъ от них не торговати и не меняти и чюжихъ товаровъ аглинскимъ гостемъ за свои товары нигдѣ не провозити и закладчиковъ за собою не держати и товаровъ ихъ своими не называти, а будетъ аглинские гости купцы похотятъ товаръ свой продавати на колмогорах и на Двинѣ и на Вологдѣ и въ Ярославле і они товаръ свой продаютъ поволно по сему жъ нашему указу мѣстнымъ дѣломъ, а с тѣх товаровъ ихъ по всѣмъ нашимъ городомъ во всемъ нашемъ государстве бояре наши и воеводы и всякие наши приказные люди тамги и всякихъ пошлинъ не емлютъ по сей нашей госуда-

ревой жаловалной грамотѣ, а извощиковъ под тѣ товары и суды, и гребцы наимовати во всѣхъ городѣхъ поволно по уговору, а коли аглинские гости и купцы похотятъ ѣхати из нашего государства в свою землю или въ иные неметцкіе земли а произволимъ будетъ с ними для нашего дѣла и для покупки послати нашу казну и им наша казна с собою имати и продавати (л. 11) и меняти на товары по нашему указу какъ мы поволимъ и с тѣми нашими товары бояре наши и воеводы и всякие наши приказные люди по всѣмъ нашимъ городамъ их и прикащиковъ ихъ пропускаютъ безпошлинно по нашей проѣзжей грамоте, а какъ аглинские гости сторговався поѣдутъ с Москвы к Архангелскому городу или в свою землю и имъ явитися в посолскомъ приказе дьяком нашимъ, а будет притчею случится аглинскимъ гостемъ и купцомъ на море которая невгода разобетъ корабль и принесетъ тот корабль х которому мѣсту нашие земли и нашимъ воеводамъ и приказнымъ людем и всякимъ нашимъ людем аглинских гостей животы сыскивати вправду и отдавати аглинским гостем, которые в то время будутъ в нашей землѣ всѣ сполна, что ни сыщитца, а не будет в то время аглинских гостей в нашей землѣ и тѣ животы, собрав положити в одном мѣсте до нашего указу, а какъ придутъ аглинские земли люди и тѣ животы отдавати аглинские земли людемъ без задержанья, а что у аглинскихъ гостей наше государское жалованье дворъ на Москвѣ у святого Максима Исповѣдника за торгомъ и имъ на томъ дворѣ держати одного дворника своево немчина, а рускихъ людей на Москвѣ у себя и по городомъ в службе и в дворникехъ не держати; да у нихъ же у аглинскихъ гостей дворы по городомъ въ Ярославле на Вологдѣ на Колмогорахъ у пристанища (л. 12) морского въ Архангельскомъ городе и тѣ имъ дворы, за собою удержати по нашему царскому жалованью по прежнему, а съ тѣх дворовъ податей и оброковъ и всякихъ пошлинъ имати есмя на них не велѣли и с посадцкими людми тѣхъ ихъ дворовъ дворникомъ их ни чемъ не тянути и стоялщиковъ на тѣхъ ихъ дворех нашихъ людей и иноземцовъ при нихъ и без них ставити есмя не велѣли, а держать имъ на тѣх дворехъ въ Ярославле и на Вологде и на Колмогорах и въ Архан-

гельскомъ городѣ дворниковъ своих нѣмец и товары, имъ на тѣх дворех класти и продавати кому похотятъ по сей нашей царской жаловалной грамоте безпошлинно а дворники без них товары их ни какими не торгуют а у морской пристани приставати имъ с своими товары по прежнему и ис кораблей свои товары выкладывати и перевозити на свой дворъ и корабли товары нагружати своими наемными людми, а нашимъ воеводамъ и приказнымъ людемъ таможнымъ головамъ и цѣловалникомъ тѣмъ ихъ товаромъ имати у них росписи за их руками, чтоб таможнымъ головамъ товары их что у ково будетъ немецких и руских товаровъ были в вѣдоме и самимъ таможеннымъ головамъ и цѣловалникомъ товаровъ ихъ не пересматривати и кип не розвязывати и задержанья и простою и убытковъ в томъ имъ не чинити а аглинскимъ гостемъ (л. 13) товары свои всякие и узорочные таможеннымъ головамъ и целовалникомъ объявляти и въ росписѣх писати всѣ сполна не утая ничего а что утаят или чюжие товары назовутъ своими и сыщетца про то подлинно и на томъ кто такъ учинит взять на нас на великого государя за протаможье пеня болшая, что мы великій государь укажемъ, а какъ аглинскіе гости поидут отъ Архангельскаго города в наше государство к Москвѣ или руской товар учнут отпускат в свою землю и нашимъ приказнымъ людемъ и таможеннымъ головамъ и целовалникомъ с тѣми их товары отпускат их не замѣшкавъ по сей нашей царской жаловалной грамоте а похотятъ аглинские земли гости и купцы изъ нашего государства послать въ свою землю людей своих сухимъ путемъ через Свѣю и иные государства и имъ своих людей посылать в свою землю с нашего царского величества повеленья а грамоты проѣзжие имати имъ в Посолскомъ приказе; а кому будет до нихъ каково дѣло в торгу или в обиде и по городомъ бояромъ нашимъ и воеводамъ и дьякомъ всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ аглинских гостей самихъ и ихъ прикащиковъ и людей ихъ ни в какихъ дѣлехъ не судити и приставовъ по нихъ и по прикащиковъ ихъ и по людей ни в какихъ дѣлех не посылати, опричь душегубства и татьбы и розбою с поличнымъ, а судятъ ихъ и ихъ прикащиковъ и людей с нашими с рускими

людми по нашему царского (л. 14) величества и отца нашѐго великого государя Святѣйшаго патриарха Ѳиларета Никитича Московскаго и всеа Русіи указу наши дьяки в Посолском приказе и управу межъ ими всякую чинят сыскивая в правду, а чего сыскъ не имет и им в том присуживати вѣра з жеребья, чей жеребей выметца тому и вѣра учинить; а будеть аглинские гости учнут в которомъ городѣ в наших государствах на наших людей в торговых дѣлех в долгѣх бити челом и по городом бояромъ нашимъ воеводамъ и дьякомъ и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ аглинскимъ гостемъ на нашихъ на руских людей в долгѣх судъ давати и в тѣхъ дѣлех росправа меж ими чинити в правду, а в которыхъ дѣлех учинитца межъ ими споръ и по городомъ бояромъ нашимъ и воеводамъ и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ по челобитью аглинскихъ гостей и нашихъ руских людей в тѣх спорныхъ дѣлехъ велѣти давати на поруки и чинити срокъ ставитца на Москвѣ к отвѣту в посолскомъ приказе перед дьяки нашими и по нашему указу о тѣх дѣлех их судят и управу межъ ими чинять сыскивая в правду дьяки наши, а въ чемъ сыскъ не имет и в томъ присуживают по тому жъ вѣру з жеребья, чей жеребей выметца тому и вѣра учинить; а пошлинъ с судных дѣлъ с аглинскихъ гостей не емлют нигдѣ и сие наши жаловалные грамоты, мы великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи Самодержецъ и отецъ нашъ великій государь Святѣйшій патріархъ Ѳиларетъ (л. 15) Никитичъ Московскій и всеа Русіи в нашемъ государствѣ на Москвѣ и по всѣмъ городамъ бояромъ нашимъ и всякимъ приказнымъ людемъ велѣли во всемъ слушать и рудить ни в чем не велѣли и велѣли имъ сю нашу жаловалную грамоту дати за нашею царственною и отца нашего великого государя святѣйшаго патріарха за его святительскою печатьми, а будет кто сеѣ наши царские жаловалные грамоты не учнет слушать а учнуть агличаномъ чинити обиды и насильства мимо нашего государского повелѣнья и тѣмъ людемъ быти в великой опалѣ. Дана ся наша государева жаловалная грамота в государствія нашего дворѣ в царствующемъ граде Москвѣ лѣта отъ созданія миру 7136 г. июня мѣсяца 12 дня.

№ 2.

Голландскія дѣла. 1652 г., іюля 18, № 5.

Дѣло по челобитью Вологодскихъ купцовъ на голландцовъ въ Россіи торгующихъ о запрещеніи имъ мелочными торговать товарами.

(л 1) Царю государю і великому князю Алексѣю Михаиловичю всеа Русіи бьютъ челомъ сироты твои Вологжаня посадцкие людишка земской староста Кипрюшка Носков с товарыщи і во всѣхъ посадцкихъ людей мѣсто жалоба государь наша на торговыхъ иноземцовъ голанских гостей Марка Маркова да Юрья Клинкина на прикащика их на Вахромѣя Іванова да на московского немчина Мартына Юрьева да на голанцовъ же на Володимера Іванова на Івана Самойлова на Елизарья Ульянова на Івана Ондрѣева на Петра Іванова и на их товарищевъ и на прикащиковъ которые приезжают к Вологде тѣ государь торговые нѣмцы живут на Вологде своими дворами а к ним приезжая ставятца у них же во дворех многие иные нѣмцы и живут многое время во всю зиму и до водяные сплавки, и у насъ сиротъ твоих всякие торговые промыслы отняли покупають сами на площади у пріѣзжих людей и у крестьян с возовъ розными мѣлкими мѣсты которые им товары за море въ их земли годны мяса свиные и окорока и щетины и мяса говяжьи и языки и сало сырец и пенку и рогожи и кулье и мяхкую рухлядь и иные всякие товары и тѣ покупные товары на своих дворех тѣ нѣмцы сами своими людми мяса солят и щетины чистятъ и поставили на своих дворех поварни и предильны и в поварнех окорока и языки коптятъ и сало топят и на прядилнях пряжу прядутъ и мяхкую рухлядь правятъ и покупили себѣ многие лодьи и дощаники і в тѣх своих судѣхъ тѣ свои товары и многие иные привозные ис городовъ юфти и сало топленое и свиные чищеные щетины и всякие товары свои и иных иноземцов и руских торговых людей ис провозов с Вологды сплавливаютъ водянымъ путемъ к архангельскому городу и от города в тѣх же своихъ дощаникех заморские свои и иных иноземцов и руских людей товары провозятъ к Вологде а с тѣх своих торговых промыс-

лов опрочеѣ покупной пошлины противъ прежнихъ лѣтъ перекупныя пошлин никаких твоих государевых податей не платят и приѣхавъ въ твою государеву отчину в чужей земле живут в болшем покое и прокладе а наперед сего тѣ нѣмцы сами на площади с возов у приѣзжих людей и у крестьян мелкими мѣсты и болшими статьями тѣх товаровъ не покупали и тѣми торговыми промыслы не промышляли а покупали тѣ товары мѣстными статьями у насъ сиротъ твоихъ мяса соленые и щетины чищеные окорока и языки копченые и пенковую пряжу готовую и сало топленое и тѣ свои товары проводили водянымъ путемъ и с провозовъ на судишкахъ у насъ сиротъ твоихъ и с тѣхъ государь торговыхъ промысловъ служили мы сироты твоі всякие твоі государь службы и платили твои государевы подати и с товаровъ твоі государевы перекупные вѣсщи пошлины болшие с покупки платили какъ купили в рознице да какъ продадимъ тѣмъ нѣмцамъ а ныне государь та твоя государева вѣщая перекупная пошлина от той ихъ розничной покупке тебѣ государю не збираетца и мы сироты твои без тѣх торговых промысловъ платя твои государевы далные подати болшие и стрелецкие и ямские и бѣлой кормъ в окладе даточныхъ людей и на окупъ полоняникомъ і всякие твоі государевы доходы служа твоі государевы службы многие и частые без престани на Вологде и въ Вологотцкомъ уѣзде у твоихъ государевыхъ таможенныхъ и кабатцкихъ и у далныхъ и у полевныхъ зборовъ и у покупки у твоего государева хлѣба и у хлѣбныхъ твоихъ государевыхъ Колских и Колмогорскихъ запасовъ і в ыных во всякихъ твоихъ государевыхъ службахъ на всякой год по двѣсте человѣкъ и болши оскудали и обдолжали великими долги і в конецъ погибаемъ милосердый государь царь і великій князь Алексѣй Михаиловичь всеа Русіи пожалуй насъ сиротъ своих не вели государь тѣм нѣмцамъ тому Вахромѣю Іванову и Мартыну Юрьеву с товарыщи и инымъ нѣмцомъ и их прикащикомъ самимъ на площади у пріѣзжих крестьянъ с возовъ розными (л. 2) мелкими статьями всяких товаровъ покупати для того чтоб твоя государева перекупная пошлина не пропадала которую мы сироты платимъ тебѣ государю с покупки и с продажи и с дощанииковъ и лодей не вели государь самимъ имъ вподряд дѣлать и судовымъ промысломъ

йсвосщичат и тѣх торговыхъ промыслов у нас сирот твоих не вели государь отымать потому что они иноземцы с нами сиротами твоими нашихъ градских твоих государевыхъ никакихъ податей не платят и тяглых служеб не служат а по указу отца твоего государева блаженные памяти великого государя царя і великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи и по грамоте какова дана ваша государева грамота аглинскимъ иноземцомъ в Московскомъ государстве будучи велено имъ своі товары продавать сукна кипами а бархаты и отласы косяками а не в аршины а вѣсшихъ товаровъ пудами и ѳунтами и золотниками тожъ продавать не велено и руские всякие товары покупать имъ иноземцомъ болшими статьями а не розницею і вели государь имъ иноземцомъ покупать всякие товары мѣстными статьями по прежнему у насъ сирот твоих мяса соленые и сало топленое и окорока копченые и сщетины чищеные пряжу пенковую въюхами какъ наперед сего покупали и тѣх их товары с Вологды проводить намъ сиротамъ твоимъ па своихъ судѣх и с провозу для того что мы сироты твоі государевъ наметной хлѣб возимъ из малого провозу а они иноземцы на своихъ судѣх не возят і в подмогу нам не даютъ чтобъ от ихъ немецкие розничные покупки твоей государеве казнѣ таможенного сбору порухи не было в перекупныхъ пошлинах а намъ бы сиротамъ твоимъ промыслишковъ своих не отстать и твоих бы государевых служеб и податей впред не отбыть и в конецъ не погибнуть царь государь смилуйся пожалуй.

І в посолском приказе выписано

в прошломъ во 159 году в марте мѣсяце били челомъ государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичю всеа Русіи новгородцкой гость Василей Стояновъ да новгородецъ выборной посацкой человѣкъ Микита Тетеринъ і всѣ новгородцы торговые люди которые по проѣзжимъ грамотамъ ѣздятъ для своего торговаго промыслу за рубежъ в Свѣйские городы какъ де они бываютъ в Свѣйскихъ городѣхъ с своими товары и Свѣйские неметцкие люди врознь локотных и иных всяких товаровъ ихъ продавать не приѣзжими торговыми людми съ нѣмцы іныхъ земель торговать имъ не даютъ а велятъ всякие товары продавать в Стеколне

і в Колывани и в ыных Свѣйскихъ городех нѣмцамъ тутошнимъ жилцомъ полатникомъ торговымъ (л. 4) людемъ не волею сваломъ а не врознь и по ярманкамъ их ис тѣх городовъ в ыные городы не пущают же и от той де ихъ неволной зарубежной торговли чинитца имъ убытки немалые а какъ де тѣ свѣйские и любские торговые нѣмцы и иных неметцкихъ городовъ приезжают в великій Новгород і в пригороды і в уѣзды и они всякие товары продаютъ врознь всякимъ людемъ а не сваломъ и покупаютъ всякие товары и мяхкую рухлядь и сало и кожи порозь же у всякихъ людей и по ярманкамъ в нашихъ городѣх і в уѣздех для торговли ѣздятъ и людей своих посылаютъ и продаютъ всякие товары в рознѡ жъ локотной въ аршины а вѣсчей всякой товаръ жемчюгъ в золотники і иные вѣсчие товары в ѳунты а не сваломъ и с приѣзжими рускими торговыми людми торгуютъ всякими товары (л. 5) самоволствомъ врознь же по своей воле да тѣ жъ де свѣяне и любчане и иныхъ городовъ нѣмцы въѣзжаютъ въ государевы порубежные волости і в села и в деревни в Сомерскую волость і в Лятчину і в ыные волости и в деревни и закупаютъ всякие товары ленъ и пенку и хлѣбъ и мяса и сало и мяхкую всякую рухлядь без государева указу и без проѣзжихъ грамотъ тайно а в великій Новгородъ в таможню являтца не приѣзжаютъ и оттово государя таможенной казны чинитца убыль не малая да у тѣхъ же де нѣмецъ у свѣянъ и у любчанъ в великомъ Новѣгороде на посаде поставлены дворы блиско гостина двора и на дворехъ у себя завели поварни болшимъ заводомъ и топятъ сало и иные заводы заводятъ и тѣ досталные промыслы у нихъ (л. 6) отняли а по государеву указу в ыныхъ городѣхъ нѣмцамъ товаровъ продавать и покупать вновь нигдѣ не велено а во Пскове де неметцкие дворы поставлены за городомъ за великою рекою і в городъ ихъ для торговли и иныхъ дѣлъ не пущаютъ а для государевыхъ пошлинъ на немецкомъ дворѣ поставлена таможня на загородныхъ дворехъ и караулъ для всякого опасенья устроенъ и государь бы ихъ пожаловалъ велѣлъ имъ дать свою государеву грамоту чтобъ тѣмъ неметцкимъ свѣйскимъ и любскимъ и иныхъ земель иноземцомъ торговымъ людемъ въ великомъ Новѣгороде и в пригородехъ і в уѣздех по селамъ и по погостамъ и по дерев-

нямъ и по всякимъ уѣзднымъ ярманкамъ врознь товаровъ своихъ рускимъ людемъ продавати а у рускихъ людей товаровъ (л. 7) всякихъ врознь покупать не велѣть а велѣть имъ всякие товары продавать и покупать въ Великомъ Новгороде у посадцкихъ торговыхъ людей сваломъ а не врознь а иныхъ городовъ с торговыми с приѣзжими людми всякими товары на денги именованными товары мимо ихъ посадцкихъ людей не торговати бъ такъ же какъ у нихъ рускимъ людемъ заповѣдано і в пригороды і въ уѣзды в села і в деревни Новгородцкого уѣзду для покупокъ всякихъ товаровъ рускихъ и своихъ неметцкихъ товаровъ продажъ въѣзжать имъ і в Сомерскую волость і в Лятцкую і в ыные села и погосты і в деревни для торговыхъ покупокъ без проѣзжихъ грамотъ не въезжать и безпошлинно и без явочно никакихъ товаровъ нигдѣ не покупат и сало (л. 8) варные ихъ поварни в которыхъ на дворахъ сало топили отставит

И потому их челобитью послана государева грамота в великій Новгородъ к боярину і воеводе ко князю Юрью Петровичю Буйносову Ростовскому велено в великом Новгороде і в новгородцкихъ пригородѣхъ і в уѣздех учинить заказ крепкой чтобъ свѣйские и любские и иныхъ земель торговые иноземцы в великомъ Новѣгороде і в Новгородцкихъ пригородехъ і въ уѣздех по селамъ и по деревнямъ и по всякимъ уѣзднымъ ярманкамъ товаровъ своихъ рускимъ людемъ врознь не продавали такъ же и у рускихъ людей всякихъ товаровъ врознь не покупали а продавали бъ всякие товары въ великомъ Новѣгороде посадцкимъ торговымъ людемъ и покупали у них же сваломъ а не врознь і в пригороды (л. 9) і в уѣзды въ села і в деревни для покупокъ всякихъ рускихъ товаровъ и для продажи своихъ неметцких товаровъ не въѣзжали і в Сомерскую і в Лятцкую волости і в ыные села и погосты і в деревни для товарныхъ покупокъ без проѣзжихъ грамотъ не ѣздили и безпошлинно б и без явочно никакихъ товаровъ нигдѣ не покупали и саловарныхъ бы поваренъ в которыхъ сало топили у нихъ на неметцкихъ дворехъ отнюдь не было и сала б не топили і врознь не покупали а покупали бъ сало топленое въ великомъ Новѣгороде у посадцкихъ у торговыхъ людей мѣснымъ дѣломъ.

И государю царю і великому князю Алексѣю Михаиловичю всеа Русіи вологженя посадцкие люди земской староста Кирюшка Носковъ с товарыщи бьютъ челомъ (л. 10) на торговыхъ иноземцовъ на галанскихъ гостей на Марка Маркова да на Юрья Клинкина да на приказщика ихъ на Вахромѣя Іванова на московскаго немчина на Мартына Юрьева да на галанцовъ же на Володимера Іванова на Івана Самойлова на Елизарья Ульянова на Івана Ондрѣева на Петра Іванова и на иныхъ товарищей и на приказщиковъ которые приезжаютъ к Вологде живут де тѣ иноземцы на Вологде своими дворы а къ нимъ приезжая ставятца у нихъ во дворех многие иноземцы и живутъ многое время во всю зиму і всякие торговые промыслы у нихъ отняли покупаютъ у приѣзжихъ людей сами и у крестьянъ с возовъ розными мѣлкими мѣсты которые им товары за море въ ихъ земли годны мяса свиные и говяжьи окорока (л. 11) и языки и рогожи и мяхкую рухлядъ и иные всякие товары и тѣ покупные товары на свои дворех те нѣмцы сами своими людми мяса солятъ и щетины чистятъ и поставили на своихъ дворехъ поварни и предилны и в поварнех окорока и языки коптятъ и сало топятъ и на прядилнахъ пряжу прядутъ и мяхкую рухлядь правятъ и покупили себѣ многие лодьи и дощаники і в тѣх своихъ судѣхъ тѣ свои товары юфти и сало топленое и козлины и чищеные щетины і всякие товары свои и иныхъ иноземцовъ и руских торговыхъ людей ис провозовъ с Вологды ставливают водяным путемъ к Архангельскому городу и от города в тѣх же своих дощаникахъ заморские свои (л. 12) и иныхъ иноземцовъ рускихъ люде товары проводят к Вологде а с тѣхъ своихъ торговыхъ промысловъ опричь покупной пошлины противъ прежнихъ лѣтъ перекупныхъ пошлинъ и никакихъ государевыхъ податей не платять и приѣхавъ в государеву отчину въ чюжей земли живутъ в болшомъ покое і в прохладе и на перед де сего тѣ нѣмцы сами на площади с возовъ у приѣзжих людей и у крестьянъ мѣлкими мѣсты и болшими статьями тѣхъ товаровъ не покупали и тѣми торговыми промыслы не промышляли а покупали тѣ товары мѣлкими статьями у нихъ торговыхъ людей мяса соленые и щетины чищеные и окороки и язы-

ки копченые и пенковую пряжу готовую и сало топленое и тѣ свои товары провадили водянымъ путемъ (л. 13) и с провозокъ на судахъ у нихъ торговыхъ людей и с тѣх торговыхъ промысловъ служили они всякие государевы службы и подати платили и с товаровъ двойные перекупные вѣсщи пошлины болшие съ покупки платили какъ купили врознице и нѣмцамъ продадутъ а ныне де та вѣщая перекупная пошлина от той ихъ розничной покупки государю не збираетца и они без тѣх торговыхъ промысловъ платя данные подати болшие стрелецкие и ямские и бѣлой кормъ і в оклад даточных людей и на откупъ полоняпниковъ і всякие государевы доходы и служа государевы службы безпрестани на Вологде і в Вологодцкомъ уѣзде у государевыхъ таможеннымъ и кабатцкихъ у далныхъ и у полевныхъ зборовъ и у покупки у государева хлѣба и у хлѣбныхъ (л. 14) Колскихъ и Колмогорскихъ запасовъ і в иных во всякихъ службахъ на всякой годъ человѣкъ по двесте и болши оскудали и одолжали великими долги и государь былъ ихъ пожаловалъ тѣмъ иноземцомъ и ихъ прикащикомъ самимъ на площади у приѣзжихъ людей и у крестьянъ с возовъ розными мѣлкими статьями всякихъ товаровъ покупати не велѣлъ для того чтобъ государева перекупная пошлина не пропала которую они платятъ с покупки и с продажи и дощаниковъ и лодей самимъ имъ иноземцомъ не дѣлать и судовымъ промысломъ не извощичать и торговыхъ промысловъ у нихъ посадцкихъ торговыхъ людей не отъ имать потому что они иноземцы с ними государевыхъ и ихъ городцкихъ никакихъ податей не платятъ и тяглыхъ служебъ не служатъ а по указу де блаженные (л. 15) памяти великого государя царя і великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи и по грамоте какова дана аглинским иноземцомъ велено имъ будучи в Московскомъ государстве товары свои продавать сукна кипами а бархаты и отласы косяками а не въ аршины а вѣсчихъ товаровъ пудами и фунтами и золотниками продавать не велено и руские всякие товары покупать имъ иноземцомъ болшими статьями а не розныо и велѣлъ бы государь тѣмъ иноземцомъ покупать всякие товары мѣстными статьями по прежнему у нихъ торговыхъ людей мяса соленые и сало

топленое и окороки копченые и щетины чищеные и пряжу пенковую (л. 16) вьюками какъ на перед сето покупали и тѣ ихъ товары с Вологды проводить чмъ торговымъ людемъ на своихъ судахъ и с провозу для того что они торговые люди государевъ наметной хлѣбъ возятъ из малого провозу а они иноземцы на своихъ судахъ не возятъ і в подмогу имъ не дают чтоб отъ ихъ неметцкие розные покупки государеве казнѣ таможенного збору порухи не было никакихъ товаровъ врозницу малымъ мѣстомъ вѣсчихъ и не вѣсчихъ товаровъ у приѣзжихъ людей покупать не велѣть а велѣть купить мѣстнымъ дѣломъ опрочѣ заповедныхъ товаровъ которыхъ имъ безъ государева имянного указу купить не велено а в дощаникахъ с Вологды возити имъ свои товары а чюжихъ кладей из найму у своей братьи у иноземцовъ и у русскихъ людей на дощаники не класти чтобъ тѣхъ мелкихъ промысловъ у государевыхъ людей не отнимали (л. 17) Отъ царя і великого князя Алексѣя Михаиловича всеа Русіи Вологду столнику і воеводе нашему Лариону Семеновичю Милославскому да дьяку нашему Дружине Огаркову били намъ челомъ Вологженя посадцкие люди земской староста Кирюшка Носковъ с товарыщи і во всѣхъ посадцкихъ людей мѣсто на галанскихъ торговыхъ гостей на Марка Маркова да на Юрья Клинкина на прикащика ихъ Вахромѣя Іванова на Московскаго немчина на Мартына Юрьева да на галанцовъ же на Володимеря Іванова на Івана Самойлова на Елизарья Ульянова на Івана Ондрѣева на Петра Іванова и на ихъ товарыщей и на прикащиковъ которые приезжаютъ к Вологде живутъ де тѣ иноземцы на Вологде своими дворами а к нимъ приезжая ставятца у нихъ во дворех многіе иноземцы и живутъ многое время во всю зиму і всякие торговые промыслы у нихъ отняли покупаютъ у приѣзжихъ людей и у крестьянъ с возовъ розными мѣлкими мѣсты которые имъ товары за море въ ихъ землѣ годны мяса свиные и говяжьи окорока и языки и щетину и сало сырецъ и пенку и рогожи и мяхкую рухлядь и иные товары на своихъ дворехъ тѣ нѣмцы сами своими людми мяса солятъ и щетины (л. 20) чистятъ и поставили поварни и предилны і в поварнехъ окорока и языки коптятъ и сало топятъ и на прядилнахъ пряжу пря-

дутъ и мяхкую рухлядь правятъ и покупили себѣ многие лодьи и дощаники и в тѣх своих судѣхъ тѣ свои и иных иноземцовъ и руских торговых людей и с возовъ и с провозовъ с Вологды сплавляютъ водянымъ путемъ к Архангельскому городу и от города въ тѣх же своих дощаникахъ заморские свои и иных иноземцовъ (л. 19) руских людей товары проводятъ к Вологде а с тѣхъ своихъ торговыхъ промысловъ опричь покупной пошлины против прежних лѣтъ перекупныхъ пошлинъ и никаких наших податей не платятъ а напередъ сего тѣ нѣмцы сами на площади с возовъ у приѣзжихъ людей и у крестьянъ мелкими мѣсты и болшими статьями тѣхъ товаровъ не покупали и тѣми торговыми промыслы не промышляли а покупали тѣ товары мелкими статьями у нихъ торговыхъ людей мяса соленые и щетины чищеные и окорока и языки копченые и пенковую пряжу готовую и сало топленое и тѣ свои товары проводили водянымъ путемъ (л. 21) и с провозовъ на судах у них торговых людей и с тѣхъ торговыхъ промысловъ служили они всякие наши службы и подати платили и с товаровъ двойные перекупные вѣсчие пошлины болшие с покупки платили А ныне де та вѣщая перекупная пошлина от той ихъ розничной покупки не збираетца и они безъ тѣхъ торговыхъ промысловъ (л. 23) оскудали и одолжали великими долги и намъ бы ихъ пожаловати тѣмъ иноземцомъ и ихъ прикащикомъ самимъ на площади у пріѣзжихъ людей и у крестьянъ с возовъ розными мѣлкими статьями всяких товаровъ покупать не велѣть (л. 22) и дощаниковъ и людей самимъ имъ иноземцомъ дѣлать и судовымъ промысломъ извозничать и торговыхъ промысловъ у нихъ посадцкихъ торговыхъ людей отъимать не велѣлъ (л. 26) а велѣти б тѣмъ иноземцомъ покупать всякие товары мѣстными статьями по прежнему у них торговыхъ людей мяса соленые и сало топленые и окорока копченые и щетины чищеные и пряжу пенковую (л. 24) вьюками какъ напередъ сего покупали и тѣ их товары с Вологды проводить имъ торговымъ людемъ на своихъ судах и съ провозу чтоб имъ отъ неметцкие розные покупки нашей казне таможеннаго збору порухи (л. 25) не было и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ і вы б на Вологде і въ Вологодц-

комъ уѣзде велѣли учинить заказъ крепкой чтобъ галанские гости и галанские жъ торговые и иныхъ земель приѣзжие иноземцы и ихъ прикащики товаровъ своих рускимъ людемъ врознь не продавали также и у рускихъ людей всякихъ товаровъ врознь не покупали а продавали бъ тѣ иноземцы всякие свои товары вѣсчие не вѣсчие на Вологде посадцкимъ людемъ и у нихъ покупали мѣстнымъ дѣломъ а не врознь опричь заповѣдныхъ товаровъ которыхъ имъ без нашего именного указу купить не велено а въ уѣздѣ бы в села і в деревни для покупокъ всякихъ рускихъ товаровъ и для продажи своихъ неметцкихъ товаровъ не ѣздили и безпошлинно б и без явочно никакихъ товаровъ нигдѣ не покупали и саловарныхъ бы поваренъ в которыхъ сало топили (л. 27) у них на немецкихъ дворехъ не было і сала б не топили і врознь не покупали, а заповѣдныхъ бы товаровъ отнюдь иноземцомъ не продавали А в дощеникахъ своихъ и въ лодьяхъ велѣти тѣмъ иноземцомъ возити товары свои а чюжихъ кладей своей братьи иноземцовъ и рускихъ людей на тѣ дощаники не класть того имъ промыслу у нашихъ рускихъ людей не отъимати а прочет сю нашу грамоту и списавъ с неѣ списокъ оставили у себя въ съѣзжей избѣ а сю бъ нашу подлинную грамоту отдали имъ Вологжаномъ посадцкимъ людемъ впредь для иныхъ нашихъ воеводъ и приказныхъ людей. Писанъ на Москвѣ лѣта 7161 го Сентября въ 10 день За приписью дьяка Андрѣя Немирова.

№ 3.

Приказныя дѣла 7141—1632, сентября 5—октября 27, св. 53.

Извѣстіе о дѣвкѣ татаркѣ которую Юргенской Царевичъ Авганъ прислалъ въ посолскій приказъ, а прежде купилъ иностранной купецъ Келдерманъ который оною поступился Тимофѣю Борнякову.

(л. 1) 141 г. сентября въ 5 день прислалъ въ приказъ Юргенской царевичъ Авганъ дѣвку татарку и сказалъ что

та дѣвка прибрела к нему на дворъ не вѣдомо чья и онъ де ее держать у себя не смѣлъ для того чтобъ ево хто чемъ не поклепалъ и по той бы дѣвке ево не изубытчили.

И приводная дѣвка сказалась что ей татарское имя Адил Салтане Тинѣева дочь а по руски Ульянка Ахлымурзина Улусатинбаева в прошломъ де во 137 году укралъ ее в Астарахани у отца да у матери астараханецъ сынъ боярской Іванъ Сорокинъ и держалъ ее у себя года с четыре и продалъ ее в Астарахани московскому торговому человѣку Кузмѣ Дрябину и Кузма де привезши еѣ к Москве продалъ московскому торговому немчину Ондрею Келдерману а что взялъ и того она не вѣдаетъ и у Ондрея де жила она с полгода и у тово Ондрея была жонка татарка и та де жонка часто ее била и за волосы драла и тесноту ей чинила и она де от той жонки от тесноты похотѣла креститца в провославную христіянскую вѣру от Ондрѣя сошла и прибрела к Тимофѣю Іванову сыну Борнякову и Тимофѣй де еѣ к себѣ взялъ и еѣ роспрашивалъ и она де Тимофѣю сказала (л. 2) что она купленая дѣвка тово московсково немчина Ондрѣя Келдермана а сошла отъ Ондрѣя для того что похотѣла креститца и Тимоѳѣй де роспрося еѣ сослалъ в помѣстье и тамъ еѣ велѣлъ крестить а в которое село сослалъ и тово она не вѣдаетъ а всего де до того села одинъ день ѣхали и тамъ де еѣ крестили а крестилъ де еѣ попъ прихожей а не ево Тимофѣевъ которой в томъ селѣ служитъ и жила она въ томъ селѣ всего два мѣсяца и привезли еѣ назадъ к Москве к Тимоѳѣю во дворъ и Тимоѳѣй де еѣ не одевалъ и не обувалъ и ее безъ вины билъ и она де отъ нево сошла и прибрела на дворъ къ Юргенскому царевичю Авгану и царевичъ де прислалъ еѣ въ посолской приказъ а какъ де она отъ Ондрѣя Келдермана и от Тимоѳѣя Борнякова збрела и от нихъ ничего не снесла.

И та де дѣвка отдана держать татарского языку толмачю Гаврилу Есипову до государева указу.

И октября въ 27 день били челомъ государю царю (т.) Тимоѳѣй Борняковъ да московской торговой немчинъ Ондрѣй Келдерманъ и подали мировую челобитную, а в челобитной пишетъ (л. 3) царю государю (т.) бьютъ челомъ

холопи твои Тимошка Борняковъ да московской торговой немчинъ Ондрюшка Келдерманъ билъ челомъ я Ондрюшка тебѣ государю на Тимофѣя Борнякова о беглой своей дѣвке татарке Едиль Салтана Тынеева дочери а тое государь девку татарку онъ Тимоѳей у себя крестилъ и я Ондрюшка с Тимоѳеем в той девке помирился тое свое девки поступился ему Тимофею и впред мнѣ о той девке на нево Тимофея тебѣ государю не бити челомъ милосердый государь царь (т.) пожалуй насъ вели государь наше челобитье и миръ записать царь государь смилуйся пожалуй.

№ 4.

Приказныя дѣла. 7143-1635, апрѣля, № 18, св. 77.

Память о переписке всѣхъ аглинскихъ голландскихъ и прочихъ иностранныхъ купцовъ а особливо тѣхъ которые безъ государеваго указу въ Россійскомъ государствѣ торгуютъ и домы покупаютъ.

(л. 1) Лѣта 7143 го апрѣля в день государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи велѣлъ

переписать на Москвѣ пріѣзжихъ аглинскихъ и галанскихъ и амбурскихъ и иныхъ немецкихъ государствъ гостей и торговыхъ немецъ которые живутъ на Москвѣ на своихъ дворехъ и которые стоятъ по чюжимъ дворомъ и у кого хто стоитъ и почему которые пріѣзжаютъ к Москве торгуютъ по государевымъ ли жаловалнымъ грамотамъ и которые пріѣзжая к Москве торгуютъ безъ государевыхъ жаловалныхъ грамотъ самоволствомъ для того в прежнихъ годѣхъ писано отъ государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи к Архангельскому городу к воеводамъ и к дьякомъ многажды а велено имъ того смотрить и беречь накрепко (л. 2) ис которыхъ земель учнут торговые нѣмцы с товары пріѣзжать к Архангельскому городу и отъ Архангельского города похотятъ с товары сво-

ими ѣхать в государевы в которые городы на Вологду и в ыные городы и изыныхъ городовъ похотятъ ѣхать с товары своими или без товаровъ к Москве а государевыхъ жаловалныхъ и проѣзжихъ грамотъ у нихъ нѣтъ и о тѣхъ торговыхъ нѣмцахъ откуды и хто имянемъ и с какимъ товаромъ пріѣдетъ велено писать ко государю к Москве а без государева указу у которыхъ государевыхъ жаловалныхъ и проѣзжихъ грамотъ ис Посолского приказу нѣтъ отъ Архангельского города ни в которые городы и к Москве отпускати ихъ не велено также (л. 3) и на Вологду писано отъ государя к прежнимъ воеводам многажды которые немецкие торговые люди учнутъ пріѣзжать отъ Архангельского города на Вологду или с Вологды к Москве или с Москвы на Вологду а государевыхъ жаловалныхъ и проѣзжихъ грамотъ у нихъ не будетъ и тѣхъ пропущать не велено а велено об нихъ писать ко государю к Москве и ныне вѣдомо государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичю всеа Русіи учинилось что пріезжают из заморя из розныхъ государствъ и земель и изъ волныхъ городовъ многіе торговые нѣмцы с товары к Архангельскому городу (л. 4) и отъ Архангельского города с товары своими ѣздятъ на Вологду и по инымъ государевымъ городомъ и к Москве ѣздятъ без государева указу безъ его государевыхъ жаловалныхъ грамотъ по своей воле куды хто похочетъ такъ же и с Москвы на Вологду и с Вологды к Архангельскому городу торговые нѣмцы розныхъ государствъ и московские торговые нѣмцы ѣздятъ безъ государевыхъ жаловалныхъ и без проѣзжихъ грамотъ а отъ воеводъ имъ о томъ заказу нѣтъ и того надъ ними не смотрятъ отпускаютъ ихъ безъ государева указу и безъ его государевыхъ жаловалныхъ и без проѣзжихъ грамотъ по городомъ с товары и без товаровъ для своей корысти а по государеву указу у которыхъ государевы и жаловалные грамоты есть и тѣмъ велено ѣздить с проѣзжими грамотами а грамоты велено имъ имать в посолском приказе и они (л. 5) ныне къ Москве и с Москвы ѣздятъ самоволством без государевыхъ проѣзжихъ грамотъ а воеводы в городѣхъ того не остерегаютъ и отпускаютъ ихъ мимо государева указу и ныне на Москвѣ живутъ аглинские и галанские и амбур-

ские и иныхъ государствъ немецкие люди и дворы на Москвѣ покупили и построили болшимъ строеніемъ многие торговые нѣмцы а в посолскомъ приказе про нихъ невѣдомо и да тѣхъ аглинскихъ и галанскихъ и амбурскихъ и иныхъ государствъ пріѣзжихъ гостей и торговыхъ людей и московскихъ торговыхъ нѣмецъ всѣхъ переписати подлинно порознь сколь давно хто в Московскомъ государстве торгуетъ и почему хто торгуетъ и дворы на Москве покупая строятъ по какому государеву указу и кому за какую службу велено в Московскомъ государстве торговати да у которыхъ аглинскихъ и у галанскихъ (л. 6) и у амбурскихъ и иныхъ государствъ у гостей и у торговыхъ людей есть государевы жаловалные грамоты и дворы на Москвѣ купити имъ велено и тѣхъ писати особными статьями, а у которыхъ государевыхъ жаловалныхъ и проѣзжихъ грамотъ нѣтъ, а дворы на Москвѣ покупили или хто на чюжихъ на съѣзжихъ дворехъ пріѣзжая живутъ самоволствомъ и тѣхъ по тому жъ писать особными статьями и допрашивати ихъ подлинно сколь давно они пріѣзжая к Москвѣ торгуютъ безъ государевыхъ жаловалныхъ и без проѣзжихъ грамотъ и для чево они къ Москве пріѣзжаютъ и дворы себѣ покупили безъ государеву указу самоволствомъ хто имъ позволилъ а государевъ указъ имъ самимъ подлинно вѣдомъ что имъ иноземцомъ всѣмъ торговымъ нѣмцомъ без государевыхъ жаловалныхъ и безъ проѣзжихъ грамотъ никому къ Москвѣ ѣздить не велено да тѣхъ торговыхъ (л. 7) нѣмецъ которые пріѣхавъ къ Москвѣ торгуютъ безъ государева указу без государевыхъ жаловалныхъ и безъ проѣзжихъ грамотъ велѣти подавати на крепкія поруки з записми в томъ что имъ до государева указу с Москвы не съѣхати а переписавъ тѣхъ всѣхъ аглинскихъ и галанскихъ у амбурскихъ и иныхъ государствъ пріѣзжихъ гостей и торговыхъ людей и московскихъ торговыхъ нѣмецъ подлинно порознь по статьямъ какъ писано выше сего и давъ тѣхъ нѣмецъ которые торгуютъ пріѣзжая к Москве самоволствомъ без государевыхъ жаловалныхъ и без проѣзжихъ грамотъ на поруки з записми тоѣ подлинную записку за своими руками и поручные записи принести въ посолской приказъ и отдать печатнику и думному дьяку Ива-

ну Тарасьевичу Грамотину да діаку Максиму Матюшкину (л.8) въ посолской приказъ для переписи на Москвѣ нѣмецъ по памяти. Писалъ Лаврентей Ѳедоровъ сынъ Наумовъ.

№ 5.

Голландскія дѣла. 1634 г., мая 16, № 6.

Челобитная голландскаго гостя Юрья Клинка въ которой проситъ о прежнемъ своемъ амбарномъ мѣстѣ въ городѣ Архангельскомъ которое лежитъ противъ своихъ воротъ на Двинскомъ берегу при оной данная ему на то мѣсто государева жалованная грамота.

(л. I) Царю государю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу (т.) бьетъ челомъ Галанские земли гость Юрка Клинкинъ по твоей государьской милости по жаловалной твоей государеве грамоте торгую я в Російскомъ государстве много лѣтъ и по твоему государеву указу дано мнѣ иноземцу у Архангелского города дворовое мѣсто для моего приезду гдѣ бы мнѣ с товары своими можно измѣститца и то мое мѣстечко у Архангелского города мало и тесно с товары своими вмѣститца нѣгде и преже сево пожару дано было мнѣ иноземцу для дворовой тѣсноты у Архангельского города на Двинскомъ берегу у против моих воротъ вприбавку мѣсто под анбар и анбаръ у меня иноземца стоялъ на томъ мѣсте а в пожар тот анбаръ мой згорѣлъ и нынѣ государь то мѣсто лежитъ порозжее милосердый государь (т.) пожалуй меня иноземца тѣмъ прежнимъ мѣстечкомъ противъ моих воротъ на Двинскомъ берегу і вели государь мнѣ о томъ дати свою государеву грамоту к воеводе чтобъ мнѣ на томъ мѣсте поволилъ анбаръ поставити гдѣ бъ мнѣ с товаромъ можно своимъ измѣститца царь государь смилуйся пожалуй (л. 2). От царя і великого князя Михаила Ѳедоровича (т.) воеводе нашему Григорью Ондреевичу Плещѣеву да дьяку нашему Микиѳору Демидову билъ намъ челомъ Голланские земли гость Юрьй Клинкин а сказалъ

по нашей жаловалной грамоте торгуетъ онъ у Архангельского города много лѣтъ а дворовое мѣсто у него у Архангельского города мало и тесно с товары своими вмѣститца нѣгдѣ а прежде сего дано было ему для дворовой тѣсноты у Архангельского города на Двинскомъ берегу противъ ево воротъ в прибавку мѣсто подъ анбаръ и на томъ де мѣсте у него поставленъ былъ анбаръ і въ пожаръ тотъ анбаръ горѣлъ а ныне де то мѣсто лежитъ порозже и намъ бы ево пожаловать тѣмъ прежнимъ ево мѣстомъ противъ ево воротъ на Двинскомъ берегу велѣть ему на томъ мѣсте поставить анбаръ чтобъ ему с товары своими мочно было изместитца и будетъ (л. 3) такъ какъ намъ галанские земли гость Юрьй Клинкинъ билъ челомъ и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бъ на Двинѣ въ съѣжей избѣ велѣли досмотрить нашие грамоты а то будетъ мѣсто дано галанские земли гостю Юрью Клинкину и тѣмъ дворовымъ и анбарнымъ мѣстомъ владѣетъ по нашей грамотѣ и по ся мѣста а спору въ тѣхъ мѣстехъ ни с кѣмъ нѣтъ и на томъ анбарномъ мѣсте анбаръ поставить будетъ мочно и оттого анбару никакова дурна в пожарное время гостину двору и ничему не чаять и въ проходе тесноты какие не будетъ і вы бъ по прежней и по сей нашим грамотамъ гостю Юрью Клинкину велѣли на томъ своемъ прежнемъ анбарномъ мѣсте поставить анбаръ по розсмотренью будетъ доведетца и спору о томъ мѣсте ни с кѣмъ не будетъ. Писано на Москвѣ лѣта 7142 маия въ 29 день.

Такова государева грамота отпущена за приписью дьяка Дементья Образцова.

№ 6.

Приказныя дѣла. 7131—1622. декабря 31.

О прїѣздѣ голландскихъ купцовъ въ Великїй Новгородъ съ коврами шитыми и о рѣчахъ ихъ о публичныхъ обстоятельствахъ.

(л. 1) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи холопи твои Данилко Мезетцкой

Михалко Милославской Добрынка Семеновъ челомъ бьютъ декабря государь въ 8 день писали мы холопи твои къ тебѣ ко государю съ переводчикомъ съ Елисѣемъ Павловымъ что приѣхали государь въ Ыванъ городъ голанские торговые нѣмцы Петеръ да Исакъ прозвище Шпирги съ продажными ковры а ѣдутъ государь они въ Великій Новгородъ и хотятъ проситца къ тебѣ ко государю къ Москве И тѣ государь голанские торговые нѣмцы въ Великій Новгородъ приѣхали декабря въ 30 день и мы государь холопи твои велѣли переводчику Борису Борисову тѣхъ нѣмецъ роспросити есть ли у нихъ твои государевы жаловалные и проѣзжие грамоты и нѣтъ ли государь за ними какова посолства и грамотъ или твоего государева скораго дѣла и какие государь у нихъ товары да и о вестехъ государь велѣли ихъ роспросити и тѣ государь галанские торговые нѣмцы переводчику Борису Борисову сказали что государь у нихъ твоихъ государевыхъ жаловалныхъ и проѣзжихъ грамотъ нѣтъ и посолства (л. 2) государь за собою никаково ни грамотъ ни твоего государева дѣла не сказали а сказали что де государь они въ твоемъ государстве въ Московскомъ государстве не бывали а привезли государь они съ собою два ковры шелковые а тѣ де государь ковры и въ твою государеву казну пригодятца да у нихъ же государь на бумаге образцы ковровые и будетъ де государь тебѣ государю таковы ковры или мастеры ковровые понадобятца и они де государь коврами и ковровыми мастерами промышлятъ а завотчикъ де государь ковровогo дѣла у нихъ братъ есть да у нихъ же государь товару два косяки камки куѳтерю одинъ косякъ камки червчатой а другой косякъ камки желтые а иныхъ государь никакихъ товаровъ у нихъ нѣтъ и намъ бы государь холопемъ твоимъ отпустить ихъ изъ Великого Новагорода къ тебѣ ко государю къ Москве а въ прошломъ государь во 129 году марта въ 13 день въ твоей государеве (т.) грамоте за приписью твоего государева дьяка Савы Романчюкова писано къ намъ холопемъ твоимъ какъ государь впередъ учнутъ въ великій Новгородъ иноземцы изъ которыхъ государствъ пріѣзжать и учнутъ проситися къ Москве а товары съ ними будутъ или безъ товаровъ хоти и торговые нѣмцы а твоихъ госу-

даревыхъ жаловалныхъ и проѣзжихъ грамотъ за приписьями твоихъ государевыхъ посольскихъ дьяковъ у нихъ не будетъ и посолства за собою никакова сказывати не учнутъ и намъ бы государь холопемъ твоимъ писати къ тебѣ ко государю напередъ ихъ а безъ твоего государева указа къ Москве пускати ихъ не велѣти (л. 3) и мы государь холопи твои велѣли таможенному головѣ Кузмѣ Иевлеву у тѣхъ галанскихъ нѣмецъ ковры которые они съ собою привезли взять и принести къ себѣ въ въѣзжую избу посмотрить и тѣхъ государь ковровъ мы холопи твои смотрѣли и тѣ государь ковры тканы изъ розныхъ шолковъ а въ середкахъ государь въ тѣхъ шолкехъ гарусъ а тканы государь на тѣхъ коврехъ древа зелеными шолки а посрединамъ государь тканы грады и люди и звѣри розными цветы а по краемъ государь тѣхъ ковровъ каемы рудожолтые по лазоревой землѣ одинъ государь коверъ въ длину шесть аршинъ безъ дву вершковъ а поперегъ шесть аршинъ безъ чети а другой государь коверъ въ длину пять аршинъ безъ шти вершковъ и тѣ государь ковры мы холопи твои отослали къ тѣмъ галанскимъ нѣмцомъ назадъ съ тѣмъ же таможеннымъ головою да съ переводчикомъ съ Борисомъ Борисовымъ а велѣли государь имъ о ценѣ (4) тѣхъ ковровъ у галанскихъ нѣмцовъ допросити и тѣ государь галанские нѣмцы таможенному головѣ и переводчику Борису Борисову сказали что де государь у нихъ тѣ ковры непродажные а привезены де государь у нихъ тѣ товары съ собою для образца а есть де государь у нихъ въ голанской землѣ въ заводѣ ковровъ въ двунадцати сусехъ болшихъ и меншихъ пять сотъ аршинъ на цѣлую полату а цѣну государь они тѣмъ ковромъ что у нихъ въ заводе сказываютъ болшую будто государь у нихъ аршинъ въ длину и поперегъ ставитца по четырнадцати рублевъ и будетъ де государь тебѣ государю таковы ковры понадобятца и они де государь ихъ поставятъ да тѣ жъ государь голландские нѣмцы (л. 5) переводчику Борису Борисову вестей сказали какъ де государь они поѣхали изъ галанские земли изъ Амстрадама города тому де нынѣ три мѣсяца и слышали де государь они въ Колывани что после ихъ поѣзду изъ галанские земли у Шпанского короля съ голанскими нѣмцы бой былъ

на поле и голанские де государь нѣмцы шпанского короля ратныхъ людей побили на голову а сколько государь съ которые стороны было ратныхъ людей и окою пору у нихъ бой былъ тово они не вѣдаютъ а Чесской де государь король Палсъ Граѳъ въ прошломъ во 130 году собрався съ ратными людьми пошолъ было изъ Галанские земли доступать земли своей палсы городовъ которые были за цесаремъ римскимъ а помагали ему галанские нѣмцы и иные волные городы и многие де государь городы онъ въ своей земле очистилъ и писалъ де государь къ ческому королю тесть его аглинскій король чтобъ де онъ своей земли войною не доступалъ и крови бъ не проливалъ а онъ де государь аглинскій король землю его безъ войны и безъ крови не доступитъ и ческой де государь король послушавъ тестя своего ратныхъ людей всѣхъ роспустилъ а самъ де поѣхалъ во ѳранцускую землю къ своему сродичю королю и въ томъ де государь его аглинской король изоманывалъ никоторые помочи не учинилъ а его де государь учинилъ безо всего да они жъ де государь слышели въ Ругодиве и въ Ыване городе отъ немецкихъ людей что де государь (л. 6) у Свѣиского короля съ Литовскимъ королемъ подъ Ригою о мирномъ договоре посолство есть а на посолстве государь отъ Свѣйского короля Яковъ Пунтусовъ да Индрикъ Ѳляминъ да Королевской канцлеръ Аксенъ Аксенстернъ а хто государь имяны литовского короля послы тово они не вѣдаютъ а людей государь у обоихъ пословъ по пяти тысячъ и литовскіе де государь послы просятъ у Свѣйского короля всей Литовские земли а свѣйские де государь послы литовскому королю поступаютца Рига и иныхъ городовъ которые они ныне поимали а Литовские де государь земли не поступыватца и мирного де государь договору межъ ими не чаютъ а иныхъ государь никакихъ вестей они сказали не вѣдаютъ и мы государь холопи твои тѣмъ галанскимъ торговымъ нѣмцомъ до твоего государева указу велѣли побыть въ Новѣгороде а изъ Новагорода государь никуды имъ съѣзжати не велѣли и о томъ какъ ты государь укажешь (л. 7) Отъ царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи въ нашу отчину въ великій Новгородъ боярину нашему и воеводе князю Данилу Ивановичу Мезец-

кому да дьякомъ нашимъ Михаилу Милославскому да Добрыне Семенову декабря въ день писали естя къ намъ что декабря въ 30 день пріѣхали въ Новгородъ галанские торговые нѣмцы Петеръ да Исакъ прозвище Шпиренги съ продажными товары и вы тѣхъ нѣмецъ велѣли роспросить переводчику Борису Борисову есть ли у нихъ наши жаловалные и проѣзжие грамоты и нѣтъ ли за ними каково посолства и грамотъ или нашего скорого дѣла и какіе у нихъ товары да и о вѣстяхъ о всякихъ велѣли ихъ роспросить и тѣ нѣмцы переводчику сказали что у нихъ нашихъ грамотъ и посолства за ними нѣтъ а пріѣхали де они въ наше государство впервые а привезли съ собою два ковра шелковыхъ а пригодятца они къ нашей казнѣ да у себя жъ сказали ковровые образцы и били намъ челомъ чтобъ намъ ихъ пожаловать велѣть ихъ пропустить къ намъ къ Москве и вы безъ нашего указу къ Москве ихъ пропустить не велѣли а велѣли имъ побыть въ великомъ Новгородѣ до нашего указу потому что (л. 8) въ прошломъ во 130 году писано къ вамъ въ нашей грамоте какъ впередъ учнутъ въ великій Новгородъ иноземцы изъ которыхъ государствъ пріезжати и учнутъ проситися къ Москве а товары съ ними будутъ или безъ товаровъ хотя и торговые нѣмцы а нашихъ жаловалныхъ и проѣзжихъ грамотъ с приписьми нашихъ посолскихъ діаковъ у нихъ не будетъ и посолства за собою никакого не скажутъ и вамъ велено писать къ намъ къ Москве а безъ нашего указу къ Москве пускати ихъ не велено и намъ бы вамъ о томъ велѣти указъ учинить и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бъ галанцовъ торговых нѣмецъ Петера да Исака Шпиренгъ отпустили къ намъ къ Москве и проѣзжую грамоту ты бояринъ нашъ и воевода далъ чтобы ихъ пропускали по городомъ вездѣ не задерживая.... а на Москвѣ велѣли имъ явитца въ посолскомъ приказе діакомъ нашимъ думному Івану Грамотину да Саве Романчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7131 го декабря въ 31 день.

№ 7.

Приказныя дѣла. 7134 маія 21, № 9, св. 18.

Проѣзжая грамота изъ Москвы до гор. Архангельскаго для торговаго промысла данная голландскимъ купцамъ.

Отъ царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи отъ Москвы по городомъ до Переславля и до Вологды и до Тотмы и до Устюга Великого и до Колмогоръ и до Архангельского города бояромъ нашимъ и воеводамъ и дьякомъ и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ били намъ челомъ галанские земли торговые нѣмцы Ондрѣй Степановъ да Ѳрянчикъ Івановъ чтобъ намъ ихъ пожаловати велѣти ихъ для торгового промыслу отпустити къ Новому къ Архангелскому городу а съ ними де человѣкъ ихъ немчинъ Согигетко, а по нашему де государскому жалованью торговати имъ въ нашемъ Московскомъ государстве велено и наша жаловалная грамота имъ о томъ дана и по нашему указу галанские земли торговые нѣмцы Ондрѣй Степановъ да Ѳрянчикъ Івановъ къ Архангельскому городу для торгового промыслу отпущены и какъ въ которой городъ Ондрѣй Степановъ да Ѳрянчикъ Івановъ приѣдутъ и бояромъ нашимъ и воеводамъ и дьякомъ и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ Ондрѣя и Ѳрянчика съ человѣкомъ пропускати вездѣ безъ задержанія а наши пошлины съ нихъ (л. 2) и съ товаровъ и съ человѣка ихъ велѣти имати по нашему указу и по уставнымъ грамотамъ а какъ они пріѣдутъ къ Архангельскому городу и воеводе нашему Ѳедору Васильевичю Волынскому да дьяку нашему Івану Остапову поволити торговати имъ announcements поволною торговлею а какъ они у города исторгуются и похотятъ ѣхать за море и ихъ за море отпустить а съ ними отпустить людей ихъ заморскихъ нѣмецъ а руских людей и московскихъ нѣмецъ съ ними не отпускать и сеѣ нашу проѣзжую грамоту взяти у нихъ назадъ а будетъ они похотятъ ѣхать къ Москве и ихъ къ Москве отпустить и по городомъ бояромъ нашимъ и воеводамъ и дьякомъ и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ галанские земли торговыхъ нѣмецъ Ондрѣя Степа-

нова да Ѳрянчика Іванова и съ человѣкомъ ихъ велѣти пропущати до Москвы потому жъ вездѣ безъ всякого задержанья и зацѣпки а наши пошлины съ нихъ и съ товаровъ и съ людей ихъ велѣти имати по нашему указу и по уставнымъ грамотамъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7134 го маия въ 31 день (печать бумаж. ленточная).

(Оборотъ л. 1) Царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичь всеа Русіи.

№ 8.

Англійскія дѣла. 1635 г., генваря—іюня 7. № 3.

Дѣло по челобитью аглинского въ Москвѣ агента Томаса Вейча о притѣсненіи агличанъ таможенными головами и цѣловальниками.

(л. 4) Царю государю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ аглинского короля Карлуса Якубовича агентъ Тамоско Рыцаревъ Воичъ по своей царской милости по прошенью и челобитья государя нашего Карлуса короля пожаловалъ ты государь насъ гостей своею госдарскою жаловалною грамотою противъ прежнихъ государевыхъ жаловалныхъ грамотъ а по твоей царской милости велено намъ торговать въ твоемъ государскомъ Російскомъ царствіи безпошлинно и везде по городамъ с товаровъ нашихъ пошлинъ имать не велено и по городомъ государь таможенные головы и целовалники чинятца силны твою государеву жаловалную грамоту рудятъ и не слушаютъ мимо ту твою государеву жаловалную грамоту отъ Москвы и до Архангельского города вездѣ по городомъ на насъ гостехъ и на товарищехъ нашихъ и на прикащикахъ твои государевы всякіе пошлины и мыты и перевозы насильствомъ правятъ и записи порушные емлютъ для своей бездѣльной корысти многіе убытки в проезде мотчаніе намъ чинятъ и от тово ихъ насильства намъ гостемъ и нашимъ товарищемъ и прикащикомъ чинитца убытки великіе и тор-

говому промыслу многое мотчаніе Милосердый государь (т.) пожалуй насъ по прежней своей государской милости и по жаловалной грамоте для прошенья и челобитья государя нашего Карлуса короля вели государь о томъ по городомъ дать свои государевы грамоты чтобъ таможенные головы и целовалники насилствомъ намъ вредъ не чинили и не вели государь имъ тоѣ своей государевой жаловалной грамоты рудить а с насъ гостей и с нашихъ товарищевъ и с прикащиковъ своихъ государевыхъ пошлинъ имать и записей править многово мотчанія торговому промыслу и убытковъ чинить чтобъ везде по городомъ отъ Москвы до Архангельского города и назадъ до Москвы товары наши пропускали безо всяково задержанія а государь нашъ Карлусъ король Якубовичъ противъ того твоего царского жалованья рад тебѣ великому государю такожъ воздовати всякимъ добромъ и великою честью и любовію царь государь смилуйся (л. 5) Отъ Царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи от Москвы по городомъ до Переславля Залѣского и до Ростова и до Ярославля и до Вологды и до Тотмы и до Устюга великого и до Колмогоръ и до Архангельского города воеводамъ нашимъ и дьякомъ и всякимъ приказнымъ людемъ билъ намъ челомъ Аглинской агентъ Томосъ Рыцаревъ Воичъ и всѣ аглинскіе гости и ихъ прикащики, а сказали по нашей де государской жаловалной грамоте велено имъ аглинскимъ гостемъ и торговымъ людемъ торговать в нашемъ в Московскомъ государстве безпошлинно и по городамъ с нихъ и с товаровъ их и съ прикащиковъ никакихъ пошлинъ имати не велено и таможенные де головы и целовалники чинятца силны нашу государскую жаловалную грамоту рудятъ и не слушаютъ отъ Москвы и до Архангельского города вездѣ по городомъ и по селомъ на нихъ гостехъ и на товарищехъ ихъ и на прикащикахъ и с товаровъ ихъ (л. 6.) наши всякія пошлины и мыты и перевозы насилствомъ правятъ и записи поручные по нихъ сильно емлютъ и многіе имъ убытки чинятъ и отъ того ихъ насильства имъ гостемъ и ихъ товарищемъ и прикащикомъ чинятца убытки великіе и торговому ихъ промыслу многая помѣшка и намъ бы ихъ аглинскихъ гостей и торговыхъ людей пожаловати по преж-

ней нашей государской милости и по нашей жаловалной грамоте и для прошенья и челобитья государя ихъ Карлуса короля велѣть о томъ по городомъ дать нашу проѣзжую грамоту чтобъ таможенные головы и цѣловалники насильства имъ впередъ не чинили и нашей бы государской жаловалной грамоты не рудили и нашихъ пошлинъ съ нихъ съ аглинскихъ гостей и с товарищевъ ихъ и съ прикащиковъ и съ ихъ товаровъ имать и записей править и многово задержанья и торговому ихъ промыслу и убытковъ чинить не велѣть и чтобъ по городомъ отъ Москвы до Архангельского города и назадъ до Москвы товары ихъ пропускати вездѣ безо всякого задержанья и (л. 7) мы Аглинского агента Томоса Выча и аглинскихъ гостей которые написаны въ нашей жаловалной грамоте пожаловали нашихъ пошлинъ съ нихъ и съ товаровъ ихъ по нашей государевой жаловалной грамоте по городомъ и никакого мотчанія и торговому ихъ промыслу помѣшки и убытковъ чинить имъ не велѣли и какъ аглинской агентъ Томосъ Вычъ и аглинские гости которые написаны в нашей государевой жаловалной грамоте поѣдутъ къ Архангельскому городу для торгового своего промыслу и отъ архангельского города назадъ къ Москве и вы бъ воеводы наши и дьяки и всякіе наши приказные люди по городомъ вездѣ велѣли ихъ пропускать безо всякого задержанья и зацѣпки а нашихъ пошлинъ съ нихъ и съ товаровъ ихъ (л. 8) и задержанья имъ и тесноты и никакихъ убытковъ не чинити и нашей государевой жаловалной грамоты ни в чемъ не рудити а которые люди учнутъ аглинскимъ гостемъ мимо нашей государевой жаловалной грамоты какие убытки и задержанье чинить и нашей жаловалной.... о томъ будетъ и тѣмъ людемъ быть отъ насъ в опале и в наказанье а будетъ аглинскіе гости и торговые люди поѣдутъ лишніе люди которые в нашей государевой жаловалной грамоте не написаны и с тѣхъ аглинскихъ гостей и съ ихъ прикащиковъ и съ товаровъ и съ людей наши пошлины велѣли бъ есте имати по нашему указу и по уставнымъ грамотамъ какъ емлютъ съ иныхъ иноземцевъ съ пріѣзжихъ с торговыхъ немѣцъ и отъ Архангельского города тѣхъ ихъ аглинскихъ гостей которыхъ имянъ въ нашей жа-

ловалной грамоте не написано къ Москве не отпускали а прочитая сеѣ нашу грамоту списывали себѣ для вѣдома списки а подлинную грамоту отдавали Аглинскаго Карлуса короля Агенту Томосу Вычю. Писанъ на Москвѣ лѣта 7143 го іюня въ день.

10 р

Цѣна 2 р. 75 к., для студентовъ — 1 р. 40 к.